ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОСПЛАНА СССР

ВРЕДИТЕЛЬСТВО В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЛАНИРОВАНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1931

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОСПЛАНА СССР

ВРЕДИТЕЛЬСТВО В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЛАНИРОВАНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ ЛЕНИНГРАД
1931

Редактор А. Лалаева
Технический редактор Ю. Штром
Поступила в производство 16 мая
Подписана в печать 8 сентября 1931.
Выход—сентябрь 1931
Отпечатана в 3-й типографии Огиза
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Москва, Краснопролетарская, 16.
в количестве 10 000 экз.
Уполн. главлита № Б—10086
Огиз С—1—14 № 267
Заказ № 3223.
$17^{1}/_{4}$ п. л.

Р. Вайсберг

«ОБЪЕКТИВНАЯ» НАУКА ПЛАНОВИКОВ-ВРЕДИТЕЛЕЙ

Цена научной совести

Вокруг планирования, как и вокруг всего нашего хозяйственного строительства, идет ожесточенная классовая борьба. Ошибочно и глубоко оппортунистично представление о планировании как о каком-то безмятежном рисовании схем, диаграмм, предначертании планов, которые осуществляются в «мирном» бесклассовом обществе. Кто так представляет дело планирования, тот либо сам ничего не понимает, либо сознательно старается отвлечь внимание партии и рабочего класса, усыпить их бдительность на всем фронте социалистического строительства, укрепляя тем самым позиции наших врагов.

Это совершенно бесспорное положение может оспариваться только скрытыми и открытыми оппортунистами внутри партии и родственными им по духу буржуазными экономистами, субъективно или объективно творящими в советской стране дело мировой и «отечественной» буржуазии. Но теперь, после раскрытия ряда вредительских шаек, особенно после обнаружения вредительства в планировании, даже самые безнадежные люди должны понять, что планирование сделалось ареной классовой борьбы. В своих классовых интересах вредители в порядке «очковтирательства» толковали и толкуют о том, что никакой классовой борьбы и никакого вредительства будто и не существует. В своих же классовых интересах они пытались захватить (а на отдельных участках даже захватили было) ряд научно-технических и практических позиций, тщетно пытаясь протянуть кое-где руки и к политической власти. Огромную роль при этом играла их спекуляция «наукой».

Года три тому назад на одном чрезвычайно бурном заседании малого президиума Госплана, где стоял вопрос об организации работ по контрольным цифрам и где особенно был заострен вопрос об организации работ по методологии планирования, вредитель Громан заявил, что если не будут приняты его предложения об организационной работе, то его «научная совесть» (это его собственные слова) не позволит ему отвечать за достаточно правильную

работу. Характерно при этом, что, ссылаясь неизменно на свою «научную совесть» и по ряду других вопросов, он всегда подчеркивал, что она, мол, ведет его всегда к определенным, «совершенно объективным» и абсолютно непреложным теоретическим и организационным выводам, против которых могут выступать только безнадежные профаны.

Окруженный в Госплане и в ЦСУ камарильей своих статистиков, занимавших самые различные положения по вредительской и по советской лестнице, Громан пытался производить на окружающих такое впечатление, будто из арифмометров и линеек, которые находятся у него в руках и в руках его друзей, всегда рождается та истина и та руководящая экономико-политическая идея, которые необходимы пролетариату и советской власти на данный отрезок времени при данном состоянии конъюнктуры. Из тех же арифмометров и статистических таблиц с железной необходимостью должны вытекать, по его мнению, и те директивы, те целевые установки, которые должны быть приняты в народнохозяйственном плане.

Словом, нет бога кроме арифмометра, и Громан пророк его!

Спекуляция «объективной наукой» была характерна не только для Громана, но в писаниях самого Громана этот вид вредительской деятельности получил наиболее концентрированное выражение. Такого рода «деятельностью» занимались все или почти все вредители. Они делали вид, будто их совершенно не интересуют политические вопросы; от них можно было часто услышать, что они якобы являются глашатаями «сверхклассовой» истины, обладателями которой они выступают в силу своих специальных, коммунистам недоступных знаний.

Вредители установили грандиозную торговлю «оптом и в розницу» своей так называемой «наукой». Часть вредителей, не ограничиваясь высокими окладами в советских учреждениях, получала за свою «науку», вернее, за умелое пользование ею вознаграждение от белоэмигрантов и от заграничных капиталистов и империалистов (см. опубликованные показания вредителей рабочего снабжения).

Под видом методологии вредители рисовали дело планирования в «аполитичном» свете, выдвигая ту мысль, что, мол, планирование это—дело узко специальное и что безразлично, кто этим занимается, коммунист или беспартийный. Не надо особенно доказывать, что были такие коммунисты, которые все эти заявления и уверения буржуазных специалистов принимали за чистую монету и иногда дословно повторяли то, что они говорили.

Но здесь необходимо с самого начала подчеркнуть, что нельзя себе представлять дело таким образом, будто вредители не получали в плановой работе никакого отпора, никакого противодействия. Весь плановый фронт за последние годы представлял собой поприще, на котором происходила отчаянная борьба между коммунистами и скрытыми вредителями. В дальнейшем постараемся показать вредительские идеи в ряде выступлений буржуаз-

ных экономистов. Но надо особенно беспристрастно подчеркуть, что эти вредительские идеи вращались в сфере классовой борьбы. Было, конечно, величайшим заблуждением думать, что вредители действовали в этаком, совершенно свободном от классовой борьбы пространстве. Так как они выражали интересы буржуазии, то госплановские заседания нередко превращались в арену политико-экономических побоищ. Схватки бывали острые. Словом, была диалектика борьбы и логика борьбы с постепенным нарастанием роли коммунистов-экономистов, которые на первой стадии были все-таки очень слабы, с постепенным оттеснением от плановой работы буржуазных специалистов, подчеркиваю—буржуазных специалистов-экономистов, но не инженеров и техников. На этом фронте мы были неизмеримо слабее.

Из госплановских вредителей вызывают особый интерес, если их можно так назвать, вредители-синтетики, т. е. те, которые работали над наиболее общими синтетическими, политико-экономическими вопросами: над конъюнктурой, контрольными цифрами, пятилетним и генеральным планами. Мы имеем в виду главным образом громановско-базаровскую группу.

Вредители-синтетики, работавшие над контрольными цифрами, генеральным планом и отчасти над пятилеткой, по существу давали философию двух вредительских групп—промышленной и сельскохозяйственной, философию Промпартии и кондратьевцев. Их «объективная» наука органически связана с конкретной вредительской деятельностью Пальчинского, Рамзина, Ларичева, Кондратьева, Дояренко и т. д. Подобно тому, как Госплан призван синтезировать и обобщать на научной основе работу ведомств, госплановские вредители пытались как бы дать научное обоснование той подрывной работе, которую проводили вредители, работавшие как в Госплане, так и в ряде наших учреждений, в отдельных отраслях народного хозяйства. Если Рамзин и Пальчинский, Калинников и Хренников старались планировать важнейшие отрасли нашей промышленности так, чтобы вести к задержке их развитие, чтобы создавать диспропорции, разрывы и провалы в промышленности, готовя страну к интервенции, то группы Громана и Базарова старались дать такое объяснение народнохозяйственных процессов и подсказывать такую общую экономическую политику, которая, задерживая развитие народного хозяйства на чрезвычайно низком уровне, должна была создавать разрывы и диспропорции в масштабе всего народного хозяйства, в масштабе, как любил выражаться Громан, единого хозяйственного целого, и в конечном счете поставить пролетарскую диктатуру перед всеобщей катастрофой. Они это делали под видом борьбы с диспропорциями, поднимая шум по поводу малейших затруднений, выступая в роли якобы борцов с затруднениями и диспропорциями.

Крупную роль играли вредители-промышленники, которые организовали так называемую Промпартию, работавшие в интересах военной интервенции против СССР. Они занимались как оперативной, так и плановой работой в отдельных отраслях промыш-

ленности и в промышленности в целом. В плановой работе они сплошь и рядом прибегали к ложной экспертизе, прикрываясь «научной совестью», которая на деле оказалась совестью куртизанок мирового капитала. Для них были возможны все средства — буржуазная демократия на словах и фашистский монархический переворот на деле.

Что же касается громановской школы, то она питалась идеологическими соками промышленных и сельскохозяйственных вредителей. А все вместе выражали политику и экономические интересы кулака и нэпмана внутри страны, белых эмигрантов и империалистов за пределами СССР.

В период наибольшего расцвета своей вредительской деятельности Громан и Базаров были по существу своей идеологии на поводу у обеих групп, а больше всего у контрреволюционной организации, так называемой Промпартии.

Кондратьевская группа ориентировалась непосредственно на крепнущего кулака в деревне и прокладывала пути к власти капиталистов и помещиков. Те разногласия, которые были между громановской и кондратьевской группами накануне их ликвидации, являются столь незначительными и столь быстро изживались, что они существенного значения не имеют.

Они мечтали о свержении советской власти, о ликвидации «режима диктатуры пролетариата» и о восстановлении буржуазно-демократической республики. Сходились в основном и на том, что помогали Промпартии готовить интервенцию. Обе группировки особенно тесно сближались друг с другом по вопросам экономической политики.

Обе группировки — громановская и кондратьевская — контактировали свои политические действия со своей теоретической и практической работой. Они пытались проводить политику кулаков в советских органах через правых коммунистов, стараясь убедить по ряду важнейших вопросов коммунистов в необходимости повернуть экономическую политику страны на путь капитализма или на путь, подготовляющий капиталистическое развитие. Они «доказывали» неизбежность желательной им политики. Этой цели должны были служить так называемые бесстрастные факты объективной действительности, неумолимые цифры громановско-кондратьевской конъюнктуры.

Конъюктура на службе у политики

Больше всего вредители-синтетики закрепились в области конъюнктурных наблюдений.

Конъюнктура! Это не обычная советская работа, это своего рода греческая пифия, которая каждый месяц, каждый квартал «слепо» изрекает свои слова в отдельных учреждениях, в отдельных ведомствах, по отдельным отраслям народного хозяйства, а потом восходит в Госплан и в Совнарком и устами Громана рисует якобы научно, объективно и беспристрастно действительность. Так они «делали» конъюнктуру в течение нескольких лет.

Так в одном из своих выступлений в 1924 г. Громан без всяких обиняков заявлял, что он при помощи конъюнктуры пытается подсказать определенное решение советскому правительству.

«Наша задача здесь, в Конъюнктурном совете,—говорил он на одном из заседаний последнего,—заключается не в том, чтобы намечать всю систему мероприятий, все методы нашего планирования и регулирования. Мы должны объяснять хозяйственные процессы, но в числе факторов этого объяснения вынуждены выдвигать как факторы нашу экономическую политику, наши методы планирования и регулирования».

Громан скрывается под удобной для него ширмой. Понимая совершенно правильно нашу экономическую политику как фактор, воздействующий на народное хозяйство, он истолковывает ее неправильно, обстреливает ее с позиции буржуазного понимания нашего народнохозяйственного развития.

Громан, как видим, перебрасывает мост от конъюнктуры к экономической политике и искусно переходит от якобы «объективных» конъюнктурных наблюдений к критике политики партии и советской власти.

Но если у Громана нехватает смелости говорить о политических выводах, то Кондратьев делает легкую, едва заметную попытку перебросить мост между экономикой и политикой. При обсуждении одного доклада Громана, в котором он фактически выступал против всей нашей экономической политики и пытался на ряде диаграмм показать, что мы идем чуть ли не к хозяйственной катастрофе, Кондратьев заявил, что он с Громаном вполне согласен, и бросил при этом одну фразу, которая должна была пройти незаметно для людей непосвященных, но которую должны были понять их друзья—вредители. Он заявил, что согласен со всеми положениями Громана, «все это,—говорит он,—отразилось на ваших диаграммах. Конечно возможно мыслить это со всеми вытекающими отсюда последствиями». Ясно, что речь идет о последствиях политических.

На словах и без слов, в конъюнктурных обобщениях и без них вредители говорили советской власти: «Вот затруднения, вот растущие узкие места, вот безвыходное положение, которое становится все более угрожающим, все ухудшающимся. Выход один—спуститься на тормозах и без тормозов, развязать экономическую стихию, ослабить экономические рычаги пролетарской диктатуры». Они говорили об ослаблении экономических рычагов пролетарской диктатуры, понимая, что за ними неизбежно должны последовать и рычаги политические.

Совершенно бесспорно, что по линии конъюнктурной работы громановская школа имела в той или иной форме своих ставленников, своих доверенных и проверенных лиц во многих местах. Нужды нет, если не во все периоды вредительской деятельности они имели оформленные нелегальные организации. Достаточно было иметь проверенных по старым меньшевистским, эсеровским и кадетским связям людей в советском аппарате для того, чтобы они

творили конъюнктурные обзоры по образу и подобию своему, в духе их собственных социально политических установок и стремлений.

Поступавшие в Госплан конъюнктурные материалы, особенно по сельскому хозяйству и по финансам, были уже до того в достаточной степени пронизаны громановско-кондратьевским духом и ждали только своего окончательного оформления в Конъюнктурном совете, возглавляемом Громаном.

Так работал вредитель Громан, который с первого дня Октябрьской революции был и оставался непримиримым врагом советской власти. Слывший крупнейшим знатоком конъюнктуры и опиравшийся только на строго «научные» данные, проф. Громан позволял себе иногда довольно грубые фальсификации. Так например, применяя неверный метод счета, он на одном заседании президиума Госплана сообщил, что долгосрочное кредитование промышленности выросло за один только квартал на 87%. Умысел Громана ясен: он хотел показать, что мы взяли непосильные темпы индустриализации. Однако выступивший в этом же заседании т. Струмилин показал, что долгосрочный кредит для промышленности вырос вовсе не на 87%, а только на 27%.

Само собой разумеется, что никакой марксистской методологии громановцы в конъюнктурных работах не признавали. Англо-американская школа властвовала безраздельно над умами «советских» конъюнктурщиков.

Как Громан строил конъюнктуру? В качестве примера укажем на то, как он построил свой доклад «О декабрьской (1927 г.) и квартальной (I квартал 1927/28 г.) конъюнктуре» на заседании Конъюнктурного совета 27 января 1928 г.

В этом докладе нет ни слова о промышленности, об энергетике, об индустриализации, о развитии социалистических форм в деревне, о капитальном строительстве, если не считать указания на то, что главным бедствием для народного хозяйства является, мол, то, что «капитальные работы... бурно переливаются сверх программы» и что «вливались миллиарды на строительство». Весь же доклад построен под углом зрения пресловутого рыночного равновесия и почти целиком базируется на огульном обобщении наиболее отрицательных явлений. При этом одна часть народного хозяйства, ведущая, выбрасывается за борт (или о ней говорится кое-что только отрицательное, что, мол, слишком много денег тратится) и берется только проблема равновесия между городом и деревней, между спросом и предложением, причем равновесие—в специфически громановском понимании.

Совершенно недвусмысленно Громан выступает в этом докладе также и против проводимого партией режима экономии и за интересы кулака—«крепкого мужика». «Если,—говорит он,—будут применяться репрессивные меры (мы тогда начали вводить «чрезвычайные меры»—*Р. В.*), вроде досрочного изыскания налогов и ряда других очень тяжелых процессов, то это заставит крепкого крестьянина пойти на такое хозяйство, от которого уже не будут этого требовать». Конкретно эта мысль означала, что крепкий крестьянин, кулак начнет снижать свое производство, начнет сам раз-

рушать свои производительные силы, для того чтобы он не фигурировал в качестве кулака, для того чтобы от него ничего не требовали. Громан и Кондратьев вообще как раз в этот период усиленно запугивали нас тем, что будет сокращение посевов и в кулацких и в середняцких хозяйствах, что та политика, которую ведет партия, совершенно подрывает производительные силы деревни. Они пытались запугивать партию тем, что кулацкие хозяйства будут на основе нашей политики ограничения кулачества сокращать свое производство.

Что касается партии, то она не только пошла на политику ограничения кулачества, но перешла к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, отметая то, что предлагали Громан и Кондратьев, а вслед за ними правые оппортунисты внутри партии.

Партия вводила в тот период страну в полосу развернутой социалистической реконструкции. Экономическая жизнь страны характеризовалась огромными успехами индустриализации и стояла у преддверия сплошной коллективизации. Перед лицом этих процессов кулак и городская буржуазия начали оказывать политике партии отчаянное сопротивление. Кулак объявил знаменитую «хлебную забастовку», а партия ответила ему «чрезвычайными мерами». Партия мобилизовала бедняцкие и середняцкие массы для широкого колхозного строительства. Партия развернула среди рабочего класса широкую самокритику, как метод противодействия мелкобуржуазным кулацким влияниям на советский и профсоюзный аппарат. А громановцы и кондратьевцы, прячась за бюрократической скорлупой отдельных звеньев нашего аппарата, взяли на себя функции непосредственных выразителей кулацких интересов и старались политически оформить кулацкие воззрения.

Слушая громановские обзоры конъюнктуры, слушая его оруженосца, крайне недалекого, но весьма покорного и услужливого проф. Первушина, слушая конъюнктурные доклады Кондратьева, Кафенгауза, выступления Альберта Вайнштейна, Юровского и других из этой компании, у многих должна была возникнуть мысль: «и как это еще советская власть держится». Впрочем спасение заключалось в том, что действительность расходилась—и чем дальше, тем очевиднее и резче—с дутой, фальшивой, шарлатанской конъюнктурой, которую сочиняло громановское отродье. И недаром один коммунист после такого, создающего чрезвычайно тяжелое впечатление доклада Громана напомнил то, что сказал Лев Толстой по поводу мистических произведений Андреева: «он пугает меня, а мне не страшно».

У Громана же всегда хватало наглости выставлять себя в качестве страдальца за интересы советской экономики и советской власти. В этом отношении любопытен следующий факт. В 1928 г. он выступал с крайне реакционной, буквально контрреволюционной речью по поводу конъюнктуры. Он обрисовал состояние нашей конъюнктуры, ее перспективы в исключительно мрачных красках. Когда ему после этого было указано на совершенно недопустимую несуразицу его доклада и на то, что его выводы никак

не вяжутся с действительностью, он ответил примерно следующее: «Я, как обозреватель конъюнктуры, обязан указывать отрицательные явления и сигнализировать опасности. Вот и в «Бронепоезде» имеется китаец, который в тот момент, когда приближается неприятельский броневик, ложится на рельсы для того, чтобы спасти партизанские отряды. В вопросах советской конъюнктуры роль китайца выпадает на меня».

Монополизировав одно время работу по конъюнктуре, овладев статистическими работами как в ЦСУ, так и в Госплане СССР, Громан использовывал этот аппарат для того, чтобы рисовать советскую действительность в совершенно превратном свете, для того, чтобы представлять в темных красках все, что у нас есть, и этим показать безуспешность социалистического строительства, провал коммунистических идей, близость краха советской власти. Этим самым он хотел толкать нас на уступки классовым врагам, пытаясь подсказывать необходимость открыть клапаны капиталистическому развитию.

Через конъюнктурные наблюдения, через якобы сами собою напрашивающиеся выводы громановцы и кондратьевцы стучались в двери партии со своими предложениями, со своими буржуазными идеями. Но партия даже тогда, когда она еще не считала их вредителями, всегда и неизменно отбрасывала прочь их буржуазные идеи. Они могли влиять на отдельных неустойчивых коммунистов, на отдельные части советского аппарата, но никакого успеха не имели их попытки изменить политику партии. Здесь они всегда и неизменно наталкивались на большевистскую решимость, на ленинскую непреклонность, на стальную волю партии, строящую социализм и беспощадно отбрасывающую в сторону всех тех, кто тормозит дело революции и кто ему сопротивляется.

Вредительский генеральный план

Вредители вели самую решительную борьбу против высоких темпов развития социалистического хозяйства. Достаточно известны минималистские установки, которые они давали, выступая по вопросам контрольных цифр, по вопросам годовых планов и пятилетнего плана. Но очень мало известна работа по генеральному плану, которая возглавлялась ряд лет буржуазным профессором Осадчим. Те проектировки, которые комиссия Осадчего давала по генеральному плану, рассчитанному на 15 лет, были даже в тот период столь смехотворны и находились в столь вопиющем противоречии с действительными темпами социалистического строительства, что ни одна из прикидок генерального плана не получила утверждения.

В основе генерального плана лежала совершенно неправильная методология. Никаких задач по строительству социализма, а тем более окончательному построению социалистического общества генплан Осадчего не ставил перед собою. Никаких предпосылок марксистско-ленинского понимания экономики там не было.

Генеральный план формально исходил из целевого задания и как бы щеголял своей «революционностью».

В чем же заключалось это задание? Оно заключалось в том, чтобы через 15 лет удвоить народный доход на душу населения. Не говоря уже о том, что количественно это задание вредительски-хвостистское, не говоря уже о том, что с того времени мы за пять лет, в условиях пока очень тяжелых, успели уже выполнить почти половину этого задания (так, народный доход на душу населения вырос на 46%), надо указать, что методологически этот подход совершенно неверен. Ведь народный доход является производным от таких факторов, как производительные силы и производственные отношения. Ясно, что в качестве стержневого задания его брать нельзя.

Здесь уместно вспомнить об одном «большом дне» в Госплане, когда проф. Осадчий докладывал проект генерального плана (непринятый). Он начал с удвоения народного дохода, с того, что для этого должно вырасти городское население на столько-то, в деревне на столько-то, поэтому придется построить столько-то жилищ, надо будет иметь столько-то обуви, столько-то одежды; так много времени употребил на эту сторону дела, что ни до какой энергетики, ни до какого металла, ни до каких ведущих отраслей нашего народного хозяйства он уже не дошел.

Надо помнить, что генеральный план составлен был Осадчим и его друзьями на 15 лет вперед: с 1925 26 по 1940/41 г. Генеральный план составлялся по пятилеткам, и вот если взять одни только проектировки по таким решающим отраслям, как металл и машиностроение, то обнаружится, что уже в настоящее время, по истечении 1929/30 г., мы перевыполнили те задания, которые ставились перед народным хозяйством. По черной металлургии комиссия Осадчего намечала прирост в течение первых 5 лет на 120%, в течение второго пятилетия—на 60%, третьего пятилетия—на 37%. В этом проекте между прочим заверстана знаменитая потухающая кривая, базаровская идея потухающей кривой, в силу которой наше народное хозяйство из пятилетия в пятилетие и из года в год должно снижать темпы своего развития. Сколько же мы выполнили в действительности по черной металлургии за истекшее пятилетие? Оказывается, она за одно только пятилетие составила 191,4% по отношению к 1925/26 г. вместо 120% прироста, запроектированного Осадчим. По крупному машиностроению комиссия Осадчего проектировала по пятилеткам прирост в 50—60%. В действительности же уже в 1930 г. общее машиностроение увеличилось на 245% по отношению к 1925 26 г. По прочим отраслям металлопромышленности генеральный план, составленный Осадчим и его единомышленниками, шел по линии той же потухающей кривой, предполагая для первого пятилетия 140% прироста, для второго—60%, а для третьего—35%. Что сказала действительность? В настоящее время эти отрасли металлопромышленности составляют уже 436,4% по отношению к 1925/26 г.

Соответственно этим проектировкам намечались темпы и по

другим отраслям промышленного производства и по с.-х. продукции. Черепашьим темпам производства соответствовали и темпы грузооборота. Весь грузооборот всех дорог нашей страны должен был по предположению генерального плана возрасти в 1941 г. до 190 млн. *т* (11 400 млн. пудов). В действительности же уже в 1929/30 г. один только грузооборот железных дорог составляет 241 млн. *т*, т. е. по грузообороту мы имеем за пятилетие перевыполнение того, что они проектировали на 15 лет вперед.

Вредительская «теория» советского хозяйства

Но, товарищи, вы не думайте, что эти цифры брались только с потолка. С потолка кое-что бралось, но вредители пытались подводить под них некую философскую базу, философское экономическое обоснование. Конечно, тут привлекались и довоенные данные, и сравнение с капиталистическими странами, и все прочее. На этих статистических данных мы не будем останавливаться. Отметим только, что эти малые темпы вредители пытались обосновывать как раз особенностями реконструктивного периода. Они давали своего рода теорию советского хозяйства, или по крайней мере теорию восстановления и реконструкции. В основу этой теории они положили совершенно неправильную предпосылку, которую без стеснения выдвигали во всех своих статьях, во всех своих выступлениях, на ответственных заседаниях и в Госплане и в других учреждениях. При этом вредители поддерживали друг друга наперебой.

В чем заключается эта особая философия? Она заключается в том, что пролетариат, взявший в свои руки власть, способен только разрушать производительные силы страны и может существовать только за счет основного капитала, унаследованного им от прошлого капиталистического строя. Они заявляли, что восстановительный период тем и характеризуется, что мы только восстанавливаем тот основной капитал, который лежит мертвым грузом, который ждет своей активизации. Но с исчерпанием этого основного капитала кончаются и возможности нашего дальнейшего развития. Такую мысль пропагандировали представители буржуазной идеологии в наших учреждениях, упорно внедряя ее в советские умы. Ею пленялись иногда и отдельные коммунисты. В качестве образца такого понимания нашего народного хозяйства укажем на выступление в Госплане Авилова (по докладу Громана о динамике и конъюнктуре народного хозяйства за первую половину 1923 24 г.). Авилов заявил следующее:

«Теперь, когда мы вошли в норму и достигли значительных результатов, говорить о том, что и дальше пойдем тем же быстрым темпом, не приходится. И в этом основное различие конъюнктуры прошлого и нынешнего годов»[1]. Тот же Авилов на том же заседании дает убийственную характеристику

---

[1] Заседание Экон.-стат. секции Госплана СССР от 24/IV 1924 г. Архив Госплана, Эконом.-стат. секция, дело № 79, стр. 162. Разрядка наша. *Р. В.*

нашей промышленности: «Промышленность,—говорит он,—делается похожей на хилого ребенка, которого постоянно нужно кормить искусственными средствами. Промышленность оказывается в роковом тупике»[1].

Более развернуто выражает эту мысль Громанн, совершенно недвусмысленно заявляя при этом, что он пытается дать целую систему взглядов, так сказать, философию нашей экономики и экономической политики: «Я,—говорит он в заключительном слове по докладу о современном состоянии народного хозяйства советских республик—в своем докладе пытался свести концы с концами, дать систему, доказать, что мы жили путем расходования основного и оборотного капиталов, указать диспропорцию между промышленностью и падением добычи сырья, понижением потребления крестьянством и прекращением производства им сырья. Я считаю, что в деревне нет сырья для поднятия промышленности, и это будет продолжаться ряд лет. Крестьянство будет работать на себя, а не на рынок. Моя формула такова—без помощи извне мы не справимся»[2] Начиная с 1922 г. Громан и его друзья пытались усиленно вколачивать коммунистам и беспартийным мысль, что мы жили и живем только за счет расходования основного и оборотного капитала, не создавая никаких новых ценностей, пожирая все то, что унаследовано рабочими от буржуазии. Вся наша история за последние годы, все действительно объективные данные, все статистические данные, которые Громан и его друзья пытались фальсифицировать, всячески преуменьшая наши успехи и достижения, все говорит об исключительной абсурдности такого положения, о том, что они никакой почвы под собой не имеют. Однако в годы восстановительного периода, когда положение было действительно исключительно тяжелым, когда творческие силы рабочего класса еще не могли выявиться в таких огромных размерах, в каких они выявились в период реконструкции, когда по целому ряду отраслей народного хозяйства мы действительно были далеко позади даже довоенного уровня, Громан связывал эти свои идеи с представлением о необходимости и неизбежности перерождения нэпа в систему капиталистическую. Он вместе с другими вредителями старался создать какую-то специальную «идеологию реставрации».

Исключительно неуклюже выступает против высоких темпов такой вредитель, как Гартван, который заявляет при обсуждении пятилетнего плана в 1929 г. следующее: «Высшее правительство и все народное хозяйство ждут от нас рабочего хозяйственного плана. А мы в своем стремлении осуществить эту задачу выступаем с планом, который с точки зрения металла, например, является совершенно бесхозяйственным. Почему? Да потому главным образом, что он предусматривает такое форсирование хозяйства металлопромышленности, которого ни одно хозяйство никогда не

[1] Заседание Экон.-стат. секции Госплана СССР от 24/IV 1924 г. Архив Госплана, Экон.-Стат. секция, дело № 79, стр. 163.

[2] Заседание президиума Госплана от 23/XII 1922 г.

допустило бы»... О каком таком «бесхозяйственном» плане идет речь? Спор шел тогда в Госплане по вопросу о том, можно ли предусматривать в пятилетке 8 или 10 млн. *т* чугуна. А вредители Гартван и Таубе доказывали, что выше 6 млн. *т* чугуна ни за что нельзя проектировать, обнаруживая между прочим не только страшную политическую реакционность, но исключительную отсталость в вопросах техники и последних достижений науки за границей. Как известно, мы будем иметь к концу той же пятилетки, о которой тогда шла речь, не 6 и не 10 млн. *т*, а 17. Как пришлось уже отмечать в другом месте, госплановские и ВСНХовские вредители хотели украсть у рабочего класса 10 млн. *т* чугуна и ограбить социализм на несколько лет развития. Недаром вредитель Калинников говорил, что пятилетка потребует не меньше 10 лет для своего осуществления.

Громановские коэфициенты

В последние годы, когда вредители видели, что партия идет по пути высоких темпов, отметая их и всех тех, кто в силу своей правооппортунистической ограниченности объективно поддерживает их внутри партии, они стали прикрываться как бы «чистотой» идеи индустриализации и коллективизации. Например один из тех, которые всегда гордо называли себя представителями громановской школы, статистик Вишневский выступал против увеличения программы тракторизации, пытаясь доказать, что при меньшем количестве тракторов будет возможность получить относительно большие результаты и что высокие темпы могут нарушить чистоту идеи тракторизации.

«Если мы будем иметь 50 тыс. тракторов, то мы можем надеяться, что мы доведем нагрузку каждого трактора до 70 дес. и следовательно обработаем 3,5 млн. дес., но если будем иметь 100 тыс. тракторов, то можно поручиться, что нагрузка будет не больше 55 дес. на трактор, и от 100 тыс. тракторов мы будем иметь не 7,5 млн., а 5,5 млн. дес. вспашки, т. е. увеличение только на 2 млн. дес. при большой возможности компрометировать идею тракторизации сельского хозяйства».

Совершенствуя и углубляя свою вредительскую философию, Громан впоследствии пытался создать теорию о том, что над нашим народным хозяйством должны довлеть те отношения и те пропорции, которые существовали до войны. Правда, в 1924—1926 гг., когда он особенно энергично развивал эти свои взгляды, у него нехватало смелости говорить о том, что мы должны вернуться к тем же производственным отношениям в экономике, которые существовали до революции. Но он выводил якобы исключительно объективные, беспристрастные эмпирические закономерности, в силу которых у нас всегда и неизменно будут сохраняться те ценностные отношения между товарной продукцией промышленности и товарной продукцией сельского хозяйства, которые существовали в 1913 г.

Громан рассуждал примерно так: если принять за 100% всю

ценность товарной массы, поступающей на рынок от промышленности и от сельского хозяйства, вместе взятых, то ценность товарной массы промышленности составит 63%, а сельского хозяйства 37%. Так, говорил он, было в 1913 г., такое положение имеется в 1925 г. и так будет в дальнейшем во все последующие годы.

Громан с исключительным упорством всегда и неизменно отстаивал эти свои идеи, приобревшие печальную известность «пропорции 63:37». Ему удалось включить их одно время и в контрольные цифры.

Он не говорил при этом, что, восстанавливая старые довоенные пропорции между социалистической промышленностью и частным сельским хозяйством, мы должны итти к восстановлению в стране довоенных классовых отношений, но этот вывод логически вытекает из его «коэфициентов». В 1924—1926 гг., когда Громан развивал эти свои идеи, он был еще достаточно осторожен, чтобы этого не делать. Однако за него это делали другие. Та же комиссия Осадчего по генеральному плану, о которой мы говорили выше, руководствуясь громановской пропорцией 63:37, устанавливала рост товарной продукции обобществленного и частного секторов примерно так: 240 и 180%, т. е. комиссия считала, что за 15 лет частное хозяйство должно настолько усилиться в нашей стране, что оно даст прирост товарной продукции на целых 180%. Таким образом Громан предсказывал якобы объективные тенденции, а друзья его немедленно делали из них экономические и политические выводы.

Представители капитализма—Осадчий и Громан,—засевшие в Госплане, превращали таким образом «науку» в орудие классовой борьбы, заведомо планируя социалистическое строительство на возврат к капитализму.

Строя план на 15 лет вперед, комиссия Осадчего закрывала глаза на то, что уже тогда, в 1927 г., происходило сокращение не только относительных, но и абсолютных размеров частной промышленности. Они считали, что и через 15 лет она еще будет существовать и увеличится с 390 млн. руб. (в довоенных ценах) до 990 млн. руб., т. е. на 254%.

С проектировками комиссии Осадчего вполне гармонировали и приобревшие печальную известность проектировки проф. Огановского по генеральному плану сельского хозяйства, которые не были приняты ни Госпланом, ни партией. В этих проектировках Огановский исходил из того, что тенденция стихийного развития мелкого крестьянского хозяйства и сохранения индивидуальных форм хозяйствования в деревне является тенденцией извечной и что даже через 15 лет количество крестьянских хозяйств будет расти и достигнет 35 млн. Историей планирования не выяснено, добавлял ли мракобес Огановский к 35 млн. еще какие-нибудь десятые, сотые и тысячные доли, но во всяком случае эта цифра, как и все другие, преподносилась с серьезным видом людей, которые огромным и упорным трудом добывают из тайников науки «священный огонь» для нашей грешной земли.

В этом же духе работал для генерального плана и контррево-

люционер Альберт Вайнштейн, который вычислял урожайность по черепашьим темпам, игнорируя всякую реконструкцию сельского хозяйства, влияние на урожайность его коренных социально-технических изменений.

«Мы полагаем,—писал Вайнштейн,—принять в качестве ежегодной нормы прирост урожайности в 0,8—0,9 пуда в год, что дает 1,6—1,8% в год, с небольшим понижением этого процента в конце периода. Этот прирост на 60—80% превышает средний довоенный прирост и дает общее увеличение планового урожая за 15 лет в 12—13,5 пуд., или около 25%. По нашему мнению указанный процент является скорее максимальным, нежели минимальным» [1].

Стоит ли после того огромного роста, который дала наша промышленность за последние годы, после того колоссального исторического перелома, доказывать всю абсурдность того, что сочиняли Громаны, и того, что у него описывал Осадчий и другие. Считая излишним тратить на это время, можно отослать интересующихся к имеющейся по этому вопросу литературе [2]. Необходимо только отметить, что Громан был неправ не только с точки зрения экономико-политической, но и с точки зрения статистических вычислений. Как показал беспартийный работник Госплана СССР т. Персиц, Громан, выводя свои эмпирические закономерности, явно жульничал. Например он исключал из расчета часть обращающихся в деревне промтоваров, дабы уменьшить удельный вес промышленности, считал сельскохозяйственную продукцию по повышенным ценам, а промышленную по пониженным и т. д.

Единый фронт вредителей, работавших довольно единодушно в области конъюнктуры, пытался использовать свои позиции в советских учреждениях, как мы видели, также и в составлении планов. Им было наруку то обстоятельство, что коммунистическая прослойка в плановых ячейках ведомств и в Госплане была в прошлые годы крайне незначительной и еще не была в состоянии уследить за всеми сторонами плановых проектировок. Как на один из таких примеров можно указать на «материалы к пятилетнему плану на 1926/27 и 1930/31 гг.», в которых пятилетний план промышленности составлял проф. Калинников, сельского хозяйства—Вишневский и т. д. Беда заключалась в том, что работавшая тогда комиссия по перспективному планированию была столь слаба по своему партийному составу, что она не была в состоянии достаточно глубоко вникнуть в представляемые материалы и корректировать их с необходимой тщательностью. «Материалы» эти были опубликованы в разгар борьбы троцкистско-зиновьевской оппозиции против партии. Оппозиция не преминула спекульнуть на этих «материалах», пытаясь обвинить партию в хвостизме и прочих смертных грехах. Оппозиция, превратившаяся тогда в явно

---

[1] Доклад в комиссии генплана от 17/XII 1926 г. Дело № 69, ком. генплана, лист 116.

[2] Статья *Вайсберга* в «Правде», полемика между *Громаном* и *Вайсбергом* и в «Экономической жизни», статьи *Громана, Миндлина* в «Плановом хозяйстве».

контрреволюционное течение, и на сей раз села в глубокую политическую лужу, так как партия не только не приняла этих «материалов», но на XV съезде дала совершенно иные директивы по составлению пятилетнего плана,—директивы, послужившие началом для развернутой социалистической реконструкции и для решительного социалистического наступления.

За концессии, против индустриализации

Под видом «беспартийной» методологии планирования и под видом организационных вопросов вредители давали свой буржуазно-классовый ответ на все кардинальные проблемы нашего развития.

Они отвечали даже на такой «аполитичный» вопрос, как наше международное положение. На заседании, на котором никто от Громана ответа на этот вопрос не требовал, на заседании, на котором обсуждались организационные вопросы построения плановой системы и проблем районирования, вредитель Громан дал по этому вопросу совершенно ясный ответ. В 1922 г. он заявил следующее:

«Когда мы теперь ставим вопрос о районировании, нам надо подходить к этому вопросу не с той точки зрения, что у нас плох транспорт и распались районы. Вопрос надо ставить так, чтобы определить как надо управлять, чтобы хозяйственная жизнь России шла вперед и чтобы она представляла максимум цельности. Все доводы защитников районов очень интересны, и И. Г. Александров и К. Д. Егоров, защищая районирование, подчеркивают ценность районов, забывая в это время про цельность целого— про цельность РСФСР. Я считаю, что каждый район в чрезвычайной мере зависим от центра, и если например ослабить связь Донбасса или Азнефти с центром, то это плохо отразится прежде всего на Донбассе и Азнефти. Я согласен с тем, что сейчас нет особого русского народного хозяйства, а есть чисто мировое хозяйство, и что только ориентируясь на мировое хозяйство и можно жить. И. Г. Александров упомянул, что каждый район имеет свой баланс и имеет связь с другими районами и с мировым хозяйством. Каким образом районы могут иметь непосредственную связь с мировым хозяйством, этого я себе не представляю. Ясно, что части и центр всего народного хозяйства всегда стоят в противоречии друг с другом, и то, что выгодно центру, то невыгодно районам»[1].

Мы нарочно привели эту длинную цитату без всяких сокращений, так как на ней можно проиллюстрировать специфические методы тех советских вредителей, которые больше других приспосабливались к нашей обстановке. Они высказывают не только неправильные, но и правильные мысли. Например в данном случае Громан выступает поборником единого хозяйства в противовес сепаратистским тенденциям отдельных районов. Вообще было бы

[1] Протокол № 5 заседания президиума Госплана 20/IV 1922 г.

наивно думать, что вредитель только тем и занимается, что развивает вредительские идеи. Это столь же примитивно, как рисовать себе социал-фашиста обязательно с фашистским знаком на лбу, стоящим на коленях перед капиталистом.

Вредитель, и особенно вредитель от планирования, воспринимает в порядке социальной «мимикрии» также и советские идеи и иногда развивает их. Эта сторона дела многих ослепляет и подкупает, не давая им возможности сразу разглядеть буржуазно-вредительскую сущность. Вместе с тем они разрешают вопросы извращенно и вкорне неправильно. В приведенной выше цитате Громан с высокого дерева плюет на такие очередные хозяйственные вопросы, как восстановление разрушенного гражданской и империалистической войной транспорта, как хозяйственное строительство районов и т. д. Он защищает единое народное хозяйство, но не с точки зрения социалистического строительства и даже не с точки зрения простого «буржуазного» восстановления разрушенных производительных сил, а только под углом зрения мирового капиталистического хозяйства. Громан не знает и знать не хочет особых, ни одной стране в мире не свойственных интересов нашей страны, страны пролетарской диктатуры, строящей социализм в империалистическом окружении, идущей своим социалистическим путем. Ему тесно в социалистическом государстве, его влечет к себе «нормальный» капиталистический строй, он заявляет что только ориентируясь на мировое хозяйство можно жить.

Может быть это случайность? Но оказывается, что соратник Громана—Базаров—никак не может разрешить «надклассовые» вопросы методологии планирования, также не касаясь этого вопроса даже в 1928 г. В докладе, посвященном методологии планирования, который был составлен Базаровым для президиума Госплана и который был встречен в штыки рядом коммунистов и не был принят Госпланом, в этом докладе Базаров пишет следующее:

«Идея международного разделения труда,—говорит он,—идея международного районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана не в меньшей степени, чем принцип национального районироваия в СССР».

Базаров ставит знак равенства между нашими районами внутри СССР и капиталистическими странами. Для него СССР—только «район» в мировой капиталистической системе. Он при этом говорит, что единственно, что можно себе, так сказать, позволить—это строить железные дороги с учетом задач национальной обороны. Но ведь любое буржуазное государство, не имеющее тех специфических особенностей, которые имеет СССР, и не ставящее перед собой специальной задачи построения социализма на занимаемой им территории, любое такое государство очевидно и, как всем известно, очень основательно интересуется не только самообороной, но и империалистическим наступлением. Базаров совершенно не видит или не хочет видеть специфического отличия СССР, как страны строящей социализм.

Исходя из разделения труда в мировом масштабе, придавая этому разделению труда и в экономическом и в политическом отношениях такое же значение, как разделению труда внутри страны на территории отдельных республик и районов, Базаровым выдвигается любопытная, хотя и не отличающаяся особой глубиной концепция. Он считает, что в силу наличия передовых капиталистических стран, которые имеют у себя достаточно мощную индустрию, которые располагают рядом отраслей, отстающих в СССР, в которых ряд других отраслей шагнул гораздо дальше, чем у нас, в силу наличия такого ряда стран нет никакой надобности развивать у нас в СССР отстающие отрасли промышленности. Базаров поэтому полагает, что мы должны заниматься только производством таких товаров, которые имеют достаточно широкий массовый спрос, а все остальное следует ввозить из-за границы или сдавать в концессии. У него в основном ориентация на производство предметов широкого потребления, которые действительно имеют наиболее массовый спрос.

Что же это—индустриализация страны с «ситцевого» конца? То, что предлагали еще некоторые коммунисты во время XIV съезда партии? С внешней стороны—нет, потому что Базаров выступал (он выступал в 1928 г.) после того, как эта концепция была довольно основательно раскритикована и отвергнута партией. Здесь ему нужна некоторая маскировка, и эту маскировку он находит очень легко. Базаров предлагает в данном случае, как весьма модную, идею рационализации. Он выдвигает во главу угла принцип рационализации и подчиняет этому принципу всю нашу строительную политику. Базаров заявляет, что мы должны развивать только такие отрасли промышленности, которые поддаются основательно рационализации, а рационализация возможна только там, где имеется массовое производство, а массовое производство возможно там, где имеется массовый спрос. Базаров пишет по этому поводу буквально следующее:

«Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему *массовость есть тот основной критерий*, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы *отрасли, производящие предметы широкого потребления*, и те виды средств производства, потребности в которых уже теперь носят достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупки необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам»[1].

Таким образом Базаров подчиняет основную линию партии, линию индустриализации, лозунгу второстепенному, лозунгу рационализации. Конечно, никто из нас против рационализации не спорит, ее мы стараемся всемерно проводить, но это одна из

[1] «Плановое хозяйство» 1928 г., № 2, стр. 38.

подчиненных идей в нашем строительстве, а Базаров ставит ее во главу угла, выдвигает в качестве основного принципа; индустриализацию же, развитие тяжелой индустрии, необходимые для социалистического строительства пропорции между отдельными отраслями промышленности—все это он подчиняет идее рационализации

Базаров, как известно, считал себя 100%-ным марксистом; он щеголял тем, что он когда-то был большевиком, и во всяком случае он старался выглядеть в советских условиях человеком первосортным. И вот интересно, что этот самый «марксист» Базаров очень рьяно выступает в защиту кулачества, считая, что «мы обязаны для индивидуального хозяйства обеспечить условия существования гораздо более прочные и гораздо более крепкие, чем было до войны». Он за то, чтобы советская власть обеспечила благоприятные условия для кулацких хозяйств даже в бо́льшей степени, чем это делала довоенная буржуазия. Конечно, Базарову, невдомек, что рост благосостояния деревни теснейшим образом связан как раз с ограничением и ликвидацией кулачества, с развитием социалистических форм, с ростом коллективизации и с ростом нашей индустрии. А против индустриализации, как мы видели раньше, Базаров выступал довольно четко.

Итак громановские выступления по организационно-плановым вопросам 1922 г. и базаровская «сверхнаучная и сверхклассовая» методология 1928 г. являются не чем иным, как обоснованием практических действий политической платформы вредителей-кондратьевцев. В данном случае, конечно, нам совершенно не нужно заниматься вопросом о том, кто из них раньше сказал «э»—меньшевики Громан и Базаров, с одной стороны, или кондратьевцы—с другой, а важно только то, что идеологическое «родство душ» вело их к деловому контакту и контрреволюционному содружеству между собой и Промпартией.

Это же «родство душ» делало их идейными союзниками правых в их борьбе против партии.

Как мы видели, и у Громана и у Базарова была ставка на усиление нашей зависимости от заграницы. Практически эту работу весьма усердно проводила в ряде отраслей народного хозяйства Промпартия. В то время, как коммунистическая партия с успехом борется за освобождение от иностранной экономической зависимости, Громан, Базаров и Кондратьев развивают идеи о необходимости усиления этой зависимости, а их единомышленники, орудовавшие в оперативных органах, всячески срывали наши строительные начинания, практически подкрепляя базаровско-кондратьевскую контрреволюционную идеологию и «методологию». Излишне говорить, что ни в какой форме, ни в какой степени эти громановско-базаровские концепции на политику партии не повлияли и повлиять не могли.

И Громан, и Базаров, и прочие другие, которые шли за ними, делались все более открытыми нашими врагами по мере усиления классовой борьбы в стране. В той борьбе, которая развертывается внутри страны и в которой вредители активно стоят на

враждебной нам стороне баррикады, они пытались в своих выступлениях совершенно недвусмысленно оправдывать кулака против советской власти. Поэтому в свете вредительских действий особый интерес приобретают такие заявления, которые Громан в свое время делал и которые даже кое-кому из коммунистов казались тогда невинными.

«Государство,—говорит он,—было вынуждено прибегнуть к экстренным мерам, нарушающим нормальный ход хозяйственной жизни, потому что мы имеем минимум хлебозаготовок и хлебоснабжения».

И далее: «мы приняли такие меры, которые нарушают нормальный ход хозяйственной жизни, а при ненормальном ходе и конъюнктурные прогнозы не могут быть обоснованными»[1].

Это Громан говорил по поводу чрезвычайных мер, которые мы начали практиковать в 1927/28 г. Судя по тем словам, которые мы привели, он внешне как будто согласен, что государство было вынуждено прибегнуть к этим мерам, но за вычетом этой словесности Громан заявляет, с другой стороны, нечто более существенное, а именно,—что как раз эти формы нарушают весь нормальный ход хозяйственной жизни. При этом он ни слова не говорит о сопротивлении кулачества, о той хлебной забастовке, которую кулак устроил нам в период хлебозаготовительной кампании, и о том, насколько капиталистические силы страны действительно нарушают и пытаются разрушить нормальный ход социалистического строительства. Все это для Громана несущественно, так как нормальной он считает не политику коммунистической партии и советского государства, а капиталистический «ход» экономики.

Поразительное недомыслие проявляет Громан тогда, когда он подходит к вопросу о росте удельного веса государства и кооперации на частном рынке, и в частности по тому же вопросу о хлебозаготовках.

«Товарищи,—говорит он,—я думаю, что мы присутствуем при очень большом вопросе исторической важности. Мы помимо воли и сознания установили хлебную монополию, мимо воли и сознания у нас течет, примерно 10 месяцев, процесс дезорганизации хлебного рынка, оказавший уже громадное влияние на условия посева наших технических культур, так как изменился эквивалент не в пользу посева сырья. И вот мы ставим теперь вопрос: как все это случилось? Позвольте напомнить наши подходы к плану этого года. Мы не предполагали, что мы сделаем хлебную монополию. Я помню свое выступление, в котором говорил, что в Советской России при советском строе государство должно быть хозяином на рынке, но для того, чтобы быть хозяином на рынке достаточно иметь 51% снабжения. И уже только на глупость можно набавить и мы набавили

[1] Заседание президиума Госплана 10/III 1927 г. Архив Госплана 1927 г. Дело 1, стр. 105

до 75% на наше неумение организовать и регулировать. И вот мы доходим до 91%.

Как защитник интересов индивидуального крестьянского хозяйства и в первую очередь кулачества, как защитник свободной частной торговли против государства и кооперации, Громан внешне прикидывается сторонником роста удельного веса государства и кооперации на рынке, но пытается применить здесь известные нормы капиталистических акционерных обществ, предлагая нам ограничиться 51% хлебозаготовок. Громан ставит знак равенства между нашими связями с деревней и между пакетами акционерных обществ или считает, что можно найти таких дураков, которые вообразят, что нам достаточно иметь 51% хлебных пакетов для того, чтобы быть хозяевами на рынке и для того, чтобы строить социализм. Представляя отживающую и разлагающуюся буржуазию, Громан вынужден договариваться до явных глупостей. Классовая идеология сильнее индивидуального ума, изворотливости и умения.

В то время, как Громан, Юровский, Базаров, Кондратьев старались тащить наше народное хозяйство к капитализму, партия подымала нашу хозяйственную систему своими методами планирования на более высокую реконструктивную ступень. План завозов промтоваров при тех огромных недостатках, которыми он страдал и теперь еще страдает, представляет собой с нашей точки зрения все же одну из форм роста нашей плановости и укрепления социалистического влияния в дедевне. Восставая против этого Громан и его друзья оказываются совершенно беспомощными привести хотя сколько-нибудь членораздельные экономические доводы и истошным голосом кричат против квитанций о сдаче хлеба, грозят финансовым крахом торговли и на этом основании пытаются отказаться от формулировки каких-либо перспектив. Это, так сказать, своего рода «легкий саботаж», который они уже пытались проявить по отношению к нашей плановой работе, чувствуя, что их уже довольно основательно отстраняют от работы. Вскоре после такого выступления Громан и его единомышленники действительно были отстранены от плановой работы.

Не лишне между прочим в этой связи указать на следующее. В белогвардейской социал-демократической и просто буржуазной печати проскальзывают теперь, в связи с опубликованием материалов о вредительстве, такие заявления, что Громан и Кондратьев являются «творцами», «отцами» пятилетки. Надо сказать, что это чепуха несусветная. И Громан и Кондратьев выступали против всех пятилетних планов всего народного хозяйства в целом. В Госплане Громан работал над конъюнктурой и над контрольными цифрами. Известно, что Кондратьев участвовал в составлении первой с.-х. пятилетки Наркомзема, т. е. по пятилетке одной отрасли народного хозяйства. Но если взять все пятилетние планы народного хозяйства в целом, которые составлялись в Госплане, то и Громан и Кондратьев всегда выступали против них; они выступали даже против той пятилетки, которая отличалась наи-

более мизерными проектировками. По существу же они не принимали участия в составлении ни одной сводной пятилетки.

Однако их работа над другими вопросами была в достаточной степени вредительской.

План и стихия

Если попытаться свести к чему-то единому, обобщающему методологические установки Громана, Базарова и Кондратьева и ряда более мелких приспешников буржуазных профессоров, то можно сказать, что в центре у них стоял вопрос о плане и стихии.

Вредители, отвечая на политические вопросы, по-своему подгоняли к своим ответам и свои установки, так называемую «чистую» методологию по вопросу о плане и предвидении.

Мы знаем основное положение Маркса, по которому капиталистическое общество таит в своих недрах тенденции капиталистического развития. Но это положение ни для Громана ни для Кондратьева не существует. Они игнорируют также и то обстоятельство, что при диктатуре пролетариата в СССР в период переходный от капитализма к социализму имеются объективные тенденции, которые ведут по направлению к социализму. Они вместе с тем совершенно превратно понимают активную роль рабочего класса и коммунистической партии. Игнорируя те объективные силы, тот объективный ход истории, который ведет нашу страну по направлению к социализму, они закрывают глаза и на ту обостренную классовую борьбу, с которой связано социалистическое строительство, якобы забывая о бешеном сопротивлении тех самых остатков капитализма, идеологами которых являются они же—Громан, Базаров, Кондратьев, Юровский и др. У них получается наоборот. Все то, что объективно, все то, что существует в действительности, должно, по их мнению, итти против социализма и против диктатуры пролетариата. Социалистическое строительство они рассматривают исключительно как продукт злой, субъективной воли советского государства, воли пролетариата, идущей вразрез с объективной действительностью, с ходом исторического развития. Отсюда—на одной стороне находится, по их мнению, экономическая стихия, рыночные отношения, капиталистические тенденции, а на другой стороне—социалистические элементы страны. Первое—это «действительность», второе—«субъективизм» и коммунистическая воля.

Вся «наука» планирования имела у вредителей целью укрепление капиталистических элементов настолько, чтобы направить экономику и политику страны на путь буржуазной реставрации. Проф. Юровский, например, мирился, и то с крайней натяжкой, с теми формами нэпа, которые сложились до 1926 г. А проф. Громан сочинил теорию «об импирических закономерностях», которая должна была доказать, что над нашей экономикой всегда и неизменно довлели, довлеют и будут довлеть довоенные экономические отношения.

Громановско-богдановское «равновесие» и базаровская «троица»

Из других вопросов «беспартийной методологии» интересно остановиться на вопросе о преимуществах советской и капиталистической систем. Горе-теоретиком по этому вопросу выступал Базаров. Недолго думая, он решает вопрос в пользу капитализма с буквально ребяческой мотивировкой. Признавая на словах преимущества советской системы, Базаров считает однако, что плановые организации советской страны обходятся значительно дороже, нежели содержание капиталистических паразитов в буржуазных странах [1].

С этим теснейшим образом увязывается его совершенно бездоказательная теория о потухающей кривой, в силу которой наши темпы развития должны все время двигаться по убывающей кривой.

Правда, все данные о фактическом ходе выполнения наших промышленных планов говорят об обратном. Но Базарову до этого мало дела. Он выводит свою теорию из запутанных математических формул, когда ему надо обосновывать положение о потухающей кривой, и не дает себе никакого труда для доказательства чего бы то ни было, когда он говорит о преимуществах капиталистической системы хозяйствования перед социалистической. Философские корни базаровского планирования уходят в богдановщину, сторонником которой Базаров всегда открыто признавал себя. Базаров и Громан пытаются навязать планированию «регулятивную» идею механистического равновесия, в силу которого наши задачи должны сводиться только к сохранению тех соотношений, тех пропорций, которые даны в народном хозяйстве, ни малейшим образом не нарушая их. «Равновесие,—говорит Громан,—есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований» [2].

Так писал Громан в 1925 г. Однако, по мере роста марксистско-ленинского влияния коммунистов в области планирования, по мере разоблачения всего убожества теории равновесия, Громан и Базаров начинают замалчивать эту идею, выдвигая вместо нее другое общее положение. Мы имеем в виду приобревшую некоторую известность триединую формулу Базарова, выражающуюся в следующем: «Триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, благосостояния трудящихся и процессов обобществления составляет телеологический стержень плана» [3].

Формула выявляет, с одной стороны, вынужденную установку на обобществление, на социалистическое строительство, а с другой стороны, она использует остающиеся щели в плановой работе

[1] См. *В. Базаров* в «Эконом. обозрении» за 1928 г., стр. 58—59.
[2] См. *В. Громан* в «Плановом хозяйстве» за 1925 г.
[3] *В. А. Базаров*, Основные принципы построения перспективного плана. Тезисы, представленные в центральную комиссию перспективного планирования Госплана СССР 5/I 1928 г. Дело № 8, стр. 61

для того, чтобы протащить реакционные вредительские установки. В этой формуле обращает на себя внимание то, что на последнем месте стоит вопрос о развитии социализма, о росте социалистических форм, а на первом месте поставлены интересы развития производительных сил и роста потребления трудящихся. Базаров, как и все его единомышленники, исходя из той неправильной предпосылки, что в советских условиях имеется постоянный антагонизм между производительными силами и интересами потребления и социалистическими формами развития, должен ответить на вопрос о том, кому из них принадлежит ведущая роль, и он на этот вопрос дает ответ. «Развитие производительных сил,—говорит он,—есть ведущее звено»[1]. Кровная общность Базарова и правых бросается здесь в глаза. Однако если правые стараются замолчать классовые вопросы, то Базаров в своей формуле прямо ставит вопрос и о производительных силах, и о социалистических отношениях, и о потреблении трудящихся и отвечает, что ведущая роль должна принадлежать производительным силам. Триединая формула Базарова, как и другие формулировки Громана и Базарова, неоднократно проникала в некоторые документы по планированию, конечно не без борьбы, происходившей в Госплане. Так например в комиссии по контрольным цифрам примерно в 1927 г. при обсуждении методологии составления контрольных цифр коммунисты категорическим образом возражали против триединой формулы Базарова, предлагали исключить ее или сильно изменить базаровскую формулировку. Однако комиссии не стоило большого труда «побить» этих коммунистов не какими-либо доводами, а попросту голосами сидевших в комиссии вредителей Громана, Базарова, Зейлингера, Гухмана, Шуба и др. и голосами некоторых коммунистов, которые не шибко разбирались в политической вредности базаровской тройны.

Реконструкция как фактор безработицы

Базаров всегда и неизменно рисовал наше положение в самых мрачных тонах. В 1924 г. он заявляет следующее: «Тут выяснились два взгляда на положение вещей—оптимистический и пессимистический. Мне кажется, прежде всего не надо смешивать изменения конъюнктурного порядка и изменения более глубокие. Пессимисты более правы»[2].

Базаров не ограничивается общими декларациями, но мажет советские ворота дегтем при каждом удобном и неудобном случае. Особенно любопытны его рассуждения по вопросу о труде и безработице, в которых он слыл, так сказать, незаменимым специалистом. Этот вопрос он трактовал с точки зрения философии реконструктивной эпохи. По его представлению реконструкция народного хозяйства может только ухудшить положение с безработицей и с так называемым аграрным перенаселением.

[1] «Плановое хозяйство» за 1928 г., № 8, стр. 43.
[2] Заседание эконом.-стат. секции Госплана от 28/IV 1924 г.

«В самом деле,—пишет он,—мы еще по-настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддерживание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 млн. руб. на денежные пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни «ликвидировать» их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотню миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы мы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис,—не кризис хозяйственной «конъюнктуры», а кризис всей системы планового хозяйства»[1].

Итак, по Базарову, период реконструкции отличается не сокращением, а ростом безработицы. При составлении пятилетнего плана ряду коммунистов стоило огромных усилий добиться вопреки Базарову и его сторонникам такой проектировки рабочей силы, которая сводит к концу пятилетия безработицу только примерно до 400 тыс. В действительности же оказалось, что у нас уже второй год пятилетки ликвидирует безработицу. Общеизвестны те постановления партии и правительства, которые недавно вынесены по этому вопросу. Здесь однако важен общий взгляд на реконструкцию. По Базарову, выходит, что период реконструкции может принести только бедствия народному хозяйству.

Страшен Базаров, но милостива советская действительность. Все факты идут против него. Приведенные выше слова взяты нами из напечатанной статьи Базарова, которую ему пришлось тщательно отделывать, приспосабливать и разбавлять немножко розовой водичкой до появления ее в печати, но даже в этой статье Базаров делает недвусмысленный намек на необходимость изменения всей системы советского строя, говоря о том, что, «оставаясь самим собой», советский строй не в состоянии справиться с таким явлением, как безработица. Там же он прямо пишет о крахе всего планового хозяйства, о кризисе всей системы.

[1] «Плановое хозяйство» 1923 г., № 2, стр. 45.

Богдановская философия — орудие вредителей и правых

Эти взгляды связывались с мыслью о том, что вся наша система представляет собой какой-то болезненный организм. Идя по стопам таких вредителей, как Юровский, Базаров еще в 1924 г. говорил, что «конъюнктурные колебания свидетельствуют о коренной болезни, которую надо лечить радикальными средствами»[1].

В чем эти радикальные средства? На это дали позже развернутый ответ такие вредители, как Кондратьев, Рамзин, Каратыгин, Пальчинский: возврат к капитализму, интервенция, буржуазная демократия, развертывание подрывной работы, а кое-кто додумался и до террористических актов.

Механистическая методология Богданова и т. Бухарина служит при этом незаменимым орудием в руках вредителей планирования. Кстати о богдановской методологии.

В тех дискуссиях, которые имели место по ряду вопросов политической экономии, по вопросам экономической политики, партия вынуждена была часто вскрывать богдановскую методологию, показывать людям, что они бессознательно базируются на этой методологии, когда они на словах от нее открещиваются. Громан и Базаров в этом отношении нашу задачу облегчают, потому что тут не надо ничего вскрывать. Они сами, в частности Громан, заявляют себя сторонниками Богданова. В этом отношении приведем следующую цитату из выступления Громана, относящегося к 1922 г.:

«Образовались группы пессимистов и оптимистов, каждая из которых с горячим убеждением строит то светлые, то мрачные прогнозы. Но если руководствоваться концепцией народного хозяйства, данной А. А. Богдановым, т. е. идеей целостности народного хозяйства, цепной связи его элементов и решающим значением закона минимума, то мы должны признать наиболее вероятным такой прогноз: при продолжающемся улучшении организации хозяйственных процессов процесс истощения будет продолжаться, стабилизация рубля недостижима и реальный хозяйственный расчет невозможен. Чудес в хозяйственной жизни не бывает. Силою мысли и воли нельзя заместить недостаток материальных элементов хозяйственной жизни. Приток извне средств производства и даже некоторых предметов потребления необходим. Отсюда неизбежен вывод, что мы должны влиться возможно полнее в мировое хозяйство»[2].

Итак через философию Богданова к капитуляции перед мировым капиталом.

«Моя формула,—заявляет Громан,—такова: без помощи извне мы не справимся» (1922 г.).

Громан, меньшевик-богдановец, считал себя марксистом. Спекулируя Марксом, он заявляет: «я считаю, что примат принадле-

[1] Дело № 1 (17). Стенограмма 1927 г. План завоза промтоваров. Президиум Госплана 11/I 1927 г.

[2] Архив Госплана СССР 1922 г. Дело № 48. Президиум Госплана. Лист 358—359.

жит производству». И тут же он старается использовать Маркса против нашей политики индустриализации. Извращая Маркса и наговорив кучу нелепиц насчет того, что у нас товар совершенно свободно обменивается на товар и что мы должны равняться по законам рынка, Громан заявляет, что мы имеем «такое соотношение между промышленными и с.-х. товарами, при котором обмена не происходит». «И у меня,—продолжает Громан,—такое впечатление, что производится то, что не нужно, и не производится того, что нужно. Такой разрыв между промышленностью и рынком, который я вам обрисую в моих конъюнктурных докладах, он (они?) отвечает на ваш вопрос. Одно обусловлено другим: насчет пропорциональности и соответствия частей мы хромаем больше, чем любое капиталистическое общество. Этот крик о соразмерности в развитии различных сторон народного хозяйства и будет услышан вами в моем докладе».

В чем дело? А дело в том, что партия проводила энергичный курс на индустриализацию, усиливала в соответствии с этим темп развития тяжелой индустрии. Громану, конечно, это не нравится, и он заявляет, что производится то, что не нужно, и не производится того, что нужно. Это—старые песни, которые мы много раз слышали, которые не устают напевать правые оппортунисты, песни, ничего общего не имеющие с генеральной линией партии и направленные против нее. И почти что предвосхищая «Заметки экономиста», Громан поучает, что «капитальное строительство во всех отраслях должно иметь в начале года материальное покрытие».

Мы позволяем себе спросить проф. Громана и, скажем, т. Бухарина: почему, например, строительные материалы не могут нами производиться в середине того года, на который составляются контрольные цифры, и в течение того же года использоваться? На эти вопросы они, конечно, никакого ответа не дадут. Опираясь на ту же богдановскую методологию, перенесенную в область социалистического планирования, Громан апеллировал к объективной философии «генетики» и «телеологии». Он писал:

«Синтез генетической и телеологической точек зрения при примате первой требует формулировки исходного положения, характеристки развития,, строения и достигнутого уровня планируемого народнохозяйственного целого». «Примат генетической точки зрения —заявляет далее Громан,—обязателен для нас и в генплане»[1].

В тезисах, выставленных тогда против Громана, мы указывали, что декларирование, подчеркивание примата генетической точки зрения над телеологической является совершенно неприемлемым для нашего перспективного планирования. Наш генезис—Расея» «с татарским игом и трехстолетием «дома» Романовых, с запоздалым вступлением на путь капиталистического развития, телеология—развернутое коммунистическое общество. «Телеология» может быть превращена в действительность только путем последовательного изменения действительности ..

[1] Материалы к заседанию Методбюро, 5/I 1928 г, стр. 11.

«Конечно, поскольку свобода есть только осознанная необходимость, постольку и генплан и все позднейшие планы никакой абсолютной свободы не дают. Но суть заключается в том, что роль осознанной необходимости все больше и больше усиливается».

В 1925—1927 гг., когда громановская группа особенно активно работала над контрольными цифрами, она и пыталась, исходя из конъюнктурных затруднений, ориентировать планирование на так называемые «лимиты» (богдановский закон минимума) по решающим отраслям народного хозяйства, т. е. на ограниченные возможности, вместо того чтобы в духе коммунистической партии ставить вопрос о преодолении и расширении «лимитов», вместо того чтобы ориентировать планирование на боевые темпы, на смелые проектировки и большие строительные задачи.

Пытаясь всячески отвергнуть целевые ставки пролетариата в планировании, пытаясь подчинить контрольные цифры конъюнктурным затруднениям, громановская школа своими «лимитами» в свое время дала фактически тот самый лозунг равнения на узкие места, который впоследствии послужил коньком для правых внутри партии.

Громановское крохоборчество многих ослепляло в силу целого ряда обстоятельств, между прочим и потому, что наряду с ним тогда, в 1924—1926 гг., работала кондратьевская группа, которая отстаивала еще более медленные темпы и еще более робкие шаги. Им удавалось брать на удочку ряд беспартийных и настроенных правооппортунистически коммунистов. Но прямо сказать, что в контрольные цифры первых лет Громану и Базарову удалось в завуалированном виде включить некоторые свои идеи. Это одна из тех причин, по которым контрольные цифры оказывались тогда такими, что партия не могла принять их как план действия. Не зная о вредительских действиях в планировании, ленинская партия всегда обладала тем здоровым большевистским чутьем, которое диктовало ей необходимость отвергнуть контрольные цифры, как обладающие шуйцей и десницей, как несоответствующие полностью задачам пролетариата на данной стадии его борьбы за социализм. Только примерно с 1928 г. партия начинает утверждать контрольные цифры, и то внося в них существенные поправки в сторону увеличения. У вредителя Громана однако всегда и неизменно хватало, мягко выражаясь, смелости для того, чтобы упорно навязывать свои практические предложения, свои директивы и мероприятия. Случалось неоднократно, что при обсуждении в середине контрольного года того или иного затруднения, того или иного срыва в планировании Громан заявлял, что виной всему является, мол, то, что правительство не проводит тех мероприятий, которые он, Громан, предлагал Госплану при составлении контрольных цифр. Он говорил при этом, что контрольные цифры могут быть осуществлены только при проведении определенных, им предлагающихся мероприятий. Но поскольку эти мероприятия не принимались, поскольку они в большинстве случаев отвергались, Громан пытался валить с больной головы на

здоровую, стремясь всячески реализовать свою практическую программу, свои экономические указания.

Так например, принимая мысль Базарова и Юровского о том, что наше народное хозяйство представляет собой болезненный организм, Громан объявляет всякие наши новые мероприятия, всякие формы усиления плановости актом отчаяния. Например по поводу тех же планов завоза промтоваров он заявляет следующее: «меня воротит от всего этого плана завоза в теперешнее время... Планы завоза никоим образом не могут стать системой органического планирования народного хозяйства и в частности товарооборота. Такая грубая вещь может быть принята только с отчаяния, когда нужно было во что бы то ни стало обеспечить прежде всего хлопок и т. д.

Громан приходит в ужас от усиления плановости, от усиления руководящей роли пролетариата в отношении к сельскому хозяйству. Он начинает отчаиваться в возможности мирно, «по-сменовеховски» поставить нашу страну на капиталистические рельсы развития. Собственное бессилие он принимает за наше бессилие и объявляет нашу политику политикой отчаяния.

Госплановские вредители все больше и больше старались маскировать свои истинные взгляды и нередко переходили на эзоповщину. Однажды Громан так прямо и заявил, что он, собственно говоря, не прочь был бы развить целый ряд взглядов, но в силу политических обстоятельств он не может это сделать. На заседании экономико-статистической секции от 28 апреля 1924 г. Громан, отвечая одному оратору, упрекавшему его в том, что он обошел молчанием некоторые вопросы, заявил буквально следующее: «извините, это чрезвычайно расширенные темы, это значит говорить об исторических судьбах нашего государства, и если бы я говорил, то мне, вероятно, предложили бы воздержаться».

Приходится пожалеть, что Громан, своевременно облекшись в эзоповскую тогу, не дал возможности всем разглядеть его доподлинную сущность. Вредители планирования и в политических и в философско-методологических вопросах смыкаются с правым уклоном. Однако и то, что говорил Громан, характеризовало его как идеолога капитализма, как врага советского строительства даже в то время, когда коммунисты не считали его вредителем. Так например, выступая в 1929 г. против Громана, я имел возможность на основании одних только печатных работ Громана охарактеризовать его следующим образом: «но на какие бы ухищрения ни пустился Громан и его единомышленники, им не удастся замазать тот факт, что его теория как в практическом отношении, так и во всех других отношениях является в настоящее время самой реакционной, самой отсталой, самой предательской, самой враждебной для планового хозяйства, для коммунизма, для рабочего класса и его задач»[1].

Теперь, после того как обнаружилось вредительство Громана

[1] См. «Плановое хозяйство», 1930 г. № 1, стр. 23.

и его единомышленников, эта характеристика остается сугубо верной.

Не останавливаясь на ряде других моментов, характеризующих вредительскую идеологию буржуазных плановиков, поскольку нет возможности исчерпать этот вопрос в одном докладе, следует только подчеркнуть, что вредительские теории находили свою опору во вредительской практике. Излюбленным положением Базарова, которое не постеснялся позаимствовать у него кое-кто из правых коммунистов, являлось то, что в советских условиях спрос трудящихся масс, их потребительские интересы растут столь быстро, что никакое предложение за ними угнаться не может. Так вещал теоретик Базаров. А вредители-практики, как бы стремясь застраховать теорию Базарова в области снабжения текстильной промышленности, сельского хозяйства и т. д., старались сократить в максимальной степени наши потребительские ресурсы для того, чтобы действительно сделать невозможным удовлетворение спроса трудящихся масс. Конечно, они действовали так не из-за прекрасных глаз Базарова и не из любви к его теории. Допускаем, что те вредители, которые портили консервы, семена и т. д., могли не иметь никакого представления о базаровском учении. Это однако объективно ни в коем случае не уменьшает значения, которое имеет общность практических и теоретических выступлений вредителей, находящихся на различных полосах и боровшихся против нас тем орудием, которое каждый из них имел в своих руках.

Базаров защищает планирование от... большевиков

Вредители в разное время по-разному ставили вопросы планирования. Сопротивление вредителей стало особенно сильно с переходом к реконструктивному периоду. Классовые враги, почуяв, что наступает период их окончательной ликвидации, стали мобилизовывать все свои силы для защиты своих классовых интересов и для подрыва советской власти. В этот период они особенно выступают против чрезвычайных мер, против якобы воскрешения методов военного коммунизма, против усиления плановости. Было однако время, когда кое-кто из них выступал за усиление плановости, за централизацию, за плановый «порядок». Но это было тогда, когда они противопоставляли «порядок» и «план» революции. Это было как раз тогда, когда коммунистическая партия ставила в центре своего внимания не плановую работу над народным хозяйством, а штурм капитализма и борьбу за захват власти в стране. Тот же Базаров, который в 1928 г. развивает по существу антиплановую теорию, становится в позу горячего защитника плановости летом 1917 г. Он выдвигал тогда этот вопрос в связи с вопросами о государственном аппарате. Именно тогда, когда государственный аппарат был в руках буржуазии и ее агентов, когда пролетариат боролся за овладение этим аппаратом, ставя себе целью его разрушение для построения государственного аппарата пролетарской диктатуры и для введения планового хозяй-

ства, именно в это время Базаров выступал в защиту тоже «бесклассовой», «аполитичной» плановости. С точки зрения плановости» Базаров возражал против замены буржуазно-государственного аппарата пролетарским и высказался за реформирование его. На этот счет у Ленина имеются замечательные строки. Отметив, что к вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, «поднятый особенно энергично и особенно неудачно» Базаровым в № 138 «Новой жизни» (ст. «Большевики и проблема власти»), Ленин писал:

«...Базаров рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни», ибо семимесячный опыт де показал, «десятки и сотни документальных данных, имеющихся в экономическом отделе Петербургского исполнительного комитета», подтвердили, что советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти», «не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный общегосударственному центру». «Дело идет»—изволите видеть—«не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики ни издевались над людьми с планом»...

Все эти рассуждения Базарова прямо поразительно беспомощны, как осколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения!»

Ленину приходилось тогда терпеливо разъяснять, что никакой полнотой власти советы в России не располагали и не располагают и что грубейшая ошибка Базарова заключается в том, что он трактует государство и плановость как понятия внеклассовые. Таков был Базаров в 1917 г.; тогда он выступал «за план», а при советской власти он, будучи призван на помощь плановому хозяйству, оказался в ряду тех, которые защищают стихию от плана, против социалистической организации производительных сил.

Когда Базаров в 1917 г. выступал якобы борцом за план против большевиков, Ленин отвечал ему:

«Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над реформизмом. Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «Не замена аппарата, а реформирование», значит быть реформистом, значит, становиться не революционным, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а не свержение его, уступки его при сохранении власти за ним».

В той же статье 1917 г. Ленин констатирует, что «добрый Базаров объективно играет роль подголоска капиталистов».

Прошло 13 лет, и революция за эти годы многих многому научила. Но господа Базаровы и Громаны не только ничему не научились, но пошли вспять, все больше и больше скатываясь в сторону буржуазии. Многие из этой компании сделались не только объективно подголосками, но и вполне сознательными

агентами ее, тесно смыкая себя, свою науку и свою научную совесть с теми, которые работают на благо мирового капитала не только за страх, но и за деньги.

Партия интервенции и буржуазно-помещичьей реставрации

Процесс Промпартии развернул картину преступлений, с которой не может сравниться ни один судебный процесс в мире. В самом деле, обычно из ряда вон выходящие преступления, которые заграничная печать, особенно американская, расписывает как «кошмарные», «ужасные», «потрясающие», касаются действий, направленных против одного или нескольких лиц. Речь идет обыкновенно о крупных кражах, о биржевых проделках, об аферах, о поджогах, наконец, об убийствах, о лишении жизни одного или нескольких человек. В погоне за сенсациями буржуазные газеты обычно помножают факты на репортерский вымысел, раскрашивая действительность цветами радуги досужей мещанской фантазии.

Но что может сравниться с судебными процессами над «Промпартией» и «Союзного бюро» меньшевиков. Они совершенно иной плоскости. Что бы там ни строчили буржуазные писаки,—им не скрыть того глубочайшего политического значения, какое имеют эти процессы, и не замазать тех огромных разрушительных задач, которые ставила перед собою Промпартия.

Промпартия и все ее заграничные вдохновители готовили не поджог одного дома, и не крах какой-либо банковской фирмы, и не убийство одного человека или группы людей. В их планы входили поджог всего молодого здания социалистического строительства, уничтожение той единственной в мире советской системы, которая призвана вывести человечество из тупика капиталистических противоречий и ликвидировать созданные капитализмом страдания сотен миллионов пролетариев и полупролетариев буржуазных стран, порабощенных и угнетенных народов империалистических колоний. Они хотели предать огню и химическим газам не только полтораста миллионов людей, населяющих СССР, но и неисчислимые жертвы и других стран, которые были бы втянуты в новую мировую бойню.

Показания подсудимых, показания живых людей, живых преступников,—этот факт никак нельзя объявить «большевистской фантазией», так как эти люди выходили один за другим на трибуну суда и рассказывали о своих действиях и намерениях,—показания этих людей свидетельствуют также и о том, что они уже успели совершить много преступлений. Недополученный страной миллионы тонн чугуна, отправленные на свалку паровозы, замедленные темпы строительства, выброшенные местами на ветер деньги. Недополученные страной миллионы тонн угля, нефти, недоданные рабочему классу, недоданная нашим фабрикам и заводам, колхозам тепловая энергия, непроизведенные киловатт-часы электричества,—все это падает на голову вредителей. Вредители от Промпартии, вредители от рабочего снабжения, вре-

дители-кондратьевцы и громановцы, готовя интервенцию, срывая пятилетку, срывая социалистическое строительство, тормозя построение нового, свободного от капиталистического ига общества, немало постарались для того, чтобы всякими незримыми путями сложной экономико-технической работы причинять страдания рабочему классу и крестьянству, стараясь задержать их на уровне унаследованной от царского строя материальной и культурной нищеты.

Вождь вредительской шайки Рамзин сам признает, что «преступная работа Промпартии по внутренней подготовке интервенции путем создания и углубления кризиса в области промышленности и транспорта, а также деятельность блокировавшихся Промпартии и ТКП, направленная на создание кризисов в области сельского хозяйства—продовольствия, кооперации и финансов, значительно усилили временные конъюнктурные экономические затруднения Союза и обострили классовую борьбу, нанося этим ущерб народному хозяйству страны, ибо при отсутствии этой вредительской деятельности и активного сопротивления контрреволюционных организаций экономические конъюнктурные затруднения были бы, несомненно, гораздо менее чувствительными, а темпы индустриализации и соцстроительства были бы еще более быстрыми».

За тот ущерб, который вредители нанесли нашей стране, должны ответить не только они, непосредственные агенты капитала, но и те французские империалисты, которые отвечают за интервенционистскую работу как своей страны, так и подвассальных им Польши и Румынии.

Преступления вредителей затмевают собою все то, что бывало до сих пор предметом судебных процессов где бы то ни было. С этими преступлениями может сравниться только преступление тех держав, которые затеяли мировую бойню в 1914 г., но над ними пока еще нет судебного процесса; они, как и те, которые готовят новую мировую войну в настоящее время, еще должны будут предстать перед судом будущего Международного пролетарского трибунала, перед судом истории.

Как ни неизмеримо велики преступления Промпартии, однако ей не удалось приостановить победоносный ход социалистического строительства в нашей стране. Об этом говорят бесстрастные цифры наших успехов и достижений. Это вынужден признать даже такой злейший враг пролетарской диктатуры, как вредитель Ларичев. Говоря о восстановительном периоде, он в своих показаниях заявляет, что «задержать рост народного хозяйства в конце концов не удалось ни скрытым ни явным сопротивлением инженерских кругов той активной силе, которая двигала восстановительный процесс, той работе, которая производилась рабочим классом под руководством партии и советского правительства. Эта работа шла настолько успешно, что в конце концов, даже несмотря на наличие серьезных актов торможения и отдельных вредительских актов на предприятиях, как я уже сказал, задержать рост народного хозяйства не удалось».

Вредители неоднократно прибегали в своей планово вреди-

тельской работе к спутыванию карт. Так например госплановские и ВСНХовские вредители во время составления пятилетки выступали с различными цифрами, устраивая для отвода глаз взаимную «перепалку» по вопросу о том, сколько миллионов тонн чугуна можно записать в пятилетку. Одно время Калинников, Гартван и Таубе отстаивали 6 млн. *т* чугуна, а ВСНХовский вредитель Хренников—8 млн. *т*. Этот опыт недавнего прошлого нельзя не вспомнить в связи с тем, что на процессе имел место «научный спор» между Рамзиным и Ларичевым по вопросу о том, можно ли к концу пятилетки добыть 42 млн. *т* нефти. Рамзин показывает, что и малые и большие темпы как в области добычи нефти, так и в других областях они использовывали во вредительских интересах.

Главарь вредительской шайки Рамзин докладывал суду тезис о том, что инженерство должно было править миром:

«Современное государство, опирающееся на высокоразвитую технику, должно управляться инженерами, как представителями этой техники, т. е. что руководящая роль в управлении страны, в управлении народным хозяйством должна принадлежать инженерству. Если хотите, это является перифразой древне-греческого построения: как в древне-греческом государстве мыслилось, что руководящая роль должна принадлежать философам, так в теперешнем государстве с развитой техникой мыслилось, что руководящая роль должна принадлежать инженерству». Не бывало нигде в истории, чтобы цех или каста управляла государством. Государством правит господствующий класс, и, добиваясь власти для инженеров, Промпартия на деле всеми своими действиями открыто шла к тому, чтобы вернуть к власти капиталистов и помещиков. Не бесклассовое инженерство, существующее вне времени и пространства, но паразитствующие классы, низвергнутые Октябрьской революцией, прокладывали себе путь к власти через Рамзиных, Калинниковых, Кондратьевых и других. Промпартия мечтала о возврате к власти частных собственников на фабрики, заводы, рудники и недра; за спиной этих новых «хозяев» стоят империалистические интервенты, желающие превратить нашу страну в колонию мирового капитала. Промпартия вместе с кондратьевцами вела к восстановлению в деревне хозяйства помещиков, она несла на штыках интервенции буржуазно-помещичью реставрацию, колониальное порабощение рабочих и крестьян.

Вредители сознавали, что между ними и правыми элементами нашей партии имеется ряд точек соприкосновения. В той форме, в какой вредители могли «легально» высказывать свои взгляды на практической работе в советских учреждениях, эти взгляды нередко совпадали со взглядами правых.

И не даром даже такой вредитель-«отраслевик», как Федотов, на суде заявляет, что они, вредители, считали для себя полезным поддерживать правый уклон. Выкорчевывая корни вредительства, партия должна в то же время усилить борьбу со всеми и всяческими уклонами от генеральной линии партии—с «левым», право-«левацким» и особенно с правым.

Разоблачение социал-интервентов

Те показания, которые подсудимые давали на процессах Промпартии и меньшевиков, великолепно характеризуют их социальную сущность, их политические установки и задачи. Никто так красочно и убедительно не вскрывает омерзительную картину, представленную русскими меньшевиками, желтым Интернационалом, как те бесстрастные, неотразимые факты, которые сами меньшевики-интервенционисты изложили на процессе.

Меньшевики, как известно, пользовались когда-то некоторым влиянием в рабочем классе, они боролись за удержание его. Так было в период до Октябрьской революции, так было в первые годы советской власти, когда еще оставались группы рабочих, не изжившие меньшевистских иллюзий. Однако опыт мировой и гражданской войн, история падения всей международной социал-демократии в пропасть социал-предательства, а с другой стороны успехи социалистического строительства и превращения СССР в действительное отечество пролетариев всех стран,—все это привело к тому, что последние остатки из тех политически несознательных рабочих, которые некогда шли за меньшевиками, отвернулись от них и решительно порвали с ними. Если сегодня еще имеются меньшевистски или эсеровски настроенные рабочие, то это только единицы. Рабочий класс СССР идет за ВКП(б), живет и строит социализм под руководством партии Ленина,—вот неотразимый и решающий факт, понятный и очевидный для самих меньшевиков.

Меньшевики могут адресоваться со своими установками и со своей программой к кому угодно,—к кулакам, к нэпманам, к брюзжащим бюрократам,—только не к рабочему классу, с которым у них ничего похожего на общий язык не имеется. Громаны, Гинзбурги, Шеры, Петунины и всякая другая продажная сволочь из лагеря меньшевиков прекрасно понимают это положение. И как старые, опытные политики и политиканы, они самих себя не считали нужным обманывать никакими иллюзиями, хотя бы на одну минуту. В своих показаниях на судебном процессе подсудимый Шер и другие подтвердили, что они имели задание от своих заграничных собратьев и хозяев вести работу в советских учреждениях. Избирая своим объектом учреждения, а не предприятия, меньшевики исходили не только из того, что здесь имеется благоприятная почва для широко развернутой вредительской деятельности, но и из того, что рабочий с завода попросту прогонит их или возьмет за шиворот и предаст в руки государственного политического управления. Ведь нельзя же в самом деле к русским рабочим, строящим социализм, охваченным энтузиазмом соцсоревнования и ударничества, являющимся хозяевами своих фабрик, своих заводов в своей стране, итти с той философией, которую в Берлине господин Дан развивал господину Петунину. Философия эта, как известно из показаний Петунина, заключается в том, что порча машин может итти на пользу «народу». Под этим народом можно понимать только отживающие

капиталистические элементы страны и господ типа Пуанкаре; тех же, кто понимает под таким «народом» что-либо другое, рабочий сочтет нужным отправить либо в сумасшедший дом, либо квалифицировать как вредителя.

Социальной базой, на которую ориентировались меньшевики, являются сокращающиеся из года в год городская буржуазия, деревенское кулачество и те самые слои высокооплачиваемых служащих, которые по мысли одного из подсудимых, получая много, хотят иметь еще больше.

Дело, однако, не только в той антисоветской контрреволюционной социальной базе, которую искали меньшевики (а другой им не дано), но и в тех связях, которые они пытались установить организационно. С одной стороны, они блокировались с контрреволюционной организацией, так называемой Промпартией, и с группой Кондратьева—Чаянова, а с другой стороны, они выполняли прямые директивы находящихся в эмиграции русских меньшевиков, составляющих органическую часть II Интернационала и тесно связанных с германскими социал-демократами.

Они создали сперва инициативную группу, а затем и «Союзное бюро» РСДРП, которое, контактируя свои действия с другими нелегальными организациями, занималось вредительской деятельностью и в области промышленности, финансов, рабочего снабжения и синтетического планирования.

Для вредительских действий против рабочего государства и против рабочего класса оказалась вполне подходящей платформа заграничных меньшевиков, все пункты которой заострены против социализма в пользу капитализма. Исходя из антисоциалистических устремлений, будучи, как и вся международная социал-демократия, партией капитализма, меньшевики-вредители делали все, что было в их силах, для того чтобы разрушать производительные силы социализма, для того чтобы толкать нашу страну на путь капиталистического развития. В своих показаниях на процессе Громан и другие прямо говорили о том, что они старались влиять в этом направлении на политику партии. Конечно, никакого влияния на политику партии они не имели и иметь не могли. Всякие буржуазные идеи и идейки, которые Громаны старались подсовывать партии и советской власти, базируясь на фальсификационной конъюнктуре и на ложных данных, встречали самый сокрушительный большевистский отпор.

Держа курс на капиталистическое развитие страны, они вдохновляли правых, обволакивая их и устанавливая с ними идеологическую смычку. Для вредителей-интервенционистов были однако все средства и все оппозиции хороши. Сходясь в генеральной линии своей экономической программы, программы капиталистического развития и перерождения СССР с правыми, они вместе с тем исходили из троцкистской (той же меньшевистской) установки на невозможность построения социализма в нашей стране... Любопытны в этом отношении те директивы, которые получил Петунин от Дана в 1927 г. Ориентируя действующих на территории СССР меньшевиков на поддержку троцкистской оп-

позиции, Дан безошибочно указывал на то, что из «левых», «революционных» фраз Троцкого ничего не останется и что его борьба за демократию, как и вся борьба против коммунистической партии может только пойти на пользу меньшевикам. Меньшевистская контрреволюция правильно нащупала своих союзников.

Конечной целью меньшевистской работы являлась интервенция. Они ориентировались на международный капитал, на его вторжение в СССР, стараясь сперва мирным путем, путем постепенных экономических «реформ» проложить ему путь в СССР. Выступая в президиуме Госплана 20 апреля 1922 г., Громан заявил: «Я согласен с тем, что сейчас нет особого русского народного хозяйства, а есть чисто мировое хозяйство, и что только ориентируясь на мировое хозяйство и можно жить». Коммунистическая партия и рабочий класс, как известно, жили и живут не по Громану, не ориентируясь на мировое капиталистическое хозяйство, но на социалистическое строительство, которое идет успешно, быстрыми темпами. И в ответ на успехи социалистического наступления, в ответ на ликвидацию кулачества как класса, в ответ на успехи индустриализации и коллективизации меньшевики-вредители пошли на путь прямой, неприкрытой интервенции, подчиняя всю свою работу подготовке вооруженного нападения на СССР. В этом основном и решающем пункте они имели «отеческое благословение» со стороны заграничного бюро. Как это выяснилось на процессе, Гильфердинг объявил себя в разговорах с русскими меньшевиками сторонником интервенции и проведения широкой кампании среди рабочих капиталистических стран в пользу непротиводействия вооруженному нападению на СССР, своего рода толстовское «непротивление злу», которое должно затопить СССР в крови рабочих и крестьян. Уже упоминавшийся нами Дан, давая русским меньшевикам директивы на подготовку интервенции, заявил, что в этом вопросе их поддерживает «вся международная социал-демократия».

Пойманные с поличным, заграничные меньшевики начинают изворачиваться. Еще до начала процесса, еще до ознакомления с материалом обвинительного заключения, как только в Берлине получилось телеграфное известие о готовящемся процессе, осиное гнездо находящихся в эмиграции меньшевиков закопошилось. Не будучи в силах преодолеть ту простую истину, что «на воре шапка горит», так называемая заграничная делегация русских меньшевиков немедленно выступила в «Форвертсе» с заявлением, в котором она пытается отрицать всякую свою связь с подсудимыми, нелегальный приезд Абрамовича в Москву, а также изменение своей позиции, которое заключается в переходе на точку зрения интервенции.

Оглашение этого заявления на процессе было встречено с изумлением больше всего самими меньшевиками-подсудимыми, которые тут же на месте, перед лицом своей собственной контрреволюционной деятельности, вынуждены были опровергнуть гнусную ложь заграничных меньшевиков.

Стараясь скрыть свою интервенционистскую, контрреволюци-

онную сущность, заграничные меньшевики не останавливаются ни перед чем. Пройдя большую школу предательства по отношению к рабочему классу, они теперь открещиваются от своих последних друзей, которые вместе с ними выполняли задачи мирового капитала. Но та картина, которая развернулась на процессе меньшевиков-интервентов, с достаточной убедительностью и неотразимой яркостью говорит о той последовательной контрреволюционной интервенционистской платформе, на которой стоял и стоит международный меньшевизм.

Сидевшие на скамье подсудимых меньшевики представляют собою жалкую кучку обанкротившихся политиков, которые устроили заговор «спецов»-бюрократов против рабочего класса, против социалистического строительства. За их спиной стоят Дан и Гильфердинг, Абрамович и Вандервельде, вожди II Интернационала и мировой империализм, которому они служат. Перед рабочим классом СССР, как и перед всем мировым пролетариатом, должны держать ответ не только те физические лица, которые сидели на скамье подсудимых, но и те, которые ими руководят и их поддерживают.

Вместо заключения

Пользуясь крайним недостатком квалифицированных сил для строительства социализма, пользуясь условиями первого периода революции, когда пролетариат вынужден обращаться к буржуазным специалистам за помощью, меньшевики, эсеры, кадеты и просто черносотенцы с дипломами и без таковых, ученые, полуученые и лжеученые пытались эксплоатировать советскую власть в интересах буржуазии. Они пошли на всякие меры от прямых форм разрушения производительных сил и материальных ценностей вплоть до создания особых теорий, которые могли бы сыграть роль своего рода квази-научного опиума для советской общественности.

Одним из условий, которое облегчало работу вредителей на всех фронтах, является та атмосфера «нейтральности», которая существовала среди специалистов. Давно сказано и доказано, что золотой середины в политических вопросах и в классовой борьбе не бывает и быть не может. Нейтрализм среди специалистов оказался на-руку вредительской деятельности и вредительским организациям. Та же корпоративность, та же семейственность, то же кумовство, тот же принцип—«рука руку моет», которые наблюдаются во многих случаях среди специалистов-техников, нашли себе место и среди экономистов-плановиков. Огромные возможности, которые были в их руках, как у ответственных работников советского аппарата, они без зазрения совести использовывали для формирования своих кадров, для разработки своих вредительских теорий, для контрреволюционных действий. Вредители пытались широко развернуть свою работу, но никакой опоры ни среди рабочих ни среди крестьян они не нашли и найти не могут. Они остаются ничтожной изо-

лированной кучкой буржуазных интеллигентов, охвостьем капиталистического строя, которые тщетно пытались воскресить то, что обречено историей на окончательную гибель.

Внутрипартийные разногласия использовались вредителями вовсю. Они старались пролезть во всякую политическую пробоину, кем бы она не создавалась—правыми или «левыми». В их программу практических действий входила активная поддержка правых.

Вредители слишком ничтожны и беспомощны, чтобы повернуть колесо истории, приостановить победоносное шествие пролетариата к социализму. Но они были достаточно сильны для того, чтобы на отдельных участках советского строительства наносить нам существенный вред.

Следует с сожалением констатировать, что планирование является у нас одним из самых запущенных участков. До сих пор оно еще не вполне вышло из стадии кустарщины и не сделалось наукой, между тем нам необходимо дозарезу научное планирование, вооруженное марксистско-ленинским пониманием общественных явлений и использующее все новейшие достижения науки и техники.

Содержание планирования, его методы и формы—это дело партийное в первую очередь. Оно будет поставлено на должную высоту только на основе глубоко партийного понимания и изучения вопросов планирования.

Партия дала решительный отпор буржуазно-вредительским элементам в области планирования и их правооппортунистическим отголоскам внутри партии.

Партия производит и тот перелом во всей плановой работе, который поставит всю эту работу на уровень, соответствующий задачам нашей великой эпохи.

Из того вреда, который принесли советской власти вредители, коммунисты должны в первую очередь сделать все необходимые выводы для своей собственной работы. Точно так же как коммунист не вправе относиться с презрением к буржуазным специалистам, считая что он все знает и все может сделать, нельзя относиться и с излишним доверием к работе представителей чуждого класса, которые находятся в наших учреждениях. Строить социализм чужими руками—это дело чрезвычайно сложное, чреватое многими опасностями, требующее исключительной гибкости и умения. Используя буржуазных специалистов, коммунисты должны вместе с тем у них учиться, овладевать их знаниями и руководить ими. Контроль не формальный, но по существу, контроль, вникающий во все стороны вопроса, является абсолютно обязательным для практической работы коммунистов.

Здоровое коммунистическое недоверие по отношению к буржуазным специалистам, уменье проверять их работу, тщательный контроль над ними являются абсолютно обязательными условиями для руководства коммунистов хозяйственным и культурным строительством. Широкое развертывание самокритики, вовлечение самих рабочих масс в дело строительства социализма, на-

правление их внимания на те звенья работы, с которыми они непосредственно сталкиваются,—это первостепенная задача в деле преодоления вредительства, в деле создания таких условий, которые делают его невозможным. Такая новая форма мобилизации масс на социалистическое строительство, как встречный промфинплан, сразу ставит под общественный массовый контроль работу всех хозяйственников, всех плановиков.

Расправляясь самым беспощадным образом с вредителями, советская власть вместе с тем создает наиболее благоприятные условия для работы честных специалистов, для тех, которые действительно хотят строить социализм и которые всерьез становятся по нашу сторону баррикады и готовы вместе с пролетариатом, засучив рукава, двигать вперед историю человечества. Этим специалистам, ряды которых все больше и больше растут, тем, которые в своей повседневной работе перемалываются, перевариваются в пролетарском соку и готовы слиться в единую семью с рабочим классом,—этим специалистам, ликвидирующим позорную нейтральность, становящимся в ряды красных бойцов за коммунистическое общество, советская власть и коммунистическая партия будут оказывать всемерное содействие в их трудной и благодарной работе.

Наряду с этим мы должны форсированным темпом готовить кадры красных специалистов. Задача эта может считаться осознанной в смысле подготовки кадров техников и инженеров из рабочих и коммунистов. Исключительно важной, однако, является и подготовка экономистов, подготовка плановых работников, владеющих марксистско-ленинским методом, умеющих ставить и разрешать вопросы так, как того требует социалистическое строительство, как того требует партия. Планирование является делом совершенно новым. Здесь все от начала до конца должно быть создано нашими собственными силами. Пролетариату не у кого учиться в вопросах планирования.

По мере роста планового хозяйства, по мере все большего и большего приближения нашего хозяйства к социализму, потребность в экономистах и плановиках-ленинцах становится особенно настоятельной. Новые молодые кадры должны будут выполнить огромную работу по оперативному планированию и особенно важную работу по поднятию планирования на высшую ступень, по выведению его из стадии кустарничества, по созданию действительно марксистско-ленинской науки планирования.

М. Рагольский

О ВРЕДИТЕЛЬСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЛАНИРОВАНИЯ ГРОМАНА—БАЗАРОВА

Разоблачая вредительскую теорию и практику планирования Громана — Базарова, мы должны исходить из того, что в их лице мы имеем дело с руководящими членами меньшевистской контрреволюционной организации, возглавлявшейся так называемым Союзным бюро меньшевиков, и что теоретические установки и практическая деятельность этих господ отражали установки и осуществляли задания заграничного меньшевистского центра и II Интернационала.

Раскрытие контрреволюционных организаций Промпартии, ТКП (Трудовой крестьянской партии) и меньшевистской группы Громана и суд над Промпартией и меньшевиками-интервентами воочию показали наличие единого фронта от Пуанкаре до социал-фашистов за границей и от монархистов из Промпартии до меньшевистской группы Громана—Суханова внутри СССР.

Этот единый фронт контрреволюции мы имели после Октябрьского переворота в период гражданской войны—в виде Самарского правительства из кадетов, эсеров и меньшевиков, в виде поддержки меньшевиками правительства Деникина и т. д.

«Меньшевики и эсеры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914—20 гг.),—писал Ленин в 1920 г.,—начали с предательства, оправдывая прямо и косвенно «защиту отечества», т. е. защиту своей грабительской буржуазии. Они продолжали предательство, вступая в коалицию с буржуазией своей страны и борясь вместе со своей буржуазией против революционного пролетариата своей страны.

Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным в России, как и блок их заграничных единомышленников, с буржуазией их стран, был по существу переходом на сторону буржуазии против пролетариата» [1]. Этот единый фронт мы имели в 1921 г. во время Кронштадского мятежа, в котором меньшевики и эсеры играли весьма активную роль и который они всеми силами поддерживали. Оправдались слова Энгельса о том, что в момент и на другой день пролетарской революции

[1] *Ленин*, Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

пролетариат будет иметь против себя всю реакционную массу, объединившуюся вокруг лозунга чистой демократии (см. письмо к Бебелю 11 декабря 1884 г.).

Разбитые вместе с буржуазией в гражданской войне меньшевики (так же как и буржуазия), вслед за объявлением новой экономической политики, возложили на время свои надежды на капиталистическое перерождение советской власти. При этом меньшевики поставили своей задачей содействовать всемерно в этих целях росту капиталистических элементов и в то же время ослаблять советскую власть путем обвинения ее в «красном империализме», путем обмана рабочих Запада и т. д.

В 1924 г. меньшевистский заграничный центр публикует «Платформу РСДРП», в которой этот центр прямо высказывается за замену советского строя буржуазно-демократическим, за возвращение бывшим собственникам преобладающей части промышленности, за фактическую денационализацию земли, за отмену монополии внешней торговли и за предоставление полной свободы развития капитализму, одним словом, за реставрацию капиталистического строя в СССР.

Уже в 1925 г. заграничный центр дает меньшевикам в СССР прямое задание содействовать в своей практической работе «углублению и расширению нэпа», укреплению и росту капиталистического хозяйства в СССР, не останавливаясь перед «ослаблением» деятельности советских учреждений, т. е. по существу перед вредительством.

Как известно, меньшевик Берлацкий прямо заявил на суде, что ему меньшевистским лидером Даном еще в 1925 г. была передана директива принять все меры к расширению и углублению нэпа, а также было заявлено, что вся делегация, т. е. заграничный меньшевистский центр, стоит на той позиции, что «если в интересах сохранения нэпа надо стать лично на путь ослабления своей деятельности в учреждениях или ослабления деятельности учреждений, в которых работают социал-демократы, то социал-демократы должны стать на этот путь»[1].

Жизнь однако опрокинула расчеты меньшевиков на перерождение советского государства. В результате ленинской политики коммунистической партии экономическое развитие СССР пошло по линии все большего роста социалистического хозяйства, а капиталистические элементы начали усиленно вытесняться из нашей экономики. Социалистическая промышленность вошла в период реконструкции.

Осуществление ленинского кооперативного плана на основе политики индустриализации привело к все большему усилению позиций социализма в деревне и подготовило поворот середняка к социализму.

Меньшевикам оставалось либо признать политическую ошибочность их платформы и прекратить борьбу с советской властью, либо окончательно солидаризироваться с империалистической бур-

[1] «Известия ЦИК СССР» 3/III 1931 г. Показания подсудимого *Берлацкого*.

жуазией и признать необходимость военной интервенции против СССР.

Составляя часть II Интернационала—этого последнего оплота буржуазии, став выразителями интересов идущих ко дну слоев в СССР (торговцев, кулачества, реакционной части служащих), меньшевики выбрали второй путь—путь блока с Промпартией и кулацко-кондратьевской партией, путь поддержки интервенции, путь вредительства с целью облегчить победу интервентов.

Приняв курс на интервенцию и на вредительство как средство ее подготовки, меньшевики заключили тесный политический блок с кулацко-эсеровской контрреволюционной партией Кондратьева—Чаянова и с Промышленной партией, являющейся интервенционистско-шпионско-вредительской организацией крупной буржуазии.

«Все эти контрреволюционные организации на совместном совещании своих руководителей в начале 1929 г. распределили между собою функции борьбы с советской властью, а именно:

«Промышленная партия взяла на себя через посредство находящейся в Париже организации бежавших от пролетарской революции русских крупных капиталистов (Манташева, Денисова, Рябушинского, Гусакова, Коновалова, Нобеля и др.) и именующей себя «Торгпром» переговоры с интервенционистскими правительствами и их генеральными штабами, организацию подрывных (диверсионных) групп, формирование контрреволюционных элементов среди инженерно-технической интеллигенции и вредительство по отраслям промышленности; кулацко-эсеровская партия Кондратьева—Чаянова взяла на себя организацию кулацких восстаний, снабжением повстанцев оружием и продовольствием, организационную контрреволюционную работу среди специалистов сельского хозяйства и вредительство в отраслях этого хозяйства; русские социал-демократы (меньшевики) с одобрения своего заграничного центра приняли на себя вредительство в общем и специальном планировании народного хозяйства, конкретное вредительство в области заготовок хлеба и сырья для промышленности, распределения промышленных товаров, рабочего снабжения, а также в области финансирования и кредита, кроме того они обязались при посредстве своего заграничного центра и II Интернационала принять меры к подготовке такого общественного мнения трудящихся и в особенности мирового пролетариата, при котором интервенция в Стране советов не встретила бы с их стороны сопротивления[1].

Меньшевистская организация имела значительную ячейку в Госплане СССР, о которой в одном из своих показаний возглавлявший ее Громан говорил:

«Эта контрреволюционная организация, внешне прикрытая научным авторитетом «школы Громана», составилась в большинстве

[1] См. Приговор по делу контрреволюционной организации меньшевиков «Правда» 10/III 1931 г.

из моих единомышленников-меньшевиков, работавших и привлеченных к работе в Госплан и ЦСУ СССР, а именно: Базарова (богдановец), Вишневского (бывш. социалист), Шуба (меньшевик), Пистрак (меньшевик) и др». Члены этой группы играли значительную роль в Госплане, имели отношение к плановой работе и положили немало «трудов» для того, чтобы своими теориями и установками оказать влияние на ход плановой работы в нужном им направлении. Особенно выделялись в этой группе в смысле «теоретиков»-экономистов Громан и Базаров. Остальные были у них подручными. Наряду с проведением вредительских установок в планах одной из специальных задач этой группы было подвести теоретическую базу под вредительскую практику единого контрреволюционного фронта, «доказать», что наше хозяйство идет к капитализму, что оно неспособно тягаться с капитализмом, что мы будем развиваться затухающими темпами (Базаров), что план должен подчиниться стихии, что мы должны дать простор кулацкому хозяйству (Громан, Базаров и Кондратьев), что установка на социалистическое обобществление разрушает производительные силы и что спасение только в уступках капиталистическим элементам и в возврате к старому капиталистическому строю.

«В своей борьбе за политический переворот и свержение большевиков,—заявил тот же Громан,—организация ставила основную ставку на кулацкую верхушку села—единственный политический и хозяйственно-активный слой». Имея социальной базой деклассированную буржуазию, в первую очередь часть служащих советского и государственного аппарата, в которой корни связаны с прошлым и которая в настоящее время быстро вытесняется новой советской сменой, а также и вытесняемую городскую торговую буржуазию, меньшевики, как и другие контрреволюционные группы, пытались опереться на кулачество, и действия их были рассчитаны на сохранение капиталистических элементов, особенно в деревне, сохранение и укрепление кулачества, этого последнего оплота капитализма в СССР.

Эта ориентировка на укрепление кулачества объединяет громановцев с кондратьевцами, и мы находим многочисленные подтверждения этого единого фронта.

Так, на заседании комиссии Госплана по вопросу о методологии планирования народного хозяйства СССР (8 октября 1924 г.) Базаров, выступив по докладу С. Г. Струмилина, заявил: «Производственные кооперации в сельском хозяйстве при интенсификации его—вот намечающийся на Западе путь к коллективизации крестьянского хозяйства, но при этом необходимо взять курс на «кулака», а не на «бедняка»[1].

Это положение Базарова ничем не отличается от высказываний Кондратьева. Меньшевик Базаров выдал себя как прямой защитник кулачества, как буржуазный реставратор. Через год, примерно, Громан заявил в том же духе:

«Нужно вглядываться в жизнь, улавливать ее веления и или

[1] Архив Госплана, 1924 г., дело № 41.

итти вместе с ними или противопоставить им силы, находящиеся в жизни, если имеешь их в своем распоряжении, которые могут повернуть течение жизни в желательную сторону. Но и здесь налицо будут определенные объективные границы к осуществлению желаемого и нередко придется мириться с нежелательным направлением самой жизни»[1].

С чем же «нежелательным», однако, придется мириться?

На это Громан тут же отвечает:

«В последних речах политических вождей мы видим указания на то, что развитие производительных сил требует «развязывания кулацких хозяйств», хотя желательным это развязывание отнюдь не является»[2].

Здесь Громан показал себя как прямой защитник линии на «развязывание кулацких хозяйств». Извращение речей политических вождей, т. е. вождей коммунистической партии, которые такого лозунга никогда не давали, понадобилось Громану лишь для прикрытия своей собственной ориентировки на капитализм.

Такова та политическая основа, которая предопределила вредительские практические и идеологические установки Громана и Базарова. Разоблачая их вредительские установки в теории, нельзя ни на минуту забывать, что в их лице мы имеем не «ошибающихся» теоретиков, а идеологов и практиков единого контрреволюционного фронта, сознательных выразителей и проводников интересов буржуазии в теории и практике.

Переходя к характеристике экономической теории меньшевистских вредителей, отметим прежде всего, что по существу перед нами типичные социал-оппортунисты, переросшие в социал-фашистов, апологеты капитализма, которые пытаются прикрыться Марксом в целях более тонкого обмана пролетариата, в целях своеобразной социальной мимикрии.

Там, где они ссылаются на Маркса, они, как правило, извращают его теорию, выхолащивают из нее материалистическую диалектику. По существу и у Громана и у Базарова мы находим полный отказ от Маркса, полный переход на позиции неокантианства и в то же время повторение механистической теории Богданова.

Особенно тонкий обман и извращение Маркса мы находим у Базарова,—именно поэтому его установки являются более опасными и заслуживают большого внимания. Разоблачение этих меньшевистских теорий важно еще и потому, что ряд положений в их теориях и теориях представителей правого оппортунизма являются общими. Как увидим ниже, не только правый оппортунизм—эта главная опасность в партии на данном этапе, но и «левые» оппортунисты имеют много общего с установками Базарова и Громана. Удивительного в этом нет ничего, ибо всякие уклоны от марксово-ленинской линии в политике и теории ведут в меньшевистское болото.

[1] Тезисы *В. Громана* «Восстановительный процесс и управляющие им закономерности», 1925 г.

[2]) Там же.

При рассмотрении меньшевистских вредительских теорий следует учесть, что меньшевики, находившиеся в СССР, должны были говорить другим языком, чем меньшевики за границей. Они должны были облачаться в тогу... честных советских специалистов, пекущихся о благе СССР. Они должны были проводить свои буржуазные установки под личиной марксистов, имеющих лишь «свое мнение» в том или другом вопросе. По существу, они вели все время упорную атаку против ленинской теории и практики, причем с жадностью ухватывались за малейшее уклонение в теории и практике от генеральной линии партии.

И Громан и Базаров исходят из одинаковой и притом буржуазной «теории» советского хозяйства. Громан и Базаров не видят и не признают в нашей экономике социалистического уклада. Этот уклад фигурирует у них в форме государственно-капиталистического уклада. Громан находит в нашей системе следующие социальные формы: «государственный капитализм, частный капитализм, мелкое товарное производство и кооперативное хозяйство»[1].

Социалистический уклад таким образом целиком выпал. Меньшевики вообще горячо поддерживали тезис зиновьевской оппозиции о том, что наша экономическая система есть система государственного капитализма, отлично понимая, что этот тезис отрицает основное в нашей экономике, а именно, что она есть переходная— от капитализма к коммунизму—экономика.

Из этого понимания экономической структуры нашего общества вытекает в основном и непризнание нашего хозяйственного строительства как строительства социалистического общества, и отождествление нашей экономики с экономикой капиталистической, и отрицание нашего движения к социализму. Наоборот, Громан и Базаров утверждают и исходят из того, что мы неизбежно и неотвратимо катимся назад, к капитализму. Это свое кредо они подчас пытаются завуалировать, но шила в мешке не утаишь, и всякий, ознакомившись с их работами, легко обнаружит это. Можно сказать, что Громан и Базаров в своих теоретических концепциях исходят из понимания нашего советского хозяйства, как одной из форм капиталистического хозяйства. И это объединяет их с Юровским. Громановская «теория эмпирических закономерностей» несомненно методологически базируется на том, что он не признает диктатуры пролетариата, что он рассматривает нашу страну как страну, движущуюся назад к капитализму. То же проявляется и в его теории восстановительного процесса.

Основной чертой народного хозяйства СССР Громан считает то, «что после годов разрушения мы вступили в период восстановления» и что мы идем к восстановлению довоенных соотношений между отдельными отраслями народного хозяйства.

Весь смысл восстановительного периода, по Громану, и сводится к восстановлению довоенного положения в отдельных отраслях производства и довоенных между ними соотношений; ре-

[1] См. *В. Громан* «О некоторых закономерностях» и т. д. «Плановое хозяйство», 1925 г. № 1, стр. 103

волюция вывела народное хозяйство из равновесия; в итоге восстановительного процесса должно снова установиться равновесие на довоенном уровне, причем отрасли более отставшие должны быстрее двигаться к восстановлению довоенного уровня, а менее отставшие—медленнее.

В введении к контрольным цифрам на 1925/26 г. Громан так формулирует эту закономерность: «Восстановительный процесс захватывает данную отрасль тем раньше, чем более настоятельна потребность, ею удовлетворяемая, и при прочих равных условиях восстановление идет тем быстрее, чем сильнее была дезорганизация в период хозяйственной разрухи». Из этого тезиса вытекал вывод, что темп роста производства в восстановительный период должен замедляться по мере приближения к довоенному уровню. Эту теорию затухающей кривой по мере приближения к довоенному размеру производства Громан подкреплял своей так называемой теорией «эмпирических закономерностей», которая тесно связана с теорией равновесия. Основным законом всякого общества является, по Громану (как и по Богданову), закон равновесия; наша экономика не признается Громаном экономикой переходного—между капитализмом и коммунизмом—периода. Следовательно должно установиться равновесие на довоенном уровне и довоенного типа; Громан и выдвинул положение, что мы идем к довоенному соотношению сельского хозяйства и промышленности, к довоенному удельному весу зарплаты в продукции, одним словом, к довоенным пропорциям в народном хозяйстве.

«С начала нэпа,—заявил Громан на одном из докладов,—внутренние имманентные силы, коренящиеся в самом экономическом процессе, в условиях борьбы с природой потребовали восстановительного процесса. Так, если вы нажмете пружину, а потом отпустите ее из рук, то она будет стремиться принять прежнюю форму. Этот восстановительный процесс заключается в стремлении приблизиться к довоенным размерам и пропорциям, а также взаимоотношениям между отдельными отраслями»[1].

Итак, так же как пружина стремится вернуться к прежнему положению, так и экономика СССР должна вернуться к довоенным соотношениям, а по существу к капитализму—такова насквозь механистическая и насквозь буржуазная теория меньшевистского лидера.

«Восстановительный процесс,—писал Громан,—начался с того, что стали работать больше и больше; в том, что элементы производства и потребления стали концентрироваться в соответствующие моменты в соответствующих местах. Мы растем в меру утилизации оставшихся от прежнего общества материальных и человеческих производительных сил»[2].

Итак основное—это то, что снова начали работать. На каких началах, при каких производственных отношениях,—а ведь если

[1] Доклад *Громана* 15/VII 1925 г. в Госплане, Архив, дело № 23.

[2] *В. Громан*. «О некоторых закономерностях», Плановое хозяйство, 1925 г., № 1, стр. 103.

эти отношения изменились, то изменились и закономерности,—это Громан скрывает. Своеобразие советской системы им не признается. Каковы, однако, закономерности восстановительного периода? Основной закон Громан видит в постулате равновесия. «Равновесие, хотя бы и подвижное, хозяйственного организма страны есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований...» А поэтому «основным критерием оценки динамики хозяйственных процессов должен быть принцип приближения к равновесию, т. е. к соразмерности развития различных взаимно обусловливающих друг друга элементов народного хозяйства. Всякое нарушение этого принципа со стороны объективных условий или же вследствие несоответствия плановых мероприятий принципу соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных сторон народного хозяйства немедленно отражается самым отрицательным образом на общем ходе хозяйственного развития»[1].

Итак равновесие—вот основной принцип, который управляет нашей экономикой. Не движение к социализму, обусловленное сознательной деятельностью пролетариата, не вытеснение капитализма, не социалистическое переустройство сельского хозяйства, а равновесие—топтание на месте, сохранение той же структуры нашей экономики, а фактически усиление элементов капитализма—вот основная черта нашей экономики. Именно в нем, в равновесии, а не в новой экономической структуре, не в движении к социализму «критерий оценки». Было бы излишним доказывать, что равновесие есть лишь момент в движении, что пропорциональное распределение труда при столь дорогом Громану капитализме «осуществляется лишь через неосуществление», что сама пропорциональность весьма относительна, что пропорции в наших условиях в основном формируются планом и т. д.

Важно иметь в виду, что теория равновесия была выдвинута Громаном совершенно сознательно, имея целью доказать невозможность резких сдвигов в нашей экономике и губительность их. В самом деле. О каком равновесии говорит Громан? Он говорит о равновесии на основе довоенных пропорций, он добивается сохранения «равновесия секторов», «равновесия классов» в нашей экономике. Вредители отлично сознавали, что принцип «равновесия» фактически имеет целью сохранить и укрепить позиции кулачества и нэпманства.

По «теории» Громана «эмпирические закономерности»—восстановление довоенного соотношения ценности (точнее суммы цен—*И. Р.*) товарной массы промышленности и сельского хозяйства и др.—настолько чудодейственны и всемогущи, что именно они управляют движением нашей экономики, в частности движением цен. Исходя из этих закономерностей согласно Громану нужно *предвидеть* (а к предвидению Громан сводит планирование) движение цен, зарплаты, размера кредита и т. д.

[1] Там же, стр. 103.

«Вся ценность с.-х. и промышленных товаров, отнесенная к их общей сумме, выразилась в величинах, близких к довоенным»— вот великая мысль, «на которую натолкнулся» ученик Громана Гухман и которую пытается доказать Громан.

«В 1913 г. товарная продукция сельского хозяйства относилась к промпродукции как 37 : 63. В 1921/22 г. это отношение равнялось в довоенных ценах 51 и 49. Но рынок несколько смягчил это отношение, повысив с.-х. цены и понизив промышленные, что дало отношение 52 : 48».

«В 1922/23 г. соотношение товарных масс сельского хозяйства и промышленности составило в довоенных ценах 57 : 43, а в червонных ценах 41 : 59. В 1923/24 г. соотношение составило в довоенных ценах 51 : 49, а в червонных 38 : 62; и, наконец, 1924 25 г. привел при сотношении товарных масс в довоенных ценах 45 : 55 к соотношению в червонных ценах 37 : 63»[1]. Итак точка в точку достигнуто довоенное соотношение товарных масс. Теперь ничего не стоит предусмотреть движение с.-х. и промышленных цен, ибо сумма цен с.-х. товаров и сумма цен промышленных товаров должны относиться как 37 и 63, каковы бы ни были их массы в натуре. Блестящее открытие, подтверждающее торжество извечных законов экономики, экономики довоенной, капиталистической, их же не прейдеши! Мы идем к довоенному соотношению товарных масс сельского хозяйства и промышленности, довоенному отношению зарплаты к продукции и т. д. Одним словом, диктатура пролетариата, пролетарская национализация промышленности, политика социалистической индустриализации и т. д.—все это несущественно, в основном все осталось попрежнему и идет к старому!—таков смысл «теории» Громана.

В тезисах о «Контрольных цифрах народного хозяйства за 1925/26 г.» Громан сделал попытку подкрепить свою «эмпирическую закономерность» ссылкой на... марксову теорию стоимости.

«Соотношению ценностей товарных масс принадлежит примат над соотношением уровней цен различных товаров. Цена товара (отдельного его экземпляра) есть частное от деления всей ценности данной группы товаров на количество товара. Таково было общее развитие в нормальном хозяйстве (см. соответствующее место у Маркса)... Лишь при условии соответственного изменения ценности всей суммы, поступающей на рынок продукции данных отраслей хозяйства, в денежно-товарном хозяйстве возможно взаимное обслуживание (взаимодействие) этих отраслей»[2].

Из этой цитаты так и выпирает махровая апологетика капитализма, столь характерная для социал-фашистов. «Нормальным хозяйством» Громан считает только хозяйство капиталистическое, где господствует закон стоимости. Этот закон стоимости, по теории Громана, господствует и в советской экономике, которую Громан, как и Юровский, рассматривает лишь как «анормальное» товарно-капиталистическое хозяйство.

[1] *В. Громан.* «О некоторых закономерностях» и т. д.
[2] Архив Госплана, 1926 г., дело № 23.

Самый закон стоимости понимается Громаном по-каутскиански—Громан, как и Каутский, защищает так называемую потребительскую версию в определении величины стоимости. Громан, как и Каутский, смешивает цену со стоимостью. Всякая цена у них совпадает со стоимостью. Выбрасывается за борт решающий фактор—материальные, общественно-нормальные для данного момента условия производства, которые определяют величину стоимости и динамику этой величины. Что в самом капитализме вместе с изменением уровня производительных сил изменяется стоимость товаров, что в самом капитализме соотношение промышленности и сельского хозяйства изменяется (сельское хозяйство все более отстает от промышленности, и особенно при империализме)—это Громан скрывает. Свое метафизическое понимание капитализма и закона стоимости он переносит полностью на экономику СССР. По существу Громану (как и Юровскому) присуще вульгарное понимание закона стоимости, превращение его в «закон спроса и предложения», который и господствует, по теории вредителей, в нашей экономике. Ссылка на некое «соответствующее место у Маркса»—Громан так и не показал, какое,—это не более как жульничество Громана.

Трудно представить себе более грубую концепцию, чем «теория эмпирических закономерностей» Громана. Эта концепция совершенно враждебна марксизму, который требует вскрытия специфичности данной экономической структуры, который критерием экономического анализа принимает своеобразие экономической структуры данного общества.

Только ограниченный горизонт буржуазного экономиста и вредителя мог создать такую с позволения сказать теорию. Можно было заранее утверждать, что громановские эмпирические закономерности не имеют ничего общего с действительным движением нашей экономики. Стоило в качестве иллюстрации взять таблицу Громана (далеко не свободную от произвола) и продолжить ее на несколько лет дальше, чтобы выяснилось, что, как и следовало ожидать, установленное богом, природой и Громаном 63 и 37%-ное отношение промышленной и с.-х. продукции нисколько не оправдалось. Следующие годы, начиная с 1925/26 г., дали падение удельного веса товарной с.-х. продукции, рост удельного веса промышленной продукции и смещение в соотношение суммы цен этих товарных масс (см. таблицу на стр. 53).

По теории Громана, с.-х. цены должны повышаться в той мере, в какой уменьшался удельный вес с.-х. продукции, а промышленные цены должны бы падать в той мере, в какой повышалась бы доля промышленной продукции в общей продукции сельского хозяйства и промышленности. При курсе на индустриализацию это означало бы перманентное повышение с.-х. цен.

Скрытый смысл теории Громана и состоял в попытке доказать неизбежность непрерывного роста с.-х. цен в результате неизбежного и непреодолимого относительного роста промышленности. Такой непрерывный рост цен был наруку кулаку и в ущерб индустриализации.

Как известно, Громан и Базаров принимали большое участие в составлении первых «Контрольных цифр народного хозяйства».

В контрольных цифрах первых двух лет (а отчасти третьего года) мы находим немало следов их влияния, а нередко и прямое протаскивание буржуазной методологии планирования. Обращаясь к контрольным цифрам 1925/26 г., мы находим там полностью изложенную громановскую теорию восстановительного периода и его же «теорию эмпирических закономерностей».

Под флагом теории более быстрого восстановления отраслей, более пострадавших во время империалистической и гражданской войны, протаскивается идея о том, что мы идем к довоенному типу отношений между отраслями хозяйства, к довоенному положению.

Важнейшей закономерностью нашей экономики принимается восстановление довоенных пропорций.

«... И в теперешнем анормальном (у вредителей советское хозяйство всегда было «анормальным»—*М. Р.*) по своей структуре и по своему грандиозному размаху фазисе развития эмпирическое исследование открывает ряд достаточно устойчивых количественных коэфициентов (например ценностное соотношение между с.-х. и промышленной товарной массой колеблется в узких пределах около величины 37 : 63), позволяющих установить не только для текущего времени, но и для ближайшего будущего динамическую систему равновесия, т. е. такие количественные соотношения между отдельными сторонами народнохозяйственного целого, осуществление которых необходимо для того, чтобы грядущее развитие совершалось возможно безболезненнее и при наименьшей затрате сил давало оптимальные результаты»[1]. И эти закономерности предлагается положить в основу планирования. Не удивительно, что применение таких принципов обусловило значительную дефектность первых контрольных цифр. Ни движение цен, ни размеры товарной массы сельского хозяйства, ни размеры экспорта не совпали с наметками.

Для 1925/26 г. Громан намечал рост с.-х. цен с 76% довоенного до 86% и снижение промышленных цен со 123 до 111%,— тогда удержалось бы соотношение с.-х. и промышленной товарной массы как 37 : 63.

На самом деле с.-х. цены в 1925/26 г. составляли 102,3% от 1924/25 г., а пропорции сдвинулись от 37 : 63 к 33 : 67.

Особенно резкое расхождение получилось в области денежного обращения и кредита. Применяя механистический метод динамических коэфициентов, Громан запроектировал на 1925/26 г. прирост денежной массы в 800 млн. руб. и рост учетно-ссудных операций в 1 900 млн. руб. На самом деле такое увеличение денежной массы не было допущено—она увеличилась лишь на 200 млн. руб., а учетно-ссудные операции увеличились до 557 млн. руб.

Контрольные цифры запроектировали на 1925/26 г. прирост

[1] Контрольные цифры на 1925 26 г., стр. 14.

«[illegible] ЗАКОНОМЕРНОСТИ», ЭМПИРИЧЕСКИ ОБНАРУЖЕННЫЕ ГРОМАНОМ, И РЕАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ[1]

Годы	Товарная часть продукции в млн. руб.						Удельный вес					
	Сельское хозяйство (включая лесное хозяйство, рыболовство, охоту и внутридеревенский оборот)			Промышленность крупная и мелкая			по довоенным ценам		по ценам 1926/27 г.		по ценам соответствующих лет	
	в довоенных ценах	в ценах 1926/27 г.	в ценах соответствующих лет	в довоенных ценах	в ценах 1926/27 г.	в ценах соответствующих лет	Сельское хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность
1913 г.	4 030	—	6 100	7 010	—	10 610	36,5	63,5	—	—	36,5	63,5
1921/22	1 740	—	2 020	1 710	—	1 880	50,4	49,6	—	—	51,8	48,2
1922/23	2 520	—	2 080	1 910	—	2 990	56,9	43,1	—	—	41,0	59,0
1923/24	2 700	—	3 350	2 840	—	5 490	48,8	51,2	—	—	37,9	62,1
1924/25	2 820	—	3 690	3 700	—	6 220	48,3	56,7	—	—	37,2	62,8
1925/26	—	5 395	5 495	—	10 904	11 257	—	—	33,1	66,9	32 8	67,2
1926/27	—	5 760	5 760	—	12 715	12 715	—	—	31,2	68,8	31,2	68,8
1927/28	—	6 027	6 214	—	15 072	14 495	—	—	28,8	71,2	30,2	69,8
1928/29	—	6 596	7 426	—	17 894	17 335	—	—	27,6	72,4	30,7	69,3
1929/30 (выполн.)	—	6 804	8 479	—	21 534	20 439	—	—	24,1	75,9	29,3	70,7

[1] Товарная часть продукции, включая 1924/25 г., из статьи *В. Громана* «О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве» («Плановое хозяйство», 1925 г., № 1, стр. 108). Товарная часть за 1925—1927 гг. и план на 1929/30 г. из контрольных цифр народного хозяйства на 1929/30 г. Товарная часть продукции промышленности за 1927/28—1930/31 гг. взята из материалов по разработке контрольных цифр на 1930/31 хозяйственный год. Товарная часть земледелия (по отчуждению на внедеревенский рынок), рыболовство, охота и лесное хозяйство из тех же материалов. Внутрикрестьянский оборот за 1927/28—1929/30 гг. по контрольным цифрам на 1929/30 г., и в ценах 1926/27 г. — по этому исчислению с переводом по индексу отчуждения на внедеревенский рынок.

Таблица составлена сотрудником ИЭИ т. О. Шафрановой.

продукции государственной промышленности в 34%, а фактически продукция увеличилась на 43%, и т. д.

Проектировка динамики прошлого на будущее является важной принадлежностью громановской методологии планирования: имеется такое-то соотношение денежной массы и товаров в таком-то году; причем прирост денежной массы на столько-то процентов выше прироста товарной массы. Этот процент обгона денежной массой товарной массы планируется и на следующий год—такова «бесхитростная мудрость» этого метода планирования, который при всей своей «простоте» может оказаться и довольно-таки вредительским. Что количество переходит в качество, что развитие идет вовсе не постепенно, а через скачки, что качественные изменения означают и новые закономерности, новые отношения, новую сущность—все это, конечно, смазывалось методом динамических коэфициентов.

Этот метод, как увидим ниже, был способом вредительских проектировок в планировании.

Итак, насквозь буржуазная теория Громана была положена им в основу плановых проектировок. Не признавая в нашей экономике принципиально новой, качественно особой экономической структуры, Громан заявил, что план в основном может быть только предвидением, но не директивой, не программой действий и тем самым пытался скрыть, что основное в нашем плане это целевая установка на построение социализма, пытался скрыть активную, преобразующую роль плана пролетарского государства.

Говоря о принципах и методах планирования, Громан выставил такой основной тезис: «Телеологическая и генетическая точки зрения должны быть органически связаны, и примат принадлежит генетической точке зрения».

«Генетический метод» планирования тесно увязан у Громана с его законом эмпирических закономерностей, с отождествлением им нашей экономики с экономикой капиталистической.

Так как генетическое развитие понимается Громаном как развитие стихийное, независящее от плана, то этот тезис и означал примат в плане за ориентировкой на стихийные тенденции развития. А из этой установки на предвидение стихийного развития вытекал излюбленный Громаном метод экстраполяции динамики прошлых лет на будущие годы.

Известное влияние Громана в «Контрольных цифрах на 1925—1926 г.» сказалось и в том, что эти контрольные цифры не сформулировали целевой установки плана. Наоборот, мы находим там такое место: «Оказалось, что, исходя из какой-нибудь априорной предпосылки, серьезный план построить нельзя».

В «Контрольных цифрах» на 1926/27 г. в «Введении» заявлялось, что «контрольные цифры являются попыткой научно предвидеть основные хозяйственные процессы в Союзе ССР на год вперед». Директивная роль плана таким образом смазывалась или отодвигалась на второй план, поскольку в этих же «Контрольных цифрах» на 1926/27 г. заявлялось: «Контрольные цифры, по существу, являются, с одной стороны, прогнозом, с другой стороны—дирек-

тивой. Чем точнее прогноз, тем он обязательней, и наоборот»[1].

Ударение, как видим, ставилось на прогнозе.

Целевая установка играла лишь подчиненную роль. Как увидим ниже, именно за эту формулировку ухватился впоследствии Базаров, надеясь хотя бы ею сузить роль плана.

В главе «Методология» этих же «Контрольных цифр» Громаном делалась попытка снова протащить если не полностью, то хотя бы частью свою, буржуазную, установку в «Контрольные цифры» этого года.

Заявив, что «исчерпание движущих сил восстановительного процесса делает весьма проблематичными прогнозы, основанные на динамических коэфициентах», Громан тут же добавлял: «Но, само собою разумеется, сохраняют свое значение те динамические показатели, которые функционально или коррелятивно связаны с факторами, точно нам известными и поддающимися количественному учету»[2].

Что самая «функциональная» и «коррелятивная» связь двух явлений не может быть принята на веру только на основании их сосуществования, а должна быть экономически обоснована, исходя из своеобразия производственных отношений данной экономики, это вредители скрывали, надеясь спасти хотя бы некоторые «динамические» коэфициенты.

Замечу, что вредители «синтетики» сознательно подменяли экономический анализ формально логическим, чисто математическим, дабы под завесой математических формул протащить буржуазную теорию и практику. Особенно часто прибегал к этому Базаров (см. его работу «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР»).

Подмен марксистского, экономического, анализа математическим, корреляциями, функциями и т. д. выдает Громана, Базарова и К° как приверженцев буржуазной реакционной философии идеализма, как последователей современной вульгарной политической экономии (Кассель и др.), как врагов материализма и марксизма.

Целиком пытается Громан в тех же контр-цифрах спасти «статические» коэфициенты, заявляя, что «в каждой отрасли народного хозяйства наблюдается целый ряд соотношений, сохраняющих свою устойчивость на протяжении многих лет, несмотря на самые резкие перемены в темпе общего развития»[3].

Наконец, в «Контрольных цифрах» на 1926/27 г. эпически спокойно сообщалось: «Наркомфин выступил с рядом обстоятельных рефератов, в которых всесторонне обосновывалась невозможность научного предвидения динамики денежного и кредитного обращения на год вперед, а следовательно невозможность научного построения перспективного народнохозяйственного плана»[4]. Это отрицание возможности планирования со стороны, собственно говоря,

[1] «Контрольные цифры» на 1926/27 г., стр. 3.
[2] См. «Контрольные цифры» на 1926/27 г., стр. 13.
[3] Там же, стр. 13.
[4] Там же, стр. 15.

не Наркомфина, а Юровского Громан оценивает таким образом: «Концепция негативная, но в своей негативности не менее последовительная и выдержанная, чем положительные построения других наркоматов».

Здесь между строк проглядывает полная солидарность Громана с вредителем Юровским. Последний, исходя из вечности таких категорий, как товар, цены и т. д. и следуя по стопам своего учителя белогвардейца Струве (Струве считал, что если отношения между людьми и природой могут быть рационализированы, то отношение между людьми не могут быть рационализированы, планируемы—в этом он видел «основной и имманентный дуализм всякого общественно-экономического процесса»), заявлял, что денежное обращение и кредит не поддаются планированию и отрицал вообще возможность составления народнохозяйственного плана.

Я не касаюсь здесь вредительских установок Громана в его конъюнктурной работе, где он не останавливался перед прямым извращением фактов для достижения своих целей, где он пытался показать, что мы имеем деградацию сельского хозяйства в результате политики наступления на кулачество, где он предвещал то и дело неизбежность катастрофы, если мы будем нажимать на нэпмана, кулака, и где он скрывал действительные неполадки и отставания в металлургии и пр.[1]. Вредительский характер громановской теории, пытающейся скрыть сущность нашей экономики периода диктатуры пролетариата, скрыть наши преимущества и возможности, затормозить наше продвижение к социализму, облегчить проведение вредительских мероприятий, становится совершенно очевидным уже после вышесказанного.

«Теория эмпирических закономерностей» Громана тесно связана с методом статических и динамических коэфициентов в планировании, применявшимся вредителями. К каким вредительским выводам может привести столь заботливо взращенная Громаном и К° теория, можно особенно ярко видеть на примере проф. Никитского, выступавшего на 2-м съезде Госпланов. Это выступление побивает рекорд реакционности и в то же время строго последовательно вытекает из меньшевистской теории планирования.

Проф. Никитский в своем выступлении на 2-м съезде Госпланов заявил, что им разработана проектировка, общим основанием которой является гипотеза, что по мере «достижения валовой продукцией, товарной массой и народным доходом своих довоенных уровней между ними восстановятся те статические коэфициенты, которые связывали их в довоенное время, т. е. до 1913 г.»[2].

Перед нами знакомая громановская мелодия на тему о вековечном действии довоенных пропорций.

Исходя из этого «закона», Никитский заявляет, что государственный бюджет не может превысить 21—23% народного дохода, что подтвердил также Громан в одном из своих выступлений в

[1] См. статью тов. *Е. Р. Вайсберга.*

[2] Стенограммы 2-го съезда Госпланов, Архив Госплана дело 27/а, стр. 183

Госпланс. Довоенные соотношения вредители превращали в лимит нашего развития. Но мало этого, вредители пытались доказать, что принцип статических коэфициентов действует и в масштабе международном. Так было, так будет—таков вредительский принцип, завещанный буржуазным реставраторам еще царским министром Макаровым.

Тот же проф. Никитский, союзник Громана, заявил, что необходимо исходить из того, что Соединенные штаты Северной Америки являются единственной страной в мире, которая обгоняла нас в смысле роста народного дохода и «которая и впредь могла бы обгонять нас». Так как Соединенные штаты за ближайшие 15 лет не могут дать удвоения народного хозяйства, то «нам необходимо небольшое задание на 15 лет, а именно сделать увеличение народного дохода на душу в СССР только на 30%»[1].

Итак, мы не должны проектировать темпы роста народного дохода, превышающие американские, ибо до войны Соединенные штаты обгоняли нас. «Мы должны ориентироваться на довоенные приросты»—утверждал Никитский на том же съезде Госпланов, выступая против первого проекта пятилетки, составленного т. Струмилиным. Никитский обвинял этот по существу минимальный проект в том, что этот проект отрывается от исторического прошлого. «Как можно проектировать прирост бюджета на 85% в течение 5 лет, если до войны за 13 лет бюджет вырос лишь на 43%. Это абсолютно нереальная вещь»,—уверял вредитель.

Так действовали единым фронтом меньшевик Громан и кадет Никитский, пытаясь провести установку на минималистские темпы развития, не превышающие довоенные. Вредители пытались своей теорией статических и динамических показателей скрыть преимущества нашей системы, заключающиеся в возможности более быстрого роста народного дохода, чем это имеет место в капиталистических странах. Они сознательно стремились задержать рост нашего государственного бюджета, который на основе классовой пролетарской политики налогов и цен является мощным орудием перераспределения народного дохода и финансирования строительства социалистической экономики.

Переходя от Громана к Базарову, необходимо отметить, что как их теоретические установки, так и практические по существу одинаковы. А это предопределяет вредительский характер и теории и практики Базарова.

Базаров является таким же буржуазным реставратором, как и Громан. Разница разве лишь в том, что Базаров тоньше извращает марксизм, чаще цитирует Маркса, и часто цитирует и ссылается в методологических вопросах на т. Бухарина и преподносит нам наголо буржуазную теорию под более густой вуалью, чем Громан. В то время как Громан «рубит с плеча», преподнося нам явно буржуазные установки, Базаров делает то же, но в более завуалированной форме.

[1] Стенограмма 2-го съезда Госпланов, Архив Госплана, дело 27/а, стр. 181.

И Громан и Базаров пытаются доказать, что наша экономика не отличается принципиально от капиталистической. Если Громан пытается доказать это своей теорией эмпирических закономерностей, то Базаров пытается доказать это своей теорией цикла и кризисов, которым, по его теории, подвержена экономика СССР. Нам придется поэтому подробнее остановиться на этой теории Базарова.

Базаров в своих теоретических рассуждениях продолжает дело, так неудачно начатое Громаном. Громановская теория восстановительного процесса явно провалилась; темпы развития не упали, а, наоборот, повышались; довоенные пропорции вовсе не восстановились, а столь желанное равновесие с неизменным соотношением секторов не устанавливалось. Базаров пытается объяснить эту неудачу Громана и дать свое объяснение восстановительному процессу. В своей работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР» Базаров ставит своей задачей определение «того уровня равновесия, к которому стихийно стремится наше возрождающееся хозяйство. В какой мере имеем мы «восстановительный» процесс в точном смысле этого слова, т. е. приближение к довоенным размерам, формам, соотношениям и в какой мере... сказываются социально-экономические новообразования?..»[1]

Каков же ответ Базарова на этот вопрос?

«Точное восстановление довоенного уровня и довоенных соотношений представляется очень мало вероятным». И вот почему.

«Как мы видели, восстановление нарушенного равновесия на неизменном уровне свойственно только механически уравновешенным системам. Системы подвижного равновесия, к которым относится народное хозяйство, вообще говоря, к старому уровню не возвращаются, ибо самый механизм отклонения их от наличного уровня создает новые условия равновесия» (стр. 97). При этом оказывается, что «равновесие общественного хозяйства по своей формальной структуре аналогично химическому процессу обменного разложения...» Базаров исходит так же как и Громан из механического понимания общественных явлений, хотя апеллирует не к пружине, а к более «тонкой» химии.

Каковы же однако эти новые условия «равновесия»? Базаров понимает, что одних ссылок на «систему подвижного равновесия, аналогичную химическому процессу обменного разложения», недостаточно. «Те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым»[2].

Основной результат этого изменения положения рабочей силы Базаров видит в замене тенденции к перепроизводству, присущей

[1] *В Базаров,* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, стр. 97.

[2] Там же, стр. 98.

капитализму, тенденцией к недопроизводству, присущей советской экономике. «...Тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма»[1].

«...Основная «диспропорция», мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровне, заключается именно в этом перманентном отставания общественной продукции от общественного спроса[2]... .

Базаров пытается доказать, что наша экономика так же подвержена кризисам и циклическому развитию, как и капиталистическая. Методологические предпосылки Базарова сводятся: 1) к «постулату равновесия», 2) к применению в изучении экономических процессов законов механического равновесия и законов химических реакций, 3) к отождествлению нашей экономики с экономикой капиталистической. Исходя из меньшевистской оценки нашей экономики как экономики, движущейся к «нормальному» капитализму, Базаров целиком применяет свою теорию кризисов и цикла к объяснению хода процесса воспроизводства в советской экономике.

Теория капиталистического цикла и кризисов Базарова состоит в том, что «она рассматривает рост производительности труда как стержень всего цикла. Самый цикл является... лишь характерной для капитализма формой перехода с низшего уровня производительности труда на высший. Где нет этого перехода (периоды длительной депрессии), там нет и «нормального» капиталистического цикла»[3]. Признавая автоматизм процесса воспроизводства для периода от выхода из депрессии до кризиса, Базаров отрицает его для самого выхода из депрессии.

«Раз толчок, нарушивший статическое равновесие депрессии, дан, раз хозяйственная система вступила на путь оживления, все дальнейшие фазы цикла вплоть до кризиса и новой депрессии предрешены автоматизмом капиталистического процесса. Но нельзя того же сказать о самом толчке, выводящем хозяйство из депрессии»[4]. Выход из депрессии, «толчок», выводящий хозяйство из равновесия в сторону дальнейшего роста, может дать... только действительное поднятие уровня, т. е. повышение производительности труда»[5].

Но это повышение производительности труда может и не последовать. «Теоретическая борьба с природой имеет свою внутреннюю логику, свои приливы и отливы, не связанные предустановленной гармонией с потребностями капиталистического мира. Запасы возможных технических улучшений всегда имеются в распоряжении капитала, но бывают эпохи, когда запасы эти пополняются сравнительно медленно и являются недостаточными для того,

[1] *В. Базаров,* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, стр. 99.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 55.
[4] Там же, стр. 47—48. Разрядка наша — *М. Р.*
[5] Там же, стр. 47.

чтобы в период депрессии создать мощное повышение уровня, способное вызвать к жизни полнокровный капиталистический цикл. Тогда депрессия становится хронической...»[1].

Из этой теории Базаров делает два вывода. Во-первых, он заявляет, что существует кроме обыкновенных «малых» циклов, носящих мировой характер, «большие циклы», через которые проходит каждая страна и которые обнимают период от одной технической революции до следующей. Согласно базаровской теории от конца XVIII в. (Англия) или начала XIX в. до депрессии 80-х годов XIX в. тянется первый цикл. В конце XIX в., по Базарову, произошла «вторая техническая революция капитализма, почти столь же глубокая, как и первая». Она-то и открыла второй большой цикл, в котором мы по всей видимости находимся и сейчас. Базаров, таким образом превзошел Кондратьева, дав теорию почти столетнего цикла и обещав капитализму такой же расцвет в XX в., какой он переживал в XIX в.

Второй вывод, который делает Базаров из своей теории, состоит в том, что пока нет равномерности роста производительности труда, невозможно изжитие циклического движения.

«... Даже замена капиталистического обращения и кредита плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления не привела бы автоматически к полной ликвидации циклов»[2]. Базаров допускает для такой системы исчезновение лишь острых форм кризиса, но не циклического движения производства, движения через депрессии, подъемы и т. д. Как мы видели выше, «теоретическая борьба с природой» имеет свою внутреннюю логику, и поэтому неизвестно, даст ли и полный социализм изжитие циклического движения. Таким образом базаровская теория по существу не отличается от теорий, отрицающих возможность бескризисного развития при социализме (Кассель и др.).

Вместе с буржуазными экономистами Касселем, Афталионом и другими Базаров создает теорию, которая объясняет кризисы не капиталистическим характером производства, не присущим капитализму противоречием между общественным характером производства и частной—капиталистической—формой присвоения, а «логикой теоретической борьбы с природой» и факторами технического порядка.

Что касается советской экономики, то, по теории Базарова, «наша советская плановая система... еще бесконечно далека от этого идеала», т. е. бескризисного развития. Базаров формулирует две закономерности нашего развития. Во-первых, наша система подвержена кризисам недопроизводства, во-вторых, так как мы не имеем равномерного развития производительности труда,—мы подвержены циклическому движению, смене фаз подъема и депрессии.

Как мы видели выше, Базаров утверждает что, «новые общс-

[1] *В. Базаров,* Капиталистические циклы..., стр. 48.
[2] Там же, стр. 79.

ственные отношения, которые установились после октября 1917 г. радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне и привели к замене кризисов перепроизводства кризисами недопроизводства».

«Если над старым миром Дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства» (Базаров).

Из положений Базарова нельзя не делать вывода о том, что кризисы в нашей экономике вытекают из господствующего положения рабочего класса в нашей стране и что пока будет существовать диктатура пролетариата нам не избавиться от кризисов недопроизводства, так же как капитализм не может избавиться от кризисов перепроизводства. Такое утверждение является контрреволюционной клеветой на нашу экономику. Базаров пытается скрыть действительные причины товарного голода, называемого им кризисом недопроизводства, как одной из трудностей нашего роста, которая преодолевается по мере самого нашего продвижения вперед. Товарный голод есть трудность роста, а не форма кризиса.

При анализе советской экономики необходимо сразу же взять за отправной пункт своеобразие ее экономической структуры. При анализе советской экономики нужно также «твердо помнить, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект» (Маркс), дано определенное общество, общество диктатуры пролетариата, общество переходного—от капитализма к коммунизму—периода. Поскольку кризисы есть специфическое явление капитализма, постольку совершенно недопустимо механически переносить категорию кризисов на советскую экономику.

«Советская система хозяйства,—указывал т. Сталин на XVI съезде,—означает что:

1) власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплоататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5) систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантируют рабочий класс от кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. д.;

6) рабочий класс является хозяином страны, работающим не на капиталистов, а на свой собственный класс»[1].

Именно эта сущность советской хозяйственной системы обусловливает полную возможность и при правильной политике необходимость бескризисного развития, а это означает возможность безостановочного роста, подъема производства, хотя и сопровождаемого трудностями, но не нарушаемого кризисами. Этой возможности не имеет ни одно капиталистическое государство.

Как мы знаем, кризисы при капитализме обусловлены основным противоречием капитализма, противоречием между общественным характером производства и частной капиталистической формой присвоения. Тенденция к росту производства в меру капитала, а не в меру рынка, подчинение производства интересам прибыли, ограничение спроса широких масс рамками зарплаты, потребление рабочего лишь при условии создания им прибавочной стоимости—все эти моменты этого основного противоречия капитализма отпали в СССР, поскольку речь идет о социалистическом секторе. Но эти условия кризиса не относятся и к простому товарному хозяйству. Итак, два важнейших уклада советской экономики не характеризуются моментами, обусловливающими неизбежно кризисы. Капиталистический же сектор не являлся никогда преобладающим.

Остаются противоречия, вытекающие из товарной формы, как таковой, формы, охватывавшей преобладающий массив производства. Однако товарная форма лишь в условиях господства капитала становится формой кризиса. Она содержит лишь возможность кризиса, но не неизбежность его. Неизбежность кризисов вытекает из противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, из господства капитала, из капиталистического характера производства, из подчинения его интересам прибыли. Так как у нас ни на одном этапе не господствовал капитал, поэтому нашей экономике ни на каком этапе не была присуща необходимость и неизбежность всеобщих кризисов перепроизводства.

При анализе проблемы трудностей в СССР следует также учесть, что советская экономика проходит этапы качественно отличные, что период, например, 1921—1923 гг. и период 1930—1931 гг. «в корне отличаются друг от друга, как небо от земли» (И. Сталин). Поэтому характер трудностей был одним для начального периода нэпа и другим для нынешней стадии нэпа. Первые годы нэпа характеризовались преобладанием мелкого крестьянского хозяйства в экономике страны, начавшимся и шедшим интенсивно процессом восстановления государственно-социалистической промышленности и известным ростом капиталистических отношений, особенно значительным в сфере обращения. Наличие десятков миллионов мелких товаропроизводителей обусловливало товарно-денежную форму взаимоотношений между укладами, а

[1] *И. Сталин, Л. Каганович.* См. Отчет ЦК ВКП(б) XVI съезду, стр. 56.

также и внутри них. Для осуществления своей *ведущей* роли план должен был использовать и рыночные методы воздействия в целях обуздания стихии, опираясь на уменье торговать, уменье налаживать смычку с крестьянством через рынок, уменье вести экономическое соревнование с капитализмом и т. д.

План имел задачей обеспечить восстановление промышленности, смычку с деревней и ограничение и подчинение контролю и надзору пролетарского государства элементов капитализма, известное развитие которых для того периода было неизбежным. Преобладание мелкого крестьянского хозяйства, рыночная форма отношений, относительная слабость позиций планового начала— все это создавало в первые годы нэпа положение, при котором план не был в состоянии исключить тех крупных затруднений сбыта, которые мы имели осенью 1923 г.

XIII конференция ВКП(б) так характеризовала это положение, создавшееся осенью 1923 г.: «Чрезвычайные затруднения, переживаемые сейчас хозяйством страны, выражаются прежде всего в том, что продукты нашей государственной промышленности не находят достаточного сбыта. Если сбыт встречал за последний год все большие и большие затруднения, то это объясняется в огромной степени чрезвычайно высокой *производственной* стоимостью продуктов, чрезвычайно высокими накладными торговыми расходами в сочетании с недопустимыми методами *преувеличенного исчисления* цен за счет потребителя. В основе этих затруднений лежат непроизводительность и несогласованность различнных элементов государственного хозяйства между собой и с рынком и нерациональная или недостаточно рациональная постановка промышленных и торговых предприятий и их операций, в частности неумение наших, все еще бюрократических торговых и кооперативных организаций проложить себе дорогу к крестьянскому рынку» (резолюция XIII партконференции «О партстроительстве»). Та же конференция отмечала большое расхождение между «непомерно высокими ценами на изделия промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Промышленность, вырастая на основе городского рынка, способного оплачивать более дорогие цены, не смогла в момент реализации сбыть свои товары менее платежеспособному массовому потребителю—крестьянству. С другой стороны, крестьянство не нашло достаточно широкого внутреннего и внешнего рынка для выгодной продажи хлеба, чем определилась низкая цена на последний. Наконец обострению положения способствовали: недостаточное развитие торговых отношений, политика высоких цен синдикатов, высота накладных расходов как в промышленности, так и в области торговли, слабое развитие денежного хозяйства, а также система двух валют, при которой крестьянство наиболее страдало от обесценения совзнаков» (резолюция XIII конференции ВКП(б) «Об очередных задачах экономической политики»). Таковы были своеобразные обстоятельства, которые обусловили трудности осени 1923 г., трудности начального периода строительства социализма, когда приходилось залечивать раны, нанесенные империалистиче-

ской и гражданской войной, когда приходилось хозяйствовать в условиях падающей валюты, когда планирующее начало проходило лишь первые стадии своего развития. Мы имели совершенно своеобразный переплет обстоятельств, по существу неповторимый, который не давал и не дает никаких оснований признать «кризисы сбыта» некиим законом нашего развития. Самый способ ликвидации этих трудностей показал коренное отличие положения осени 1928 г. от капиталистических кризисов.

1923/24 г. в общем дал прирост промышленной продукции на 30%. Затруднения были ликвидированы планомерными действиями пролетарского государства—снижением накидок и промышленных цен, повышением хлебных цен, сжатием тем самым ножниц и т. д.

Занятие социалистическим сектором абсолютно преобладающей роли в народном хозяйстве закрепило бескризисное развитие советского хозяйства. Переход от косвенного, по преимуществу рыночного метода планирования сельского хозяйства, к непосредственному его планированию, переход к планированию преобладающего массива народного хозяйства (не только промфинплан, но и посевной, уборочный планы, планы совхозов и МТС) означает не только количественное уменьшение возможностей частичных диспропорций, но и качественно другое положение—выкорчевывание почвы из-под всякой анархии общественного производства, прекращение всякого господства продукта над его производителем.

Что экономике СССР имманентно не присущи кризисы, доказывает ярко, что она переживает непрерывный процесс подъема и что невиданный в истории капитализма мировой экономический кризис 1930 и 1931 гг. остановился у границ СССР. Напротив, в то время как капиталистическая экономика бьется в судорогах мирового кризиса, развертывающегося с небывалой остротой на фоне всеобщего кризиса капитализма, экономика СССР переживает период расцвета и растущего подъема.

Вышесказанное убеждает нас в том, что мы должны рассматривать такие явления как «товарный голод» и другие хозяйственные затруднения не как кризис, а как трудности, при этом трудности не упадка, а трудности роста.

В самом деле, «товарный голод» не есть всеобщий кризис, но он также не есть кризис частичный, ибо нельзя сказать, что товарный голод «основан на нерациональном производстве», т. е. на неправильном распределении общественного труда между отдельными сферами производства[1].

«Товарный голод» есть одна из трудностей роста, трудностей быстрого темпа социалистической индустриализации и реконструкции в условиях мелкокрестьянского сельского хозяйства, не могущего дать необходимых темпов роста продукции. В весьма значительной мере он объясняется прямым сопротивлением

[1] *К Ма кс*, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч 2, стр. 172.

кулачества строительству социализма и вредительством в области распределения (меньшевики Залкинд, Якубович и др.).

«Товарный голод» есть трудность как раз правильного распределения и перераспределения производительных сил, такого распределения, которое обеспечивает осуществление социалистической индустриализации и победу социализма.

Базаров пытается скрыть, что товарный голод, как и другие трудности роста, обостряется, а во многих отраслях и создается сопротивлением кулачества, вредительством его соратников по меньшевистской партии и т. д. Наконец он пытается скрыть, что социалистическая индустриализация и социалистическая переделка деревни при развернутом наступлении на капиталистические элементы уменьшают и ликвидируют трудности роста, в частности и «товарный голод».

Теория кризисов недопроизводства, как закона нашего развития, вытекает у Базарова из отрицания социалистического характера ведущего уклада нашей экономики, из отрицания движения нашей экономики к социализму. Иначе он должен бы признать «товарный голод» явлением временного порядка, одной из трудностей роста.

Что касается циклического развития нашей экономики, то здесь Базаров отправляется от своей теории капиталистического цикла. Как мы видели, по Базарову, циклическое движение капиталистической экономики объясняется циклическим характером движения производительности труда. Базаров принимает следствие за причину. Динамика производительной силы труда есть сама следствие циклического хода капиталистического воспроизводства, а отнюдь не его причина. Действительную основу циклического движения капиталистического производства — кризис — Базаров скрывает. Подобно буржуазным экономистам он топит кризис в цикле.

Основой циклического движения капиталистического производства является по существу сам капиталистический кризис, являющийся «исходным пунктом для новых крупных вложений капитала» (Маркс).

Длительность циклов и периодичность кризисов увязываются у Маркса с особыми условиями обращения и восстановления основного капитала. Как известно, «основной капитал, участвуя в создании потребительской стоимости целиком, входит в стоимость товара частями. Авансированный капитал должен проделать известный цикл оборотов, пока не возместится стоимость основного капитала. Поэтому в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования вкладываемого основного капитала, жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь—скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь» (Маркс). «В этом, охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собою оборотов, в котором капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная ос-

нова периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха кризиса; хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов»[1].

Имеющие место вслед за кризисом обесценение капитала, снижение зарплаты, реконструкция и снабжение себестоимости делают снова достаточно прибыльным производство; технические усовершенствования с целью приспособиться к низкому уровню цен ускоряют моральную амортизацию и приводят к крупным новым вложениям капитала. Создаваемое этим оживление переходит при цепной связи отраслей производства в подъем, подъем—в стремительный размах, а последний кончается кризисом—и порочный кругооборот возобновляется. «Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения—последнее в свою очередь вызывает первое... Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно также и общественное производство, раз оно брошено в это движение переменного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь становятся причинами, и меняющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои общественные условия, принимают форму периодичности»[2].

Итак, подъем ведет к кризису, кризис—через депрессию к оживлению и подъему и т. д. Выход из периода депрессии совершается не только на основе снижения цен и роста производительности труда, но и на основе снижения зарплаты, обесценения капитала, рассасывания запасов и т. п., что делает производство снова прибыльным. Выход из депрессии вовсе не зависит от логики «теоретической борьбы с природой», а от всех этих факторов, причем капитализм никогда полностью не использует имеющихся достижений техники, особенно при империализме. Свою теорию капиталистического цикла, неверную для капитализма, Базаров преподносит и для нашей экономики. Базаров объявляет восстановительный период «большим циклом», состоящим из двух подциклов, двух «малых циклов». Первый подцикл—с 1920/21 по 1923/24 г. (перелом июль—декабрь 1923 г.) Второй подцикл—с начала 1924 по 1925/26 г. В начале восстановительного периода мы имели подъем, причем «динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей аналогична «автокаталистической» реакции, а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. II, стр. 163.
[2] *К.* Там же, т. I, стр. 650.

переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда»[1]. Но за этим подъемом должна последовать депрессия.

Дело у Базарова идет не только об аналогии с капитализмом, а об отождествлении с капитализмом. Что это так, видно из того, что Базаров прямо заявляет: «В том и другом случае (т. е. у нас и при капитализме—*М. Р.*) движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер...» (стр. 102). Различие лишь в том, что вследствие отличия нашей государственной системы кредита от капиталистической мы не будем иметь острого кризиса. Причину цикличности Базаров для нашей экономики, как и для капитализма, видит в динамике производительности труда. Повышение зарплаты в 1921/22 г. вызвало рост производительности труда, а с ним и подъем в 1922/23 г., сменившийся кризисом и депрессией. Однако условия денежного обращения тормозили калькуляцию и правильную организацию производства; с начала 1924 г. положение изменилось, и мы имеем новое оживление и подъем, которое во второй половине 1925/26 г. должно смениться кризисом или депрессией—такова теория цикличнности нашего развития Базарова.

Является излишним вдаваться в подробную критику этой концепции Базарова. Мы видели выше, что затруднения сбыта 1923 г. были вызваны вовсе не падением производительности труда, а неправильной политикой цен, ножницами и наличием падающей валюты. Самое циклическое движение роста производительности труда в советской экономике является в ы д у м к о й Базарова. Чтобы создать циклическую кривую, Базаров применяет поистине чудеса статической эквилибристики. Путем «обработки» кривых роста производительности он пытается добиться циклической кривой, хотя одного взгляда на «необработанную» кривую роста производительности труда в нашей промышленности достаточно, чтобы убедиться, что она вовсе не имеет циклического характера. Чтобы доказать циклическое развитие нашей экономики, надо доказать неизбежность всеобщего кризиса перепроизводства в ней. А этого-то как раз и доказать нельзя, ибо нет налицо тех условий, которые ведут к кризису.

Как и в других вопросах, так и в вопросах о природе трудностей имелось не мало общего между вредителями и правыми, но также и троцкистами.

Не только Базаров, но и Троцкий считал, что наша экономика подвержена циклическому развитию и периодическим кризисам. Мотивировка этого у Троцкого отличается от базаровской, но и тот и другой приходят к о д и н а к о в ы м результатам.

В своей брошюре «К социализму или к капитализму» Троцкий писал: «Правда, и наше хозяйство не свободно от кризисов. Более того: растущая связь с мировым рынком, как мы это покажем в

[1] *В. Базаров,* Капиталистические циклы..., стр. 102.

дальнейшем, является возможным источником кризисов в нашем собственном хозяйстве»[1].

Троцкий исходит из того, что «поскольку мы экономически вошли в систему мирового разделения труда», мы «тем самым подпали под действие законов, управляющих мировым рынком»[2].

По теории Троцкого, периодические кризисы капиталистического производства втягивают в сферу своего действия и советскую экономику.

«Торгово-промышленный кризис в Европе, а тем более во всем мире, может отразиться кризисной волной у нас». «Наша вчерашняя независимость от колебаний мирового рынка исчезает...»

В результате своих рассуждений Троцкий приходит к выводу: «Получается такое положение, что мы как хозяйствующее государство заинтересованы, по крайней мере в известных пределах, в улучшении конъюнктуры в капиталистических странах»[3].

Итак, по теории Троцкого, мы подвержены закономерностям мирового капиталистического хозяйства, и кризис грозит не только капитализму, но и нам. Отсюда и вывод о нашей заинтересованности в капиталистическом подъеме.

Как и Базаров, так и Троцкий не видят основного, не видят своеобразия советской экономики и по существу отождествляют ее с капиталистической.

Своеобразие советской экономики как раз таково, что оно создает, как мы видели выше, возможность бескризисного развития.

Огромный и растущий размах производства на социалистических началах, планирование народного хозяйства, монополия внешней торговли, возможности маневрирования—все это является той плотиной, которая защищает советскую экономику от капиталистических кризисов.

Исторический опыт целиком опроверг как теорию Базарова, так и теорию Троцкого и подтвердил, что и та и другая теории суть не что иное, как меньшевистское извращение сущности нашей экономики.

Историческим опытом доказано, что в то время как капиталистический мир сотрясается от небывалого кризиса перепроизводства, в то время как десятки миллионов рабочих в капиталистических странах ввергнуты в ряды безработных, в СССР производство продолжает расти подымающимися темпами, численность рабочего класса быстро увеличивается и безработица оказывается ликвидированной.

Переходя к позициям правых в этом вопросе, остановимся на позиции т. Бухарина.

В «Записках экономиста» Бухарин писал: «Рост нашей экономики и несомненный рост социализма сопровождается сво-

[1] *Л. Троцкий,* К социализму или коммунизму, стр. 40.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 56.

образными «кризисами», которые при всем решающем отличии закономерностей нашего развития от капиталистического как-будто «повторяют», но в вогнутом зеркале, кризисы капитализма. И тут и там диспропорция между производством и потребителем, но у нас это соотношение взято навыворот...» И дальше т. Бухарин ставит вопрос: «... если у нас «кризисы» имеют как будто характер «вывернутых наизнанку» капиталистических кризисов... то не есть ли «товарный голод» общий закон нашего развития?»

На это Бухарин отвечает, что «моменты кризисного характера, которые нарушают ход воспроизводства... могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т. е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства...»

Неправильное же сочетание элементов вытекает, по т. Бухарину, из относительной бесплановости хозяйства переходного периода и неумения планировать элементы воспроизводства.

Однако, как мы знаем, не просто наличие товарного хозяйства, а господство капиталистического хозяйства—вот что делает кризисы неизбежными. Этого не видит т. Бухарин, который указывает, что в нашей экономике «могут быть «кризисы», вытекающие из относительной анархичности, т. е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода», имеющей «своей основой существование элементов стихийности»[1].

Тов. Бухарин смешивает вопрос о всеобщем кризисе в условиях капитализма с вопросом о трудностях и частичных диспропорциях в условиях СССР.

Ошибочность теории т. Бухарина в том, что она: 1) рассматривает товарный голод как «вывернутые наизнанку» кризисы (слова «как будто» не меняют дела), 2) рассматривает трудности не как трудности роста, а как «моменты кризисного характера, которые нарушают ход воспроизводства», т. е. по существу как кризис, 3) сводит все «трудности» к «товарному голоду», 4) считает, что «товарный голод» есть результат неправильного планирования и что, умей мы лучше планировать, не было бы и товарного голода.

Отождествление кризиса с товарным голодом, как и смешение вопроса о трудностях с вопросом о кризисах не только у т. Бухарина, но и у т. Преображенского. Тов. Е. Преображенский в своей книге «Новая экономика» писал, что мы имеем налицо в 1925 и 1926 гг. кризис недопроизводства[2].

Между тем трудности и частичные диспропорции вовсе не то, что кризис. Наши трудности есть трудности роста, преодолеваемые в процессе расширенного воспроизводства.

Это отнюдь не трудности упадка, застоя, которые переживают страны капитализма, вовлеченные в мировой экономический кризис (САСШ, Англия, Германия, Франция и т. д.).

Эти трудности роста преодолеваются нами отнюдь не через

[1] *Н. Бухарин*, Заметки экономиста, стр. 16.
[2] «Новая экономика», 2-е изд., стр. 76.

сокращение производства, снижение зарплаты и т. п. Наши трудности, «как трудности продвижения вперед..., сами дают нам базу для их преодоления» (И. Сталин). Подавляя сопротивление враждебных классов, организуя «наступление на капиталистические элементы по всему фронту», изолируя колеблющиеся оппортунистические элементы в рядах авангарда, мы преодолеваем трудности роста.

Трудности в ходе нашего развития вовсе не могут быть сведены к одному только «товарному голоду». Мы имеем, например, трудности в вопросе о кадрах, поскольку процесс бурной социалистической реконструкции предъявил огромные требования не только на квалифицированную силу и специалистов, но и просто рабочую силу.

Наконец совершенно неправильно утверждение т. Бухарина, что «товарный голод» есть результат нашего неумения спланировать элементы воспроизводства и что более правильное «сочетание, «балансирование» их, расставление их наиболее целесообразным образом» даст обеспечение «возможно более благоприятного» хода общественного воспроизводства. Не считая «товарный голод» добродетелью, мы в наших планах не раз шли сознательно на известное несоответствие спроса и предложения, стремясь обеспечить в первую очередь средствами потребления рабочий класс.

•

Теория Базарова о неизбежности кризисов и циклического движения в нашей экономике имела целью доказать, что наша экономика не отличается принципиально от капиталистической. Такой же теории, как известно, держатся Каутский и все меньшевики. Цель этой теории обмануть рабочий класс и ослабить его энтузиазм в борьбе за социализм.

Следует иметь в виду, что Базаров не только не признает ведущей роли социалистического сектора, но по существу вообще не признает наличия этого сектора в нашей экономике. Социалистический сектор у него фигурирует под названием госкапитализма.

Базаров определяет советское общество как «симбиоз различных социально-экономических формаций» [1], «как сосуществование... многих различных социально-экономических формаций».

Эта теория «симбиоза» мало чем отличается от тех теорий, которые рассматривают нашу экономику как «взаимодействие укладов», систему разделения труда (Бялый) и т. п. Сказать, что наша экономика есть «симбиоз», «сожительство» укладов—это значит ничего не сказать, или сказать лишь об одном моменте, скрыв основное, сущность. Что в нашей экономике есть взаимодействующие уклады, это несомненно. Но еще Гегель указал на невозможность ограничиться признанием взаимодействия и на необходи-

[1] *В. Базаров*, Капиталистические циклы..., стр. 23.

мость определения основы существования и изменения взаимодействующих факторов.

Что же является определяющим, движущим в нашей экономике? Определяющим, решающим фактором является диктатура пролетариата и ее экономическая база—социалистический сектор в нашей экономике. Когда мы говорим, что в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания раскола рабочих и крестьян, что мы имеем «все необходимое для построения социалистического общества» (Ленин), мы этим самым и даем ответ на вопрос о единстве нашей системы.

Это единство осуществляется через правильную политику пролетариата, через ожесточенную классовую борьбу, через укрепление ведущей роли социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни, через насаждение в деревне крупного социалистического хозяйства в виде совхозов и колхозов, как базы социализма, могущих «повести за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства» (И. Сталин).

Это не просто «единство, хотя и противоречивое» (Н. Бухарин), а единство, в котором развитие идет по формуле «кто кого?», единство с меняющимся в процессе развития содержанием (например ликвидация на определенном этапе кулачества как класса на основе сплошной коллективизации). Единство нашей экономики, таким образом, состоит в том, что при диктатуре пролетариата, при правильной политике пролетарского государства развитие ее происходит по пути движения к социализму.

Теория «симбиоза» Базарова имела в виду весьма прикладную задачу—доказать, что капитализм является извечно необходимым «органическим» элементом нашей системы и что нажимать на него нельзя, ибо это нарушит «равновесие» и «мирное сожительство» укладов. Вместе с Громаном Базаров был ревностным защитником теории «равновесия секторов».

Базаровская теория затухающей кривой

Базаров вынужден был признать, что предсказание Громана о неизбежности затухания темпов развития промышленности по мере приближения к окончанию восстановительного периода не оправдалось. Вместо падения восстановительный период дал увеличение темпов роста промпродукции.

Прирост промышленной продукции составлял (в процентах):

Годы	Проценты	Годы	Проценты
1921/22	40	1923/24	30
1922/23	31	1924/25	60

«Корень заблуждения,—заявляет Базаров,—заключался в недооценке глубоких перемен, внесенных военно-революционной эпохой в организацию и социально-экономическое положение рабочей силы»[1].

[1] *В. Базаров*, Капиталистические циклы, стр. 102.

Эти перемены Базаров видит в падении производительности труда в годы разрухи и в расшатывании трудовой дисциплины. Так как первые шаги восстановления трудовой дисциплины были особенно трудны, то и темпы первых лет нэпа были слабыми. «По мере того как восстанавливалась трудовая дисциплина, темп стал ускоряться пропорционально достигнутым успехам, пока не оказало своего замедляющего действия приближение к уровню предельного использования наличного оборудования фабрик и заводов».

Перед нами два утверждения Базарова: 1. Перемены в социально-экономической обстановке состояли в расшатывании трудовой дисциплины; ее восстановление было источником ускорения темпов восстановительного периода. 2. Теория затухающей кривой верна не для восстановительного периода, а для периода, следующего за ним. Задачей Базарова является во что бы то ни стало доказать, что мы с окончанием восстановительного периода будем иметь неминуемо затухающую кривую развития.

Теория затухающей кривой была выдвинута меньшевиком Базаровым как орудие борьбы в руках буржуазии против быстрых темпов восстановительного периода. 2. Теория затухающей кри-сформулирована им в 1926 г. как раз на рубеже восстановительного и реконструктивного периодов. Сущность этой теории в изложении Базарова такова:

«Мы подходим к исчерпанию восстановительного процесса без достаточной подготовки к грядущему периоду реконструкции, вследствие чего в начальные годы реконструктивного процесса мы неизбежно должны пережить значительное замедление темпов народнохозяйственного роста. В самом деле, мы должны немедленно тратить большие средства на реконструкцию, а результаты этой последней скажутся на росте производительных сил лишь через несколько лет, когда вновь выстроенные предприятия начнут одно за другим вступать в работу. Замедление темпа роста будет, очевидно, тем значительнее, чем большую долю производительно затрачиваемого накопления будем мы направлять в новое строительство и чем меньше средств останется у нас на подновление и частичное переоборудование существующих устарелых предприятий. С точки зрения рациональных принципов реконструкции устарелые предприятия должны лишь дорабатывать свой срок и не заслуживают значительных капитальных вложений, ибо небольшое увеличение объема и еще того меньший рост уровня производительных сил покупается здесь дорогой ценой относительно очень крупных затрат. Но избежать таких «нерациональных» затрат, мы, очевидно, не сможем. В самом деле, если бы мы решили производить только такие капитальные вложения, которые представляются рациональными в свете генерального плана, то нам пришлось бы все вкладываемые в производство накопления загнать в новые строительные работы, ограничив расходы на поддержание действующих предприятий рамками так называемого «текущего ремонта». В результате на ближайший период, пока новые предприятия еще только строятся, мы получили бы уже

не ослабление темпа роста, а полную стационарность физического объема продукции и падение средней производительности промышленного труда при резком повышении фонда заработной платы за счет кадров пролетариата, вовлеченных в строительство»[1].

И отсюда практический вывод: «Такая политика, очевидно, вкорне нарушила бы требование «соразмерности частей» народнохозяйственного целого и привела бы к острому кризису и катастрофическому срыву всех наших плановых предначертаний. Для смягчения трудностей переходного периода необходимо наряду с новым строительством, развертываемым в строгом соответствии с планом генеральной реконструкции, тратить очень большие средства на предприятия заведомо плохие, лишь бы добиться немедленного, хотя бы и сравнительно умеренного повышения их производительности» (там же).

Вторым «аргументом» теории затухающей кривой призвано служить отрицание Базаровым преимуществ нашей хозяйственной системы, по сравнению с капиталистической. Облачающийся в тогу марксиста Базаров вынужден «вообще» признавать преимущества планового хозяйства. Но, по Базарову, как раз наше советское хозяйство этих преимуществ не имеет. Это связано у Базарова с меньшевистским отрицанием наличия в нашей экономике социалистического сектора, с отрицанием движения нашей экономики к социализму.

«Преимущества, которые в этом отношении присущи плановому хозяйству по сравнению с хозяйством капиталистическим, бесспорны и сводятся к возможности более рационального использования той доли народного дохода, которая затрачивается на реконструкцию. Но относительные размеры этой доли в нашем плановом хозяйстве на теперешней ступени его развития отнюдь не больше, а скорее даже меньше, чем в капиталистическом хозяйстве, находящемся на том же уровне развития производительных сил. Как бы мы ни старались сжимать потребительский спрос широких масс населения в течение тяжелого переходного периода ближайших лет, мы в этом отношении ни в коем случае не сможем достигнуть норм капиталистического общества. С другой стороны, наши аппараты планового управления хозяйством требуют относительно больших издержек. Отчасти в этом сказывается просто наша неумелость и неопытность; но в известной степени относительная дороговизна аппарата является неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры. Сложнейшая и широко разветвленная плановая работа при капитализме отсутствует, отсутствуют, следовательно, и соответственные издержки управления, а та экономия, какая могла бы быть достигнута на почве концентрации и рационализации функций планового аппарата, ограничена очень скромными рамками на теперешнем низком уровне нашего хозяйственного развития»[2].

[1] «Плановое хозяйство», 1926 г., № 7, стр. 18 —Разрядка наша—*М. Р.*

[2] Там же, стр. 11.

Итак, плановая система нашего хозяйства не дает никаких преимуществ, обходится дорого и съедает больше, чем экономит. Зато анархический капитализм, где плановость хотя и отсутствует, не тратит ничего на аппарат народнохозяйственного планирования, и в этом его преимущество.

Такова «аргументация» апологета капитализма, который видит в капитализме лучший из миров, а в советском строе—«историческую аномалию», временное отклонение от обычного капиталистического развития.

С такими «аргументами» излишне спорить, достаточно только указать на огромные потери, понесенные капитализмом от мировой войны и несомые от последнего экономического кризиса, который ярко показывает всю фальшь базаровских «преимуществ» капитализма по сравнению с советским плановым хозяйством, «преимуществ», выражающихся в 40-миллионной армии безработных, огромном падении производства и т. д. Или можно указать, что смета Госплана СССР лишь на 50% больше, чем расходы на бал, устроенный амерканским миллиардером Догерти для своей дочери, который обошелся в 1 млн. долл.

Выдвинув теорию затухающей кривой в 1926 г., Базаров продолжал ее защищать и в следующие годы, несмотря на то, что действительность жестоко разбила эту теорию, что темпы нашего роста с переходом к реконструктивному периоду росли из года в год. Теория затухающей кривой была весьма нужна вредителям как теоретическое обоснование важнейшего метода их вредительской деятельности—проектировки минималистских темпов и задержки всеми мерами темпов нашего развития. Ученый приказчик буржуазии Базаров не жалел трудов для выполнения заказа единого контрреволюционного фронта.

На дискуссии о «Методологии генерального плана» и в особой статье, помещенной в 1928 г. в июньском номере журнала «Экономическое обозрение» Базаров пытается всеми силами защитить теорию затухающей кривой.

Практической целью Базарова в это время было отстоять первый отправной вариант пятилетки, предусматривавший лишь 87% роста промышленной продукции против проекта ВСНХ, намечавшего 140% прироста продукции промышленности за пятилетие и примерно 18% прироста ежегодно.

Эта проектировка ВСНХ, по мнению Базарова, нереальна. «Посмотрим,—говорил он,—что сулит нам ближайшее будущее, если принять «скромный» коэфициент 18% за упроченный, нормальный темп нашего промышленного развития. Через 5 лет продукция промышленности увеличится, как мы видели, в 2,4 раза, через 10 лет в 5,4 раза, через 15 лет в 12,6 раза, через 20 лет в 29,3 раза, через 30 лет почти в 160 раз. Итак, менее чем через 20 лет мы по уровню промышленного развития далеко оставим за собою Северную Америку»[1].

Базаров считает такую перспективу абсолютно утопической,

[1] Ст. *В. Базарова* в «Экономическом обозрении», 1928 г., № 6, стр. 57.

ибо, по его мнению, наши преимущества перед капитализмом не настолько велики, чтобы обеспечить нам возможность более высоких темпов по сравнению с капиталистическими странами, возможность догона, а тем более перегона.

Защищая свою теорию, Базаров начинает с того, что указывает, что если у нас и выпала буржуазия, то ее было у нас немного и «личное потребление капиталистического класса пожирало не очень большую долю народного дохода»[1]. Как видим, Базаров «забыл про класс помещиков, ликвидировав его еще до Октябрьской революции, а буржуазию превратил в аскетического подвижника, мученика накопления. Апологеты, как известно, всегда считали буржуазный строй лучшим из миров. Между тем и сама буржуазия в довоенной России не была столь малочисленным классом, как то рисует Базаров. Развитие не только промышленного, но и финансового капитализма достигло в России высокого уровня. Достаточно напомнить о большом развитии монополий, как в области промышленности, так и банков, о высокой концентрации промышленного производства и т. д. Что касается развития государства-рантье, то и оно зашло у нас довольно далеко. Так, общая сумма государственных процентных бумаг составила в 1913 г. 10 538 млн. руб., общая сумма ипотечных бумаг в том же году—4 974 млн. руб.; акционерный капитал более 4,5 млрд. руб. и т. д. Если даже исходить из среднего % в 5, то эта сумма ценных бумаг давала их держателям ежегодно около 1 млрд. рублей золотом. Это пожирали одни рантьеры. Сюда надо присоединить потребление предпринимательской буржуазии, арендные платежи крестьян помещикам, огромный государственный бюджет с двухмиллиардным расходом на аппарат насилия над трудящимися, расходом, ложившимся на плечи тех же трудящихся. Все это Базаров стремится скрыть.

Второй мотив, уже нам известный, состоит в том, что плановая система требует очень значительных средств и тормозит тем накопление. Третий мотив—«в советском хозяйстве доля рабочего класса в чистой продукции неизбежно должна быть выше, чем в хозяйстве капиталистическом». Заметим, что факт быстрого роста зарплаты в СССР не давал покоя меньшевикам-вредителям. Можно привести ряд выступлений Базарова, Громана против проектировок роста заработной платы в пятилетке и в контрольных цифрах (например их выступления на 2-м съезде Госпланов и др.).

Самое же положение о том, что рост зарплаты должен задерживать накопление, является совершенно неверным. В полную противоположность капитализму, в советском хозяйстве при росте производительной силы труда рост зарплаты вполне совместим с ростом фонда накопления, и расширенное воспроизводство сопровождается непрестанным улучшением положения рабочего класса.

Наконец четвертый «аргумент» Базарова против высоких темпов это наша некультурность. «После социалистической револю-

[1] Ст. *В. Базарова* в «Экономическом обозрении», 1928 г., № 6, стр. 59.

ции не только 20%-ные, но и 40—50%-ные коэфициенты ежегодного роста могли бы оказаться вполне достижимыми, при одном, однако, непременном условии: при условии, что общество, совершившее социалистический переворот, обладает достаточной общей культурностью и всей той суммой технико-экономических знаний и умений, которые необходимы для рационализации народнохозяйственного развития. Но как раз этого-то условия у нас нет»[1].

Чисто меньшевистский и в то же время вредительский характер этого тезиса не нуждается в пояснениях.

К какому же выводу приходит Базаров?—Если подсчитать преимущества нашей системы и недостатки, то «если бы такого рода подсчет и дал положительное сальдо на стороне советского хозяйства, сальдо, это ни в коем случае не могло бы достигнуть таких размеров, которые обеспечили бы для советского строя возможность регулярно из года в год осуществлять темпы роста, в несколько раз превышающие рекордные достижения капитализма»[2]. Итак мы не должны проектировать высокие темпы, они нам не под силу, мало того, мы должны исходить из затухания темпов. Базаров уверял, что 20%-ный прирост промышленной продукции в 1927/28 г. являлся исключением. Он обусловлен «сверхвосстановительной загрузкой предприятий». «Мы еще можем процентов 30 на это дать. Но это ничто по сравнению с 240%, на которые ВСНХ хочет за это пятилетие увеличить продукцию... Здесь в ближайшее время предстоит некоторое затухание»...[3]. Итак, 30% роста, а там обычные капиталистические темпы развития.

Особенно яростно ополчался Базаров против ставки на перевыполнение плана: «Вы говорите, что уверены, что будущие проектировки Госплана окажутся минимальными и будут превзойдены. Но... важно знать, насколько она (данная установка.—*М. Р.*) будет превзойдена. Может быть нам придется не только планету землю включить в план, но и Марса и Венеру, может быть перспективы наши совершенно необъятны...»[4]. Итак, перевыполнение планов так же утопично, как включение в план Марса и Венеры. Здесь Базаров выдал себя как заправский лакей буржуазии, который не мыслит себе другого строя, кроме буржуазного, который социализм считает не чем иным, как утопией.

Итак, теорию затухающих кривых Базаров пытается обосновать на двух предпосылках. Во-первых, на том, что он отрицает преимущества нашей системы по сравнению с капиталистической. Во-вторых, Базаров указывает, что переход от восстановительного к реконструктивному периоду потребует колоссальных затрат, и нам придется и капиталы и рабочую силу направлять на новые предприятия, которые дадут продукцию лишь через ряд лет. Если мы будем форсировать строительство новых заводов, то нам грозит стационарность в росте развития нашей продукции, мало

[1] Ст. *В. Базаров* в «Экономическом обозрении», 1928 г., № 6, стр. 60.
[2] Там же, стр. 59—60.
[3] См. «Плановое хозяйство», 1928 г., № 6, стр. 153.
[4] Там же, стр. 162.

того, нам грозит кризис, катастрофа и т. д. Чем меньше мы будем строить новых предприятий и чем больше будем расширять старые предприятия, тем меньше будет темп затухания, но так или иначе затухающие темпы неизбежны,—таков вывод, который делает Базаров.

Теория затухающей кривой Базарова кишит грубыми ошибками и является чисто меньшевистской, вредительской теорией.

Базаров сознательно скрывает преимущества СССР, вытекающие из уничтожения помещичьего класса и промышленной буржуазии, из замены капиталистических отношений социалистическими.

Все то, что раньше прожиралось буржуазией, помещиками и их челядью, теперь остается в руках трудящихся и может итти на цели расширенного воспроизводства и повышения уровня жизни.

Замена капиталистических отношений социалистическими в промышленности, означавшая переход к плановости, к концентрированности, к использованию новейших достижений техники, обеспечила высокие темпы развития промышленности. Вместе с процессом насаждения совхозов и колхозов к этим огромным преимуществам планового хозяйства стало приобщаться и сельское хозяйство.

Темп роста продукции зависит от различных факторов. При всех прочих равных условиях темп роста продукции зависит от нормы аккумуляции народного дохода, т. е. от доли народного дохода, идущей на цели расширенного воспроизводства—в виде средств производства для постройки новых предприятий или расширения существующих предприятий и средств потребления для дополнительных рабочих (при капитализме речь идет о норме накопления, т. е. об удельном весе накопляемой прибавочной стоимости).

По мере социалистического обобществления народного хозяйства растет и доля народного дохода, идущая на расширенное воспроизводство.

По некоторым ориентировочным (повидимому, преуменьшенным) данным в 1928/29 г. социалистический сектор аккумулировал 24,5% своего дохода, в то время как сектор индивидуальный—только 3,3%, что создавало общий процент аккумуляции в 16,4%. Очевидно, рост удельного веса социалистического сектора создает возможность увеличения нормы аккумуляции народного дохода. И действительно, в следующем году мы имеем такое положение, когда при общем увеличении удельного веса социалистического сектора в народном хозяйстве этот сектор аккумулировал около 40% своего дохода, и в общем норма аккумуляции народного дохода увеличилась с 16,4 до 25%.

Итак, теория затухающей кривой скрывает, что прибавочный продукт в наших условиях может итти и идет в огромной и растущей своей части на расширение производства, она скрывает и тот весьма важный момент, который ярко отмечен т. Сталиным на XVI съезде ВКП(б), что самый процесс обобществления на-

шего хозяйства есть источник роста наших темпов. И действительно, по мере того, как мы обобществляем наше хозяйство, мы приобщаем его все более широким массивом к преимуществам социализма, получаем все больший массив социалистических производительных сил и тем самым мы не только не должны иметь затухающую кривую, но у нас тем больше оснований для роста темпов капитальных вложений и продукции.

«Рост обобществленного сектора означает прежде всего сокращение эксплоататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве... При росте обобществленного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплоататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся...» [1].

Вместе с этим т. Сталин указывал:

«...Перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистической организации производства открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна [2].

Процесс социалистического обобществления и технической реконструкции есть единый процесс. Социалистические отношения в промышленности обусловили ее реконструкцию, укрепление и реконструкция промышленности подготовили базу для социалистической переделки сельского хозяйства; последняя властно потребовала новых методов с.-х. производства, предъявила огромные требования на тракторы, машины, потребовала соответствующей перестройки промышленности, с.-х. машиностроения и т. д. В этом процессе взаимодействия движущей являлась социалистическая промышленность. И процесс социалистичекого обобществления, и процесс технической реконструкции являются факторами, обеспечивающими подымающиеся темпы.

Неверно утверждение Базарова о том, что развернутое капитальное строительство связано с стационарностью объема продукции или снижением темпов ее роста. Размеры капитального строительства связаны в большой мере с размерами общественного прибавочного продукта (хотя на строительство новых предприятий можно пускать и часть валовой продукции, покрывающей амортизацию старых, дорабатываемых предприятий). Рост капитального строительства требует роста прибавочного продукта, а следственно и роста всей продукции. Чтобы строить, нужно иметь продукцию. Стройка новых предприятий требует направления огромных количеств средств производства для новостроек и средств потребления для строителей. Нельзя строить Днепрострой, Магнитогорский завод и т. п. без огромного роста производства металла, цемента и т. п.

[1] *И. Сталин*, Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б). Стенографический отчет XVI съезда ВКП(б), стр. 32—33.

[2] Там же.

Растущее капитальное строительство означает, что ежегодно все большая масса металла, цемента, кирпича направляется на строительство новых предприятий. Направляемые на стройку материалы не «участвуют» в производстве продукции в данном году. Это верно. В этом отношении имеется известная разница между строительными материалами и оборудованием, которое быстро по поступлении на предприятие вступает в дело. Однако можно себе легко представить быстро растущую ежегодно массу прибавочного продукта и растущую массу средств, направляемых на строительство. Если удельный вес накопляемой части прибавочного продукта растет, а это мы несомненно имеем, то это становится тем более возможным.

Поскольку с рынка берутся средства производства и средства потребления для строительства новых предприятий, которые дадут продукцию лишь после окончания их стройки, может создаться напряжение в смысле соотношения спроса и предложения. Однако план имеет полную возможность ослабить это напряжение, обеспечить важнейшие участки и т. д. Так же как и другие трудности нашего социалистического строительства, эти трудности сами дают нам базу для их преодоления. Рост производительности труда, социалистическое соревнование, трудовой героизм пролетариата приводят к росту общественного прибавочного продукта, к ускорению строительства, а это позволяет больше производить и больше строить.

В своей теории затухающей кривой Базаров придает большое значение динамике производительности труда. Он предсказывает неизбежное снижение производительности труда в связи с капитальным строительством, что должно также повести к снижению темпа развития. Базаров совершенно голословно заявляет, что если мы во избежание полного затухания темпа будем расширять старые предприятия, то получим падение производительности труда, а если будем усиленно направлять средства на новое строительство, опять получим «падение средней производительности промышленного труда».

Почему строительство новых предприятий влечет за собою падение общественной производительности труда—это доказать никак невозможно.

Но неверно, что и расширение старых предприятий должно обязательно вызывать такой результат. Наши предприятия имеют громадные неиспользованные резервы, неиспользованные весьма часто вследствие противодействия вредителей.

И расширение старых, проведенное невредительски, и стройка новых предприятий,—все это может и должно сопровождаться ростом производительности труда. А рост производительности есть весьма важный фактор увеличения темпов.

В условиях капитализма развитие производительной силы труда в отраслях производства средств потребления—непосредственно и в отраслях производства средств производства—косвенно вело к росту относительной прибавочной стоимости (а также и абсолютной прибавочной стоимости, поскольку с ростом орга-

нического состава капитала увеличивалась резервная армия, давившая на зарплату). Рост прибавочной стоимости в условиях капитализма еще не означал сам по себе увеличения нормы и массы накопления. Последняя зависела от фазы цикла, возможности расширения рынка и т. д.

В наших условиях развитие производительной силы труда безусловно ведет к расширению производства. Прежде всего оно позволяет увеличить долю накопления в народном доходе. Представим, что производительность общественного труда увеличилась на 20%. С известной условностью можно принять, что и народный доход в неизменных ценах увеличился, предположим, на те же 20%,—скажем, с 100 до 120. Из этих 100 единиц народного дохода раньше уходило в накопление, скажем, 40 единиц, а теперь из 120 единиц может уходить в накопление 55, а 65 единиц (раньше 60) пойдут на непосредственное потребление. Правильнее говоря, народный доход в своей величине определяется количеством трудочасов, затраченных в данном году (при капитализме—количество вновь созданной стоимости). Если данное количество трудочасов при более высокой производительности дает большее количество потребительных стоимостей, то этот прирост может делиться между увеличением потребления работников и приростом прибавочного продукта, идущим на цели расширенного воспроизводства.

Итак, рост производительной силы позволяет увеличить норму аккумуляции народного дохода.

Но независимо от этого, при той же норме аккумуляции, рост производительной силы есть также фактор расширенного воспроизводства.

О значении развития производительной силы труда, как фактора расширенного воспроизводства—при капитализме—Маркс писал неоднократно:

«...Развитие производительной силы труда косвенно содействует увеличению наличной капитальной стоимости, увеличивая массу и разнообразие потребительных стоимостей, в которых представлена одна и та же меновая стоимость и которые образуют материальный субстрат, вещественные элементы капитала, материальные предметы, из которых непосредственно состоит постоянный капитал и, по крайней мере косвенно,—переменный. С прежним капиталом и прежним трудом производится больше вещей, которые независимо от их меновой стоимости могут быть превращены в капитал; вещей, которые могут служить для всасывания дополнительного труда, следовательно и дополнительного прибавочного труда, и которые, таким образом, могут составить дополнительный капитал. Масса труда, которым может распоряжаться капитал, зависит не от стоимости этого капитала, а от массы сырых и вспомогательных материалов, машин и элементов основного капитала, средств существования—всего того, из чего составляется капитал, какова бы ни была его стоимость. В то время, как возрастает, таким образом, масса применяемого, а потому и прибавочного труда, возрастает и стоимость воспрои

водимого капитала и вновь присоединяемая к ней добавочная стоимость»[1].

Развитие производительной силы есть фактор расширенного воспроизводства и потому, что оно позволяет известную часть амортизационного фонда пускать на строительство новых предприятий. Например вследствие роста производительной силы труда на 10% делается возможным возместить израсходованный основной капитал, стоивший раньше, скажем, 1 млн. руб., фондом в 900 тыс. руб. Остальные 100 тыс. руб. могут пойти на расширение производства. (Это относится также и к оборотным фондам.)

В I и II томах «Капитала» Маркс дает ряд указаний о том, что масштаб производства «поле функционирования капитала» не зависит целиком от размера функционирующего денежного капитала, представляющего необходимую и начальную форму движения каждого капитала. При одной и той же затрате капитала может производиться вновь и переноситься различная стоимость. Например производительно эксплоатируемый материал природы, не составляющий элемента стоимости капитала,—земля, море, руды, леса и труд,—при большом напряжении одного и того же количества рабочих сил может интенсивно или экстенсивно сильнее эксплоатироваться без увеличения авансируемого денежного капитала...»[2].

«Повышение производительной силы труда, поскольку оно повышает массу продукта результата труда, позволяет посредством того же количества труда **воспроизводить больше постоянного капитала**, а следовательно и сохранить стоимость большого количества этого капитала. Но в то же время повышение производительности труда создает новый материал для капитала, следовательно, базис для **усиленного накопления капитала**»[3]. Здесь со всей ясностью Маркс указывает, каким важным фактором расширенного воспроизводства является рост производительных сил труда.

Имеющиеся данные говорят о том, что мы имели за предыдущие годы в общем повышающийся темп роста производительности труда. Это было фактором, обусловливающим повышающийся темп прироста продукции. Однако темп роста продукции далеко превышал и **обгонял** прирост производительности труда.

Динамика валовой продукции крупной государственной промышленности и производительности труда
(%-ное отношение к предыдущему году)

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Валовая продукция в млн руб. по довоенным ценам	4 213	5 034	6 189	12 537
В %	100,0	119,5	122,9	124,0
Средняя выработка на 1 человеко-день в руб. по довоен. цен.	8,45	9,48	10,77	12,49
В %	100,0	112,2	113,6	116,0

[1] *К. Маркс*, Капитал, т III, ч. 1, стр. 229.
[2] Там же, т. II, стр. 339.
[3] Там же, стр. 310. Разрядка наша. — *М. Р.*

Таким образом рост производительной силы труда далеко не являлся единственной причиной роста продукции.

Не только в натуральном, но и в стоимостном выражении мы имели подымающиеся темпы роста продукции. Они были результатом 1) роста массы накапливаемого прибавочного продукта, 2) более интенсивного использования основных и оборотных фондов (увеличение числа смен, уменьшение периода производства и т. д.) и 3) увеличения производительной силы труда (и его качества, квалификации).

В условиях СССР все факторы повышения темпов: рост фонда расширенного воспроизводства (накопляемой части народного дохода), рост производительной силы труда и т. д. вступают полностью в свои права и дают в итоге не затухающие, а подымающиеся темпы развития.

Теория затухающей кривой была весьма важна для единого контрреволюционного фронта: она отвечала прямой задаче вредителей—задержать во что бы то ни стало успешное и быстрое развитие социалистического сектора нашей экономики. По мнению Базарова наше развитие в восстановительный период шло по «плавной, эс-образной кривой», а раз так, то нужно планировать, исходя из математического анализа этой кривой, кривой затухающей. Математической логике «эс-образной кривой» пролетариат противопоставил диалектическую логику социалистического строительства. Вопреки пророчествам Базарова реконструктивный период не дал снижения темпов. Прирост продукции госпромышленности составил: в 1926 27 г.—19,7%, в 1927/28 г.—26,3%, в 1928/29 г.—24,3%, в 1929/30 г.—25%.

И в то же время росли по «подымающейся большевистской кривой» (И. Сталин) капитальные вложения. По государственной промышленности они составили: в 1926 27 г.—1,065 млн. руб., в 1927/28 г.—1,304 млн. руб., в 1928 29—1,819 млн. руб., в 1929/30 г.—около 3,0 млрд. руб.

Как известно, затухающая кривая получила свое выражение во вредительском проекте генерального плана комиссии проф. Осадчего. Например по черной металлургии Осадчий намечал рост в течение первой пятилетки—с 1925/26 и по 1930 31 г.—на 120%, вторая пятилетка должна была дать прирост на 60% и третья пятилетка—прирост на 37%. На самом деле первые пять лет дали прирост по металлургии в 191% по отношению к 1925/26 г.. Эта проектировка Осадчего однако не была утверждена Госпланом.

Необходимо отметить, что затухающая кривая получила яркое проявление и в проекте пятилетки, составленном «Особым совещанием по восстановлению основного капитала государственной промышленности (ОСВОК)», построенном на принципах троцкизма. В докладной записке ОСВОК, показавшей действительное понимание троцкистами темпов развития государственной промышленности, намечалось вложить в государственную промышленность в 1926 27 г.—1 543 млн. руб.; в 1927 28 г. 1 190; в 1928/29 г.—1 320; в 1929/30 г.—1 060 млн. руб. (по ценам 1926 27 г.)

На самом деле, как мы видели выше, капитальные вложения в госпромышленность росли из года в год по «*подымающейся* большевистской кривой».

По записке ОСВОКа продукция государственной промышленности должна была увеличиться в 1926/27 г. на 31,6%, в 1927/28 г.—на 22,9%, в 1928/29 г.—на 15,5%, в 1929/30 г.—на 15%.

На самом деле прирост продукции составлял за эти годы: 19,7%; 26,3%; 24,3%; 25%. 1931 год должен дать 45%. Как показал т. Сталин в своем докладе на XVI съезде ВКП(б), Троцкий в 1925 г. в своей брошюре «К социализму или капитализму» защищал теорию затухающей кривой. В этой книжке Троцкий заявлял: «До войны расширение промышленности в основе своей состояло в постройке новых заводов. В наше время расширение в гораздо большей степени состоит в использовании старых заводов и загрузке старого оборудования, отсюда исключительный темп подъема. Естественно следовательно, что *с завершением восстановительного процесса* коэфициент роста должен будет *значительно снизиться*»[1].

Максимальный темп роста, по Троцкому, может лишь в два-три раза превысить довоенные 6%-ные темпы, т. е. не может превысить 12—18%. На самом деле темпы с 1927/28 г. превышают далеко эти цифры, составляя около 25%, а с 1931 г. темп поднимается до 45%.

Другой троцкист Смилга еще ярче выразил влияние ученых вредителей: Громана, Базарова, Альберта Вайнштейна, утверждавших, что мы не сможем двигаться темпами, превышающими 5—6% в год.

В прениях по докладу В. П. Милютина «Перспективы хозяйственного развития СССР» Смилга заявил:

...«С концом восстановительного периода в историю отходит и темп его. Мы на следующий (1926/27 г.—*М. Р.*) проектируем на 15% развитие промышленности. Еще в целом ряде районов, в целом ряде отраслей промышленности имеются восстановительные хвосты, которые нам придется подбирать. Но тем не менее капитальные вложения, которые мы собираемся делать в предстоящем году, на 1927/28 г. предполагают дальнейшее резкое замедление темпа. Можно будет говорить всего лишь о 5—7%-ном развитии хозяйства в 1927/28 г... Одно дело было развиваться путем пуска существующих предприятий, другое дело—путем вложения новых средств...»[2].

Итак, троцкисты в отношении темпов целиком поддались буржуазной теории затухающей кривой, оказавшись в отношении реконструктивного периода «*самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами*» (*И. Сталин*).

Наконец следует отметить, что и первый вариант пятилетки, составленный под руководством тов. С. Г. Струмилина, не полу-

[1] «К социализму или капитализму», стр. 38—39.
[2] «Вестник Коммунистической академии», 1926, № 17, стр. 197.

чивший утверждения, включал затухающие темпы роста промышленной продукции, а также и капитальных затрат.

Валовая продукция и капиталовложения, намечавшиеся первым проектом пятилетки

Годы	Валовая продукция госпром—сти (в млн. дов. руб.)	Прирост за год (в %)	Капитальные затраты госпром-сти (в млн. дов. руб.)	Прирост за год (в %)
1926/28	6 326,7	19,1	918,0	—
1927/28 . . .	7 188,8	13,2	1 141,6	24,4
1928/29	7 944,8	10,6	1 182,4	3,6
1929/30	8 723,9	9,9	1 206,2	1,2
1930/31	9 517,9	9,2	1 205,4	0,0

Несмотря на то, что жизнь решительно опровергла затухающие темпы, С. Г. Струмилин не отказывался от этой идеи еще осенью 1928 г., когда он в одной из статей заявлял:

«... На протяжении ближайших четырех-пяти лет, как показывает нам конкретный анализ намеченных затрат и их эффекта, мы в лучшем случае будем иметь рост по прямой или даже легкое затухание кривой роста. Тов. Мотылев (критиковавший С. Г. Струмилина.—*М. Р.*) и в этом пункте не согласен с нами, ему хотелось бы, повидимому, вообще изгнать из употребления в нашей плановой практике всякие затухающие кривые»[1].

Итак, Струмилин не собирался начисто отказаться от затухающей кривой—авось пригодится.

Такая позиция не может не рассматриваться иначе, как нежелание признать ошибку и расстаться с меньшевистской теорией затухающей кривой. Тов. Струмилин, выступавший на этой дискуссии против Базарова, в вопросе о темпах стоял на неверной позиции.

Следует указать, что и первый проект пятилетки, составленный под руководством С. Г. Струмилина, был встречен в штыки вредителями. На II съезде госпланов меньшевики-вредители вкупе с кондратьевцами повели ожесточенную атаку против этого проекта.

Атака была начата Громаном, который пунктом нападения избрал запроектированное повышение в течение пятилетки зарплаты на 33% номинально и 50% реально.

Громан заявил, что необходимо уменьшить эту проектировку вдвое, т. е. допустить рост зарплаты лишь на 25%. Запроектированный прирост с.-х. продукции, утверждал Громан, не дает такого прироста народного дохода деревни, который запроектирован для рабочего класса. Вместо того, чтобы предложить увеличить запроектированный вредителем Вишневским минималистский темп роста с.-х. продукции и тем подтянуть деревню к городу, Громан предлагал обратное—подтянуть пролетарский город к стихийному развитию деревни, задержать рост социалистической индустрии и рост зарплаты.

[1] Цит. *В. Е. Мотылев,* Проблема темпа развития СССР, стр. 193.

Иначе, заявлял Громан, увеличится разрыв между уровнем жизни города и деревни и ежегодно нарастающая на 1,5 млн. безработная армия затопит города. Мало того, Громан утверждал, что даже запроектированный минималистский темп роста с.-х. продукции (22%) не сможет осуществиться.

По мнению Громана, все построение первого проекта пятилетки должно рухнуть вследствие недостаточного роста с.-х. продукции, которая не сможет расти намеченным темпом, а это сделает невозможным и прирост промышленной продукции.

«Будет ли такая задуманная продукция промышленности и продукция сельского хозяйства иметь место? Я отвечаю на этот вопрос отрицательно»[1].

Вредители делили между собой функции. Одни, например Вишневский, проектировали минималистский темп (22%-ный прирост с.-х. продукции на 5 лет), другие объявляли и эти темпы неприемлемыми, для того чтобы создать впечатление, что предложенные темпы не минимальны, а максимальны. В этой расстановке вредительских сил занял свое место и Базаров.

В ответ Г. М. Кржижановскому, выдвинувшему мысль о необходимости двух вариантов пятилетки, отправного и оптимального, Базаров, опасаясь, что представленный т. Струмилиным первый проект пятилетки будет признан минимальным, поспешил объявить этот проект максимальным. «Если вы спросите меня,—говорил Базаров,—какой вариант мы имеем перед собою в данной пятилетке, я отвечу: при тех предпосылках в области хозяйственной организации и экономической политики, которые положены в основу пятилетки, это несомненно максимальный вариант во всех отношениях»[2].

Мало того, Базаров утверждал, что и проект Струмилина весьма опасен, что «если поедешь прямо, то будешь голоден и холоден»[3].

А вредитель Никитин, поддерживая Базарова, заявил:

«Я кончу тем, чем кончил Базаров, а именно, что тот путь, который так красиво нарисован т. Струмилиным, на самом деле тот путь, который может привести к совершенно иным результатам, а именно—к нищете и голоду»[4].

Так единый вредительский фронт боролся против пятилетнего плана, даже в самом его минимальном варианте.

Базаровско-громановская методология планирования

Перейдем сейчас к теории планирования Базарова. Здесь мы находим несколько этапов, причем на всех этих этапах эта теория является одинаково неверной и вредительской. Разница лишь в

[1] Стенограмма II съезда госпланов (Архив Госплана СССР, д. № 27/а, стр. 172).
[2] Там же, стр. 172.
[3] Там же, стр. 184.
[4] Там же.

том, что Базаров, приспособляясь к новым обстоятельствам, видоизменял и свою теорию.

Первый этап—1924 год. В своей работе «К методологии перспективного планирования» Базаров исходит из того, что в условиях переживаемой нами эпохи распределение продуктов должно осуществляться не в непосредственно плановом порядке, а при помощи «вольного» товарного рынка. Но если рынок является «распределителем», какова же роль планирования? Эта роль планирования весьма скромна. «Планирование, по Базарову, призвано лишь устранить те деформации и изменения, которые внесли в нашу экономику империалистическая и гражданская война».

Если бы наше народное хозяйство, утверждает Базаров, представляло из себя полнокровный, пропорционально сложенный организм с упроченными традициями здорового развития (организм конечно капиталистический с традициями капиталистическими.— *М. Р.*), то перспективное планирование было бы излишним, и можно было бы довольствоваться учетом конъюнктуры и выравниванием случайных отклонений.

«Н о б е д а в т о м,—так и заявляет Базаров,— что каждая отрасль нашей современной экономики нуждается в радикальном переустройстве... Эпоха империалистических и гражданских войн произвела такие грандиозные деформации в системе нашего народного хозяйства, создала такие диспропорции между отдельными частями, что конъюнктурные показатели сами по себе ничего не дают для выявления общих линий экономической политики... Потребна рассчитанная на длительный период восстановительная программа». «Однако не просто восстановление, а реконструкция народного хозяйства является нашей плановой задачей» [1].

Базаров не решается высказаться прямо за восстановление довоенных отношений, но реконструкция у него настолько куцая, что фактически получается именно восстановление.

«...В планировании этих внутренних сдвигов,—заявляет Базаров,—необходимо ограничиться минимумом, устраняющим наиболее бьющие в глаза аномалии в структуре и технике современного производства. План должен дать не вдохновляющую широкую картину возможных или желательных достижений, а точный чертеж и строгий учет тех объективно необходимых ближайших преобразований, без которых здоровое развитие народного хозяйства немыслимо» [2]. Только такой план Базаров считает деловым.

Итак, план должен лишь устранить аномалии, бьющие в глаза.

Что реконструкция должна быть социалистической, что она должна революционизировать экономические отношения и технику, об этом Базаров не только молчит, но он прямо выступает против такого плана реконструкции.

Каковы те методы построения перспективного плана, которые намечает Базаров? «На первый взгляд,—указывает он,—наиболее трезвым и надежным подходом была бы экстраполяция тех тен-

[1] *В. Базаров,* К методологии перспективного планирования, стр. 5.
[2] Там же, стр 6.

денций к оздоровлению, которые уже фактически определились в динамике нашего народного хозяйства за последние годы». Такой «чисто генетический путь», примененный Транспланом при выработке перспективного плана на 1923/24—1928 гг., не дал однако удовлетворительных результатов».

Жизнь сломала всякие математические экстраполяции. Базаров поэтому вынужен признать, что «экстраполяция коэфициентов, выведенных из наблюдения хозяйственного развития двух-трех последних, в высокой степени анормальных лет, не может послужить фундаментом для построения перспективной программы нашего хозяйственного возрождения».

Базаров однако не собирается вовсе отказаться от метода проектировки динамики последних лет на планируемые годы. Он считает, что этот метод планирования не подходит лишь для государственного хозяйства, в отношении которого должен действовать не «генетический» принцип, а «телеологический».

«План восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в непосредственном заведывании государства, должен строиться не генетически, а телеологически: не путем проецирования в будущее фактической динамики настоящего, а путем целевого построения таких преобразований в современной промышленности, при осуществлении которых ее фактическая динамика впервые сможет стать выражением тенденций здорового и прочного развития» [1].

Иначе обстоит дело с планированием с.-х. продукции. Здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся тенденции мерами экономической политики. Уже по одному этому целевая конструкция была бы в данном случае лишена всякого практического значения. Перспектива сельскохозяйственного развития может быть построена лишь генетически; и несмотря на колоссальные трудности, зависящие от недостатка надежного статистического материала, выявление фактических тенденций развития в крестьянском хозяйстве, гораздо менее промышленности деформированном войной и революцией, сможет дать достаточно надежные коэфициенты и во всяком случае представляет единственный путь к уяснению перспектив этой количественно доминирующей отрасли национального производства. Построенная таким образом схема возрожденного с.-х. производства должжна учесть не только общие размеры этого последнего, но и степень его «товарности», а вместе с тем и емкость крестьянского рынка по отношению к продуктам городской промышленности. Следовательно генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности» [2].

Если вдуматься в эти положения, то придем к выводу, что

[1] *В. Базаров,* К методологии перспективного планирования.
[2] Там же.

фактически Базаров предлагал ориентироваться в планировании на стихийные тенденции крестьянского хозяйства, предоставленного самому себе. Базаров считал, что мы можем лишь косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся тенденции этого хозяйства. К этим тенденциям должен приспосабливаться план государственной промышленности. Такая установка совершенно смазывает ведущую и преобразующую роль социалистической промышленности по отношению к сельскому хозяйству, роль, предполагающую насаждение в деревне совхозов и колхозов. Ориентировка на стихийные тенденции крестьянского хозяйства, предоставленного самому себе, есть ориентировка на капиталистический путь развития. «Генетически выведенный перспективный план с.-х. продукции» означал бы просто экстраполяцию выявившихся капиталистических тенденций на ближайшие планируемые годы. План таким образом превращается в предвидение стихийных тенденций развития сельского хозяйства, к которым приноравливаются промышленные планы. Такое положение буржуазные реставраторы называли «приматом генетики над телеологией». Вместо плана, имеющего целевой установкой строительство и построение социализма в нашей стране путем укрепления основной базы социализма—крупной индустрии, путем кооперирования крестьянского хозяйства как ступени к переводу его на рельсы крупного коллективного производства, путем насаждения совхозов и колхозов, путем ограничения и экономического вытеснения буржуазии, путем ликвидации кулачества на основе сплошной коллективизации, одним словом—путем революционного переустройства общественных отношений,—вместо этого вредители предлагали строить лишь такие планы, которые были бы лишь предвидением стихийного развития, планы, в которых целевая установка была бы подчинена стихийным тенденциям сельского хозяйства, предоставленного самому себе, т. е. тенденциям капиталистического развития.

Вредительский характер теории примата генетики над телеологией является совершенно очевидным. Автором этой теории считал себя Громан. В одном из показаний, данных им на следствии, Громан заявил, что осуществление его группой директив новой вредительской тактики меньшевистской партии заключалось в «выставлении при выработке перспективных планов примата генетической точки зрения над телеологической (Громан) или их равноправия (Базаров), вместо активной целевой установки на социалистическую переработку исторически данной среды» [1], так же как и в «проведении в контрольных цифрах и в конъюнктурных обзорах враждебных генеральной линии партии плановых построений и заведомо искаженных конъюнктурных оценок (сжатие темпов соцстроительства, искажение классового подхода, раздувание трудностей, недоучет ресурсов)» и других методах вредительской деятельности.

[1] См. «Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации Громана, Шера, Икова, Суханова и других», раздел «Вредительство в Госплане».

Как увидим ниже, Базаров лишь в 1928 г. заменил формулу «примата генетики над телеологией» формулой их равноправия, что по существу не меняло дела, ибо и новая формула скрывала основное в плане—целевую установку на построение социализма. Что касается Громана, то он и в 1928 г. защищал эту «истину», заявляя:

«Мне пришлось при обсуждении методологии перспективного планирования в Госплане дать эту формулу (генетической точки зрения.—*М. Р.*); я продолжаю на ней стоять... Примат всегда принадлежит генетической точке зрения... Скачка из царства необходимости в царство свободы мы еще не произвели» [1].

Чтобы крепче мотивировать это положение о господстве генетики, Громан ссылается в доказательство его на то, что мы еще... не овладели такой стихией, как погода, осадки и т. п.

«Мы можем дать такую формулу: в меру овладения нами силами природы, мощь нашего сознательного воздействия на надстройку производственных отношений будет еще более и более развиваться и усиливаться. В той мере, в какой это хозяйство будет подчинено силам природы, которыми мы не овладели, в той мере оно будет расти и развиваться стихийно» [2].

Другими словами, нам предстоит оставаться рабами общественных отношений, развиваться стихийно, пока мы не овладеем силами природы, пока не сумеем творить дождь по желанию, предупреждать землетрясения, извержения вулканов и т. п. Вот до какой чепухи договорился меньшевистский мракобес и вредитель. Что процесс овладевания силами природы как раз с громадной мощью развернется с победой социализма, что социалистическая переделка производственных отношений в деревне делает сельское хозяйство все более независимым от случайностей погоды, об этом социал-вредитель предпочитает умалчивать.

Противопоставляя «телеологически» составленный план государственной промышленности «генетическому» развитию сельского хозяйства, вредители пытались представить наши планы как нереальные, надуманные и противоречащие закономерному, независимо от плана идущему развитию народного хозяйства. Народнохозяйственный план рассматривался вредителями по-кантиански, как субъективное долженствование, вне связи с объективным развитием.

Проблему нового соотношения **стремлений** людей и классов и **необходимости** в нашей экономике, в отличие от капиталистической, вредители подменяли противопоставлением «телеологии» и «генетики», сыпали песок в глаза, стремясь скрыть особенности нашей экономики, как экономики, движущейся к коммунизму.

«История делается людьми; стало быть человеческие стремления не могут не быть фактором исторического движения. Но история делается людьми так, а не иначе, вследствие известной

[1] «Плановое хозяйство» 1928, № 6, стр. 159.
[2] Там же, стр. 161

необходимости. Раз дана эта необходимость, то даны, как ее следствие, и те стремления людей, которые являются неизбежным фактором общественного развития. Стремления людей не исключают необходимости, а сами определяются ею. Значит и противопоставление их необходимости есть большой грех логики»[1]. И дальше Плеханов отмечает: «Когда данный класс, стремясь к своему освобождению, совершает общественный переворот, он поступает при этом целесообразно, и во всяком случае его деятельность является **причиной** этого переворота. Но эта деятельность со всеми теми стремлениями, которые ее вызвали, сама есть **следствие** известного хода экономического развития и потому сама определяется необходимостью»[2].

В этих замечаниях Плеханова весьма важно обратить внимание на то место, где он рассматривает целесообразную деятельность класса, как причину общественного переворота. Деятельность пролетариата, завоевавшего политическую власть, национализировавшего промышленность и землю, укрепляющего и расширяющего социалистические отношения и проводящего социалистическую переделку мелкокрестьянского хозяйства, беспощадно борющегося с враждебными классами и тенденциями, приводит к победе социалистического строя. Эта деятельность сама определяется необходимостью, ходом исторического развития, которое подготовило материальные предпосылки социализма, а в лице пролетариата, руководимого коммунистической партией,—могильщика капитализма и строителя коммунизма. Вот эту деятельность пролетариата, как необходимое условие и определяющий фактор общественного переворота, пытались и пытаются скрыть социал-вредители, меньшевики, которые представляют исторический процесс фаталистически, которые пытаются уверить, что социализм мирно, этак лет через сто-двести, врастет в «буржуазное свинство».

Громан пытается во что бы то ни стало доказать, что наша экономика не отличается принципиально от капиталистической, что развитие в ней совершается также стихийно за спиной производителей и т. д. Но одно дело капиталистическое общество, другое дело общество переходное к коммунизму. В капиталистическом обществе действительно имеется неразрешимое противоречие между целями, которые себе ставят капиталисты, и ходом исторического процесса; хотя воля капиталистов детерминирована условиями капиталистического производства, однако результат получается не тот, который ожидался (например кризисы).

Каждое общество, покоящееся на товарном производстве, имеет ту особенность, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями... Господствует анархия общественного производства. Законы товарного производства проявляются без участия производителей и помимо их воли, как слепо действующие законы, присущие форме производства. Продукт господствует над производителями»[3].

[1] *Г. Плеханов*, Основные вопросы марксизма, стр. 97.
[2] Там же.
[3] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1922, стр. 152

Уже при капитализме иначе обстоит дело с теми целями, которые ставит себе пролетариат как класс. Эти цели обусловлены необходимостью, и в то же время эти цели—свержение господства капитала и установление диктатуры пролетариата—совпадают с тенденциями исторического развития, подготовившего материальные предпосылки нового строя и могильщика капитализма в лице революционного пролетариата.

С переходом к социализму конфликт и противоречие между волей, сознанием и намерениями отдельных людей и законами общественного развития сменяется все большим и большим соответствием между ними.

В отличие от капитализма социализм представляет «общественный строй, в котором не будет уже никаких классовых различий, в котором впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о существовании в гармонии с познанными законами природы»[1].

«Вместе с переходом средств производства в руки всего общества устранится товарное производство и вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной сознательной организацией. Борьба за личное существование прекратится. Только тогда выделится окончательно человек, в точном смысле этого слова, из животного царства и перейдет из зоологических условий существования в действительно человеческие. Все условия жизни, созданные людьми и угнетавшие до сих пор человека, сами подчинятся тогда людям и их контролю, и они впервые явятся сознательными, действительными господами природы, так как будут господами в своем собственном соединенном обществе; законы их собственной общественной деятельности, которые до сих пор противопоставлялись им как им чуждые и потому господствовавшие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно с их собственными интересами. Подчинение общественной организации, которое им до сих пор как бы навязывалось природой и историей, станет теперь их собственным свободным делом. Объективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, попадут под контроль самих людей.

Только тогда люди будут сами вполне сознательно творить свою историю, и приводимые ими в движение исторические факторы станут все в большей и большей мере давать желанные для них результаты. Это будет прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы»[2].

Царство свободы однако отнюдь не означает отрицание необходимости или неограниченную ни законами природы, ни законами общества индетерминированную волю. И при коммунизме производство будет представлять материальную основу всех прочих видов деятельности человека. Необходимость, объективная закономерность остается в силе и при коммунизме, остается в

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 152.
[2] Там же, стр. 159.

силе положение, что «необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека—вторичное» (Ленин). Но «свобода есть познанная необходимость». Громадная разница будет состоять в том, что человеческое общество будет при социализме вполне сознательно творить свою историю, в громадной степени увеличивая власть над законами природы. Цель, которую будет себе ставить человечество, будет сознательно исходить из учета этих законов общества и природы. «Законы их собственной общественной деятельности, которые до сих пор противопостовлялись им как им чуждые и потому господствовавшие над ними, будут применяться людьми с пониманием дела и согласно их собственным интересам». (Энгельс).

Переходный период представляет собою период революционного превращения коммунистического общества в коммунистическое. По мере этого переустройства анархия внутри общественного производства сменяется планомерной сознательной организацией общественного производства. Поскольку развитие планового хозяйства есть процесс все большего «познания необходимости», постольку так же, как и правильно понятая свобода, и план не может противопостовляться необходимости, объективной закономерности.

Совершенно ясно, что наше движение к полной победе социализма, обусловленное революционной деятельностью пролетариата, является закономерным. Оно предполагает диктатуру пролетариата, национализацию важнейших средств производства, правильную политику пролетариата, ожесточенную классовую борьбу с буржуазией, непримиримую борьбу с оппортунизмом, правым и «левым». Оно предполагает социалистическую индустриализацию, насаждение совхозов и колхозов и ликвидацию кулачества на определенном этапе и т. д.

Наше движение к коммунизму является закономерным, но эта закономерность, в отличие от капитализма, не есть закономерность стихийного, от нас независящего движения.

Одним из коренных отличий переходной от капитализма к коммунизму экономики является как раз то, что ее движение, т. е. движение к социализму, совершается не стихийно—оно не может совершаться стихийно!—а совершается как процесс сознательного строительства социалистических отношений, сознательной классовой борьбы с остатками капитализма и с капиталистическими тенденциями. На любом этапе нашего развития пролетариат, держащий политическую власть, ставил определенные задачи, которые в основном определяли движение нашей экономики: сознательно проведенное отступление и перегруппировка сил для подготовки нового наступления в начале нэпа; прекращение отступления и переход в наступление после XI съезда ВКП(б); укрепление государственной промышленности и смычка с крестьянством по директивам XII и XIII съездов; усиление экономического вытеснения частного капитала после XIII съезда; курс на индустриализацию по директиве XIV съезда; признание задачи коллективизации основной и подготовка массового пово-

рота середняка к социализму по директивам XV съезда; переход к непосредственному строительству социализма и наступлению по всему фронту по директивам XVI съезда и т. д.

Уже с конца восстановительного периода эта политика, которую проводил пролетариат, стала облекаться в форму конкретных годовых заданий—контрольных цифр, перераставших в народнохозяйственный план и в форму перспективных планов—пятилетки.

Таким образом, поскольку революционная деятельность пролетариата, овладевшего политической властью и важнейшими средствами производства, обусловливает общественный переворот, поскольку она осуществляет переустройство общественных отношений и поскольку эта деятельность—строительство социализма—находит свое выражение в народнохозяйственном плане пролетарского государства, план построения фундамента, а затем и здания социалистического общества является ведущим и решающим фактором нашей экономики, определителем (регулятором) ее движения к социализму. Утверждая, что план может быть лишь предвидением, что директивный момент в плане играет подчиненную роль, что целевые установки должны быть подчинены стихийным тенденциям (теория примата генетики), вредители отрицали ведущую роль плана. Они выхолащивали основное содержание плана, *целевую установку на построение социализма*. Они пытались всемерно сузить роль плана. Будучи непримиримыми врагами планового хозяйства, вредители старались однако в то же время прибрать дело планирования к своим грязным рукам, дабы проводить вредительские установки в планах.

Базаровская методология перспективного планирования была дружно поддержана, перенята всем вредительским лагерем в планировании и в первую очередь—группой Кондратьева.

Если обратиться к работе Земплана «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», то там находим полное проведение базаровской методологии. В вводной части перспективного плана отмечалось: «В плане развития таких отраслей хозяйства, которые при государственном капитализме (так вместе с зиновьевцами называли нашу советскую систему хозяйства вредители.—*М. Р.*) находятся в непосредственном хозяйственном ведении государства, роль телеологических элементов может быть весьма большой, если не преобладающей. Сюда относятся планы восстановления промышленности, транспорта и, в значительной мере, лесного хозяйства. Наоборот, в плане развития сельского хозяйства, где имеет место масса децентрализованных распыленных единичных хозяйств, где стихийные факторы развития имеют преобладающее значение, роль телеологических конструкций неизбежно понижается и приобретает подчиненное значение, а роль генетических моментов соответственно повышается»[1]. При этом Кондратьев прямо ссылается на Базарова.

Итак, в сельском хозяйстве господствует стихия, и план бес-

[1] «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства, стр. 6.

силен не только овладеть ею, но даже существенно на нее влиять. Те мероприятия, которые намечает советское государство,—указывается в «Основах»,—могут быть осуществлены лишь на основе стихийного процесса хозяйственного развития»[1].

В результате такой методологии кондратьевцы протащили в перспективный план сельского хозяйства вредительские минималистские проектировки. Патентованные «защитники» сельского хозяйства от большевистской индустриализации проектировали такие нищенские темпы, в итоге которых мы не добрались бы даже в 1928 г. до довоенного уровня, а наше сельское хозяйство осталось бы попрежнему отсталым, распыленным, добычей кулацкой эксплоатации.

Кондратьев проектировал на 1928 г. посевную площадь зерновых в 90,6 млн. *га* и 15,4 млн. *га* технических и других культур. На самом деле мы уже в 1926 г. имели посевов зерновых 90,4 млн. *га* и технических 15,8 млн. *га*. Вместо 74,1 млн. голов скота, которые пятилетка Кондратьева намечала на 1928 г., мы имели в этом году уже 79,1 млн. Общая сумма затрат по финансированию сельского хозяйства РСФСР на 1924—1929 гг. намечалась Кондратьевым в 450 млн. руб. На самом деле она составила за эти годы 1 170 млн. руб. Затраты на с.-х. машиноснабжение РСФСР на 5 лет намечались Кондратьевым в сумме 21,4 млн. руб. На самом деле только за один 1928/29 г. советская власть затратила на машиноснабжение сельского хозяйства РСФСР свыше 90 млн. руб. Не приходится говорить, что на финансирование колхозов кондратьевская пятилетка не уделяла ни копейки. Эти цифры выдают с головой кондратьевцев как самых реакционных и оголтелых врагов трудящихся деревни и города, как прямых агентов кулака и международной буржуазии в деле превращения СССР в колониальную страну.

Эта же базаровская методология перспективного планирования была протащена и в раздел о сельском хозяйстве первого проекта пятилетки, вышедшего под редакцией С. Г. Струмилина. В этом разделе, написанном соратником Громана—Вишневским, мы находим такое рассуждение: «Когда государство планирует подчиненные ему отрасли хозяйства, то имеется сравнительно большая возможность предусмотреть конкретные результаты отдельных мероприятий, так как они могут проводиться в порядке распоряжений, обязательных для ячеек, осуществляющих хозяйственную деятельность в обобществленных отраслях народного хозяйства. Иное положение в сельском хозяйстве, где прямое планирование является исключением, ограничиваясь кругом немногих хозяйственных мероприятий, проводимых государством или целиком или в незначительной мере на свои средства (крупные мелиоративные работы, землеустройство и т. п.). Но даже и в этих случаях, создавая условия для хозяйственной деятельности крестьянских хозяйств, государство лишь в малой степени может

[1] «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», стр. 6

предусмотреть конкретные ее результаты, так как, например, на землях, орошенных на государственные средства, отдельные крестьянские хозяйства могут выращивать хлопок, пшеницу, и т. д. Поэтому даже тогда, когда государство проводит специальные мероприятия материального характера, хозяйственные их результаты можно в большей степени предугадывать, чем предусматривать, понимая под последним такого рода предвидения, которые базируются на заранее известных (хотя бы самым грубым образом) соотношениях между затратами и их результатами. Еще меньшая возможность даже предугадывания имеется в тех случаях, когда последние охватывают подавляющую часть сельскохозяйственного производства, когда государство располагает лишь косвенными методами воздействия на направление и темпы его развития.

Такое положение придаст всей нашей работе—особенно в цифровой ее части—условный характер»[1].

Итак, план для сельского хозяйства весьма условен, нет никакой уверенности в его осуществлении, а потому необходимо «планировать», исходя... из довоенных тенденций, из довоенных темпов. Такое планирование было наруку буржуазии, и ее агенты, используя недостаточную классовую бдительность коммунистов, и проектировали соответствующим образом. Получилось вредительское содержание раздела о сельском хозяйстве, где **ни слова** не говорится об осуществлении кооперативного плана Ленина, о социалистической переделке сельского хозяйства. Используя генетический метод, вредитель Вишневский запроектировал 6% роста производительности труда по пятилетке, исходя из того, что именно таков был прирост в довоенные годы. Вложения в совхозы были намечены на пятилетие в сумме 81 млн. руб. (!) и т. д.

Рекорд в применении генетического метода в планировании, в применении установки на господство стихии и на то, что «так было, так будет», побил вредитель Огановский, который запроектировал для генерального плана увеличение к 1940 г. числа индивидуальных крестьянских хозяйств в 35 миллионов!

Таковы плоды генетического метода «планирования», обоснованного Базаровым, «планирования» в кавычках, ибо при ставке на стихийные тенденции по существу не приходится говорить о планировании.

•

Но так же, как и теория потухающей кривой, провалилась блистательно и теория примата стихии над планом. Социалистическая индустрия совершенно явно выявила свою ведущую роль, подтягивая к своему развитию и переделывая отстающее в своем росте сельское хозяйство.

Приходилось отказываться от ряда явно неверных положений, пытаясь протащить новые установки, не менее однако вредительские. В 1928 г. Базаров выступает снова по вопросу о ме-

[1] См. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР» под ред. С. Струмилина, стр. 158.

тодологии планирования[1]. Момент был весьма важный—стоял вопрос об установках пятилетнего плана.

«Всякий перспективный план народного хозяйства,—заявляет Базаров,—будет ли это генеральный план, пятилетка или контрольные цифры, должен представлять собою синтез директивы и прогноза, т. е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости... Телеология и генетика—не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого»[2]. Таким образом Базаров дает новую формулировку, которую Громан в своем показании назвал выставлением принципа равноправия в плане генетической и телеологической точек зрения.

Это положение Базарова о том, что план есть синтез директивы и прогноза, является также совершенно неверным, ибо оно скрывает, что основное в плане—это его социалистическая целеустремленность. Базаров отступил на позицию признания равноправия моментов директивы и прогноза лишь с той целью, чтобы хотя бы таким образом сохранить генетический принцип, т. е равнение на стихию. Целью Базарова было протащить буржуазно-реставраторские установки в пятилетний план.

Какова должна быть основная установка пятилетнего плана?— На это Базаров отвечает:

«Триединый постулит оптимального сочетания роста производительных сил, повышения благосостояния трудящихся масс и развертывания процессов обобществления составляет телеологический стержень плана»[3].

Было бы наивно думать, что даже и формула, где обобществление стоит на последнем месте, отражает действительные убеждения Базарова. Базаров маскируется. Что его выводит из равновесия—это пункт «о скорейшем приближении к социализму», который хотя и на третьем месте, но стоял в установке Центральной комиссии перспективного планирования. Именно этот пункт неприемлем для Базарова, как и для всех буржуазных реставраторов. Именно эту часть установки он и подвергает обстрелу. Открыто выступать против нее он не решается: это бы его выдало с головой. Базарову приходится маневрировать, он ищет антагонизм и противоречия в самой установке пятилетки.

Такой основной антагонизм он видит между задачей быстрого темпа роста производительных сил и задачей скорейшего приближения к социализму. «В течение короткого срока,—заявляет Базаров,—может оказаться целесообразным по тем или другим внеэкономическим соображениям вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но

[1] *В. Базаров*, Принципы построения перспективных планов, «Плановое хозяйство», 1928, № 2.
[2] Там же, стр. 38
[3] Там же стр 41

в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной, ибо превратить на 5—10—15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготовлять в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение»[1].

Базаров прозрачно намекает на то, что установка на скорейшее приближение к социализму приведет к поражению. По существу Базаров исходит из того, что рост социалистического сектора означает создание оков для развития производительных сил, что социалистическое переустройство сельского хозяйства задержит рост производительных сил.

Не торопиться с обобществлением, не торопиться с вытеснением капиталистического хозяйства—таков лозунг Базарова.

Признав **на словах** отсутствие в рамках пятилетнего и генерального плана «противоборства между развитием производительных сил... и процессом социализации» (не признавать этого никак нельзя человеку, облачающемуся в костюм марксиста), Базаров **на деле** противопоставляет быстрое развитие производительных сил быстрому развитию социалистических отношений, как несовместимые на данном этапе вещи.

«Возможно такое стечение обстоятельств, при которых требуется на некоторое время замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепиться на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил»[2].

Буржуазные реставраторы люди дела: они готовы признать на словах, что хочешь, лишь бы на деле задержать темп вытеснения капиталистических элементов.

Развитие производительных сил есть ведущее звено,—заявляет Базаров. Именно эту установку он считает правильной для пятилетки. Такая струвистская установка является контрреволюционной. Она ведет к победе капитализма. Развитие производительных сил может проходить в рамках или социалистических производственных отношений или капиталистических. Если взять курс «просто» развития производительных сил, если не вести ожесточенной классовой борьбы за быстрый рост социалистического сектора, за ограничение капиталистических элементов, а на определенном этапе за ликвидацию кулачества и т. д., то неминуема победа капиталистического пути развития производительных сил. На это и били буржуазные реставраторы, этому они по мере сил и знаний содействовали, скрывая, что ведущим в нашей экономике является именно социалистический сектор, быстрый рост которого означает бурное развитие производительных сил в социалистической форме.

Итак, первой установкой пятилетки, по Базарову, должно быть:

[1] *В. Базаров*, Принципы построения..., «Плановое хозяйство», 1928, № 2, стр. 42.
[2] Там же.

не торопиться с вытеснением капиталистических элементов. Базаров, собственно говоря, рассчитывает на рост этих элементов. Этому должен будет содействовать переход патриархально-крестьянского хозяйства на рельсы товарного хозяйства.

«...Одной из первейших и важнейших проблем перспективного плана является планомерная ликвидация патриархально-натурального хозяйства, и наиболее отсталых видов простого товарного производства»[1].

Денатурализация патриархального хозяйства, включение его в систему общественного разделения труда необходимо, но важно, в какую сторону будет расти это хозяйство. Если не обеспечить быстрых темпов развития социалистической промышленности, если не насаждать колхозов и совхозов, предоставив мелкое хозяйство самому себе, то развитие его должно пойти по пути капиталистической диференциации. Базаров, правда, уверяет, что если проводить денатурализацию «планомерно», то капиталистический сектор не усилится, но эта планомерность, как сейчас увидим, у Базарова такова, что она как раз ведет к усилению капиталистического сектора.

Вопрос о денатурализации патриархального хозяйства поставлен Базаровым собственно в других целях.

Втягивание в общественное разделение труда патриархального хозяйства вовлекает в общественный оборот его многомиллионные рабочие силы. Капиталистическое развитие,—а Базаров исходит только из такового,—должно будет усилить в деревне относительное перенаселение. Реконструкция нашего государственного хозяйства должна, по мнению Базарова, усилить скрытое перенаселение и безработицу.

Если мы в 1928 г. выплачивали 120 млн. руб. безработным, то что же,—спрашивает Базаров,—будет в разграр реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Потребуются миллиарды рублей на пособия, которые будут съедать все большую часть средств, необходимую для самой реконструкции. Итак, реконструкция, по мнению Базарова, усилит безработицу, безработица поглотит огромные средства, значит средств для реконструкции очень мало, и их нужно наиболее эффективно использовать. Таков вывод, к которому приходит Базаров. Каковой же должна быть политика реконструкции?

Союз ССР—страна очень бедная капиталами. «Там, где развитие производительных сил предполагает значительное возрастание основного капитала, мы не в состоянии вести реконструктивные работы достаточно быстрым темпом». Итак, не всякое капитальное строительство нам по-плечу. «Основной руководящей идеей нашей индустриализации должно быть поэтому достижение возможно большей эффективности и в смысле физического объема продукции, и в смысле производительности труда, и в смысле вовлечения в производство новых кадров рабочей силы, при воз-

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 2, стр. 44.

можно меньших затратах на капитальное строительство»[1]. Эффективность капитального строительства—вещь прекрасная (по поводу ее реставраторы немало сыпали песку в глаза), но как ее осуществить?

«Возможностей достижения эффективности,—заявляет Базаров,—имеется две: рационализация и электрификация. Но рационализация осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний». Но о каком массовом производстве идет речь? Может быть о массовом производстве тракторов, дизелей и т. п.? Нет, Базаров имеет в виду массовость уже производимых у нас до реконструкции товаров. Отсюда следует и вредительский вывод:

«В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам».

Таким образом в итоге своих ученых рассуждений Базаров пришел к такому капитальному строительству, к такой реконструкции, которая вовсе не означала бы индустриализации СССР Критерий массовости понадобился Базарову именно для того, чтобы отложить действительную индустриализацию СССР в дальний ящик.

Следует отметить, что перед нами не первое выступление Базарова против индустриализации СССР. На II съезде госпланов Базаров атаковал курс на индустриализацию под флагом борьбы за снижение себестоимости. В своем выступлении по докладу С. Г. Струмилина Базаров развил такую «аргументацию»:

...«И Г. М. Кржижановский и И. А. Калинников, докладывая о перспективах промышленности, говорили, что существенных успехов в смысле снижения себестоимости можно достигнуть только там, где будет проводиться принцип стандартизации и типизации производства. Но каковы предпосылки стандартизации и типизации... Это—однородный массовый спрос и, конечно, надлежащая техническая подготовленность... Техническая реконструкция запроектирована во всех решительно отраслях, которые существуют или могут существовать. Мы хотим достигать технических успехов одновременно во всех возможных направлениях. При таких условиях результаты, конечно, должны получиться очень скромные; вероятно они будут еще более скромными, чем это предполагает пятилетка.

...Возьмем хотя бы тракторы. Имеются ли здесь предпосылки для стандартизации? Существует ли достаточно массовый спрос? Выяснены ли те типы тракторов, которые наилучше приспосо-

[1] *В Базаров*, Принципы построения перспективных планов, «Плановое хозяйство», 1928, № 2, стр 47.

блены к нашим условиям? Нет и нет. При таких условиях совершенно нецелесообразно заставлять крестьянство втридорога платить за тракторы отечественного производства, вместо того чтобы выписывать дешевые машины из-за границы. То же самое можно сказать об автомобилях. Если вы хотите иметь дешево и хорошо организованный транспорт по грунтовым дорогам американского типа, вы должны на первых порах широко использовать иностранное производство. Форд, испытывающий теперь большие затруднения в сбыте своих машин на американском рынке, несомненно согласился бы, в случае солидных заказов, снабжать нас автомобилями по баснословно дешевым ценам. Иное дело текстиль. Тут и в смысле массового спроса, и в смысле технической подготовленности мы имеем все данные для того, чтобы немедленно же провести в жизнь принципы стандартизации и типизации производства с тем, чтобы дать потребителю доброкачественный и дешевый продукт»[1].

Таким образом Базаров противопоставлял курсу на индустриализацию курс на рационализацию, считая, что рационализацию можно ввести в производство лишь в легкой индустрии. Когда на том же съезде госпланов выступил Кондратьев и солидаризировался с Базаровым как со своим единомышленником, Базаров, поняв, что он выдал себя как действительный союзник Кондратьева, заявил, что он не только не обвиняет проект пятилетки в сверхиндустриализме, а усматривает в нем даже недоиндустриализацию. Это не помешало Базарову через год — в 1928 г.—выступить, как мы выше видели, снова против индустриализации под флагом той же рационализации.

Если послушать Базарова, мы должны были производить основное капитальное строительство в текстильной, в пищевой промышленности, но не машиностроительной, и вовсе не строить собственных химических, тракторных, комбайных заводов и т. п.

Хорошенькую индустриализацию преподносили вредители. Расчет их был таков, что при такой индустриализации СССР будет попадать все в большую экономическую зависимость от капиталистического мира, а в случае интервенции не будет обороноспособным. Достаточно известно, какую огромную роль играет металлообрабатывающая и химическая промышленность во время войны.

Базаров, сознавая всю подозрительность его теории, пытается замести следы такими рассуждениями, что именно его схема обеспечивает максимально быстрый темп развития промышленности, а поэтому она дает максимально быстрое освобождение от заграничной зависимости. Под нажимом отдельных работников Госплана Базаров вынужден был согласиться на исключение из этой схемы в отношении строительства отдельных военных предприятий, работающих на оборону. Но что обороноспособность зависит не от наличия отдельных предприятий, а от наличия мощной тяжелой индустрии, это Базаров в своей статье скрыл.

[1] Стенограмма II съезда госпланов (дело № 27/а).

Как я указывал выше, Базаров выдвигал два момента достижения эффективности: рационализацию и электрификацию. Мы видели, как Базаров пытался использовать принцип рационализации против индустриализации, против развертывания новых производств—производства тракторов, машин, против развертывания химической индустрии и т. д.

Но и второй «момент эффективности»—электрификацию—Базаров пытается обосновать чисто вредительски. Ленинскому плану электрификации, плану ГОЭЛРО, Базаров противопоставляет свой план. Базаров на первый план выдвигает «механизацию кустарно-ремесленных промыслов без превращения их в фабричное производство», с сохранением за ними их «домашнего» характера[1]. Этим путем «отказа от шаблона индустриализации» Базаров надеется сохранить мелкое производство. Огромные преимущества крупного, обобществленного производства Базаров старается скрыть, стремясь увековечить мелкого хозяйчика, мелкое товарное производство, рождающее неизбежно капитализм.

Что касается осуществления плана электрификации, то здесь Базаров выдвигает принцип «минимальных капитальных затрат» и выступает против строительства крупных районных станций, особенно в новых промышленных районах. Это вытекает с очевидностью из его хотя бы такого предложения.

«При проведении в жизнь плана электрификации в первую очередь надлежит строить станции, необходимые для электрификации существующих промышленных и горнопромышленных центров, а также густо населенных аграрных районов, и приступать с особой осмотрительностью к силовым установкам, мощность которых может быть утилизирована лишь после того, как в обслуживаемом ими районе будут созданы новые виды индустрии, требующие больших капитальных вложений и длительных сроков строительства»[2].

Нетрудно видеть, что это предложение Базарова направлено против строительства такой мощной электростанции, как Днепрострой, и вообще против постройки мощных электростанций в новых районах, как, скажем, постройки электростанций в Кузбассе, на Средней Волге и т. д.

Базаров и здесь выступает врагом социалистической индустриализации, врагом создания новых промышленных районов, врагом строительства социалистических комбинатов, которые, опираясь на дешевую электроэнергию (гидростанции, станции на сланцах, дешевом угле и т. д.), могут развернуть такие новые производства, как производство алюминия, высококачественной стали (Днепрострой), а в таких районах, как Урало-Кузбасс, могут обеспечить огромное развертывание металлургии.

Фактически Базаров выступает вместе с Рамзиным, яростным противником принципа районных электростанций, противником плана ГОЭЛРО и сторонником строительства мелких станций

[1] См. «Плановое хозяйство», 1928 № 2, стр. 49—50.
[2] Там же, стр. 52.

при отдельных промышленнных предприятиях. Установки Базарова и Рамзина таким образом и здесь сходятся.

Как своей теорией темпов, так и теорией индустриализации Базаров «теоретически» обосновывал вредительские установки Промпартии, кондратьевской группы и группы Громана, в которой он состоял.

В интересах кулачества и международной буржуазии, в интересах победы интервенции вредители боролись с осуществлением индустриализации СССР. И здесь кондратьевцы подкрепляли Осадчих и Рамзиных, а громановцы—базаровцы подкрепляли кондратьевцев.

Как известно, кондратьевцы яростно выступали против взятой XIV съездом ВКП(б) линии на индустриализацию СССР.

Наиболее ярко эту установку, выразил Огановский, заявивший на II съезде госпланов:

«Нужно сделать совершенно твердую целевую установку, по которой строить всякого рода гипотезы перспективного и генерального планирования, установку на принцип двухсторонний: в нашей аграрно-индустриальной стране должна существовать тесная связь между темпом и направлением развития сельского и всего народного хозяйства»[1].

Установка вредителей заключалась в том, что не социалистическая промышленность должна за собою вести и переделывать сельское хозяйство, а сельское—и притом кулацкое—хозяйство должно быть определяющим. Промышленность же должна лишь обслуживать кулацкое хозяйство. Наша страна должна остаться аграрно-индустриальной страной, при этом неизбежно страной отсталого земледелия, подчиненного превратностям стихии, поскольку мы не должны иметь собственной тяжелой индустрии, машиностроительной, химической и т. п. промышленности.

На том же съезде тот же Огановский говорил: «Господин урожай, товарищ урожай, гражданин урожай, наконец,—ведь это в известной степени хозяин страны... Так есть и так должно быть в нашей аграрно-индустриальной стране». Таков крик вредительской души, готовой примириться с периодическими голодовками в годы неурожая, лишь бы не дать пролетариату индустриализовать СССР и сделать это экономически независимым и обороноспособным. Меньшевики-вредители, как мы видели на примере Базарова, фактически поддерживали эту борьбу кондратьевцев с индустриализацией и в теории и на практике. Проектировка минимальных темпов, попытки задержать строительство Сталинградского тракторного и других заводов (меньшевик Гинзбург), защита затухающих темпов Базаровым, его борьба с курсом на экономическую самостоятельность СССР—все это звенья одной цепи вредительской деятельности.

Говоря о борьбе Базарова с индустриализацией СССР, следует остановиться на его работе о механизации Донбасса.

[1] Стенограммы II съезда госпланов 1927 г. (Архив Госплана, дело № 27/а), стр. 233.

Летом 1930 г. Базаров проявил подозрительный интерес к проблеме механизации Донбасса. Результаты изучения этой проблемы были им изложены в особой статье «Прямые и косвенные эффекты технической реконструкции (механизация добычи в Донбассе)», представленной им для напечатания, но не напечатанной. Статья эта находится в нашем распоряжении и является весьма важным документом для оценки как теории, так и в особенности практики Базарова.

Эта работа Базарова представляет собою попытку дискредитировать механизацию добычи в Донбассе, преуменьшить ее значение и результаты и доказать, что механизация выгодна лишь в отдельных случаях, например, в добыче антрацита.

Базаров исходит из того, что производительность труда подземных рабочих увеличивается при механизации лишь на 33%, а так как рабочие составляют около 27%, то Базаров делает вывод, что «стопроцентная механизация добычи в состоянии повысить общую производительность труда в шахте всего на 7% и максимум на 10%».

Но это утверждение Базарова совершенно не отвечает действительности. Материалы Союзугля, приводимые самим же Базаровым показывают совершенно другое.

Так, в 1928/29 г. при увеличении механизации (по сравнению с 1927/28 г.) на 44 шахтах на 9,4% выработка на 1 рабочего увеличилась на 10%; на 13 шахтах при росте механизации на 29,1% выработка на 1 рабочего увеличилась на 21,1%; на 5 шахтах при увеличении механизации на 46,1% выработка увеличилась на 34,6%. Итак, каждый новый процент механизации давал вовсе не $^1/_{10}$ роста производительности труда и не $^1/_3$, а 0,8; мало того, с увеличением процента механизации процент эффективности увеличивается. Из тех же отчетных материалов Союзугля следует, что в угольных шахтах, где процент механизации составлял от 80 до 100%, средняя дневная выработка 1 рабочего механического забоя составляла в 1928/29 г. 2,45 тонны, в то время как выработка 1 ручного забойщика 1,09 тонн; по антрацитовым шахтам—увеличение выработки с 1,79 до 2,65 тонн при машинной добыче.

Этот эффект механизации, который показывают отчетные материалы Союзугля и которые Базаров не может скрыть, Базаров относит на $^9/_{10}$ не к механизации непосредственно, а к некоей «косвенной» эффективности, достигнутой за счет одного лишь улучшения организации производственного процесса, за счет «укрепления шахтного хозяйства», которому «механизация лишь сопутствует» (Базаров).

Для того чтобы умалить значение механизации угледобычи, Базаров искусственно делит эффективность механизации, ее влияние на производительность труда, на два вида: прямую и косвенную.

Косвенная эффективность, по Базарову, вызвана просто увеличением нагрузки шахты, уменьшением прогулов и т. д. Такое противопоставление «косвенной» эффективности «прямой» Базарову нужно для того, чтобы притти к выводу, что «центр тяже-

сти лежит в *косвенном эффекте*, неразрывно связанном с интенсификацией производства, с повышением нагрузки шахт». По Базарову механизация таким образом лишь «сопутствует» росту производительности труда, а не обусловливает его. Прямой эффект механизации, по Базарову, совершенно ничтожен—на прямой эффект Базаров кладет $^1/_{10}$, на косвенный $^9/_{10}$. Такая «теория» совершенно неверна. Именно механизация угледобычи обусловливает и рост выработки, и лучшую организацию производства, и рост нагрузки, и уменьшение прогулов, и общий рост производительности труда. Теория «прямой» и «косвенной» эффективности нужна Базарову для преуменьшения значения механизации.

Дальше Базаров пытается показать, что лишь в антрацитовых шахтах себестоимость тонны будто бы выросла. Присматриваясь внимательно к таблицам, приводимым Базаровым, мы находим, что только в *убыточных* угольных шахтах замечалось увеличение себестоимости, в прибыльных же шахтах, не только антрацитовых, но и *угольных*, механзиация давала сразу же значительное снижение себестоимости. (Следует заметить, что данные Базарова об убыточных шахтах, а также о том, что положено им в основу разделения на убыточные и прибыльные шахты, подлежат проверке,—вредители, как известно, не останавливались перед прямым искажением фактов). *Все* другие данные говорят о снижении себестоимости в связи с механизацией, особенно значительно там, где процент механизации высок. Так, затраты на 1 тонну машинной добычи при механизации добычи в 82,5% составляли меньше половины затрат при ручной добыче, при механизации в 74,69%—уменьшились на 50—95% и т. д. (табл. 3). Из другой таблицы (4) вытекает, что затрата на тонну угля при механизации в 92% снизилась на 20%, а по добыче антрацита при механизации в 92% уменьшилась на 27%.

Из таблицы 5-й следует, что например в угольных шахтах с добычей до 43 тыс. тонн при 81% механизации затраты уменьшились на 9,5% и т. д.

Только в 3 случаях из 15, если даже исходить из таблиц, приводимых Базаровым, замечалось повышение себестоимости в угольных шахтах, но и то не доказано, что это результат механизации, а не других причин, например, вредительства. При этом интересно, *что нигде*, где процент механизации превысил 20—40%, не наблюдается повышения себестоимости. Таким образом утверждения Базарова о росте себестоимости при механизации угольных шахт должны быть признаки ложными.

Заявив, что $^9/_{10}$ эффективности механизации являются результатом просто укрепления шахтного хозяйства, а не механизации угледобычи, Базаров дальше старается доказать, что в добыче мягких углей механизация способна лишь затормозить производство. Он исходит при этом из того, что врубовая машина делает лишь 15 циклов в месяц и зарубает уголь лишь раз в два дня при глубине машинного вруба в 1,3 метра. Между тем ручной забойщик делает зарубку раз в 1 день при глубине зарубки мягкого угля в 0,7 метра (а антрацита и твердого угля значи-

тельно меньше). Отсюда Базаров делает вывод, что «тяжелые врубовые машины оказываются рентабельными лишь в применении к добыче антрацита и крепких углей», что «машина оказывается невыгодной» и что «положение машины становится прямо катастрофическим» при двухсменной ручной работе. Базаров не жалеет красок, чтобы обрисовать положение машины в самых мрачных красках—он всеми мерами стремится скрыть значение механизации. И прямо выступает против механизации добычи угля, в особенности мягких пород.

Теория Базарова о том, что механизация добычи выгодна лишь для антрацита, имела целью добиться того, чтобы добыча коксующихся углей и впредь велась ручным способом и чтобы таким образом была создана диспропорция между ростом металлургии и ростом добычи коксующихся углей.

Для меньшевистской вредительской методологии Базарова характерно, что он исходит из 15 циклов работы врубовой машины, не ставя вопроса,—а нельзя ли увеличить это совершенно недостаточное число циклов.

Дальше он сознательно скрывает, что кроме тяжелых врубовых машин существуют и другие машины, специально приспособленные для добычи угля в мягких пластах, например пневматики легкого типа и пр.

Мы видели выше, что результаты уже первых шагов механизации говорят целиком в пользу механизации. Следует иметь в виду, что эти результаты были бы еще выше, если бы не вредительство шахтинцев, не неумелое использование механизмов и плохая организация труда. Но Базаров скрывает возможность улучшить использование механизмов, увеличить число циклов и т. д.

Вместо того чтобы показать, как добиться усиления механизации, как быстрее ликвидировать детские болезни механизации, как овладеть работой механизмов, как организовать труд, вместо этого Базаров вредительски стремится в своей работе умалить значение механизации, скрыть ее огромное значение и направить основное внимание и силы на ручную добычу.

В то время как Базаров занимался вредительскими исследованиями, в Донбассе назревал производственный прорыв. Этот прорыв «вскрыл, что в хозяйственном руководстве угольной промышленности было сделано серьезнейшее упущение, выразившееся в недооценке значения механизации Донбасса как решающего фактора в развитии угольной промышленности в данный период» (из постановления ЦК КП(б)У). Базаров знал куда он бьет—он бил по этому решающему фактору—по механизации угледобычи.

Комиссия тт. Молотова и Лобова вскрыла этот решающий фактор и дала установку «на превращение старого Донбасса в Донбасс с большевистски несокрушимой механизированной базой». По докладу тт. Молотова и Лобова ЦК КП(б)У наметил ряд мероприятий по рациональному использованию всего механического оборудования, максимальному использованию внутрен-

них ресурсов, обеспечению кадрами, развертыванию соцсоревнования и ударничества в шахтах, улучшению организации труда, снабжения и т. д.

Огромную роль в превращении «старого Донбасса в Донбасс с большевистски несокрушимой механизированной базой» должно сыграть осуществление новых методов непрерывного потока в добыче—методов Карташева, Касаурова, Филимонова, а также метод Епифанцева. Базаров исходил из 15 циклов врубовки. Между тем уже в особом квартале 1930 г. при плане в 25,5 фактическое число циклов врубовой машины в Донбассе достигло 18,3, а в 1 квартале 1931 г. 21. Переход к новым методам механизации (система Карташева, Касаурова) дал уже на первых шагах большие результаты. Имеющиеся данные по 21 лаве показывают, что после перехода к новым методам месячное продвижение увеличилось с 25 метров до 48, число циклов врубовых машин увеличилось с 20 до 36, производительность труда в забое с 1,9 до 2,6 тонн; месячная производительность машин с 3 150 до 5 618 тонн, себестоимость на 1 тонну по рабсиле уменьшилась с 225 коп. до 180 коп. и т. д.

В своей работе Базаров был вынужден признать, что при проведении суточного цикла врубовой машины и при 305—310 дней чистой работы в году машинная добыча угля может быть увеличена в 2½—3 раза, а по антрациту в 1½. Но он тут же выискивает узкие места, которые будто бы делают это увеличение неосуществимым. Эти непреодолимые узкие места Базаров видит в подготовительных работах, подъемных устройствах, жилищах и т. п. Он приходит к выводу, что «для двух третей учтенной добычи угля возможное расширение добычи ограничивается всего двадцатью процентами, и нет ни одного случая, когда пропускная способность лимитирующего фактора допускала бы удвоение добычи». Что касается антрацита, то «по антрациту двадцатипроцентная граница расширения имеет место в отношении половины теперешней добычи; расширение более чем в 1½ раза возможно для 6—9%, и лишь для 2—3% пропускная способность минимального фактора допускает удвоение добычи» (Базаров).

Перед нами явная попытка под лозунгом узких мест задержать темпы добычи угля в Донбассе. Такие «узкие места», как подготовительные работы, недостаток жилищ и др., вовсе не являются непреодолимыми. Так, метод Епифанцева увеличивает прохождение штреков с прежних 40—50 метров в месяц до 300 метров и тем дает сразу огромное убыстрение подготовительных работ. Ничего неосуществимого нет в завозе в Донбасс необходимого количества стандартных домов и т. д.

Но Базаров как раз против такого способа устранения узких мест. Он заявляет, что так как «старый Донбасс» уже в достаточной мере выработан, то расшивка этих узких мест посредством капитального строительства, переоборудования и т. д. невыгодна. Между тем как раз отсутствие конкретно проработанного плана основных мероприятий, связанных с техническим перевооруже-

нием старого Донбасса, создавал дополнительные трудности в освоении плана угледобычи 1931 г.

Заявляя, что «тем с большей настоятельностью выдвигается вопрос об ускорении темпов закладки новых шахт», Базаров печется не о действительном ускорении закладки этих шахт, а об отвлечении внимания от переоборудования и улучшения работы работающих шахт. Расчет Базарова таков, что надо преуменьшить возможности роста добычи работающих шахт, задержать механизацию, а коллеги Базарова по вредительству в это время придержат проходку новых шахт.

Как видим, эта последняя работа Базарова, посвященная столь огромной важности проблеме—проблеме механизации Донбасса, носит вредительский характер и, можно считать, «достойно» венчает его прошлую вредительскую теоретическую и практическую деятельность.

К арсеналу базаровской методологии планирования относятся также так называемые «регулятивные идеи». О них Базаров говорит следующее: В нашей плановой практике мы часто пользуемся постулатами, которые представляют собою... рецепты, содержание которых само по себе не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних при определенных объективных предпосылках. Таковы например нижеследующие указания: продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления, индексы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары должны сближаться и т. д. Такие условные директивы, правильные лишь при определенных предпосылках, я буду называть регулятивными идеями (имеется в виду тот смысл, который придавала этому термину кантианская философия, противопоставляя регулятивное конститутивному)»[1]. Базаров таким образом открыто выявляет свою кантианскую методологию.

Подобно западноевропейским социал-фашистам, Базаров уже давно показал себя врагом диалектического материализма. Еще в статье «Авторитарная метафизика и автономная личность», данной им в сборник «Очерки реалистического мировоззрения» в 1904 г., Базаров отошел от марксизма и стал на философскую позицию Маха-Авенариуса, т. е. на позициию одной из разновидностей идеализма.

Прикрываясь лозунгом естественно-научного реализма, Базаров стал на позицию скептического идеализма, отрицая существование объективных законов внешнего мира и их познаваемость, отрицая закон причинности и т. д.

Базаров перенял весь арсенал кантовской идеалистической философии. Отсюда его жонглирование такими категориями, как «постулаты», «регулятивные идеи» и пр. Отсюда же подмен Базаровым марксистского экономического анализа «корреляционными связями», «функциональными зависимостями» и т. п.

«Автономная личность» в лице Базарова, отойдя от револю-

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 2, стр. 40—41.

ционного марксизма, докатилась в 1919 г. до утверждения, что «неверно, будто главным врагом социализма и вообще прогресса является национализм, захватный и наступательный, стремящийся подчинить слабые или отсталые нации передовым и сильным», до прямой защиты империализма, патриотизма и его религиозно-мистического оправдания (Сборник статей Базарова «На пути к социализму», вышедший в 1919 г. в Харькове при белых).

После этих подвигов «автономной личности» было не так уж трудно докатиться до активной роли во вредительском лагере. К регулятивным идеям, условным директивам, рецептам, не обоснованным научно», Базаров относит не только индустриализацию СССР, но и такие установки, которые Базаров называет «директивными неравенствами», например: темп роста производительных сил в СССР должен быть больше, чем в капиталистических странах, промышленная продукция должна расти быстрее сельскохозяйственной и пр.

Социалистическая индустриализация СССР, проблема «догнать и перегнать»—все эти важнейшие установки нашей политики Базаров объявляет условными директивами, не могущими быть обоснованными научно, не вытекающими из объективной необходимости. «Директивные неравенства нельзя рассматривать как рецепты, пригодные на каждый день и час. Могут быть такие периоды, на протяжении которых в силу некоторых специфических условий общая тенденция отчетливо не проявляется и не может проявиться без нарушения системы народнохозяйственного равновесия... Нельзя ни на минуту забывать, что регулятивные идеи, как бы ни были они почтенны в их общей формулировке, реально осуществимы лишь при наличности определенных условий, которых иногда может и не быть»[1].

Итак, индустриализация дело почетное, но можно «иногда» ее и не проводить в жизнь. В плохо прикрытой форме Базаров стремится подать руку правой оппозиции, которая как раз в это время также предлагала замедлить темпы индустриализации (Бухарин. Заметки экономиста), проводить индустриализацию «с ситцевого конца» (Угланов).

Наконец, важнейшим элементом вредительской теории планирования является так называемый постулат равновесия. К этому постулату синтетики-вредители сводили даже всю методологию планирования.

Громановские рассуждения на эту тему мы привели выше.

Кондратьевец Огановский писал: «изюминкой при построении плана является принцип равновесия».

Наконец Базаров указывал, что «постулат бескризисного воспроизводства предопределяет методологию перспективного планирования»[2].

Бескризисное развитие—дело не плохое. Базаров однако пони-

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 2, стр. 63.
[2] Там же, стр. 41.

мал под ним развитие, лишенное всяких диспропорций и трудностей.

«Бескризисным народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте, запроектированном пятилеткой, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь резких диспропорций»[1]. Итак, Базаров требовал, чтобы в любой момент наша экономика представляла систему равновесия. Только такое положение он признавал бескризисным. Несомненно, что требование равновесия в устах вредителей было лицемерным, ибо они делали все для создания кризиса. Но в то же время лозунг равновесия был политическим лозунгом, он был равносилен требованию застыть на данном пункте, не вытеснять капиталистические элементы, не ломать установившихся пропорций и т. д.

В этом политический смысл лозунга равновесия, который усиленно выдвигали буржуазные реставраторы: Юровский, Громан, Базаров и др.

Постулат равновесия, хотя бы и подвижного, означал, что должно существовать равновесие секторов, что исключены структурные сдвиги в нашей экономике, а такая вещь, как ликвидация целого класса (например кулачества), грозит полным крахом нашей системы. А при таком «равновесии секторов» вредители надеялись, что будут расти капиталистические элементы, что в конце концов приведет к перерождению нашей экономики, к гибели советской власти.

•

При изучении вредительских теорий планирования не может не броситься в глаза родство, а часто и полное совпадение этих теорий с теорией правых оппортунистов, а также с многими установками троцкистов. Что касается последних, то в вопросе о темпах мы имеем составленную под руководством троцкистов, при благосклонном участии меньшевиков из ВСНХ, пятилетку с потухающими темпами развития (пятилетка ОСВОК). Мы могли бы сослаться и на совпадение теории Троцкого о том, что мы находимся под контролем мирового рынка, с высказываниями по этому вопросу Громана и др.

Лозунг Базарова о максимальной связи с мировым рынком и об импорте средств производства вместо их собственного производства мало чем отличается от теории тт. Сокольникова и Шанина.

Мы имеем общность установок правых оппортунистов и буржуазных реставраторов на равновесие, на более медленные темпы развития, на развитие производительных сил (яркий пример— Фрумкин, заявивший, что нам безразлично, от кого получить хлеб: от кулака или колхоза) и т. д. В общности многих теоретических

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 2, стр. 55.

положений буржуазных реставраторов и правых и «левых» оппортунистов нет ничего удивительного, если учесть, что уклоны от ленинской линии в политике отражают давление буржуазии и обычно сопровождаются и обосновываются какой-либо метафизической теорией, чуждой марксово-ленинской диалектике. Никогда не следует упускать из виду эту связь тоерии и практики. Правый уклон, эта главная опасность в партии на современном этапе, став объективно выразителем интересов кулачества, дает немало образцов такой смычки с буржуазными реставраторами.

В качестве иллюстрации этой смычки я остановлюсь на двух моментах, имеющих отношение к теории планирования. Начну с вопроса о равновесии.

В вопросе о равновесии мы имеем значительное родство теоретических, особенно методологических, установок т. Бухарина и богдановца Базарова. В «Заметках экономиста» т. Бухарин указывал, что «по сути дела... задача выработки народнохозяйственного плана состоит в том, чтобы наметить условия подвижного экономического равновесия»[1]. Выходит, что основное в плане—это наметка условий подвижного равновесия. Нас не должно вводить в заблуждение слово «подвижное». Подвижное равновесие—это равновесие, которое предлагают и Громан и Базаров, и, как нам разъясняют, это есть такое равновесие, которое, будучи нарушено, восстанавливается на другом уровне, но при той же структуре системы. Эта установка на равновесие, как мы видели, вовсе не случайна. Она характеризует стремление гибнущих в процессе революционного строительства классов удержаться хотя бы на время.

Установка правых на равновесие вела к теории равновесия секторов нашего народного хозяйства, теории мирного сотрудничества классов, теории «врастания» капиталистических элементов в социализм. Эта теория, говорит т. Сталин, имеет объективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы новым теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов.

Теоретически эта установка исходит из метафизической теории, признающей основным законом природы и общества равновесие (А. Богданов).

На самом деле не покой, не равновесие, а движение характеризуют как природу, так и общество.

«Движение есть форма существования материи. Никогда и нигде не было и не могло быть материи без движения... Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл по отношению к той или другой определенной форме движения»[2].

По отношению к обществу т. Бухарин создал теорию, согласно которой существует извечный закон трудовых затрат, закон равновесия, который при капитализме имеет форму стоимости, а в переходном обществе скидывает это свое греховное белье и вы-

[1] *Н. Бухарин,* Заметки экономиста, стр. 14.
[2] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг.

ступает в чем мать родила. Тов. Бухарин исходит из равновесия, как основного закона капиталистического общества. Закон ценности, говорит он, есть закон равновесия товарного производства. На самом деле закон стоимости есть закон движения капитализма. Равновесие есть лишь случайный момент в движении капиталистического общества. Тов. Бухарин не понял смысла указания Ленина о том, что «законы капитализма, открытие Марксом... изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»[1].

Эти указания Ленина говорят, конечно, не о фиктивности закона стоимости, а о его диалектическом характере, о том, что он управляет движением капитализма, что закон стоимости «осуществляется путем неосуществления».

Что критерием плана является продвижение к полной победе социализма, проблема «кто кого», социалистическая индустриализация и социалистическая реконструкция сельского хозяйства, выкорчевывание корней капитализма,—это как раз и смазывается сведением планирования к достижению равновесия.

Этот извечный закон равновесия, закон трудовых затрат т. Бухарин и хочет положить в основу планирования. Или равновесие или кризис,—так ставили вопрос Громан и Базаров, так получается и у т. Бухарина. На самом деле наше движение к социализму совершается через ломку старых отношений, через установление пролетариатом новых отношений и пропорций, через частичные диспропорции.

Вся суть нашей экономики именно в том, что мы перестраиваем ее, расширяем отношения социалистические, ограничиваем хозяйство капиталистическое, а на известном этапе ликвидируем его (например ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации), коллективизируем хозяйство бедняка и середняка и т. д. Суть не в равновесии, а в революционном переустройстве.

Это переустройство не может происходить так, что мы гладко, чинно, как поезд подходит на немецкой дороге к станции, переходим от одного состояния полного равновесия к другому, оно неизбежно сопровождается трудностями, частичными диспропорциями, причем эти трудности и частичные диспропорции в основном создаются вовсе не неумением планировать, как утверждал т. Бухарин, а отчаянным сопротивлением отживающих классов (вредительство буржуазной интеллигенции, сопротивление кулачества и т. д.), а также нерешительностью, неверием в силы пролетариата, неумением по-большевистски преодолевать диспропорции у правых и «левых» оппортунистов.

С установкой на равновесие тесно связана установка правых на «узкие места».

Как известно, правые объявляли трудности капитального строительства кризисом и критиковали взятые партией темпы как нереальные, невыполнимые. При этом правые в лице т. Бухарина, отправляясь от постулата равновесия, ведущего свое происхожде-

[1] *Ленин*, Соч., т. II, изд. 1-е, стр. 498.

ние из богдановской механистической теории равновесия, исходили из богдановского же «тектологического», т. е. универсального, закона «наименее благоприятных условий», или закона наименьших[1].

Богданов так обосновывал этот закон.

Известно, что тяжесть, которую может выдержать цепь, зависит от тяжести, которую может выдержать самое слабое звено этой цепи; известно, что в агрономии существует либиховский закон минимума, состоящий в том, что урожайность определяется тем из условий—света, тепла, воды, углекислоты, кислорода, солей калия, магния, железа, соединений азотистых, фосфорных и пр.,—которые имеются в относительно наименьшем количестве. Такой же закон по теории Богданова существует и для общества. Равновесие общества определяется по минимальному фактору. Судьба общества, говорит Богданов, «определялась, конечно, принципом наименьших относительных сопротивлений».

Этот тектологический, вечный, одинаково применимый к природе и обществу и ко всем экономическим формациям закон был особенно облюбован вредителями-плановиками. Громан прямо ссылается на него в своих вредительских установках. В «Заметках экономиста» т. Бухарин указывал, что «если нет кирпича и не может быть в данном сезоне его произведено по техническим условиям больше определенной величины, то нельзя сочинять программы строительства, превышающей этот предел... ибо из будущих кирпичей нельзя строить настоящие фабрики даже по Бем-Баверку». Диалектика жизни однако такова, что так как истина конкретна, то эта общая плоская истина о кирпичах настоящего, как лимите капитального строительства, оказалась ложной (эта общая истина на деле совпала с установками буржуазных реставраторов на снижение темпов) и именно потому, что т. Бухарин подошел к вопросу метафизически, поверхностно, а не подошел к вопросу как революционер, который не только созерцает, а изменяет мир.

Отправление от механистической теории Богданова, применяющего к объяснению общественных явлений законы механики, объединяющего едиными законами все общественные формации и тем смазывающего специфические особенности каждой из них (а суть как раз в последнем),—таковы теоретические корешки правооппортунистической установки т. Бухарина.

В процессе социалистического строительства пролетариат имеет огромные возможности увеличения прибавочного продукта, повышения производительности труда, лучшего использования материалов, перераспределения средств и т. д. Социалистическое соревнование и встречный промфинплан показали ярко, какими огромными резервами и возможностями располагает пролетариат.

Тов. Бухарин приводил в доказательство чрезмерных непосильных темпов дефицит в 232 млн. шт. кирпичей (8,7% всей потребности), намечавшийся на 1928/29 г. некиим Барским. Выхо-

[1] *А. Богданов*, Всеобщая организационная наука, изд. «Книга», стр. 219 и др.

дило так, что пролетариат со всеми его огромными возможностями должен отступить перед этим дефицитом, не пытаясь активно его преодолеть. Между тем дополнительное ассигнование десятка миллионов руб., поднятие производительности труда на заводах или даже некоторое облегчение типа построек (больший контроль за строительством, где было немало вредительства)—все это активно преодолевало трудности.

Тов. Бухарин не заметил одного из многих противоречий, в которое он впал в своих «Заметках»: на стр. 48 он приводил цифру о нехватке 20% строительного металла и патетически спрашивал, как же строить при таком дефиците. На стр. 53 он же указывал, что у нас расходуется в 1½—2 раза больше металла, чем необходимо. Казалось бы ясным, что дефицит с металлом является относительным и что, не говоря уже о возможностях увеличения производства металла, имеются возможности изжития дефицита путем рационализации самого строительства. Однако, напуганные высокими темпами и трудностями, правые предлагали о т с т у п и т ь, подбодряя тем самым вредителей в их подрывной работе. И тут мы подходим к одному из вопросов, на котором спекулировали Громаны—Базаровы. Это—сведение планирования к составлению балансов. Установка плана—это равновесие, а выявить наличность или отсутствие равновесия можно только при помощи построения баланса,—писал Базаров. Поэтому,—делал он вывод,—балансовый метод является основным методом построения перспективного плана[1].

В унисон с этим т. Бухарин утверждал, что народнохозяйственный план все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства и что стоит там сбалансировать основные элементы народного хозяйства, как мы добьемся возможно более благоприятного хода общественного воспроизводства (см. «Заметки экономиста»).

Несомненно, что балансовый метод имеет крупное значение в планировании. Однако было бы совершенно неверно с в о д и т ь к этому методу все планирование. Баланс есть лишь момент в планировании. Разговоры вредителей о балансе были сплошным лицемерием, поскольку они делали все для разрушения этих балансов; с другой стороны, они пытались напугать нас отсутствием абсолютных балансов, дабы заставить нас сжать темпы капитального строительства.

Правые оппортунисты поддерживали на веру балансовую теорию плана. Вместо того чтобы активно, по-революционному п л а н и р о в а т ь баланс, они, исходя из теории равновесия, из теории узких мест, брали установку на абсолютное балансирование плана.

Что сам баланс не сваливается с неба, как манна небесная, а есть результат классовой борьбы, активности, инициативности, трудового героизма—это затушевывалось правыми.

«Для нас пятилетний план,—говорил т. Сталин на XVI съезде ВКП(б),—как и всякий план, есть лишь план, принятый в по-

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 2, стр. 55—56.

рядке первого приближения, который над уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана»[1].

Итак, план есть не просто сумма таблиц. Это есть директива, примерный расчет, план мобилизации революционной активности пролетариата и в тоже время процесс борьбы за эту мобилизацию, процесс проверки плана на опыте, процесс планирования на ходу воспроизводственного процесса.

Эту активную сторону планирования скрывали вредители, ибо это было невыгодно международной буржуазии. Этого не видели и правые оппортунисты, а также и право-«левые» двурушники; напуганные трудностями роста, они так и не заметили растущей активности рабочего класса, который через соцсоревнование, через встречный промфинплан героически преодолевает препятствия, в том числе препятствия, созданные вредителями, и опрокидывает все надежды вредителей и международной буржуазии.

Нельзя забывать, что речь идет вовсе не только о смычке правых оппортунистов с буржуазными реставраторами в теории. Такую смычку мы имели объективно и в практике вредителей и оппортунистов. Поскольку правые оппортунисты были за торможение темпов индустриализации, особенно по линии тяжелой промышленности, они становились фактическими союзниками Промпартии и других контрреволюционных организаций.

«Отрицательное отношение правых оппортунистов к быстрым темпам экономического развития страны, их теория потухающей кривой классовой борьбы и врастания капиталистических элементов в социализм, слепое доверие к буржуазным специалистам, наплевательское отношение к задаче создания пролетарских кадров специалистов...—все это, вместе взятое, сделало правых оппортунистов надежной опорой вредителей в советском и хозяйссвенаппарате, передаточным механизмом, при посредстве которого вредительские планы вопреки партии, вопреки классовой бдительности рабочих получали иногда частичное осуществление, в особенности в области планирования[2]. Над этими глубоко верными положениями «Правды» должны задуматься каждый партиец, каждый рабочий и в первую очередь работники плановых органов. Недостаточно разоблачить буржуазные установки Громанов, Базаровых, Кондратьевых. Необходимо вскрыть всю вредительскую практику во всех ее направлениях, необходимо помнить в то же

[1] *Сталин*, Политотчет XVI съезду, стр. 67.
[2] «Правда» от 2/XII 1930 г.

время, что без разоблачения и изоляции оппортунистических элементов, без борьбы с теми, кто примиренчески относится к ним, нельзя успешно вести социалистическое наступление по всему фронту.

Подытоживая вышесказанное о вредительской теории и практике планирования Громана и Базарова, мы находим: перед нами меньшевики, агенты буржуазии в рабочем классе, переросшие в социал-вредителей, социал-интервентов, буржуазные экономисты, не имеющие ничего общего с марксизмом. Поскольку они в своих теориях облачаются в тогу марксистов, они являются просто волками в овечьей шкуре. Все их теоретические рассуждения и их практика связаны в один узел—капиталистический подход к нашей экономике и активное содействие буржуазии в деле возврата капиталистического режима. Вредительствуя в Госплане, они одновременно лезли из кожи, чтобы своими теориями завуалировать вредительскую деятельность всего контрреволюционного лагеря. Они старались давать советы, которые, если бы они оказались принятыми, вели бы к реставрации капитализма. Эти советы нередко встречали сочувствие у правых и «левых» оппортунистов, отражающих влияние мелкой буржуазии на пролетариат. Партия в целом давала решительный отпор этим буржуазным реставраторам еще до разоблачения их, как прямых участников единого контрреволюционного вредительского блока.

Стремления вредителей благодаря доблестной работе ОГПУ потерпели жалкое фиаско, а суд над меньшевиками разоблачил их как контрреволюционеров и интервентов.

Мы ликвидировали рамзинскую, меньшевистскую и кондратьевскую организации, опиравшиеся на кулачество, на остатки классов, идущих ко дну. Но у нас еще остались невыкорчеванные корни эксплоататорских классов, и, в первую очередь, ликвидируемое на основе сплошной коллективизации кулачество. Отсюда задача мобилизации масс на борьбу с классовым врагом.

Мы вскрыли вредительские организации, но охвостья вредительства и бюрократизма еще остались. Нашей задачей является усилить классовую бдительность, готовить свои кадры, выжигать каленым железом остатки вредительства.

М. Краев

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВРЕДИТЕЛЬСТВА В ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНИРОВАНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

За весь истекший период планирование было фронтом ожесточенной классовой борьбы. В частности по линии сельского хозяйства кулацкая партия, в лице Кондратьева, Макарова, Челинцева и других, развернула бешеную борьбу (например, в Наркомземе РСФСР, в Госплане СССР и других советских органах) за овладение вышками планирования, внедряя в наши планы свои установки, свои методы, свои мероприятия. И не их вина, что планы, созданные ими (план НКЗема на 1923—1928 гг., план сельского хозяйства в пятилетке, составленный вредителями Огановским и Вишневским в комиссии С. Г. Струмилина и др.), были отвергнуты партией и правительством. Но засорить молодую плановую науку вредительским вздором в известной мере им все же удалось.

В нашей статье мы постараемся выявить «работу» кулацких вредителей в деле планирования сельского хозяйства.

Изучая плановые документы, прослеживая, как строились планы, как осуществлялась в планировании генеральная линия партии, мы выявляем, как и почему пытался использовать классовый враг наши с.-х. планы и что классово-чуждого внесено им в наше с.-х. планирование.

Перспективный план сельского хозяйства СССР должен быть конкретизацией для того или иного отрезка времени кооперативного плана Ленина.

Из этого положения нужно исходить при изучении классово-чуждых, буржуазных влияний на планирование сельского хозяйства. Нужно помнить, что план есть форма ожесточенной классовой борьбы. Это показала история пролетарской диктатуры как история борьбы за возможность построения и за самое построение социализма.

Конечно, план в наших условиях никоим образом нельзя понимать только как писанный документ. План в действии—это прежде всего сама практика социалистического строительства, осуществляемого в СССР пролетарской диктатурой. Отсюда следует, что наши планы являются орудием этой практики, руководством к действию, целевым заданием для действия.

И если практика плановой социалистической стройки была и есть процесс классовой борьбы, то не менее ожесточенной является борьба за построение планов.

После этих предварительных замечаний перейдем к выявлению классовой борьбы в деле построения перспективных с.-х. планов и к выявлению в них буржуазных влияний. Попытаемся показать, насколько и почему удавалось классовым врагам влиять на с.-х. планы и их практическое осуществление, какую роль сыграла здесь теория и практика правого оппортунизма.

Обратимся для этого к соответствующим документам планирования сельского хозяйства.

Первый «обстоятельный и законченный» перспективный план развития сельского хозяйства вырабатывал и принимал НКЗем РСФСР в 1923—1925 гг. План охватывает пятилетие 1923—1928 гг.

Этот документ является в высокой степени важным и поучительным. Он поучителен прежде всего потому, что в этот период в Наркомземе, на виду у ответственных коммунистов, работников этого аппарата, свили себе гнездо махровые буржуазные реставраторы, теоретики и вожди кулацкой контрреволюции. Такое центральное звено Наркомзема, как Земплан, было целиком в руках буржуазных реставраторов. Такие кулацкие профессора, как Кондратьев, Макаров, Челинцев, Тейтель, Рудин и другие, были ответственными работниками Земплана. Им была доверена работа по составлению планов реконструкции сельского хозяйства. Они работали под руководством и за ответственностью ряда коммунистов, как например А. П. Смирнов, Теодорович, Миртов, Есин и др., которые осуществляли контроль и проверяли работу буржуазных специалистов.

Этот документ важен для изучения как потому, что, вырабатывая его, вредители тем самым формулировали важнейшие пункты программы кулацкой партии, так и потому, что в процессе его выработки и в самом документе пышным цветом расцвел правый оппортунизм на практике. «Ученым» профессорам кулацкой науки удалось взять в плен ряд партийных руководителей советских учреждений. Кулацкая теория и методология в отношении переходной экономики была сформулирована в этом документе более ярко, чем в каком-либо ином плановом документе.

Выявим сначала установки буржуазных реставраторов.

Будучи вождями и идеологами класса капиталистов и, в частности, сельскохозяйственных капиталистов—кулачества, они соответственно понимали и нашу экономику. Различия, имеющиеся между отдельными группами вождей и идеологов кулачества, не являются сколь-либо существенными. Например, различия между открытыми сторонниками капитализма (Кондратьев, Юровский) и замаскированными (Чаянов, Челинцев) при помощи всяких семейно-трудовых теорий, при помощи учения об оптимальных размерах хозяйства и т. д.—это различия, вовсе не существенные. Это, так сказать, фракционное деление внутри одной и той же кулацкой, контрреволюционной «трудовой крестьянской партии» (ТПК). Вот почему мы не делим их в данном случае на «школы». Все они люди одной школы—кулацкой.

Так как наиболее яркими, крупными вредителями в планировании сельского хозяйства в НКЗ РСФСР являлись Кондратьев,

Макаров и Челинцев, то на них мы и сосредоточим главное внимание.

Прежде всего дадим краткую характеристику кулацких взглядов на эпоху пролетарской диктатуры в СССР. Эта характеристика нужна нам для того, чтобы понять их систему вредительских методов планирования сельского хозяйства, выявить их влияние на нашу методологию планирования и очистить ее от классово-чуждого хлама.

Необходимо оговориться, что наша работа построена целиком на разборе материалов Наркомзема РСФСР и Госплана СССР. Все, что мы здесь отмечаем, все это имело место внутри этих крупнейших руководящих государственных учреждений.

Итак, каковы же «установки» вредителей? Начнем с «международного» звена их «концепции».

Как выглядит, в представлении идеологов кулачества, система капитализма после мировой войны?

Вот оценка проф. Кондратьева[1].

«Мировое хозяйство взятое à la longue, находится несомненно в стадии, если сравнить период, который оно переживает, с периодом довоенным, относительно замедленного темпа развития». Таким образом мы видим, что Кондратьев считает систему капитализма находящейся в стадии развития, хотя и замедленного в силу целого ряда причин. Однако «за медленность» эта, по мнению Кондратьева, временного порядка. Ибо, «как подчеркнуто в работе Леви, мы замечаем постепенную ликвидацию затруднений, консолидацию единого мирового рынка, вновь в том виде, в каком он был до войны» (разрядка моя—*М. К.*). Итак, затруднения в системе мирового капитализма постепенно ликвидируются. Капитализм здоров попрежнему.

Но если это так, то почему же «замедлено» развитие здоровой капиталистической системы? И проф. Кондратьев указывает ряд препятствий. Он перечисляет их. «Но на этом пути лежат многие препятствия, возникающие из повышенных тарифов, сложных договоров, факта возникновения новых стран и в особенности факта выпадения из мирового рынка СССР» (разрядка моя—*М. К.*). Следовательно, с точки зрения кулацкой теории, на пути здорового развития мирового капитализма стоит как «особенное» препятствие—выпадение СССР. Отсюда уеж и без слов ясен столь желательный кулачеству СССР «вывод» о том, что делать с препятствиями.

Исходя из теории больших циклов конъюнктуры, кулацкий профессор считает, что капитализм проходит один из очередных больших циклов. И вот, «если рассуждать в рамках капиталистического цикла, то это значит, что европейское хозяйство вступает в полосу подъема среднего капиталистического цикла».

Такая характеристика состояния капитализма, конечно, не вы-

[1] Доклад проф. *Кондратьева* в Земплане о перспективном плане НКЗ 18/IV 1927.

звала никаких возражений со стороны присутствовавших вредителей (Макаров, Хауке, Костров, Челинцев). Мало того, и руководитель Земплана—коммунист Теодорович—не дал никакого отпора кулацкому профессору.

Для всякого, кто знаком с анализом капитализма, данным Коминтерном и ВКП(б), совершенно очевидно, что кондратьевский «анализ» ничего общего с ним не имеет. «Общим» является разве лишь то, что и та и другая теория—классовые, причем одна теория — класса капиталистов, другая — класса пролетариев. Между тем эта кулацкая теория открыто проповедывалась в Наркомземе и была положена в основу планирования сельского хозяйства, не встречая, как увидим дальше, противодействия со стороны коммунистов наркомата.

С этим тезисом был тесно связан и из него вытекал другой— о природе нашего советского хозяйства. Мы знаем, что другой буржуазный профессор, вредитель Юровский, сформулировал положение, что в основе развития нашей экономики лежат законы стихийного товарного хозяйства и что тот период нашей экономики, который пролетариат считает переходным к социализму, является лишь аномалией в развитии капиталистической системы.

Если пролетариат знает, что капиталистическая система рушится и переживает кризис, из которого она не выйдет, что развитие общества вступило в эпоху пролетарских революций, то остатки городской и деревенской буржуазии в нашей стране, конечно, не в состоянии признать историческую закономерность и неизбежность своей гибели. Оглядываясь на капиталистическое окружение, в котором находится СССР, они стремятся доказать, что капитализм здоров, что он идет вперед и принесет спасение и возрождение русскому капитализму. Если пролетариат с величайшим энтузиазмом и напряжением сознательно строит себе социалистическое хозяйство, строит его согласно новым общественным законам развития, уничтожая в процессе стройки остатки капитализма, то кулак старается найти спасение в том, чтобы представить СССР как «аномалию», как болезненное извращение пролетариатом и коммунистической партией здорового развития капиталистической системы.

Кулацкие торетики пытались представить дело так, что, хотим мы этого или не хотим, у нас господствуют законы товарного хозяйства; а в таком случае имеет место не система пролетарской диктатуры как переходная к социализму, а система государственного капитализма с пролетарским извращением, и это извращение, «аномалия», в процессе развития капитализма имеет преходящий характер.

Кулацкие профессора, конечно, не признают пролетарской диктатуры и индустрии как базы, как ведущей силы, пронизывающей и преобразующей все противоречивое единство советской системы, сущность коей в построении социализма и в уничтожении капитализма. Такова первая, важнейшая часть концепции и предпосылка «планирования» буржуазных реставраторов.

Но реставраторы развернули и вторую часть концепции о

путях развития сельского хозяйства, о кооперировании и коллективизации.

Вот как рассматривал коллективизацию член кулацкой партии проф. Макаров.

«Фактически мы имеем двойственный процесс: с одной стороны, мы имеем элементы восстановленческого движения, с другой стороны—элементы реконструктивного движения, и задача сводится к тому, чтобы разобраться, какой из этих процессов сильнее представлен. Не случайно, что колхозное движение стихийно, не случайно, что в нем превалируют бедняцкие группы—безлошадные, бескоровные, и не случайно, что мы имеем мелкие колхозы в 7—10 хозяйств. Это все доказывает, что колхозное движение есть прежде всего восстановленческое движение (разрядка наша—*М. К.*). Это обнищавшие малоземельные слои приходят к этой форме обобществления и пользуются ею, чтобы поднять свой элементарно-нищенский уровень существования. Очень жаль, что процесс распада и мимикрии колхозов не изучен. Мне представляется это совершенно закономерными (разрядка наша—*М. К.*) процессами. Если несколько бедняцких хозяйств объединяются в колхоз для того, чтобы исправить свое нищенское положение, и получают с этой стороны некоторые достижения, то с точки зрения развития производительных сил страны нет ничего отрицательного в том, что в конце пятилетия эти бедняцкие хозяйства разойдутся в виде середняцких индивидуальных хозяйств».

И дальше: «Это все носит восстановительный характер, не реконструктивный, и это не то, что ведет к постройке социализма. Это надо учесть, зафиксировать и так трактовать... А потому я не вижу жесткой необходимости двигаться дальше в этом направлении» (разрядка наша—*М. К.*)...

Таков «перспективный план» коллективизации, высказанный достаточно нагло и совершенно откровенно классовым врагом—вождем кулачества. В системе кулацких взглядов колхозы—это способ временного порядка, который используют сообразительные бедняки для того, чтобы поднажиться и стать середняками. Колхозы—стихийный продукт частнособственнических стремлений крестьянства. Это—мелкое объединение в 7—10 хозяйств. Колхозы—лишь форма восстановительного процесса сельского хозяйства, капиталистического порядка, процесса, отнюдь не ведущего к построению социализма. Следовательно нет «необходимости» двигаться дальше в этом направлении.

Здесь наиболее ярко сконцентрировались все неверие в возможность построения социализма в СССР и вся ненависть к колхозному движению. Прежде всего вредители пытаются произвести разрыв между реконструкцией сельского хозяйства и его коллективизацией. Они доказывают такой в высшей степени вредительский тезис, что «колхозное движение есть прежде всего восстановленческое движение».

Кулацкое учение кондратьевцев теснейшим образом сращива-

ется и с учением правых оппортунистов. Если проф. Макаров говорит, что не случайно колхозное движение является стихийным движением, то правые оппортунисты говорят, что реконструкция деревни должна итти и пойдет самотеком, т. е. также стихийно. Если проф. Макаров говорит, что колхозы—«это не то, что ведет к постройке социализма» и нет «жесткой необходимости двигаться дальше в этом направлении», то правые говорят, что колхозы не являются столбовой дорогой к социализму.

Стоит также вспомнить борьбу партии с троцкизмом и его тезисами в отношении коллективизации крестьянства, сводящимися в основном к следующему: коллективизация, если она дает выгоду, является лишь фактором еще большей диференциации деревни; что же касается коллективизации через простое сложение крестьянских средств, то это столь же невозможно, как сделать корабль из рыбачьих лодок. А при этих условиях развитие сельского хозяйства СССР в ближайшей перспективе возможно лишь на путях капитализма в виде фермерства. Если же это так, то совершенно очевидной становится неизбежность столкновения рабочего класса с крестьянством, а в стране с огромным преобладанием крестьянства в таком случае, конечно, невозможно построить социализм.

Кулацкий профессор учит, что колхозы—это способ для бедноты улучшить свои «обнищавшие» хозяйства за счет государства с тем, чтобы «в конце пятилетия» «разойтись в виде середняцких индивидуальных хозяйств». Троцкий учит, что колхозы помогают процессу диференциации индивидуального развития хозяйства. По существу это одно и то же. Кулацкий профессор учит, что «процесс распада и мимикрии колхозов» представляется совершенно закономерным процессом. Троцкий учит, что из рыбачьих лодок нельзя построить корабля, т. е. крупного коллективного хозяйства и т. д.

Одним словом, как правые, так и «левые» оппортунисты черпают, да и не могут не черпать свою мудрость из «научного» арсенала кулачества.

Особенно следует обратить внимание на утверждение вредителей, что «не случайно» наше колхозное движение—это «бедняцкое» движение.

Классовый враг, пытаясь разрушить кооперативный план Ленина, стремясь поколебать уверенность в правильности этого плана, пускает в ход весь арсенал аргументов, вытекающих из кулацкого неверия и враждебности к колхозам. По кулацкой науке выходило, что середняк,—эта центральная в тот период фигура земледелия,—не может быть вовлечен в колхозное движение.

Повернуть середняка на путь социализма не может и трактор. Проф. Макаров «доказывает» это.

Если взять кустарные районы, то «в результате трактор попадает в пользование одному из хозяйств, происходит перегруппировка, после которой кустари остаются сидеть *сами по себе*, а *коллектив превращается в укрупненное хозяй-*

ство» (разрядка наша—*М. К.*). Если взять даже такие районы, как ЦЧО, то «пока нет лошади,—трактор в коллективе действует, но восстановлены посевные площади, восстановлено хозяйство,—и коллектив уходит». Следовательно колхоз как форма социалистического развития мелких индивидуальных хозяйств совершенно исключается и никаких перспектив не имеет.

Такова вторая часть концепции буржуазных реставраторов, вторая методологическая предпосылка планирования сельского хозяйства. Исходя из предпосылки, что в нашей промышленности нет социализма, а есть лишь капитализм, искалеченный пролетариатом, захватившим власть, вредители делали вывод, что тем более в сельском хозяйстве, где основными являются мелкие частные товаропроизводители, невероятен какой-либо другой путь, кроме капитализма.

Если рабочий класс и его авангард—коммунистическая партия, наметив некапиталистический путь развития деревни и опираясь на бедноту, подготовили системой мероприятий своего союзника-середняка к переходу на коллективные основы хозяйствования, то кулак и его идеологи никак не могли принять этого плана. Они всемерно старались расстроить наши ряды, внести путаницу в нашу идеологию, подвести свои основы под планирование и, используя оружие плана, стремились повредить социалистическому строительству.

Задачу углубления и завершения теории неизбежности капиталистической реставрации, теории контрреволюционного переворота выполнил проф. Кондратьев. На заседании пленума Земплана от 2 апреля 1926 г. он так развил эту часть программы.

«Если вспомнить знаменитое предисловие Маркса к «Критике политической экономии» и тезисы, которые там выдвигаются, то они гласят, что на известном уровне своего развития производительные силы приходят в своем росте в конфликт с общественной надстройкой, и поскольку эта общественная надстройка не удовлетворяет растущие производительные силы, наступает эпоха катаклизмов».

Теорию, которую Маркс сформулировал как сильнейшее оружие против капитализма, Кондратьев сознательно извращает и направляет против социализма.

Он пытается использовать чуждую ему теорию пролетариата, чтобы замаскировать свои замыслы и протащить идеи неизбежности капиталистической реставрации в СССР. У него хватает наглости сказать буквально следующее:

«Я примыкаю к постановке Маркса, так как это есть реалистическая постановка, та постановка, что желания у людей могут быть самые разнообразные, но цели, которые человечество достигает, это те цели, которые осуществимы, и думать поэтому, что известным курсом политики, известным курсом мероприятий можно обеспечить или нельзя обеспечить рост производительных сил, это думать, что надстройкой можно определить судьбы производительных сил. Это утопическая постановка».

Вот выводы, которые сделал, прикрываясь Марксом, проф.

Кондратьев из своих взглядов о нашей экономике и о неизбежности капиталистической реставрации. Смысл ясен: никакая политика вам, большевикам, не поможет: пойдете по пути развития производительных сил—придете к капитализму, пойдете против этого развития—тем более свернете себе шею. Можно, конечно, говорить, замечает проф. Кондратьев, «мы, мол, этого не хотим, мы на этот путь не пойдем! Что вы не хотите по этому пути итти,—я охотно верю, но пойдете вы или не пойдете,—это вопрос другой и решается не вами, а за вас, и решается теми факторами, которые не зависят, не находятся в полном распоряжении человеческой воли».

Таков итоговый тезис программы капиталистической реставрации СССР. Надо иметь в виду, что изложенная здесь теория контрреволюционного переворота провозглашалась в Народном комиссариате земледелия РСФСР в связи с подготовкой перспективного плана развития сельского хозяйства, и навязывалась в качестве теоретической базы этого плана.

Кулацкое содержание ее говорит достаточно убедительно само за себя, а жизнь давно уже опрокинула весь этот вздор, доказала его несостоятельность и вместе с ее авторами выкинула эту теорию в помойную яму истории.

Ленинский план построения социализма в СССР путем всемерной индустриализации и коллективизации страны на основе подъема творческих сил рабочего класса, а под его руководством и бедняцко-середняцких масс деревни, уже привел к тому, чего так боялись и чему так противодействовали кулацкие профессора. Наша страна становится независимой индустриальной страной. Широчайшие середняцкие массы деревни решительно повернули к социализму, и коллективизация поднялась на уровень сплошной коллективизации.

На этой основе ликвидируется последний класс капиталистов—кулачество. СССР поднялся на новый этап, достраивает фундамент социалистической экономики, уже вступил в период социализма.

Таковы факты социалистической стройки, опровергающие все и всяческие контрреволюционные и оппортунистические теории, таково решение исторических споров о крестьянстве.

Однако охарактеризованная нами выше буржуазная теория не была лишь пустым и абстрактным словесным занятием. Это была кулацкая теория для кулацкого же действия. В рассматриваемой нами связи эта теория у буржуазных профессоров была основой для методологии составления планов сельского хозяйства. Они выработали и навязали целую методологическую систему построения сельскохозяйственных планов. И их влияние в этой области, будучи достаточно завуалированным, было весьма сильно в планируемых организациях, сохранившись кое в каких элементах планирования и до сих пор.

Мы уже упоминали, что кулацкие профессора не отрывали теорию от практики и план от выполнения.

[illegible] НКЗ РСФСР на президиуме Госплана СССР в июле [illegible] г. о перспективном плане сельского хозяйства на 1923—1928 гг., проф. Кондратьев говорил: «Совершенно ясно, что по духу приведенного постановления секции (с.-х. секции Госплана) мы возвращаемся к общим основам плана уже не в том простом виде, как они были доложены в прошлом году секции, а возвращаемся к ним по связи с планами отдельных управлений, так как, повторяю, эти планы были развитием и конкретным воплощением общих основ». И там же, в заключение доклада, он добавил: «Я допускаю, что план с точки зрения количественных расчетов может утратить в той или иной мере свое значение через некоторое время. Но с точки зрения организующего влияния на весь аппарат и работу НКЗ, план свою роль сыграл и еще сыграет, получив санкцию высших органов». Действительно, как мы увидим дальше, это не пустые заявления. План сыграл значительную вредительскую роль в отношении сельского хозяйства.

Значительно позднее, в апреле 1927 г., при выработке второго перспективного плана НКЗ РСФСР на 1928—1932 гг., Кондратьев, опять-таки игравший руководящую роль в этой работе, так характеризовал задачи плана: «задачей первой части плана (общей—*М. К.*) является наметить столбовую дорогу наших действий» (разрядка моя—*М. К.*). Они понимают огромное значение плана в СССР, хотя именно поэтому, как увидим в дальнейшем, всячески пытались умалить и дискредитировать наши планы. На заседании Земплана от 4 мая 1927 г. проф. Кондратьев еще более ярко и точно оттеняет значение планов.

«Хотя на первый взгляд может казаться, что некоторые споры носят чисто теоретический характер, но, как я уже пытался указать и как практически показал прошлый год, всегда эти теоретические споры, особенно наши затруднения о том, как понимать план, на самом деле преломляются в самой практической форме—размер ассигнований и т. д. Поэтому я просил бы иметь в виду, что эти общие абстрактные положения так же важны, как и самые конкретные».

Это был прямой призыв к своим сотрудникам не относиться к составлению планов спустя рукава и, проводя их дискредитацию, не забывать в то же время, что эти планы в условиях СССР являются реальной силой, которая при «умелом» вредительском подходе может стать и силой разрушения.

Из изложенных нами «теоретических основ» понимания кулацкими вождями нашей экономики само собой вытекает, что они вкладывали свое содержание в понятие плана и старались его навязать пролетарскому государству и воплотить в официальные планы.

Прежде всего вредители пытались дискредитировать значение плана, его роль в социалистическом строительстве. Это вовсе не противоречит тому факту (а наоборот вытекает из него), что в СССР значение плана велико: планом нужно уметь пользоваться как вредительским оружием. На заседании объединенной

..миссии по перспективному плану Наркомзема от 5 апреля 1927 г. вредитель Макаров, анализируя различные методы (на которых мы особо остановимся ниже) составления перспективных планов, сказал: «вообще, повидимому, занятие перспективным планом есть занятие порочное, и задача сводится к тому, чтобы или перестать этим заниматься или если заниматься, то осознать возможный предел ошибок в этом направлении».

В методологии мы также опасаемся предрешать на один год, также, конечно, предрешать и на пять лет. Но так как и за сто и за тысячу лет можно рассчитывать, то мы для экономической политики ищем какую-то реальную базу, а поэтому не взяли 20—10 лет, а взяли где-то ближе, более конкретно.

Хотя я также не верю итогам цифр 1928 г., как и оповещению результатов цифр будущего года, но все-таки вы должны считаться с вымыслом». Эти цитаты характерны в двух отношениях.

Во-первых, это злостная, вредительская вылазка классового врага против плана, стремление внести сомнения в значимость основных методов построения социалистической экономики. А мы знаем, что план в СССР—это основной, присущий самой системе пролетарской диктатуры, способ классовой борьбы на хозяйственно-культурном фронте, способ построения социализма и уничтожения капитализма.

Во-вторых, цитата имеет значение в том смысле, что, поскольку, по Макарову, «планировать»—значит гадать, то следовательно «предел ошибок» будет тем уже, чем больше мы будем базировать будущее на прошлом.

Следующим приемом дисредитации планов со стороны вредителей была попытка убедить, что план в СССР ничем существенным не отличается от плана мероприятий, который имеется в министерствах земледелия капиталистических стран.

На заседании Земплана от 18 июля 1924 г. при обсуждении перспективного плана управления сельского хозяйства проф. Макаров дает следующую любопытную справку об опыте своей плановой работы.

«В 1917 г., проф. Челинцев, Рыбников и я, мы втроем задумали совершенно аналогичную работу; она была под заголовком «Сельскохозяйственная политика в России» проведена по тогдашнему министерству земледелия и представляла собой не меньшее количество напечатанной на машинке бумаги. В смысле теоретического единства, так как было три автора, то конечно было большее теоретическое объединение, чем при 30—40 авторах».

Прежде всего бросается в глаза утверждение, что три буржуазных профессора проделали для министерства земледелия «совершенно аналогичную работу». Вредитель констатировал тем самым два момента: а) планы мероприятий буржуазного правительства, по мнению вредителя, ничем принципиально не отличаются от планов советского правительства и б) составляя

перспективный план на 1923—1928 гг., буржуазные профессора орудуют той же методологией, что и при капитализме.

Разница, как довольно цинично заявляет вредитель, лишь в смысле «теоретического единства». Тогда его было больше, так как работало меньше людей, а теперь единства меньше, так как работает больший коллектив. Этот выпад является не чем иным, как сетованием на то, что условия для такой работы сейчас менее благоприятны, чем в добрые старые времена.

Приведенная цитата свидетельствует еще об одном, а именно, что между Макаровым и так называемым «народником» проф. Челинцевым существует «теоретическое единство».

Наконец приведем еще одну любопытную цитату, разъясняющую, как понимали вредители наши планы. На заседании в Госплане СССР от 4 июля 1925 г. при обсуждении доклада Кондратьева о перспективном плане, отвечая на нападки некоторых коммунистов, отмечавших никчемность плана и указавших на то, что план провалился в жизни, тот же Макаров говорит: «Конкретность сравнения должна быть сделана с заново переработанными величинами. Жизнь внесла свои коррективы, и в частности коррективы вносит государственная воля, государственное планирование и маневрирование рыночных отношений». Здесь проф. Макаров весьма ярко выразил свое понимание плана. Мы, мол, составили хороший и правильный план. Однако в ход выполнения плана вмешивается «государственная воля», «государственное планирование и маневрирование» и ломает эти хорошие планы.

Таким образом проф. Макаров, сводя план к прогнозу, старается доказать, что план—это одно дело, а пролетарская диктатура с ее волей и маневрированием—совсем другое дело, чуждое плану. Как тут составить хороший план, если в выполнение его вмешивается государство и путает все расчеты.

Приведенных характеристик вполне достаточно, чтобы представить себе отношение вредителей к планированию в стране пролетарской диктатуры. Буржуазные профессора пытались свести наше планирование к наметке системы мероприятий, по аналогии с министерствами земледелия капиталистических стран. Они пытались использовать наши планы «как столбовую дорогу наших (Кондратьева—*М. К.*) действий».

Методологический инструментарий вредительского «планирования»

Обратимся теперь к той системе методов, к тому методологическому инструментарию, который выработали вредители и применяли на практике составления наших планов. Здесь мы еще раз подчеркиваем, что вся эта классово-враждебная и в научном отношении весьма ограниченная и тощая теоретическая и методологическая концепция важна для нас вовсе не сама по себе. Эта концепция важна прежде всего потому, что она проникала в наши планы, засоряла нашу экономическую науку и наш-

сила, да и сейчас еще наносит своим влиянием огромный вред делу построения социализма. Мы рассматриваем эти взгляды для того, чтобы помочь окончательно освободиться от них.

Система методов построения перспективных планов сельского хозяйства вытекала у буржуазных реставраторов из общих установок, кратко рассмотренных нами выше, которые, по замыслу вредителей, должны были стать исходными принципами планирования:

a) «принцип» «развития производительных сил», «вообще», как «высший критерий». При помощи этого «критерия» «вообще» они пытались доказать и протащить в план довольно конкретные вещи, а именно,—неизбежность капиталистического пути развития сельского хозяйства.

b) «Принцип» международного «разделения труда» и включения СССР в это разделение. Этим методом вредители пытались закабалить СССР и превратить его в аграрный придаток капиталистических промышленных стран.

c) Метод «равновесия», который должен был доказать и привести к аграризации, к срыву индустриализации и ее ведущей роли.

d) Метод «генетики» и «динамических» и «статических» коэфициентов, «потухающей кривой» и т. д., который должен был привести к срыву бурных темпов социалистического строительства и к срыву решения в кратчайшие исторические сроки вопроса «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны, и наконец,

e) метод «минимумов» и «моделей», который должен был дать «модель» «реставрированного» кулацкого хозяйства.

Таким образом вредители выработали довольно законченную систему, срывающие социалистические планы. Каждое звено этой системы имело свое значение и функцию, а все они вместе имели задачу,—в период, когда строился фундамент социалистической экономики,—бить по этому фундаменту, всемерно разрушать его, не давать его достроить, выращивая в то же время элементы и предпосылки капиталистической реставрации.

Остановимся здесь кратко на некоторых из этих методов, в частности, на методе генетики, на динамических коэфициентах и на методе «минимумов» и «моделей».

Вот как характеризовал свой методологический инструментарий проф. Макаров в соответствующем докладе на объединенной комиссии по перспективному плану Наркомзема РСФСР в апреле 1927 г.

«В последнее время тот обмен мнений, который был в Наркомземе, и тот обмен мнений, который был вне НКЗ, и тот ход мыслей, который приходилось отмечать у разных работников в области методологии перспективирования,—все это намечает три основных методологических линии в построении перспективного плана».

Смысл этой цитаты в том, что ею определяется доклад проф. Макарова, как доклад, подводящий определенные итоги. Этот доклад лишь суммировал и обобщал их «мудрость» в данном

деле. Первым методом Макаров называет метод «динамических коэфициентов», определяя его следующим образом: «Первую линию, более осторожную, но и более распространенную, я называю методом количественных коэфициентов, сводящихся в основном к тому, что из эмпирической действительности берутся коэфициенты роста отдельных элементов перспективируемого сельского хозяйства, анализируются и устанавливаются тенденции—куда это хозяйство движется, и добавляются процентные изменения коэфициентов под углом зрения желательного изменения этого хозяйства, и в соответствии с этим прорабатывается в лучшем случае та система мероприятий, которая должна обслужить соответствующие изменения в коэфициентах».

Второй, тесно смыкающийся с первым,—это метод «тенденций». «Он ограничивается только указанием тенденций, в которых хозяйство движется. Эти тенденции не выражаются ни в какой количественной характеристике изменений в перспективируемом хозяйстве; они остаются в переходном, промежуточном состоянии; в соответствии с этими указанными тенденциями опять намечается желательный объем мероприятий, чтобы обосновать эти тенденции». Таков второй «метод».

Наконец последний—метод минимумов и построения модели. Проф. Макаров следующем образом определяет его: «этот метод, противоположный первому, полюсный метод, может быть назван методом построения модели реорганизуемого хозяйства. Основной подход заключается в том, что мы разрабатываем тенденции, в направлении которых эволюционирует хозяйство; затем в пределах реальных возможностей мы вырабатываем желательные изменения. Эти желательные изменения могут быть проработаны по принципу организационно-хозяйственных минимумов или по принципу ликвидации этих организационно-хозяйственных минимумов таким образом, что один, наиболее острый и важный, минимум ликвидируется в условиях реальной действительности или эта реальная действительность соответственно изменяется, но в пределах реальных возможностей» (разрядка везде наша—*М. К.*). Затем этот метод несколько конкретизируется.

«Этим способом выясняется объем возможностей ликвидации этих минимумов. На фоне ликвидации первого минимума мы подходим к ликвидации следующих по очередности минимумов, взаимно между собой связанных, и этим способом подходим к реорганизации хозяйства. Ликвидация минимумов и развертывание в соответствии с этим хозяйства дает возможность построить модель, в основе которой будут лежать исчисления тех элементов хозяйства, которые получаются в результате ликвидации соответствующих минимумов и соответственного объема реорганизации хозяйства... Мне представляется, что это и есть три основных типа методологического построения перспективирования реорганизации хозяйства».

Таковы некоторые из методов, при помощи которых буржуазные реставраторы строили перспективные планы реконструкции сельского хозяйства.

Мы сознательно привели здесь ряд длинных цитат из доклада проф. Макарова. Помимо того, что в них дана устами самих вредителей довольно яркая формулировка методов, нам важно было заглянуть в ту методологическую кухню Наркомзема РСФСР, на которой стряпались вредителями методы, распространявшиеся отсюда очень далеко, проникавшие весьма глубоко и засорявшие головы плановых работников и практиков.

Проф. Макаров в своем докладе, разбирая эти методы, находит (для отвода глаз), что метод «количественных коэфициентов» «не представляет собой особой ценности», так как, распространив его в будущем, мы не получаем возможности проконтролировать выводы, а также потому, что здесь слишком много субъективизма. Однако эти возражения нужны ему, как увидим дальше, вовсе не для того, чтобы отбросить этот метод, а лишь для того, чтобы путем его критики выпятить достоинства другого метода, конкретизирующего первый и потому более вредительского, а именно метода «минимумов и моделей».

Что касается метода «тенденций», то последний Макаровым признается «наиболее научным». Но и он не может «удовлетворить» буржуазного профессора, ибо этот метод «не дает количественных соотношений, «не дает достаточной взаимно-организационной увязки отдельных сторон».

Лишь третий метод—метод минимумов и моделей—обладает теми качествами, которые позволяют положить его в основу.

И маскируясь исканьем «объективности», вредитель надумывает метод построения модели кулацкого хозяйства. У этого «метода» оказывается уйма всяких «преимуществ».

В чем преимущества этого метода по сравнению с другими с точки зрения реставраторов? Проф. Макаров показывает их довольно «убедительно». А именно, для того чтобы наметить систему мероприятий, надо знать, на что их направить. Направить же их надо на усиление тех факторов, которые в «минимуме». Тем самым изучение «направляется на сущее, а не в области перспектив будущего, поскольку эти минимумы мы ищем в современном эмпирическом состоянии хозяйства». А раз так, то и «сущем» меньше поле «для субъективизма» и «несколько большая проконтролированность». Правда, некоторый «субъективизм» имеет место и здесь, поскольку «от нас зависит, что мы будем считать в минимуме, какую очередность установим в ликвидации этих минимумов» и т. д. Однако это, мол, и не такая беда. Раз получаются взаимная увязка и соотношение между элементами, то отсюда уже целый ряд вопросов может быть разрешен, так например проблема капиталонакопления, проблема финансирования, проблема соотношения отраслей» и т. д. Этот метод устанавливает также и распределение кредитов на отдельные мероприятия. А если так, то получается ряд элементов, позволяющих в опреде-

[illegible] определенную реорганизацию хозяйства.

В самом деле. Дана структура того или иного хозяйства, определены «минимумы» этого хозяйства; затем эти минимумы расположены по очередности их разрешения. Выяснены возможность капиталонакопления и размеры кредита. Распределен кредит. Определен срок реорганизации хозяйства и т. д. В итоге в плане получается определенная «модель» реорганизуемого хозяйства, причем эта модель может быть построена для разных социальных групп различно, «в наших условиях минимум по отношению к двум группам, низшей и середняцкой, поскольку (?) не существует еще (?!) настроения обслуживать верхние группы хозяйства», как говорит проф. Макаров.

Вот в основных чертах та «методология», которую реставраторы пытались навязать как методологию построения социалистических планов реконструкции сельского хозяйства, «методология», при помощи которой реставраторы пытались построить и протащить через наши высшие органы планы сельского хозяйства, методология, которую они пытались воплотить в жизнь через свою агентуру на местах.

Для полноты картины следует отметить, что принципиальных разногласий среди буржуазных профессоров-вредителей по поводу изложенной методологии не было. Возьмем например проф. Челинцева. «Если мы будем делать модель, то очевидно при большей осторожности ко всем условиям, которые влияют на эту модель, мы будем стремиться и дадим наиболее реальную, реализабельную модель, с учетом единственных тенденций, с учетом развития стихийного порядка, стихийных изменений, стихийно идущего процесса накопления, с учетом стихии в экономической политике (разрядка наша—*М. К.*), с учетом изменений среды и организационного сочетания мероприятий. Учитывая все это, мы дадим такую модель, я допускаю все это теоретически, хотя трудно учесть эти именно факторы, которые в порядке политики будут меняться».

Таково первое замечание Челинцева по поводу методологии, изложенной проф. Макаровым. Ничего нового здесь не добавлено. Теоретически методология принимается. Правда, проф. Челинцев, повидимому, усмотрел слишком много реорганизаторского творчества у проф. Макарова и поэтому многократно подчеркивает роль стихии и необходимость ее полновесного учета. Лишь одно обстоятельство смущает Челинцева при рассмотрении реальности метода моделей, это—как учесть факторы, «которые в порядке политики будут меняться». Но выше мы видели, что и для проф. Макарова это самое неприятное место. Он даже прямо считает, что если государство своей волей, своим планированием нарушает составленные ими планы, то вина за это лежит не на стороне плана, а на стороне пролетарского государства. Так что в этом пункте у них единомыслие полное.

Против метода тенденций и минимумов проф. Челинцев не

возражает, он указывает лишь на большие трудности построения модели, связанные с порайонным подходом к планированию. Поэтому он предлагает, чтобы модели были не всеобщие, а конкретные: от губерний надо спуститься в уезды, из уездов—в волости, в «микрорайоны». Правда, стремясь как можно больше приблизить план к конкретному индивидуальному хозяйству, проф. Челинцев пытается на первое место поставить не метод «построения моделей», а метод построения «организационно-хозяйственных минимумов». Он говорит: «Я хочу сказать, что если мы такую задачу себе ставим, то она должна решаться без метода моделирования, модель идет за ней». «Собственно говоря, сделавши их (т. е. организационно-хозяйственные минимумы) по мелким районам, мы получим базу распределения средств и государственной организационной деятельности, имея в виду работу кредитного аппарата».

Что касается социального типа хозяйства в плане, то буржуазные профессора, конечно, разумеют тип индивидуального частного хозяйства. Например проф. Челинцев говорит: «Я выставляю такое положение, что все то, что попадает к нам, должно быть наиболее эффективным, поскольку (?) можно говорить о некоторой средней, свойственной хозяйствам всех групп, всех социальных положений в данной местности, характеризующейся этим типом организации, по признакам которых мы и выделяем эту местность. Этим я особенно подчеркиваю важность нахождения того, что наиболее важно устранить, что является первоочередным, т. е. нахождения организационно-хозяйственных минимумов».

Еще яснее высказался на эту тему проф. Макаров: «Эволюционирует не массовое хозяйство, а эволюционирует и реорганизуется каждое индивидуальное хозяйство. Только в некоторых разделах, совершенно конкретных, есть моменты, когда массовое хозяйство выступает как акивная сила—это землеустройство, водоснабжение и кажется все. Если взять чисто конкретно, социологически, где масса, как таковая, выступает, то действительно это будут моменты, когда эволюционирует масса. Во всех остальных случаях эволюционирует и реорганизуется индивидуальное хозяйство. В этом отношении американская социология очень точно разграничивает, кто действует: действует ли индивидуум или действует толпа, и для толпы определяются условия, когда она действует как толпа».

В приведенной цитате необычайно обильно и ярко сконцентрирована вся пошлость буржуазной науки и «учености».

Здесь Макаров прямо расписывается в том, что он является учеником буржуазной субъективной школы в социологии. Его научная абстракция—это абстракция от общества, абстракция к индивидууму, к личности. В конкретном применении этот метод означает, что за основу построения перспективного плана сельского хозяйства в целом нужно брать не систему пролетарской диктатуры, не социалистическую индустрию, не переделку простого товарного хозяйства в социалистическое, а надо брать его,

крестьянина, «как такового». Достаточно лишь учесть, в каких мероприятиях крестьянин действует как «индивидуум» и в каких действует как «толпа».

Разногласия между проф. Макаровым, считающим основным метод модели, и Челинцевым, считающим основным метод организационно-хозяйственных минимумов, несущественны. Это—споры об оттенках, о частностях, о деталях одного и того же метода. И проф. Макаров резонно разъясняет Челинцеву всю мнимость их разногласий: «Вы говорите, что если итти в сторону модели, то их нужно многие тысячи, но я также могу сказать, что если итти в сторону организационных типов хозяйства, то их также нужно многие тысячи». Проф. Макаров выдвигает такой аргумент, который должен их объединить. Он говорит, что есть возражение, которое «кажется мне более важным, но оно в той же степени бьет проблему модельного хозяйства и проблему типического хозяйства. Это—неустановившаяся народнохозяйственная обстановка. Это возражение представляется мне более практически весящим и весящим отрицательно и в той же мере как против меня, так и против вас. Так что в этом случае нам надо объединиться» (разрядка везде наша—*М. К.*).

Это выступление поистине замечательно. Нужно иметь в виду, что дискуссия о методе имела место в 1927 г. И вот проф. Макаров главную угрозу своему методу и планам построенным таким методом находит в «неустановившейся народнохозяйственной обстановке». Мы знаем, что обстановка была довольно определенная. Заканчивая восстановительный период, мы энергично вытесняем с рынка частника, находим пути производственной смычки с середняком, усиливаем наступление на кулака. Все это происходит на базе быстро восстанавливавшейся и одновременно реконструировавшейся социалистической индустрии и т. д. Но именно эти-то факты и были самыми страшными для вредителей. Именно отсюда шла гибель их методов, их планов, им самим и всему их классу—кулачеству. Вот почему проф. Макаров прямо указывал своему коллеге, что их разногласия—мелочь. Есть враг посерьезнее, это народнохозяйственная обстановка. И он призывал на этой почве объединиться и бороться вместе. И, как мы знаем, объединение было полное.

Мы изложили здесь, по возможности устами самих реставраторов, их методы перспективного планирования. Если отбросить кажущиеся различия трех перечисленных методов, то мы увидим, что все они сводятся к одному, а именно—к методу установления товарно-капиталистических «минимумов» и «моделей» на основе изучения тенденций и коэфициентов прошлого. Последовательность приемов, составляющих звенья этого метода, примерно такова: а) прежде всего берутся «количественные коэфициенты» из «эмпирической действительности»; б) на основе их анализа устанавливаются «тенденции, куда это хозяйство движется»; в) затем берется непосредственная действительность или так называемое «сущее» и в этом су-

щем берутся индивидуальные крестьянские хозяйства с учетом порайонных различий и социальных особенностей; путем анализа определяются наиболее важные факторы, тормозящие развитие в товарно-капиталистическом направлении, так называемые минимумы, и устанавливается очередность ликвидации этих минимумов, учитывая внутрихозяйственное накопление, кредит и т. д.; г) в итоге получается в достаточной степени сбалансированный план или модель реорганизации индивидуального крестьянского хозяйства в капиталистическом направлении.

Совершенно ясно, что вся эта методология не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, а тем самым и с методологией социалистического планирования. Это вредительская методология, соответствующая капиталистическим «прогнозам» и намечавшаяся как орудие построения планов капиталистической реставрации.

Методы построения перспективного плана социализма должны быть адэкватны методам самого построения социалистического общества. Иначе они не будут соответствовать ходу объективной действительности и не дадут плана, претворяя который в жизнь можно было бы сознательно формировать новую социалистическую действительность.

Вся наша практика в отношении сельского хозяйства, несмотря на вредительство, была пронизана идеей осуществления кооперативного плана Ленина. Вся наша практика поэтому была практикой социалистической реконструкции сельского хозяйства. Теперь, в свете фактов и итогов нового этапа, когда мы уже вступили в период социализма, нам это еще виднее, чем когда бы то ни было. Конечно характер и уровень этой реконструкции были и будут в различные периоды различны. Но наличие глубочайшей социалистической реконструкции во все периоды—бесспорно.

В течение и так называемого «восстановительного» периода в основе с.-х. практики и политики лежала генеральная линии партии. Мы знаем, что земельная политика партии была направлена по линии социалистической реконструкции сельского хозяйства. Мы не говорим уже о новом этапе, когда на базе подготовленных ранее предпосылок социалистической индустриализации и социально-технической перестройки деревни партия, проводя политику сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на ее базе, осуществила коренной поворот середняка в колхозы.

Где же здесь место для воспроизводства старых, дореволюционных товарнокапиталистических «тенденций», «коэфициентов» и т. д.? Как мог бы произойти коренной поворот середняцких масс крестьянства к коллективизации, если бы в нашей системе хозяйства деревня шла по старым, товарнокапиталистическим, путям? Этого поворота не могло бы быть. Середняк повернул к социализму не случайно и не стихийно, а в итоге, в результате активной, выдержанной ленинской политики рабочего класса и партии.

Вот почему изложенные нами методы планирования, навязывавшиеся буржуазными реставраторами, в корне противоречат природе нашей экономики на любом ее этапе. Будучи положенными в основу нашего планирования, они дали бы нам планы, направленные к разрушению социализма и к реставрации капитализма. Это—вредительские методы, а планы, построенные путем применения этих методов, это—вредительские планы.

Вредительский план перспективного развития сельского хозяйства

Перейдем к тому, как буржуазные реставраторы мыслили конкретные пути развития экономики СССР. Что означали отмеченные нами методы у вредителей? Профессора Кондратьев и Огановский в своих работах по перспективному плану сельского хозяйства на 1923—1928 гг., вышедших в свет как первый выпуск материалов НКЗ РСФСР, прямо утверждают, что дореволюционные пути и формы развития сельского хозяйства были совершенно здоровы и правильны и для СССР. Правда, до революции на пути стоял царский режим и феодально-помещичьи путы. Но революция уничтожила эти путы, и теперь открывается широчайший простор для развития капитализма в сельском хозяйстве, прерванного Октябрьской революцией и гражданской войной. Никаких особенностей в нашем строе, которые обусловили бы иной путь крестьянского хозяйства в этих материалах нет и в помине. Коллективизация—это дело несерьезное. Единственный путь—это путь товарнокапиталистический. Что же находится в минимуме, что тормозит такое развитие? Здесь вредители указывают прежде всего на отсутствие капиталонакопления внутри индивидуальных крестьянских хозяйств, на неземлеустроенность как фактор, тормозящий товарнокапиталистический процесс и т. д. А отсюда они выдвигали определенную генеральную линию, кулацкую линию и, исходя из нее, пытались построить перспективные планы сельского хозяйства.

Если принять в основу товарнокапиталистический путь сельского хозяйства, то какие же группы являются передовыми, ведущими как в смысле желательного типа хозяйства, так и по темпу капиталонакопления, товарности и т. д.? Такими хозяйствами являются, конечно, прежде всего хозяйства капиталистической верхушки деревни: кулачество и зажиточные середняки. И реставраторы так прямо и формулируют свою программу на официальных заседаниях Земплана и, как увидим дальше, в коллегии НКЗ РСФСР и в президуме Госплана СССР.

Возьмем выступления реставраторов на заседании комиссии по перспективному планированию НКЗ РСФСР от 13 апреля 1927 г. По интересующему нас сейчас вопросу проф. Кондратьев развернул следующую программу.

«Сталкиваясь с этой проблемой накопления, нужно провести

ту мысль, что накопление, как показывает опыт, действительно возможно в двух формах.

Говорят о кооперативном накоплении, но можно говорить и об индивидуальном накоплении. Что касается кооперативного накопления, накопления от кооперации, то можно даже сказать, что его нет потому, что собственные средства кооперации ничтожны, с ними серьезно оперировать невозможно, так как кооперация работает на средства государства. Поэтому говорить об этом мы не можем. Кооперация может быть использована как аппарат. Можно ли говорить серьезно о накоплении индивидуального крестьянского хозяйства? Что касается этого накопления, то оно все-таки предполагает, что будет итти главным образом в известных группах населения».

В приведенной цитате даны чрезвычайно существенные пункты кулацкой генеральной линии. Прежде всего сделана наглая попытка дискредитировать советскую сельскохозяйственную кооперацию. Дело рисуется так, что если, мол, и возможно кооперативное накопление, то его практически нет. Правда, у ней имеются средства государства, но это ведь уже не кооперация и в счет принято быть не может.

Проф. Кондратьеву достаточно хорошо известно, как капиталистическое государство и банки в условиях диктатуры капитала прибирают к рукам кооперацию и превращают ее в свою агентуру. Но против того пути кооперации он, конечно, не возражает, ибо это его путь, путь капитала. А вот если пролетарское государство, руководя кооперацией, помогая ей материально, превращает ее в орудие построения социализма и уничтожения капитализма, то здесь проф. Кондратьев бешено нападает и дискредитирует советскую кооперацию.

Владимир Ильич многократно учил о необходимости со стороны государственной власти пролетариата всемерной помощи и поддержки элементам нового социалистического строя деревни. Во все периоды классового общества государственная власть того или иного класса всемерно помогала укреплению своего строя. Это должен и обязан делать и пролетариат в лице власти советов.

Кулачество спит и во сне видит старую кооперацию. А проф. Кондратьев пытается превратить сон в явь. Он говорит: накоплять будут «определенные» группы крестьянства, а кооперация будет «использована как аппарат». Он всячески старается, и не без успеха, повлиять на руководителей Наркомзема. В эту точку он бьет в течение ряда лет. Еще в 1926 г. мы имеем на пленуме Земплана следующее его выступление на эту тему: «Почему наша кооперация мертва?—спрашивает Кондратьев и отвечает,— потому, что то население, которое она организует, не в состоянии кооперацию на своих плечах выдержать. Мы берем линию, не спрашивая, сможем ли мы выдержать эту линию».

По Кондратьеву выходило, что так как мы не даем развиваться капитализму в сельском хозяйстве, то отсюда—бедность населе-

ния средствами и безжизненность кооперации. Он ратует за капитализм в деревне, за капиталистическую кооперацию.

На заседании перспективной комиссии от 13 апреля 1927 г. он еще более четко развертывает свою программу. «Эту мысль докладывал Н. П. Макаров, и она уже высказывалась в Земплане. Это не значит, что я хочу какую-то (?) кулацкую линию провести,—скромно предупреждает он,—я хочу сказать что на «нет» и суда нет и что только у известных групп хозяйства накопление может итти известным путем. Ниже этого уровня стоящие хозяйства большого участия в накоплении принять не могут и, как показывают фактические статистические данные, не принимают участия. Поэтому в отношении накопления это есть та точка зрения, которую нужно положить в основу».

Проф. Кондратьев человек дела. В своих работах по перспективному плану он всячески подчеркивал, что он не отрывает теорию от практики, что теория важна постольку, поскольку сейчас же становится практикой. И вот он борется за свою практику.

«Хотя не все так смотрят у нас в Земплане и некоторые стоят за то, чтобы лежать на солнышке, но все же в основу нужно положить ту деловую мысль, что нет другого выхода... Нет другого выхода, как признать известный тип хозяйств наиболее актуальным и активным в смысле накопления, и следовательно надо обеспечить их существование и развитие».

Проф. Кондратьев вполне отдает себе отчет в классовом значении своей установки, ибо видит перспективу на этом пути.

«Прежде всего это может вызвать обострение диференциации в деревне. Почему это будет? Поскольку накопление, на которое мы должны опираться, базируется на более крепких слоях деревни, постольку эти крепкие слои, призванные на спасение родины (ого!), будут увеличивать свой капитал, будут усиливаться, будут оттенять разницу в движении этих групп и более слабых групп. Поскольку речь будет итти о разных экономически мощных группах, постольку это не будет выделение классовых групп, но это будет создание атмосферы для того, чтобы мощные группы могли превратиться в социально другие типы, в капиталистические типы. Это может повести за собой рост арендных отношений и наемного труда. Надо признать, что такие возможности не закрыты».

Таким образом мы видим развернутую кулацкую программу капиталистической реставрации: а) сельское хозяйство должно развиваться по капиталистическому пути; б) надо взять ставку на всемерное усиление капиталовложения на этом пути; в) ставка на капиталистическую верхушку деревни; г) советская кооперация «мертва», ее оживит лишь капитализм. Необходимо превратить кооперацию в аппарат капитализма.

Реставраторы нападают на нашу политику, стремясь представить дело так, будто развитие сельского хозяйства снижается, колхозы значения не имеют, деревня обнищала, а капитализм уже уничтожен. Вот, например, доклад проф. Макарова на пленуме Зем-

плана от 2 ноября 1927 г. по вопросу об итогах работы НКЗ. Уже один факт, что НКЗ поручил подготовить доклад о своих итогах проф. Макарову, говорит достаточно убедительно о партийном лице тогдашних руководящих товарищей НКЗ РСФСР.

Что же докладывал об итогах реставратор Макаров? «Система регулирования характеризуется монопольным положением государственного и общественного сектора в области торговли, сверхиндустриалистским подходом по линии кредита и восстановления промышленности и определенно выдержанной (?) социальной политикой».

«Темп роста и темп восстановления сельского хозяйства систематически снижаются, хотя еще стоят на уровне более высоком, чем они стояли в довоенное и дореволюционное время. Современная деревня с точки зрения своей социальной структуры представляет собой совершенно видоизмененное состояние, где мы имеем почти полную или значительную ликвидацию бывших капиталистических элементов сельского хозяйства, значительное набухание средних и ниже средних слоев и значительное накопление в составе современной социальной структуры деревни бедняцкого элемента».

Мы имеем здесь явное нападение на генеральную линию нашей партии. «Сверхиндустриализм» по линии кредита и промышленности; систематическое снижение темпов сельского хозяйства; почти полная ликвидация капиталистических элементов; значительное «набухание» ниже средних слоев и «накопление» бедняцкого элемента. Такими оказываются итоги генеральной линии партии в изображении вредителей. Но Макаров продолжает детализировать: «На основе довольно детального анализа, главным образом сделанного в управлении сельского хозяйства», в нашей социальной структуре оказывается лишь 1,9% кулаков. Это в 1927 г. Как получен этот процент? Он получен путем специальной «методологии». Оказывается, взята целая совокупность признаков, чтобы выделить так называемого интегрального кулака, который имеет большую земельную площадь, эксплоатируемую при помощи своих средств производства. При этом необходимо, чтобы он имел и торговое или какое-нибудь другое предприятие, «словом,—как выразился Макаров,—чтобы он глядел несколько на выход из сельского хозяйства». Таковы несложные приемы кулацкого профессора при выявлении кулачества.

Для того, чтобы представить в ложном свете сельское хозяйство СССР, вредители придумывали специальную методологию, при помощи которой кулачество смазывалось, якобы переставало существовать и никакой силы или угрозы социализму не представляло. Этими выводами вредители пользовались для аргументации своей кулацкой линии. Тот же Макаров «развивает» свою программу: «Из всего изложенного вытекает иная постановка вопроса, а именно такая постановка вопроса: нужно признать факт, что в настоящее время имеется колоссальное количество низших хозяйств. Это факт печальный, а не положительный и печальный

с точки зрения экономической. Нужно признать, что экономический рост страны идет не благодаря этим группам, а благодаря другим силам, реально могущим создавать прибавочные продукты».

В то время, как в действительности сельское хозяйство на основе генеральной линии партии быстро шло по пути подъема, одновременно означавшего создание предпосылок коллективизации, вредитель Макаров дискредитирует генеральную линию партии, как ведущую к обнищанию и выставляет верхушку деревни, как единственно созидающую «силу».

А в другом месте тот же профессор старается убедить работников Наркомзема, что опасность не в том, что верхние группы будут быстро расти, а в том, что нищенские массы деревни будут давить на эту верхушку и, используя свое положение в нашей государственной системе, будут весьма мешать росту и капиталонакоплению этих хозяйств. И задача-де государственной власти заключается в том, чтобы защитить высшие группы деревни от нажима низших групп.

Если Кондратьев, как мы видели, в своих выступлениях ссылался на Макарова, то и Макаров ссылается на Кондратьева.

«Я много раз соглашался, когда Н. Д. Кондратьев говорил, что ставка должна быть на сильное хозяйство, что ему нужно дать большой ход, потому что оно более производительно в затрате своего труда, потому что оно более товарное, более капиталонакопляющее, все это верно».

Итак смысл методов «тенденций», «моделей» и т. п. весьма простой и ясный: шире дорогу капитализму в деревне и его носителю—кулаку. Однако вредители понимали—эта дорога противоречит пролетарской диктатуре. А пролетарская диктатура держит все элементы капитализма в ежовых рукавицах. Поэтому вредители пытаются усыпить бдительность рабочего класса и партии, преподнося в ложном свете условия и обстановку советской деревни, отрицая возможность капиталистического пути и смазывая роль кулачества.

Для достижения этой цели проф. Макаров продолжает в соответствующем духе. Он говорит: «И несмотря на то, что это верно, я думаю, что если предоставить полную свободу хозяйству, то не потребуется никаких ограничительных норм для капиталистического хозяйства в деревне, потому что его объективные ресурсы и та социальная народнохозяйственная обстановка, в которой оно функционирует, таковы, что у него нет базы для развития, что объем возможностей сельского капитализма, при всей предыдущей картине, является чрезвычайно ограниченным. Хуже того, не только не потребуется издания каких-либо норм, но потребуется работа, специальная работа, по поднятию низов и средних слоев».

Защищая капитализм и требуя развязывания рук кулачеству, вредители, как видим, очень опасались, что социально экономиче-

ская обстановка в стране не позволит развернуть на практике их планы. Поэтому они пытались доказать в Наркомземе, что для капитализма «нет базы для развития» и что не только не нужно сдерживающих норм, но придется принять меры, чтобы «низы» и «средние слои» не мешали капитализму. А нужно сказать, что вредители основательно опасались давления «низов» на деревенский капитализм. Проф. Макаров дал прямой ответ на сей предмет.

«В условиях данной системы хозяйства сельский капитализм находится в связанном состоянии — перенаселение будет ему мешать». Читая эти строки, сейчас же вспоминаешь Кондратьева, считавшего необходимой индустриализацию, поскольку нужно изжить перенаселение. Выходит следовательно довольно стройная «теория»: для развития капитализма в сельском хозяйстве нужно изжить перенаселение, а так как перенаселение поможет изжить индустрия, то постольку придется развивать индустрию. Отсюда ясно, как сильно ошибаются те товарищи, которые считают, что Кондратьев и его партия будто бы сторонники сильной индустрии. Кулацкая партия, так же как и промышленная партия, ратовала за подчинение СССР капиталистической индустрии заграницы, за порабощение СССР странами капитала.

Итак «низы» деревни мешают капитализму. «Именно сопротивление низов деревни, колоссальнейшего количества бедняцкого элемента; в силу перенаселенности и борьбы за землю... они будут напирать». Перенаселение таким образом, по утверждению вредителей, угрожает капиталистической перспективе. «Низы» будут сопротивляться обогащению верхушки деревни, мешать концентрации земли и т. д., одним словом, «будут напирать».

И в то же время «меньше всего в разрешении этой проблемы мы должны опираться на проблему коллективизации». Все сводится в конце концов к одному: кроме капитализма—других выходов для СССР нет.

И чем иным, как не наглостью вредителей и попустительством коммунистов-оппортунистов аппарата НКЗ, являются например такие речи:

«Ведь нельзя же в конце-концов видеть в том, что вы даете возможность развития капиталонакопляющим группам, угрозу политическому режиму, угрозу диктатуре пролетариата. Нет большей угрозы диктатуре пролетариата и существующему режиму, чем та линия, которую вы проповедуете, ибо это есть линия к ослаблению темпа народного хозяйства, к отставанию Союза от всех других стран, к тому, что Союз оказывается выброшенным экономическими силами с мирового рынка» и т. д.

Реставраторы пускались, как видим, на такие трюки, как только что приведенный, а именно—нахально позволяли себе выступать в роли защитников пролетарской диктатуры, в роли сигнализаторов опасности. Смысл выступлений с требованием развязать капитализм, а иначе СССР отстанет от других стран и будет выброшен с мирового рынка, классовый кулацкий смысл этих выступле-

ний показан и особенно доказан фактами успехов социалистического строительства СССР, особенно последних лет. Кулацкие реставраторы боролись за то, чтобы превратить СССР в капиталистическую аграрную страну, т. е. сделать ее придатком стран промышленного капитализма. Пролетариат же построил социалистическую индустриальную СССР с крупным социалистическим сельским хозяйством, сделал ее независимой от стран капитала, развернул темпы, позволяющие догнать и перегнать технику передовых капиталистических стран в кратчайшие исторические сроки.

Одной из центральных вредительских идей, которую пытались внести в наши планы кулацкие реставраторы, является идея о том, что основной сектор нашего народного хозяйства не промышленность, а сельское хозяйство. Именно по этой линии шли основные нападки наркомземских вредителей на известный вариант пятилетки Госплана СССР, составленный под председательством т. Струмилина. Именно по этой принципиальной, классовой линии шли нападки, так как, мол, в этом плане «ставится идея подчиненного значения нашего сельского хозяйства... какое-то пренебрежение и непонимание роли сельского хозяйства». «И я считаю, что страна превращается в страну, импортирующую сельскохозяйственные товары» (Кондратьев).

Таким образом выходит, что порок пятилетки, составленной под руководством т. Струмилина и не принятой правительством, заключается не в минималистских темпах индустрии и отсутствии плана коллективизации, а в том, что сельскому хозяйству отводится подчиненное место. Мы знаем, что в этой пятилетке пороков имеется очень много, но пороки, указываемые проф. Кондратьевым, являются «пороками» лишь для кулацкого хозяйства.

Кондратьев пытается положить сельское хозяйство в основу перспективного плана народного хозяйства, а индустрии предоставить роль обслуживающей и подчиненной сельскому хозяйству отрасли. В этом смысле допускается «индустриализация» страны. В целом же двухстороннего типа развития нашей страны, а именно—«аграрноиндустриального», базируясь на пресловутой теории «равновесия». «Нам в плане нужно учесть,—говорит проф. Кондратьев,—действительную (?) взаимную связь между индустрией и сельским хозяйством и попытаться действительно, несубъективно (!?), а объективно подойти к тому, чтобы выявить конкретные формы и взвесить предельные возможности распределения производительных сил из одной отрасли в другую и найти наиболее совершенные сочетания темпов. Должны ли мы итти тем путем, как идет Госплан, когда строит план промышленности и, исходя из него, строит план сельского хозяйства, или же мы должны итти другим путем? Если же исходить из промышленности, то возникает вопрос, на чем основан темп развития самой промышленности? Госплан ориентирует его на капиталовложение, которое требует в свою очередь капиталонакопления, капиталонакопление зависит от соотношения цен, а соотношение цен—от размера продукции.

При таких условиях оказывается «порочный круг».

Следовательно вредители выдвигали в Наркомземе определенную вредительскую концепцию о типе развития нашей страны как страны аграрной. Этот тип аргументировался еще и такими методологическими подходами, как уже известные нам «минимумы».

«Нам нужно сосредоточить внимание на тех факторах и условиях, которые даны в минимуме, и их признать как определяющие, а из них исходя, подходить ко всем остальным». Эти минимумы, как мы видим, по кулацкой теории сосредоточиваются в сельском хозяйстве, в его низком уровне развития. Таким образом теория «равновесия» и равнения на «узкие места», как она дана правыми оппортунистами, является лишь пересказом этого первоисточника кулацких теорий. Чтобы показать, что вредители отнюдь не стояли на точке зрения развития мощной индустрии СССР, достаточно привести следующие факты, характеризующие их второй методологический подход к определению типа нашей страны в перспективном плане. Вот выступление проф. Кондратьева в 1924 г. по вопросу о внешней торговле: «Дело идет все-таки чем дальше, тем больше под знаком ставки на признание необходимости включить себя в систему международного разделения труда, т. е. связи с мировым рынком. Поэтому ставка на автаркию может быть и должна быть и будет ослаблена». А дальше в той же речи это «ослабление» оформляется еще лучше: «Ставка на автаркию все больше и больше отпадает, мне кажется, исторически вполне естественно, она не может быть руководящим началом».

Вот второй методологический подход. Стремясь составить план реставрации капитализма в СССР, вредители пытаются дискредитировать и нарушить генеральную линию партии на создание самостоятельной социалистической индустрии, линию на то, чтобы сделать СССР страной независимой. Это нападение кулацких теоретиков на генеральную линию ВКП(б) проводилось под флагом «международного разделения труда», невозможности так называемой «автаркии» и т. д. Отсюда они выдвигали определенную вредительскую программу внешней политики, программу срыва монополии внешней торговли. Нападение на этом фронте проводилось в частности под лозунгом устранения «огульного протекционизма». Для теоретического обоснования этого лозунга в Наркомземе еще в 1924 г. был поставлен специальный доклад проф. Шапошникова.

Вот основной тезис этого реакционного профессора.

«Россия должна итти по пути протекционизма, но он должен носить более рациональный характер, чем это было в прошлом и есть в настоящее время, он должен иметь выборочный характер, нужно покровительствовать основным отраслям промышленности, а не всему тому, что может быть произведено в России»[1].

Этот же тезис с удовольствием развивает на том же заседании проф. Кондратьев.

[1] Доклад на пленуме Земплана 9/V 1924 г.

«Во-первых, если мы хотим развивать производительные силы народного хозяйства, мы должны и вывозить, если хотим вывозить, то должны и ввозить. Это очень важная и принципиально правильная позиция, в особенности если взять *à la longue*, а раз это верно, то мы не можем принять позиции огульного протекционизма, а должны стать на путь выборочного протекционизма, учитывая, что ввоз предписан как мера желательная, но и учитывая, что развитие ввоза важно для развития тех отраслей, которые мы охраняем».

А вот еще более открытая кулацкая вылазка с целью дискредитации монополии внешней торговли СССР.

«Социалисты всегда, — говорит Кондратьев, — между прочим грешили следующим: они были всегда, как правило, антипротекционисты, правда, до известного периода. И они чем мотивировали? Протекционизм задерживает развитие производства, истощает рабочий класс и т. д. Но когда социалисты получили власть в свои руки, они прекрасно стали протекционистами. Почему ругают Витте, а себя не ругают? Вы хотите поднимать промышленность путем протекционизма, и Витте содействовал поднятию промышленности».

Озлобившийся вредитель пытался дискредитировать генеральную линию партии на индустриализацию страны, сравнением протекционистской политики пролетариата с протекционизмом монархиста.

Однако этот номер дешево стоит. Владимир Ильич научил пролетариат на долгом опыте классовой борьбы и революции различать классовую сущность например оборончества при диктатуре капитала от обороны пролетарского государства, протекционизм буржуазии от протекционизма пролетариата и т. д.

Вредители пытались заменить политику монополии внешней торговли, как политику охранения и форсирования социалистической индустрии, политикой открытия дверей для ввоза промышленной продукции капиталистического происхождения. Как программа-минимум для этой цели требуется устранение таможенных рогаток, «огульного протекционизма» и т. д.

«Идея огульного протекционизма, связанная вообще со стремлением сжать импорт, неизбежно приводит к тому, что мы (?!) покровительствуем вообще всем отраслям, даже тем, которые по существу не имеют в современных условиях данных для развития.

Какие же отрасли не имеют у нас данных для развития? Вот ответ проф. Кондратьева.

«В интересах ослабления автаркии и усиления у себя тех отраслей, которые с точки зрения международного разделения труда для нас наиболее выгодны, наиболее народнохозяйственно эффективны, мы могли бы в этом направление выкинуть определенный лозунг и, с другой стороны, подойти к проблеме диференцированного отношения в вопросе протекционизма в промышленности... Это есть только ставка на те отрасли промышленности, которые с точки зрения развития

производительных сил народного хозяйства являются как раз наиболее эффективными».

Таким образом под маской «развития производительных сил народного хозяйства» вредители пытались утвердить в качестве основного критерия нашей индустрии и внешнеторговой политики «международное разделение труда» и «наибольшую эффективность для накопления той или иной отрасли».

Вредители знали, по какому месту они бьют. СССР был тогда страной наиболее отсталой, наиболее зависимой именно по линии тяжелой индустрии: машиностроение, и в частности с.-х. машиностроение, химия и т. д. По размерам капитальных затрат, срокам строительства, эффективности и т. д. наиболее трудно создание именно этих отраслей. Но ведь с кулацкой точки зрения эти отрасли не очень и нужны, ибо для снабжения кулака имеется дешевая капиталистическая заграничная индустрия.

То, что может дать дешевле и лучше заграница, то не нужно производить в СССР, поддерживать нужно лишь те отрасли, которые выгодны с точки зрения разделения труда. Все здесь подчинено «интересам» сельского хозяйства, в частности решение такой проблемы, как «аграрное перенаселение». В самом деле, мы видели уже, как кулаки опасаются нажима со стороны полупролетарских слоев деревни. Нужно иметь план избавления от этой опасности. А кулацкие профессора затем и существуют, чтобы такой план составить и попытаться его протащить. Этот план прост. С одной стороны, капиталистическое развитие деревни и рост с.-х. пролетариата, а с другой—индустрия, развивающаяся для обслуживания сельского хозяйства и оттягивающая из деревни опасную бедноту. Земля же этой пролетаризирующейся бедноты концентрируется в руках капиталистической верхушки деревни.

Такова «методология», положенная вредителями в основу выработки перспективных планов развития сельского хозяйства, методология, которую они всемерно и не всегда без успеха пытались протаскивать в наши планы, в нашу молодую, лишь зарождающуюся науку планирования. Вся эта классово-чуждая методология, будучи положена в основу построения с.-х. планов, неизбежно приводила к классово-чуждой системе мероприятий, намечаемой в этих планах. В частности буржуазные профессора имели свою концепцию в отношении отраслевого строения сельского хозяйства, вытекающую из их установок на капиталистические пути, формы и методы развития сельского хозяйства Конкретно дело сводилось к тому, что на период с 1923 по 1923 гг. в основу сельского хозяйства ставилась не зерновая проблема, а животноводческая.

На заседании Земплана Наркомзема РСФСР 18/VII 1924 г., где слушался доклад «о перспективном плане управления сельского хозяйства», докладчик Дмитриев так характеризовал основные задачи, стоящие, по его мнению, перед сельским хозяйством, и намечал пути их разрешения.

«Перед управлением сельского хозяйства стоят две задачи:

1) развитие сельского хозяйства вообще, для того чтобы

накормить, одеть и обуть население республики и 2) развитие тех отраслей, которые дадут ему возможность накопить капитал для реорганизации своего хозяйства. Эти две задачи мы должны решать одновременно, но конечно **наибольшая напряженность, наибольшие силы будут направлены на вторую, так как нам прежде всего нужно накопить** капитал, а затем уже приниматься за реконструкцию хозяйства...» «следовательно, обстоятельства ближайшего будущего заставили в плане обратить особое внимание на те отрасли, которые соединяют в себе признаки первой и второй, т. е. являются наиболее нужными для населения в смысле предоставления пищи, одежды и т. д. и вообще имеют высокую товарность. Такой отраслью прежде всего является животноводство в целом, а потому и в системе мероприятий, и в расходовании средств, и в количестве мероприятий вы увидите, что животноводство у нас занимает превалирующее положение».

«Затем идет вторая группа—земледелие. Прежде всего земледелие стоит на втором месте не потому, что играет меньшую роль в народнохозяйственном балансе,—земледелие в три раза больше занимает места в доходе, чем животноводство,—но в перспективах на ближайшие пять лет и вообще в связи с перестройкой хозяйства,—животноводство является более актуальным».

Прежде всего бросаются в глаза так называемые «задачи», поставленные на разрешение в перспективном пятилетнем плане. Первая задача—«внеклассовая», «вечная» истина—развивать сельское хозяйство «вообще», чтобы одеть, обуть и накормить население. Однако эта общая задача подчинена второй, уже более конкретной—«накоплять капитал для реорганизации своего хозяйства». Причем намечается замечательное соотношение между накоплением и реконструкцией: сначала накопление капитала, а потом реконструкция. То, что вскоре после этого было выдвинуто правым оппортунизмом как попытка развязать капитализм, позволив ему «накоплять в добрый час», «обогащаться» и т. д., все это, как мы видим, уже было сформулировано устами кулацких реставраторов.

В сущности говоря, проф. Дмитриев, как докладчик, был просто выразителем кулацкой программы, ибо его тут же энергично поддерживал проф. Макаров, как известно, бывший членом ЦК кулацкой партии. Вот его формулировка соотношений отраслей сельского хозяйства на 1923—1928 гг.

«Считаю неправильным то, что зерновое хозяйство у нас основное... На зерновом хозяйстве мы в России достаточно обанкротились».

А отсюда последовательно намечалась и очередность задач. На первом месте ставилась не зерновая проблема, на базе решения которой единственно возможно решение и всех остальных задач, а проблема животноводства. Аргументом за такую очередность было преимущество животноводства перед зерном с точки зрения товарности, капиталонакопления, одним словом преимуще-

ства для товарнокапиталистического пути развития сельского хозяйства.

И докладчик Дмитриев, отводя упрек одного из ораторов в том, будто бы он докладывал как «теоретик», вполне резонно и справедливо признался: «Я в достаточной степени практик. Всю эту систему, весь этот план земская агрономия проводит практически достаточно долго. В этом плане мы ничего нового не выдвигали». Вот это действительно верная характеристика социально-экономического смысла вырабатывавшейся ими пятилетки. В лучшем случае план проф. Дмитриева—это план земской агрономии. А что означает политически, в условиях пролетарской диктатуры, наметить пятилетний перспективный план развития сельского хозяйства в духе земской агрономии? Это политически означает наметить программу реставрации капитализма в СССР, совершить вредительство по отношению к построению социализма. Яркое проявление реставраторские установки получили и в такой весьма важной части в области мероприятий, как землеустройство. Пожалуй больше, чем в какой-либо другой конкретной работе, вредители сумели именно по линии землеустройства повлиять на политику НКЗ и провести свои установки в низовую практику.

Реставраторы стояли целиком на столыпинских позициях. Форсировать насаждение хуторов и отрубов; расселять большие села на мелкие поселки; распылять, разобщать сельское население; форсировать создание основ для индивидуалистических форм хозяйствования, а тем самым вредить делу социалистической реконструкции сельского хозяйства, делу коллективизации. Таковы в кратких чертах основные «теоретические» установки. Такова «методология планирования» вредителей, таков характер мероприятий, которые высказывали, защищали и пытались провести в наши планы кулацкие профессора.

•

Материалы Земплана НКЗ РСФСР, рассмотренные нами здесь, показывают, что кулачество в лице своих идеологов вело упорную, непримиримую борьбу и на плановом фронте. Кулацкие профессора пробирались на ответственные участки плановой работы и, пользуясь правыми оппортунистами в аппаратах, пользуясь бесхребетностью, размагниченностью, отсутствием бдительности у отдельных коммунистов, толкали СССР на путь капитализма. С этой целью они пытались навязать специальную «методологию» «планирования», выведенную из условий капиталистического, стихийного хода развития сельского хозяйства и направляющую его к капитализму, но отнюдь не к социализму. И поскольку в условиях первых опытов построения пятилеток НКЗ не имел ленинской методологии планирования, но зато имел в своих недрах правых оппортунистов, вредители не без успеха делали свое каиново дело в планировании.

В дальнейшем, на анализе перспективного плана НКЗ на 1923—1928 гг. попытаемся выяснить, в какой мере и в каких

частях удалось буржуазным реставраторам провести свои установки в методологию и свою систему мероприятий в план государственных учреждений. Этим путем мы обнаружим степень буржуазного влияния на советский аппарат и на отдельных коммунистов и т. д., что в свою очередь позволит нам получить ответ, почему и как была возможна в советском аппарате, при руководстве коммунистов, вредительская работа буржуазных профессоров.

Буржуазные влияния в перспективном плане НКЗ РСФСР на 1923—28 гг.

В предыдущих разделах мы дали характеристику взглядов ряда буржуазных профессоров, выражавших экономические и политические интересы кулачества в СССР и оказавшихся вредителями. Эти профессора занимались в Наркомземе РСФСР вопросами планирования сельского хозяйства.

Свои взгляды вожди кулацкой реставрации весьма энергично и настойчиво высказывали и защищали в процессе работы в Наркомземе. И мы ставим перед собой вопрос: удавалось ли кулацким профессорам влиять на плановую работу как отдельных руководителей-коммунистов аппарата Наркомзема, так и на те планы, которые принимались Наркомземом как программа реконструкции сельского хозяйства? Рассмотрим официальные плановые документы Наркомзема, принятые как перспективные программы его действий.

Сравнивая планы Наркомзема и программу кулацких профессоров, мы установим непосредственное влияние последних на построение с.-х. планов.

Возьмем прежде всего перспективный план НКЗ РСФСР на 1923—1928 гг. в виде двух документов: а) «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», опубликованный как выпуск V трудов Земплана и б) доклад проф. Кондратьева от имени Наркомзема в июле 1925 г. на президиуме Госплана.

Прежде всего послушаем, как трактуется в плане наша социально-экономическая система. «Основы» плана начинаются такого рода предисловием:

«В условиях частно-капиталистического строя основным регулятором народного хозяйства является стихийно складывающийся рынок с его системой цен и сменяющихся конъюнктур.

При переходе этого режима в режим государственного капитализма точно также предполагается существование рынка, а следовательно и его регулирующее воздействие. Однако режим государственного капитализма обладает уже той новой особенностью, что в условиях этого режима рынок и народное хозяйство определяются не только стихийными факторами, но в значительной степени и факторами рациональными, а именно: регулирующим воздействием государства. Режим государственного капитализма поэтому является режимом капитализма, пытающимся упорядочить процессы народнохозяйственной жизни

путем сознательного и глубокого вмешательства государства. Сознательное упорядочивающее воздействие государства по своему существу предполагает план воздействия на народное хозяйство. Вот почему государственный капитализм является в то же время и режимом планового хозяйства»[1].

В приведенной цитате говорится о системе госкапитализма и о роли планирования в этой системе. На первый взгляд представляется, что здесь речь идет не о СССР, а о госкапитализме, как определенном экономическом выражении диктатуры капитала, скажем в период империалистической мировой войны. Однако это не так. Наркомзем считает, что «идея плана и планового хозяйства, свойственная уже государственному капитализму вообще, приобретает лишь особенно большое и жизненное значение в условиях такого общественного строя, когда государственная власть находится в руках пролетариата».

Итак здесь прежде всего необходимо отметить два момента. Первый, что госкапитализм рассматривался Наркомземом как принципиально новый этап капитализма, ибо при режиме госкапитализма налицо «новая особенность». Причем это не какая-нибудь несущественная особенность, это—особенность основная, а именно, что «рынок и народное хозяйство определяются... в значительной степени и факторами рациональными, а именно— регулирующим воздействием государства». Особенность не в чем-нибудь, а в «упорядочении процессов народнохозяйственной жизни путем сознательного и глубокого вмешательства государства». А отсюда, само собой понятно, Наркомзем приходил к выводу, что в отличие от капитализма, как стихийного хозяйства, «государственный капитализм является в то же время и режимом планового хозяйства». Следовательно совершенно ясно, что Наркомзем считал, что капитализм по своей природе не есть обязательно стихийная, анархическая система производства, где стихийность и анархия определяются самим способом производства, основанным на частной собственности на средства производства и на эксплоатации рабочего класса. Наркомзем считал, что в рамках капитализма и на базе капиталистического способа производства возможно «организованное» или, иначе говоря, плановое хозяйство.

Мы видим таким образом, что кулацкие профессора повлияли на план Наркомзема и перевели его в этом пункте на позиции буржуазной экономики.

Второй момент, связанный теснейшим образом с первым, состоит в утверждении, что народнохозяйственная система пролетарской диктатуры в СССР есть также система государственного капитализма. Таким образом отношение народнохозяйственного строя СССР к госкапитализму получается такое же, как отношение частного к общему. Что именно так, а не иначе понимал Наркомзем нашу систему, видно из следующего положения:

«Необходимость плана была очевидна в эпоху военного ком-

[1] «Труды Землана», 1924, вып. V, стр. 4.

мунизма. Необходимость эта в полной мере сохранилась и при условиях государственного капитализма, при условиях признания рынка. Государственный капитализм тем и отличается от частного капитализма, что он является капитализмом упорядоченным со стороны государственной власти. Если в частно-капиталистических странах развитие народного хозяйства в целом идет под давлением частнохозяйственных интересов, идет стихийно, без руководства единой волей, то путь государственного капитализма неизбежно связан с организационным воздействием государства на стихийный процесс хозяйственной жизни»[1].

Для всякого мало-мальски внимательно прочитавшего эти строки не может остаться ни малейшего сомнения, что Наркомзем РСФСР в 1924 и 1925 гг., строя перспективный план развития сельского хозяйства на 5 лет, исходил из признания в СССР строя государственного капитализма.

Такое учение о госкапитализме ничего общего не имеет с ленинизмом. В своей брошюре о продналоге, написанной в апреле 1921 г., т. Ленин так определял госкапитализм, его роль и значение.

«Весь вопрос,—как теоретический, так и практический,—состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» (разрядка наша—*М. К.*).

Вопрос поставлен, и ответ дан такой, что кривотолк невозможен. Ленин разъясняет, что на известный срок и в известной степени в условиях новой экономической политики, конечно, неизбежно развитие капитализма. И пролетарская диктатура должна «найти правильные способы» направить этот капитализм в русло государственного капитализма. Следовательно речь идет не о госкапитализме как системе народного хозяйства СССР, а речь идет о госкапитализме как укладе, о подчинении пролетарской диктатуре начинающего возраждаться капитализма. Именно госкапитализм и есть та форма, при посредстве которой облегчается «учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капитализмом». Госкапитализм есть одна из форм экономических отношений между советским государством и капиталистами на известном этапе, когда наша промышленность и сельское хозяйство только приступили к ликвидации разрухи.

Мы знаем, как крепко осудил XIV съезд партии (18—21/XII 1925 г.) так называемую ленинградскую оппозицию за извращение учения Ленина о природе нашей экономики.

XIV съезд партии, дав еще раз исчерпывающие разъяснения о последовательно-социалистическом, а не госкапиталистическом характере предприятий, находящихся в руках пролетарского государства, подчеркнул ведущую роль социалистической индуст-

[1] «Труды Земплана», вып. V, «Основы перспективного плана», стр. 5.

рии в построении социализма и выдвинул решающий лозунг для целой эпохи переходной экономики СССР, лозунг индустриализации страны.

Однако Наркомзем в 1924 и 1925 гг. строит перспективный план, исходя из антиленинского, буржуазного понимания нашей госпромышленности и экономики в целом. Кулацким профессорам удалось протащить в перспективный план свои установки в вопросе о природе нашей экономики.

Возьмем другой вопрос—о социалистической переделке мелкотоварного производства деревни. Для такого наркомата, как Наркомзем, этот вопрос, особенно при составлении перспективного плана сельского хозяйства на пять лет, должен быть центральным. Для решения этого вопроса и должен быть организован весь план сельского хозяйства.

Как же ставился этот вопрос в рассматриваемом нами плане?

Приведем следующую центральную установку Наркомзема.

«Крупное коллективное хозяйство как высшая форма организации сельского хозяйства может быть осуществлено лишь при условии, во-первых, высокой организованности масс сельского населения, во-вторых, при условии уже высокого развития производительных сил сельского хозяйства и индустрии, а следовательно значительного накопления материальных средств в народном хозяйстве. Социалистическая форма земледелия мыслима на таком уровне организованности населения и развития производительных сил народного хозяйства вообще и сельского в частности, на котором индивидуальная форма хозяйства является уже формой, тормозящей их развитие (разрядка наша—*М. К.*). Нужно признать, что в настоящее время в действительности только намечаются эти предпосылки. Если индивидуальная форма измельчавших хозяйств является бесспорным тормозом развития сельского хозяйства, то степень организованности масс, культурный уровень их и их хозяйства далеко не подготовлены для полного освоения коллективного начала в хозяйстве. Вот почему было бы нежизненно выдвигать как единственную форму: через коллективное земледелие к развитию производительных сил и организованности сельского населения. Более жизненная формула—через развитие производительных сил и через усовершенствование организационных форм хозяйства, а также через организацию населения к высшему развитию производительных сил, и, сооответственно, к коллективной форме хозяйства. Иначе говоря, осуществление задачи высшего развития производительных сил сельского хозяйства и соответствующая ему коллективная форма земледелия должна рассматриваться не статически, не как форма, которую полностью можно насадить по желанию, осуществить целиком в любой момент, а динамически, как форма, которая рождается и растет в процессе развития сельского хозяйства и организации сельского населения»[1].

[1] «Труды Земплана», 1924, вып. V, стр. 30.

Прежде чем начать разбор этой «колхозной» установки НКЗ, припомним «теорию» о колхозах кулацких профессоров. Их теория, как мы знаем, состояла в утверждении, что наше колхозное движение «стихийно», что оно исключительно бедняцкое, что если и имеется какой-либо смысл в этом процессе, то лишь как способ бедноты поднажиться в колхозе и разойтись середняками. Поскольку же коммунистическая партия имеет твердую линию на социалистическую переделку бедняцко-середняцких слоев деревни через их коллективизацию, то вредители выдвигали следующий тезис, маскирующий их план сорвать коллективизацию: необходимость создать предварительно весьма высокую технику в сельском хозяйстве и лишь тогда коллективизировать его, причем вредитель Макаров даже трактор не считал достаточным техническим базисом для коллективизации. Или, как формулировал вредитель Кондратьев,—«надо отправляться от вопроса о развитии самих производительных сил, а как это отразится на народном хозяйстве, об этом потом будем иметь возможность сказать». Итак прежде всего развитие производительных сил, а чьих производительных сил и как это отразится на народном хозяйстве—на это концепция вредителей давала ясный капиталистический ответ. Однако в официальном документе Наркомзема все же невозможно провести неприкрытую контрреволюционную постановку вопроса о коллективизации. Вредительство слишком бросалось бы в глаза и повредило бы им самим. Их задачей являлось оказывать влияние на планирование социалистической реконструкции в смысле отнесения задачи коллективизации к числу весьма отдаленных и для проектируемой пятилетки не актуальных. Теперь мы знаем, что в то же время кулацкая партия и агенты международного империализма в лице Промпартии намечали именно на 1928 год контрреволюционный переворот в СССР и интервенцию. Поэтому тактически для их целей было весьма необходимо под прикрытием той или иной «теории» дезориентировать работу по планированию одного из важнейших наркоматов, используя для этого правый оппортунизм коммунистов этого наркомата, соответствовавший их тактическому расчету и фактически срывавший проблему коллективизации на целое пятилетие.

Правда, возможность коллективизации в плане не отрицается. В одном месте говорится даже о ставке на нее. Однако все это тотчас же аннулируется и перекрывается фактической установкой, отрицающей коллективизацию. При каких условиях возможна коллективизация по плану Наркомзема? Что нужно сделать для того, чтобы ее осуществить? Указывается два условия, причем значение их для коллективизации по мысли плана категорическое. Она считается возможной лишь в том случае, если эти условия будут выполнены.

Рассмотрим первое условие: высокая организованность масс сельского населения. Это совершенно нереволюционное, неконкретное, необъятно расплывчатое условие. Это ни в коей степени не условие, выдвигаемое пролетарской диктатурой. Что значит

«высокая организованность», «культурный уровень» и т. д.? Кто организует, кто организуется? В каких формах, для чего организуются массы? Ведущей роли пролетариата и социалистической индустрии нет в этом условии и в помине. И кулаки для своих целей не прочь «организовать массы». И капиталистическому фермеру нужна «культура». Где же, по мысли составителей плана, кроется тот предел организованности вообще, культуры вообще, за которым открывается возможность коллективизации? Требуется лишь «высокая» организованность и культура. В то же время констатируется, что в данное время условия для коллективизации «далеко не подготовлены». По сути дела это условие не что иное, как кулацко-эсеровская болтовня, давно известная нам из старых эсеровских программ. В данном случае она еще раз пригодилась для вредительства в деле планирования коллективизации. Что это именно так, доказывается вторым условием—требованием высокого развития производительных сил сельского хозяйства. Какой же «высоты» им нужно достичь? Оказывается, уровень развития производительных сил должен быть таков, когда не только в индустрии, но и в сельском хозяйстве в «частности» «индивидуальная форма хозяйства является уже формой, тормозящей их развитие». Таким образом, по замыслу плана, как в момент его составления, так и в планируемый период, состояние производительных сил сельского хозяйства не позволяет еще проводить коллективизацию, ибо «в настоящее время в действительности только намечаются эти предпосылки». Отсюда ясно, что для создания этих предпосылок избирается товарно-капиталистический путь. Иначе и быть не может, ибо по замыслу плана при высоко-развитом, крупном индивидуальном хозяйстве индивидуальные формы хозяйства не будут препятствием развития сельского хозяйства. Эта мысль проводится весьма определенно, но и весьма ловко в тезисе, где говорится, что «индивидуальная форма измельчавших хозяйств является бесспорным тормозом развития сельского хозяйства». На первый взгляд этот тезис кажется даже правильным и противоречащим всей рассматриваемой нами установке. Однако это не так.

Нападение ведется не на индивидуальные формы, а на измельчание хозяйств. Между строк здесь превосходно проведена мысль, что индивидуальные формы крупных хозяйств таким тормозом не являются. Что эта, а не иная мысль лежит в основе, доказывается выводом из этого тезиса. А вывод сделан именно тот, который нужен вредителям. Если бы тормозом являлась индивидуальная форма мелкого сельского хозяйства, то вывод ясен—надо наметить и осуществлять план коллективизации. Наркомзем однако принял тезис другой—тормозом является измельчавшее хозяйство и именно поэтому нет предпосылок для коллективизации, так как «степень организованности масс, культурный уровень их и их хозяйств далеко не подготовлены». В итоге вполне готова почва для махрового вредительского обобщения и «формулы» пятилет-

него плана развития сельского хозяйства. А именно,—не через коллективизацию к развитию производительных сил и социалистической организованности сельского населения, а наоборот, «через развитие производительных сил и через усовершенствование организационных форм хозяйства», да и то еще не к коллективизации, а прежде всего «к высшему развитию производительных сил» и уже тогда к коллективизации. Следовательно, намечен на весьма большие сроки следующий путь развития сельского хозяйства: от мелкого индивидуального хозяйства к развитию производительных сил, но не к колхозам, а к крупному индивидуальному хозяйству с усовершенствованной организационной формой, т. е. к хозяйству «оптимальных» крупно-кулацких размеров, с передовой капиталистической техникой, с правильным севооборотом, с высокой товарностью и капиталонакоплением и т. д.

Иного классового смысла здесь нет, ибо Наркомзем в этом же плане написал: «Действительно, путь преодоления отсталости и индивидуальной ограниченности современного сельского хозяйства может быть или через развитие чисто буржуазных форм экономического режима или через коллективизацию хозяйства». В этом Наркомзем вполне отдавал себе отчет. Но он отдавал себе отчет и в том, что в длительной перспективе нужно иметь в виду целый период формирования товарно-капиталистическим путем ряда категорических условий. Такая формула вполне увязывается с программой кулацкой партии, являясь выражением тактического отрезка их реставраторской стратегии. И наконец план увенчивается поистине гармоническим методом возникновения колхозов из капиталистического процесса: устанавливается, что колхоз есть форма, «которая рождается (?) и растет в процессе развития сельского хозяйства и организации сельского населения». Как видим, дана прекрасная формулировка теории самотека, являющейся выражением антиленинского и по существу кулацкого понимания экономики СССР.

Если мы поставим перед собой вопрос, был ли рассматриваемый план Наркомзема отрезком реализации кооперативного плана Ленина, то ответ может быть дан лишь один: этот план не только не был таким отрезком, но, наоборот, был планом вредительства в отношении осуществления кооперативного плана Ленина.

Если взять решения XIV съезда, происходившего в 1925 г., т. е. в том же году, когда докладывалась эта с.-х. пятилетка, то в резолюции по отчету ЦК мы читаем: «Не имея этой массы (среднего крестьянства—*М. К.*) в качестве прочного союзника или ограничиваясь одной лишь нейтрализацией этих слоев, теперь, после упрочения пролетарской диктатуры, нельзя строить социализма. Ибо основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государствен-

ных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы» (разрядка наша—*М. К.*).

Стоит только сравнить эту постановку вопроса о коллективизации с наркомземовским перспективным планом сельского хозяйства на 1923—1928 гг., чтобы обнаружить их классовую разницу.

Или возьмем речь т. Сталина на том же XIV съезде. Развертывая лозунг форсированной социалистической индустриализации СССР, т. Сталин говорит: «строя социализм, мы должны оперировать не только миллионами, но и десятками миллионов людей из деревни. Иначе нельзя строить социализм. Социализм захватывает не только город. Социализм есть такая организация хозяйства, которая объединяет промышленность и земледелие на началах обобществления средств и орудий производства. Без объединения этих двух отраслей социализма невозможен».

Мы здесь сознательно не приводим более поздних трактовок и решений партийных съездов по вопросам социалистической реконструкции сельского хозяйства, чтобы в условиях одного и того же периода более ярко выявить классовое различие установок пролетариата в документах партии и установок кулачества, преподнесенных в несколько завуалированной форме в плановых документах Наркомзема. Причем нужно прямо сказать, что формулировки правого оппортунизма были более чем приемлемы и вполне достаточны для Кондратьевых, как вуаль кулацкой сущности, в них заключенной. Таким образом и в трактовке проблем коллективизации перспективный план был под влиянием вредителей. Последним удалось использовать правых оппортунистов из Наркомзема как рупор своих целей. И действительно, во всем огромном плане Наркомзема о колхозах больше нет ни слова, так же как нет и плана совхозов.

Пойдем дальше. Если по установкам плана Наркомзема в нашей стране с преобладавшим тогда мелко-товарным производством государственная промышленность и вся социально-экономическая система является госкапиталистической и в то же время простое товарное хозяйство может стать социалистическим, лишь пройдя особую, длительную стадию развития производительных сил, организации хозяйства, культуры и т. д. в формах товарно-капиталистического типа,—то в таком случае весь тип развития нашей экономики в перспективном плане получает особые черты. В интересах какого класса эти черты—догадаться вовсе не трудно. Короче говоря, план проектирует СССР, как тип аграрной страны с индустриальным добавлением, нужным в интересах сельского хозяйства.

Для выражения в завуалированном виде **такого** характера развития нашей экономической системы придумывается «ученая» формула «двустороннего типа народного хозяйства». А по существу за этой формулой скрываются очень значительные вещи. Нужно иметь все время в виду, что речь идет о перспективном плане развития сельского хозяйства **на пять лет**. При этом, казалось бы, выступают коренные вопросы социалистической реконструкции страны, социалистическая индустриализация, прежде всего курс на скорейшее создание технических основ нашей экономической независимости и усиления нашей международной мощи, коллективизация бедняцко-середняцких масс деревни через организацию системы рычагов экономического и политического воздействия при определяющей, активной, ведущей роли социалистической индустрии. Однако в плане Наркомзема все основы перспектив иные, чем у партии. Основным на пятилетие объявляется сельское хозяйство.

В докладе Наркомзема президиуму Госплана СССР от июля 1925 г. дается определенная формулировка типа развития страны и соотношения между индустрией и сельским хозяйством.

«Учитывая, что для ликвидации аграрного перенаселения и увеличения емкости рынка с.-х. товаров индустриализация страны является решающим фактором, мы должны стремиться к усилению удельного веса индустрии в нашем народном хозяйстве. Эту мысль мы формулируем как **ставку на двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства**».

Что перспектива хозяйства СССР намечалась как аграрная— видно из приведенной цитаты. Индустриализация страны нужна, мол, лишь как фактор **для сельского хозяйства**, а конкретно «для ликвидации аграрного перенаселения и увеличения емкости рынка с.-х. товаров». Вот какой подход был у Наркомзема в основе проектировки типа будущего хозяйства страны. Вот какой смысл вкладывается в так называемую «двусторонность» развития.

Стоит только припомнить «установки» вредителей по тому же вопросу, приведенные выше в соответствующей главе, чтобы сразу же узнать их в этом плане.

А отсюда Наркомзем намечал и линию с.-х. политики на пять лет.

«Толчок к росту народного хозяйства, к ускорению этого роста и к индустриализации страны, а также обеспечение устойчивого развития индустрии на первых порах могут быть достигнуты только при обращении **основного** внимания на условия и на темп развития сельского хозяйства». И дальше: «Но если мы хотим накопления капитала, если мы хотим скорейшего переоборудования промышленности, то это может быть достигнуто легче и быстрее всего на путях развития сельского хозяйства и быстрого увеличения с.-х. экспорта. На этом пути мы обеспечиваем накопление средств в стране и увеличиваем емкость рынка для

фабрикатов, на этом пути мы обеспечиваем импорт необходимых для промышленности орудий и средств производства»[1].

«Таким образом, ясно, что развитие промышленности предполагает развитие сельского хозяйства. Вот почему, выдвигая, как основную, ставку на двусторонний, тип народного хозяйства СССР, кратчайший путь ее осуществления нужно видеть прежде всего в развитии сельского хозяйства».

Наркомзем устами проф. Кондратьева в 1925 г., т. е. в год XIV съезда, давшего лозунг индустриализации страны, провозгласил другой лозунг—аграризации страны. «Основное внимание,—провозглашает Кондратьев,—на условия и на темп развития сельского хозяйства». Сначала мощный подъем и капиталонакопление в сельском хозяйстве, а затем и в меру этого—развертывание промышленности. Именно «на этом пути», мол, накопятся и средства в стране, и будет возможен импорт для промышленности.

Сравнив программу контрреволюционера Кондратьева о типе и перспективах хозяйства в СССР с его докладом Госплану СССР от имени Наркомзема, мы видим, что установки буржуазной реставрации целиком перенесены в план.

Как высшую ступень наглости и развязности следует отметить ссылку на Владимира Ильича, будто бы завещавшего то же самое, что преподносит Кондратьев. Вот, мол, вы все забыли Ленина, а я его вам восстанавливаю. Вредитель Кондратьев сознательно извратил учение Ленина. Ленин говорил вовсе не то же самое и совсем в другой период, а именно, когда нужно было после жесточайшей разрухи в результате империалистической и гражданской войны оживить разрушенное и обнищавшее сельское хозяйство, чтобы дать стране продовольствие, дровяное топливо и т. д. и тем пустить в ход парализованную промышленность.

И опять-таки реставраторский маневр, развиваемый в плане кулацким профессором, совпадает с линией, предлагавшейся и защищавшейся правыми оппортунистами в ВКП(б).

Мы приводили здесь доклад Кондратьева в Госплане отнюдь не как его личный доклад, а как план НКЗ РСФСР. Замнаркомзем и председатель Земплана т. Теодорович заявил: «доклад Кондратьева является коллективной работой Земплана и коллегии НКЗ. Доклад здесь прочитан по поручению всего Земплана и одобрен в общем и целом коллегией, отметившей марксистский (?) подход к этой работе... Ленин неоднократно указывал, что главное зло русского сельского хозяйства состоит в том, что благодаря остаткам крепостничества и феодализма в нашем сельском хозяйстве не намечалось развития капиталистических отношений. Поэтому В. И. до 1917 г. делал в этом вопросе ставку на фермера, на американский тип развития сельского хозяйства... В последнем своем труде (о продовольственном налоге) Ленин говорит, что

[1] Доклад *Кондратьева* в президиуме Госплана СССР об основах перспективного плана НКЗ на 1923—1928 гг., 26/VII 1925 г.

каждый член коммунистической партии должен понять, что капитал есть зло в сравнении с социализмом, но добро в сравнении с распыленностью, и мы должны не мешать концентрации его, направлять его в русло государственного капитализма».

Трудно придумать более сильное извращение марксизма и ленинизма! Во-первых, т. Теодорович не только не повел борьбы, но целиком взял под свою защиту кулацкого профессора Кондратьева, объявив его марксистом.

Во-вторых, т. Теодорович неслыханно оклеветал и опошлил учение Ленина о кооперативном плане и построении социализма в СССР.

Если Ленин вскрывал и бичевал дореволюционную экономику России в тех условиях, когда «американский» путь развития был прогрессивным, то отсюда никак не следует, что Владимир Ильич делал «ставку» на фермера и что будто по Ленину после Октябрьской революции, при диктатуре пролетариата, лишь улучшились условия для фермерского, капиталистического пути развития сельского хозяйства. Тов. Теодорович в этом пункте променял ленинизм на троцкизм и кондратьевщину.

Тов. Теодорович совершенно не понял коренных причин новой экономической политики, не понял условий и роли, которые были отведены частному капиталу и госкапитализму в плане Ленина по построению фундамента социалистической экономики.

Гениальный маневр Ленина Теодорович превратил в вечную добродетель и объявил капитализм вообще благом по сравнению с мелким товарным хозяйством, в том числе и при диктатуре пролетариата. А отсюда лозунг Теодоровича на пятилетие 1923—1928 гг.—«не мешать концентрации» капитала, лишь направляя его в русло госкапитализма.

Такова «линия» Теодоровича.

Это выступление Теодоровича являлось в высшей степени правооппортунистическим извращением учения Ленина о природе нашей экономики, о путях развития сельского хозяйства, о роли и значении элементов капитализма в народнохозяйственной системе СССР.

Кто является творцом и кто учеником и глашатаем этой «теории»? Кулацкие профессора—творцы «теорий» своего класса, а правые оппортунисты в ВКП(б)—их ученики, глашатаи и защитники.

Это достаточно ярко вскрыто в докладе т. Сталина на XIV съезде партии.

«Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии. Она получила свое выражение недавно в тезисах т. Шанина. Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда или почти никогда не могла бы по-настоящему индустриализироваться; наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся

на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства. Это не наша линия (разрядка наша—*М. К.*).

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии тем ресурсам, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательная, пока есть капиталистическое окружение».

Достаточно сравнить «не нашу» линию в определениях т. Сталина с линией Кондратьева, чтобы видеть, что, во-первых, эта «не наша линия» Шанина—Теодоровича есть кулацкая линия и, во-вторых, что эта кулацкая линия проведена в перспективном плане Наркомзема.

Мы дали здесь краткую характеристику основных установок первой пятилетки Наркомзема. Установки эти оказались или прямо кулацкими или кулацкими с правооппортунистической вуалью. Тем самым уже в решающей степени предопределены как понимание плана в нашей экономике, так и методология его построения.

Что такое план в наркомземовском толковании? На эту тему мы читаем следующее: «Государственное регулирование сельского и лесного хозяйства по самому существу своему предполагает наличие плана этого регулирования. Только при наличии плана путем регулирования можно достигнуть с наименьшими усилиями максимальных результатов в области восстановления сельского и лесного хозяйства, можно обеспечить в наибольшей степени желательное направление его развития и сохранить необходимое влияние государственной власти на стихийные процессы этого развития»[1].

К чему сводится план в такой трактовке? К тому, что если государство находит необходимым регулировать хозяйство, то без плана оно этого делать не может. План—это план только регулирования хозяйства. Следовательно где-то существует хозяйство, а где-то рядом—государство, и вот последнее, регулируя хозяйство, вырабатывает тот или иной план.

Повидимому Наркомзем считает возможным для пролетарского государства хозяйство и без плана, а план является только для регулирования, только способом достичь «с наименьшими

[1] «Труды Земплана», вып. V, стр. 5.

усилиями максимальных результатов», «обеспечить в наибольшей степени желательное направление его развития и сохранить необходимое влияние государственной власти на стихийные процессы этого развития». Выходит, что план это не основной, присущий социализму, способ и орудие расширенного воспроизводства социалистической экономики через индустриализацию страны, через кооперирование и коллективизацию мелких товаропроизводителей, через уничтожение капиталистов. Эти истины, известные задолго до составления плана на 1923—1928 гг., были чужды его составителям. Характеристика, данная «понятию перспективного плана» сельского хозяйства СССР, может быть без особых изменений отнесена и к капиталистической системе регулирующих мероприятий, как некоему «плану», намечаемому например каким-либо департаментом земледелия. Да и сами составители не видят надобности в искании особенностей наших планов. У нас ведь, по их учению, система государственного капитализма, а «государственный капитализм тем и отличается от частного капитализма, что он является капитализмом, упорядоченным со стороны государственной власти. Если в частнокапиталистических странах развитие народного хозяйства идет стихийно, без руководства единой волей, то путь государственного капитализма неизбежно связан с организационным воздействием государства на стихийный процесс хозяйственной жизни».

План по Наркомзему—это ни в коем случае не закон развития, не основной метод расширенного воспроизводства социализма. Это ни в коем случае не активный, все пронизывающий, метод реконструкции, построения социализма, и уничтожения капитализма через систему социалистических рычагов прямого и косвенного воздействия и руководства. Нет. План—это просто ряд мероприятий, намеченных государством на основе стихийных законов и лишь в меру этих законов регулирующих движение в желательном направлении. Никаких принципиальных отличий плана в СССР от плана работы любого капиталистического министерства! В частных выступлениях вредителей это сформулировано весьма ярко. Но, как видим, достаточно ярко эта идея проведена и в плане.

Одной из задач вредителей было дискредитировать план, подорвать у рабочих и крестьян доверие к плану, разрушить созданную нами огромную значимость плана в деле социалистического строительства.

Можно уже не сомневаться, что на «базисе» таких «установок» по решающим вопросам нашего хозяйственного строительства и методы построения плана применены вредительские.

Перспективный план Наркомзема оценивал социально-экономический строй СССР как госкапитализм. Отсюда понятны само собой пути, формы и методы развития народного хозяйства, а следовательно и методы построения перспективных планов сельского хозяйства.

И действительно не стоит большого труда показать, что методологический инструментарий построения разбираемого нами

перспективного плана сельского хозяйства Наркомзема на 1923—1928 гг. тот же, что выработали вредители, будучи его ответственными сотрудниками.

Разбирая архивы плановой кухни Наркомзема—Земплана, где поварами были вредители, а заведующими—правые оппортунисты, мы выявили, что вредители предложили Наркомзему вооружиться такими «методами», как «динамические коэфициенты», «тенденции», «минимумы», «модели» и т. д. Как показано выше, эти «методы» выведены из вульгарно понятых «эмпирических закономерностей» товарнокапиталистического общества и приложены к обществу пролетарской диктатуры с тем, чтобы повредить социалистическому строительству, толкнуть СССР на капиталистический путь «развития производительных сил», «равновесия» и т. д. Прежде всего проследим в действии вредительский метод «генетики» и «тенденций».

Анализируя тенденции сельского хозяйства как в системе капитализма, так и в условиях пролетарской диктатуры, т. е. в системе строящегося социализма, Наркомзем выдвигает такой всеобщий «надклассовый» критерий «тенденций».

«Переходя к экономическому анализу этой эволюции сельского хозяйства, необходимо прежде всего условиться в том основном критерии, с точки зрения которого нужно производить этот анализ. Таким критерием является критерий развития производительных сил»[1]. Таким образом оценка путей, форм и методов развития будет зависеть от того, удовлетворят ли они росту производительных сил вообще, а какого типа производительных сил—социалистических или капиталистических, это для «объективных» составителей перспективного плана Наркомзема на первый взгляд значения как будто не имело. Однако в сельском хозяйстве СССР, особенно в период составления данного плана, возможны были два пути развития — путь капитализма через ставку на индивидуального зажиточного и кулацкого хозяина и путь социализма через ставку на коллективизацию при одновременном подъеме уровня благосостояния бедняцко-середняцких масс деревни. Линия коммунистической партии и советской власти была на коллективизацию, на осуществление кооперативного плана Ленина методами, им указанными. Наркомзем же, как видим, выдвинул кондратьевский критерий, которым можно оправдать именно капиталистический путь. Как раз с этой целью и был выдвинут вредителями этот критерий.

Итак «критерий» анализа найден. За «методами» анализа дело не станет.

«Из внимания к особенностям сельского хозяйства всему построению плана придан в значительной мере генетический характер. В силу этого предполагаемый план отправляется от анализа тенденций фактического стихийного развития сельского хозяйства. Лишь затем он дает анализ этих тенденций и устанавливает, какие из них имеют

[1] «Труды Земплана», вып. V, стр. 15.

жизненное положительное значение и какие нет, какие должны поощряться и какие должны встретить сознательное противодействие»[1].

Следовательно в основу принят генетический метод, т. е. метод продолжения в будущее тенденций прошлого, а конкретнее—метод реставрации капитализма вместо построения социализма. В дальнейшем мы увидим, какие тенденции и формы развития Наркомзем принимал как «жизненные» и подлежащие «поощрению». Как это ни поразительно, но оказывается, этот метод аргументируется... Марксом.

«Будущее вырастает из прошлого. Эта мысль является одной из руководящих идей метода экономического анализа Маркса. Вот почему, стремясь придать плану реально-исторический характер и содержание, при его построении необходимо учесть эволюцию сельского и лесного хозяйства СССР в прошлом в связи с общим развитием народного хозяйства страны. Это не значит, что план развития сельского и лесного хозяйства должен строиться исключительно на основе генетического анализа. Всякий план по самому существу своему должен иметь в себе и телеологические, целевые элементы и конструкции»[2].

Оказывается, базой буржуазного генетического метода планирования в условиях пролетарской диктатуры является не больше, не меньше, как теория исторического материализма и экономическое учение Маркса. Верно, конечно, что будущее возникает и развивается из прошлого. Однако вовсе не так, как это записано в плане Наркомзема. Развитие народнохозяйственной системы при диктатуре пролетариата вовсе не есть развитие обломков старых формаций, а есть плановое построение социализма, мощное развитие индустрии последовательно-социалистического типа через переделку простого товарного хозяйства в колхозы и через ликвидацию капиталистических элементов в новой системе. Какую же роль отводит Наркомзем методу революционного планового построения социализма? Ответ может быть дан лишь один—никакой. Новый метод планирования (правда, на наш взгляд неудачно окрещенный «телеологическим») признается лишь в той же мере, как и во «всяком плане», ибо, мол, ни один план не может быть лишенным цели. Но в таком случае например между планом построения социализма у пролетарского государства и планом работ капиталистического департамента земледелия не оказывается никакой разницы.

В докладе президиуму Госплана Наркомзем РСФСР устами своего доверенного... Кондратьева в июле 1925 г. так определил свой метод:

«Можно было итти двумя путями. Можно было итти путем телеологического построения плана. Поставив себе заранее опре-

[1] Доклад проф. *Кондратьева* в президиуме Госплана СССР об основах перспективного плана, 26/VII—25 г.

[2] «Труды Земплана», вып. V, стр. 6.

деленную задачу в области развития сельского хозяйства, можно было поставить вопрос—как ее осуществить, какая система мероприятий для этого необходима. Этот путь в чистом виде нам казался невозможным, ибо сельское хозяйство телеологическому воздействию, нам казалось, подлежит не в такой степени, чтобы можно было на основе этого метода строить весь план. Поэтому мы выдвинули в основу другой путь. Нам казалось, что нужно строить план, опираясь на генетический метод. Нам казалось, что нужно выяснить прежде всего *особенности и направление эволюции сельского хозяйства для того*, чтобы уяснить себе, что можно сделать в области его *развития*, чтобы поставить себе таким образом выполнимые задачи в смысле реконструкции сельского хозяйства».

Итак, методом постановки реконструктивных задач, методом определения «цели» в перспективном планировании сельского хозяйства итти нельзя. И под маской ряда оговорок, вроде неприменимости его в «чистом виде», невозможности этим методом «построить весь план», метод социалистического планирования отбрасывается *совсем*; в Наркомземе «выдвинули в *основу* другой путь». Докладчик довольно откровенно заявляет, что от постановки целей они не отказались, но эти цели *определены и обусловлены* прошлыми тенденциями в сельском хозяйстве. «Мы ставили эти цели на *основе* исследования *тенденций* эволюции *самого* сельского хозяйства». Поистине, «комментарии излишни». В основу перспективного плана Наркомзем положил не анализ новой народнохозяйственной структуры, состоящей из пяти укладов при диктатуре пролетариата и при ведущей роли социалистической индустрии и других командных высот, определяющей движение всего противоречивого единства системы. Нет, в основу положен анализ тенденций «самого сельского хозяйства» как независимой, самодовлеющей системы. И это сейчас же сказывается на дальнейших моментах плана. А именно: Наркомзем прежде всего подвергает анализу тенденции сельского хозяйства *довоенной царской России*, затем периоды войны и революции, затем—периода нэпа и т. д. *Все эти этапы рассматриваются в том смысле, что тенденции сельского хозяйства*, «*положительные*» *для* «*развития производительных сил*» *в старой России, прерванные и разрушенные революцией, вновь восстанавливаются в условиях нэпа и должны усиленно продолжать свое поступательное движение как товарно-капиталистические.*

Обратимся к содержанию самого плана. Вот характеристика дореволюционного сельского хозяйства.

«В общем процессе развития сельского хозяйства происходил одновременно процесс *перераспределения* удельного веса *крестьянского* и *частновладельческого* хозяйства: удельный вес первого *возрастал*, второго—*падал*». «*Крестьянское хозяйство в целом обнаруживало исклю-*

чительную стойкость в экономической борьбе при этих условиях»[1].

Вместо того чтобы вскрыть, что до революции сельское хозяйство быстро вступало на путь именно капиталистического развития, разрушая «крестьянство» через выделение полюсов—пролетариата и кулачества,—вместо этого Наркомзем воспевает, что «крестьянское хозяйство в целом» в условиях помещичье-капиталистического строя представляет собой такой «тип» хозяйства, который вполне удовлетворяет требованию «развития производительных сил» и проявляет «в целом» исключительную устойчивость. А где же процесс капитализации сельского хозяйства, рост кулацкой верхушки, пролетаризация и диференциация деревни? В плане ничего этого нет. Наоборот, все эти вопросы смазаны, скрыты с целью замаскировать именно эти тенденции как спасительные для контрреволюции в условиях СССР.

Что же это за тенденция «крестьянства в целом»? Перечисляются такие «тенденции»: увеличение ценности с.-х. продукции, диференциация роста сельского хозяйства по отраслям, диференциация сельского хозяйства по районам и рост разделения труда между ними, рост товарности (рост экспорта с.-х. товаров), рост удельного веса крестьянского хозяйства в сельском хозяйстве страны и в рыночном обороте ее, усиление процесса капиталонакопления в крестьянском хозяйстве, диференциация деревни. Таковы дореволюционные тенденции сельского хозяйства. Совершенно ясно, что это—тенденция капиталистического типа. Маскирующую народническую чепуху о победе будто бы крестьянства «в целом» приклеили сюда совсем некстати, с явным умыслом, как прикрытие. План констатирует, что указанные тенденции как раз и соответствуют критерию развития производительных сил.

«Констатированные тенденции в общем можно рассматривать как формы проявления роста производительных сил сельского хозяйства»[2].

Следовательно дореволюционные пути «развития производительных сил» вредители весьма умело использовали для того, чтобы при их помощи замаскировать интересы своего класса и доказать, что дореволюционный путь развития сельского хозяйства является и в СССР единственно правильным путем, или, как выразился «по-ученому» проф. Кондратьев, «на пути точного анализа получить указания на линии своей работы в интересах ускорения развития производительных сил в будущем».

Оказывается, в установках перспективного плана НКЗ никаких существенных различий в развитии сельского хозяйства до пролетарской революции и в условиях пролетарской диктатуры нет. Больше того, если при царском режиме были, мол, дефекты, то революция их устранила и тем самым лишь расчистила почву

[1] «Труды Земплана», вып. V, стр. 10.

[2] *Кондратьев,* Доклад президиуму Госплана..., 26/VII—25 г.

для бурного роста сельского хозяйства по старым «здоровым» линиям, т. е. по пути капитализма.

В самом деле. «Социально-правовые условия существования и развития крестьянского хозяйства России ставили непосредственные препятствия для этого развития. На первом месте здесь нужно поставить пережитки феодально-дворянско-помещичьего земельного режима. Этот режим исторически поставил крестьянство в тяжелую обстановку малоземелья и вынуждал его, как уже отмечалось, при помощи широкой аренды и покупки земли бороться за расширение землепользования, в то же время путем высоких арендных плат и высокой цены на землю оттягивая значительные средства из крестьянского хозяйства. В том же направлении действовала и экономическая политика царского правительства. Внешняя торговая политика правительства была проникнута духом промышленного протекционизма и приводила к высоким ценам на фабрикаты. Тяжелый налоговый режим экспроприировал крупные суммы из крестьянского хозяйства»[1].

Следовательно на пути развития производительных сил страны стояли тормозящие факторы, как-то: феодально-помещичий земельный режим, высокая арендная плата и земельные цены, протекционизм царского правительства по отношению к отечественной промышленности, тяжелые налоги и т.д.

«Указанные отрицательные условия и формы развития сельского хозяйства позволяют сделать целый ряд выводов о положительных задачах в плане возрождения крестьянского хозяйства в новых условиях»[2].

Перспективный план НКЗ находит таким образом, что «новые» условия—это условия для старых путей, но без старых феодальных тормозов. Если же обобщить эту «теорию», то она есть не что иное, как отрицание у нас пролетарской революции и признание лишь буржуазной аграрной революции.

Что именно так, а не иначе, понимал нашу революцию Наркомзем того периода, видно из следующего:

«Очевидно, деревня пауперизована и крестьянское хозяйство раздроблено до последних пределов. Таким образом реально в деревне имеется в настоящее время значительная группа полупролетарских хозяйств, с одной стороны, и значительная группа беднейших хозяйств, с другой. Это обстоятельство должно быть серьезно учтено при построении перспектив сельского хозяйства и работы по его развитию». «В этом отношении должен быть учтен полностью довоенный опыт развития крестьянского хозяйства, кратко описанный выше, в связи с усилением его роли и диференциации деревни»[3].

В приведенном нами отрезке плана весьма отчетливо формулированы капиталистические задачи, поставленные по плану НКЗ. В противовес генеральной линии коммунистической партии и

[1] «Труды Земплана», вып. 5, стр. 18.
[2] Там же, стр. 18.
[3] Там же, стр. 27.

учению Ленина о том, что в результате пролетарской революции деревня стала более середняцкой и на базе союза с середняком мы должны перевести ее на рельсы социализма, план Наркомзема утверждает, что в результате революции мы имеем «пауперизацию» и методом уничтожения ее является не что иное, как учет «полностью» довоенного опыта развития крестьянского хозяйства.

Мы отлично знаем, что именно довоенный путь и был путем самой свирепой пауперизации через форсированное насаждение капитализма в сельском хозяйстве по программе Столыпина. И вот вредители из НКЗ находят необходимым на седьмом и восьмом году пролетарской революции запроектировать на целых пять лет вперед ни больше, ни меньше как столыпинский путь развития сельского хозяйства. В самом деле, если предполагается перспективный план сельского хозяйства, в котором вытравлены совхозы и колхозы, но зато положены в основу товарно-капиталистические пути развития, а довоенный опыт берется как образец, то это есть столыпинщина, а не план социалистического строительства.

Именно с этой точки зрения и ни с какой другой перспективный план рассматривает и оценивает период Октябрьской революции и гражданской войны. Характерно уже то обстоятельство, что вредители Наркомзема свалили в одну кучу и даже не отметили никаких существенных различий между империалистической и гражданской войной. Никаких революционных сдвигов, никакого изменения социально-экономического строя сельского хозяйства Октябрьская революция по их оценкам не принесла. Мы читаем в плане:

Оказывается, Октябрьская революция явилась периодом, который «принес глубокие потрясения производительных сил сельского хозяйства. Он вызвал в нем тенденции, в большинстве случаев обратные тем, которые наблюдались как положительные тенденции в довоенный период»[1].

Такова оценка пролетарской революции в сельском хозяйстве, данная планом Наркомзема. Оказывается, «положительные» «довоенные» тенденции сельского хозяйства были прерваны Октябрьской революцией. Следовательно задача новой экономической политики СССР чрезвычайно проста и предрешена всем ходом прошлой истории—устранить дефекты довоенного сельского хозяйства и «возродить» (?) потрясенное революцией, но без дефектов прошлого. Никакой социалистической реконструкции мелкого индивиудального хозяйства деревни, никакой классовой борьбы с кулачеством. Нэп, мол, принес «начало восстановления», население вернулось «к производительному труду», и только. Пролетарской революцией здесь даже и не пахнет. Кооперативный план Ленина Наркомзем под влиянием вредителей заменил столыпинской программой развития капитализма. Наркомзем находит нужным отметить лишь одно весьма благоприят-

[1] «Труды Земплан », вып. 5, стр. 20 и 21.

ное условие для бурного роста старых «положительных» сил сельского хозяйства, созданное революцией. Мы читаем:

«Из предыдущего же нетрудно видеть, что основные линии начавшегося процесса возрождения сельского хозяйства во многом воспроизводят те линии развития сельского хозяйства, которые наблюдались перед войной. Однако процесс развития сельского хозяйства в настоящее время протекает в существенно иных условиях, чем те, которые были до войны, и сельское хозяйство находится в ином положении, чем оно было перед войной. Прежде всего необходимо учесть те совершенно новые социально-политические условия, которые созданы Октябрьской революцией. Старое сословно-классовое общество разрушено»[1].

Итак, составляя пятилетний перспективный план сельского хозяйства, Наркомзем в 1924 и 1925 гг. исходил из фактического отрицания Октябрьской революции и из такого понимания экономического строя СССР, «что основные линии» сельскохозяйственного процесса при диктатуре пролетариата «во многом воспроизводят» довоенные пути развития, т. е. пути развития капитализма.

Больше того. Оказывается, «совершенно новые социально-политические условия» всего-навсего заключаются в разрушении феодально-земельного режима, старого сословно-классового общества.

Стоит ли дальше доказывать, что кулацким профессорам удалось провести в перспективный план Наркомзема реставраторские установки? На этой основе кулацким профессорам удалось навязать Земплану враждебный пролетариату вредительский метод «генетики» и «тенденции», который конечно и не мог дать никакой другой, кроме реставраторской, перспективы развития сельского хозяйства по пятилетнему плану.

Как видим, метод «генетики» в перспективном планировании дал не мало. Он наметил пути и формы столыпинского довоенного сельского хозяйства в перспективном плане в условиях пролетарской диктатуры. Провозгласил тенденции товарнокапиталистического порядка как основные, и ставку на капиталистическую верхушку деревни! Это и есть «генетический» метод в практике его применения.

Теперь рассмотрим более конкретные задачи, поставленные на разрешение при такой перспективе. Здесь вступает в действие метод «минимумов». Его суть заключается в отыскании наиболее «узких» сторон индивидуального сельского хозяйства, тормозящих успешный товарнокапиталистический процесс. Устанавливается ряд подлежащих решению «минимумов», располагается очередность их решения в зависимости от средств, кредита и т. д. и в результате констатируется «модель» хозяйства, долженствующая получиться в результате решения «минимумов».

Если намечен товарнокапиталистический путь развития, то ка-

[1] «Труды Земплана», вып. 5, стр. 23.

кие же «минимумы» стоят препятствием на этом пути? В «основах» перспективного плана, принятых НКЗ и подтвержденных в 1925 г., мы читаем:

«Если до войны имели место относительная недонасыщенность нашего сельского хозяйства капиталом и относительная перенасыщенность его трудом, во всяком случае в определенных районах, то сейчас перед нами картина еще большей перенасыщенности сельского хозяйства трудом и недонасыщенность его капиталом...»[1].

Из приведенных положений «минимумы» вырисовываются довольно отчетливо. Если наша страна, по вредительской перспективе,— аграрная с подчиненным значением промышленности, если путь развития сельского хозяйства товарнокапиталистический, то в «минимуме» прежде всего «капиталы», а в избытке «труд». Правда, признается одно отличие СССР от России царской, это то, что с капиталом у нас дело еще хуже, а незанятого труда еще больше, чем в старой России. Отсюда требование развязать капиталонакопление деревни. План указывает и на препятствия, а именно—«крайняя распыленность масс крестьянского хозяйства», их пауперизованность и т. д. «Концепция» достаточно цельная. В перспективном плане предлагается ликвидация этих препятствий методами капитализма. Путь капиталистической диференциации деревни в плане принимается. Устами Кондратьева на президиуме Госплана СССР НКЗ заявил, что «процесс диференциации—такова вторая, в высшей степени важная черта современного положения сельского хозяйства, как это положение определилось после и в развитии действий новой экономической политики».

Никаких различий процесса диференциации в СССР от капиталистической по планам Наркомзема совершенно не видно. Учение Ленина и решения партии в этом вопросе правые оппортунисты Наркомзема променяли на кулацкие «теории».

В том же докладе Госплану проф. Кондратьев еще более углубляет реставраторскую программу, зафиксированную в «основах» наркомземовского плана 1924 г.

«Эти особенности заключаются в том, что пережитки феодально-крепостнического режима разрушены и что крестьянское хозяйство оказывается единственной базой в области развития прогресса сельского хозяйства». Оказывается, социалистическое крупное хозяйство совсем исключается из перспективы развития сельского хозяйства.

Читая эти строки наркомземовского плана, приходится прямо констатировать, что все свои замыслы кулацкие профессора успешно провели в перспективные планы.

Таков в действии метод «минимумов». По существу же этот метод целиком совпадает с методом правых оппортунистов—равнения на «узкие места».

Нетрудно себе представить, какова «модель» хозяйства, ко-

[1] «Труды Землплана», вып. 5, стр. 24

торое должно оформиться через решение «минимумов», на основе «тенденций», рассмотренных выше.

Наркомзем, опять-таки устами проф. Кондратьева, возвещает: «Одной из самых оригинальных черт плана НКЗ, если даже в нем и есть крупные недостатки и ошибки, является то, что... в центре внимания НКЗ поставлены планом в каждом районе задачи по созданию рациональных типов хозяйств... к задаче осуществления этих типов мы подгоняем работу мелиорации и землеустройства и работы по организации средств производства, переработки и т. д. План в этом отношении является выдержанным... Принципы, положенные в основу плана, и схема его построения совершенно ясны, отчетливы и достаточно жизненны. А это обеспечивает самое главное—верный путь сельскохозяйственной политики...» [1]

Итак, задуманы порайонные, рациональные типы, причем эта часть плана считается самой оригинальной. К этим «типам» подогнаны такие мероприятия, как землеустройство, организация средств производства и т. д.

Каковы эти «типы»?

А вот они: «при построении прогрессивных типов мы предполагаем, что размеры хозяйства, подвергающиеся реконструкции, не изменяются, что меняются лишь его организация, соотношение его основных элементов».

Если выше мы видели, что берется ставка на капиталистическую верхушку деревни, то здесь разъясняется, что в условиях земельного режима в СССР «тип» проектируемого хозяйства определяется интенсификацией хозяйства этой верхушки. В «модели» реставраторов, протащенной в наркомземовский перспективный план, мы имеем таким образом кулацкое интенсивное хозяйство с быстрым капиталонакоплением, с высокой его организацией в смысле «соотношения основных элементов» и т. д.

Такова «модель». Совершенно очевидно, что здесь в полной силе сказалось влияние вредителей на сельскохозяйственный план.

Конечно, в плановой кухне Наркомзема вредители выступали более откровенно, чем тогда, когда готовый продукт преподносили в высшие инстанции. Там они прямо выступают с программой развязывания рук кулаку, здесь—несколько завуалировано, но все же достаточно ясно. Оказывается, для рациональной (?) организации крестьянского хозяйства требуется «охрана результатов с.-х. производства». Но какие группы деревни предлагает защищать Наркомзем? У нас в стране—пролетарская диктатура; беднота—опора, середняк—союзник, а середняк, вошедший в колхоз, также превращается в опору. Но вот с кулаком на всех стадиях пролетарской диктатуры ожесточенная классовая борьба. Ясно, что Наркомзем устами вредителя пытался

[1] Доклад *Кондратьева* в президиуме Госплана о перспективном плане НКЗ, 26/VII 1925 г.

взять под защиту кулака. Речь идет о защите, о гарантиях для капиталистической верхушки деревни от пролетарской диктатуры.

Такова «модель» сельского хозяйства, запроектированная в перспективном плане НКЗ. Совершенно очевидно, что и здесь сказалось влияние вредителей на руководителей НКЗ и через них на с.-х. план.

Таковы «установки» и «методология» Наркомзема в перспективном планировании периода 1923—1928 гг. Тем самым уже дан ответ и на вопрос о характере намечавшихся в плане мероприятий.

Мы уже указывали в предыдущем анализе плана на подчиненную роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Это тезис проф. Кондратьева.

Не осталось без влияния вредителей в плане и внешнеторговая политика. В процессе выработки плана мы видели ярые нападки на монополию внешней торговли и на советский протекционизм. В перспективном плане вредителям кое-что удалось протащить. Вот например такой тезис в плане: «Поддерживая общую политику протекционизма, мы стоим против огульного протекционизма. В частности в отношении импорта орудий и средств с.-х. производства протекционизм должен глубоко сообразоваться с требованием развития сельского хозяйства» [1].

Чтобы понять истинный смысл этого положения, выраженного в несколько замаскированной форме подстановкой словечка «огульный», вспомним выступление того же вредителя, имевшее место в процессе выработки плана в наркомземовской плановой кухне— в Земплане.

Политика пролетарской диктатуры там сравнивалась с политикой Витте, этого вождя самодержавия. Такими методами дискредитации нашей политики вредители пытались повлиять на руководителей Наркомзема и прорвать фронт монополии внешней торговли. И попытка, как видим, имела некоторый успех по линии составления с.-х. перспективного плана.

В системе проектируемых мероприятий кулацкое влияние выразилось также и в том, что в плане на пять лет совершенно отсутствует план коллективизации и совхозного строительства. Кулацкое влияние выразилось и в том, что темпы роста основных показателей сельского хозяйства, построенные методом количественных коэфициентов, были темпами капиталистической эволюции, а не социалистической реконструкции

Как одно из чрезвычайно важных мероприятий, проектировавшихся в плане НКЗ, была ставка в период 1923—1928 гг. не на зерновую проблему, а на животноводство. Именно исходя из проектировки капиталистического пути развития сельского хозяйства, ставя ставку на капиталистическую интенсификацию сельского хозяйства, кулацкие профессора на заседаниях Земплана выдвигали на первый план животноводство.

[1] Доклад *Кондратьева* в президиуме Госплана.. 26/VII 1925 г.

А вот политика Наркомзема в области землеустройства, запроектированная в «основах» перспективного плана, с учетом особенностей организационного строя хозяйства по районам. «В районах северо-запада и юго-запада хуторская и отрубная форма землепользования, в северо-восточном районе—поселково-отрубная форма. В Центрально-черноземном районе поселково-отрубная и общинная. В Уральском районе общинная. В юго-восточном и Поволжском районе поселково-отрубная и частично хуторская с типом американского фермерского хозяйства. В районах Северного Кавказа и Сибири отрубно-поселковая форма и общинная».

Спустя год Наркомзем повторяет ту же установку, но с некоторыми добавлениями.

«Хозяйство может подойти к этой форме (коллективной—*М. К*) только путем эволюции—путем перехода от одной стадии развития к другой. Эти переходные стадии надо иметь в виду при проведении землеустройства. Жизненная практика достаточно хорошо вскрывает, в каких районах какие переходные формы землепользования на данной ступени исторического развития сельского хозяйства являются наиболее стойкими и прогрессивными»[1].

Прикрываясь словцом о «коллективной форме» землепользования, Кондратьев от имени НКЗ заявляет, что лучшею эта форма является только «в конечном счете». Такая «установка» его «пока» вполне устраивает, ибо конкретно, т. е. в ближайшей перспективе, Наркомзем проектирует целый ряд «стадий». Критерием этих стадий является не что иное, как «жизненная практика» развития индивидуального частного хозяйства. Совершенно ясно, что эти стадии являлись переходными не к социализму, а к капитализму.

Это и не скрывается. Кондратьев говорит дальше:

«Если проследить для примера распределение единоличного землепользования, то вы увидите, что оно наиболее сильно выражается в определенных районах—в северо-западном, в западном, в западной части Центрально-промышленного района, и в юго-западном районе. Это показывает, что в этих районах с наиболее интенсивным хозяйством, с этой формой землепользования мы не можем не считаться. Поэтому НКЗ считает, что в этих районах единоличная отрубно-хуторская форма землепользования получит развитие.

Ставка на единоличное землепользование в форме хуторов и отрубов—такова кулацкая «стадия». В такой проектировке скрыт вредительский маневр создать через проведение капиталистического землеустройства препятствия коллективизации, которые, будучи проведены в широком масштабе, подготовили бы срыв кооперативного плана Ленина.

Не забыта и налоговая политика. Она запроектирована в таком виде:

[1] Доклад *Кондратьева* в президиуме Госплана... 26/VII 1925 г, стр. 57.

«Прежде всего необходимо признать, что абсолютный размер налога должен быть строго согласован с платежеспособными силами сельского населения... без потрясения своей экономической мощи и без приостановки процесса расширенного воспроизводства и следовательно накопления капиталов. Поэтому не только размер налога должен приспособляться к потребностям государственного хозяйства, но и потребности эти должны быть согласованы с платежеспособностью страны и в частности сельского хозяйства...[1] все обложение таким образом будет приближаться к рентному... Налог становится наиболее уравнительным и в то же время наиболее приспособленным к системам хозяйства»[1].

Вся эта вредительская работа, протащенная в план сельского хозяйства, прикрывалась так называемой теорией «развития производительных сил».

«Основной задачей развития сельского хозяйства мы считаем развитие его производительных сил»[3].

Эта теория была надумана исключительно с вредительской целью замаскировать и протащить вредительские замыслы в план.

Рассмотренные нами довольно подробно установки, методология и направление мероприятий, внесенные в первый перспективный план НКЗ, показывают, что в этом документе мы имеем классический по своей яркости и выдержанности факт влияния вредителей на аппарат планирования.

План НКЗ на 1923/24—1928/29 гг. не был утвержден правительством. Однако он не был лишь бумажкой. Для наркомземовских вредителей он был программой для действий, а отнюдь не пассивным документом.

Можно привести ряд ярких иллюстраций влияния вредителей и на низовую практическую работу Наркомзема. Вот выступление одного из сотрудников НКЗ при обсуждении в президиуме Госплана СССР доклада Наркомзема[4].

«С нашим планом сталкивались места, сталкивались агрономы, когда он был еще в рукописи, и они определенно говорили: «наконец-то НКЗ получил определенную физиономию, наконец-то мы знаем, за что он боролся, куда он идет и куда он направляет свои силы и средства»[4].

Действительно, недурно сказано! Мы видели, что «физиономия» плана товарнокапиталистическая. И вот такой план попадает к агрономам, а в те времена сплошь и рядом к тому же еще к старым земским агрономам, и можно легко представить себе, ка-

[1] Доклад *Кондратьева* в президиуме Госплана.. 26/VII 1925 г., стр. 54.

[2] «Основы перспективного плана», стр 54.

[3] «Доклад *Кондратьева* в президиуме Госплана о перспективном плане НКЗ». 26/VII—1925 г.

[4] Выступление сотрудника НКЗ *т. Беляева* по докладу *Кондратьева* об основах перспективного плана сельского хозяйства на 1923—1928 гг. в Госплане СССР,

кая «практика» получалась на основе такого идейного и теоретического руководства. Те агрономы, которые были чужды нам, хорошо понимали «за что бороться» и «куда направлять свои силы и средства». Это ярко выявилось из выступления в Земплане агронома Силина[1].

«Говорим о «модели», но не знаем, что конкретно эта модель представляет. Поэтому я кратко предполагаю охарактеризовать ту модель, которая получилась у нас в Бедняковской волости и над которой мы работали при участии Н. П. Макарова».

Силин берет совершенно конкретную практику волостного масштаба, чтобы показать, как претворяется в жизнь метод макаровской «модели». Тем интереснее посмотреть, что же получается.

Он продолжает: «Модель должна отображать действительность—это первое условие модельного метода».

Уже из этих слов начинает вырисовываться тип модели: отобразить действительность. Силин говорит: «Я считаю, что модельный метод синтезирует все остальные методы и поэтому он наиболее точный. Как он это делает?» Здесь Силин дошел до самого интересного места. «Когда мы проводили свою работу, то у нас были первоначально установлены тенденции эволюции сельского хозяйства... Модель является конкретной формой, во что должны вылиться все эти тенденции эволюции и грядущего хода развития хозяйства. Как построить модель? Тут берется определенный срок, примерно 5 лет, для ориентировки и устанавливается какая-то модель... Мы шли здесь при помощи метода установления количественных коэфициентов и модель строили при помощи этого метода». Итак, метод модели включил в себя, как свое содержание и метод тенденций и метод коэфициентов. Посмотрим, что же получается. «Допустим, у нас по развитию семеноводства был такой-то темп эволюции, мы этот темп экстраполируем на модель. Темп нарастания коров примерно такой-то, мы учитываем всю соответствующую конъюнктуру и, придерживаясь количественных коэфициентов, проектируем в организационном плане определенное количественное выражение».

Здесь мы вспомним, как проф Макаров предостерегал от «субъективизма» при пользовании этими методами. Но верный ученик Силин «практически справлялся и здесь с макаровской «теорией».

«В чем заключается субъективизм? Он заключается в том, что можно в предполагаемые пять лет наметить больше, чем осуществить в действительности. Чтобы этот момент проверить, нужно взять капиталонакопление как контролирующий момент. Для этого все нововведения и качественные улучшения оцениваются и получается определенная сумма стоимости, которую нужно затратить, чтобы осуществить модель. Эту сумму стоимости

[1] Заседание комиссии Земплана 13/IV 1927 г. по перспективному плану.

мы делим на сумму стоимости ежегодного капиталонакопления. и окончательный срок устанвливаем уже после этого».

Таким образом «ученые» теории и методы кулацких вредителей легко переводятся на довольно простой кулацкий же конкретный язык действий. Намечается модель кулацкого хозяйства, вычисляется, сколько нужно средств для осуществления такой модели. Затем устанавливается, каково ежегодное капиталонакопление данного хозяйства и каковы кредиты, и на этой основе определяются сроки реализации всего плана. В итоге получится кулацкое хозяйство.

Такова «методология» кулацких профессоров, взятая в действии.

Уже заранее считается предрешенным, что ни о какой социалистической реконструкции и даже ни о каком создании предпосылок для такой реконструкции речи быть не может. Берется существующее индивидуальное частное хозяйство и продолжается в будущем с рядом усовершенствований. Именно это и означает, по их мнению, «отображать действительность». Однако семеноводством и коровами модель ограничить нельзя. Буржуазные агрономы и профессора отлично сознают, что модель является и социальной проблемой. Здесь для них возникает ряд любопытных «трудностей» и «сомнений». «Действительно ли эта модель отображает всю массу хозяйств?» И вот как они на практике «отображают» эту массу хозяйств. «Мы эту модель пропускаем как бы через действительность, т. е. через социальные группы». А именно: «Для построения модели мы брали среднее статистическое хозяйство, его обеспеченность средствами производства, коровами, рабочей силой и т. д.... в данной плоскости и построили на этом модель, а затем уже подошли к социальным группам и диференцировали эту модель по социальным группам. Тогда средние условия для каждой социальной группы варьировались». Интересно знать, как же эти «средние» «варьировались». И вот здесь начинается поистине невероятная в условиях пролетарской диктатуры «практика». Оказывается, самых маломощных или ‹первую группу мы исключили или пролетаризировали сознательно. Вторая группа хозяйств—безлошадные и в модели, так как у них меньше земельного надела. Третья группа—самая многочисленная—почти совпала с этой моделью. Четвертая группа будет выше модели. Пятая еще выше.... Примерно в таких чертах представляется модель Бедняковской волости».

Итак, перед нами конкретный и яркий пример проведения в жизнь уже в 1927 г. плана и методов, выработанных вредителями.

Модель Бедняковской волости, преподнесенная Силиным, является не чем иным, как вредительским мероприятием, направленным к срыву социалистической реконструкции деревни и форсирующим развитие капитализма.

В самом деле. Коллективизацию вредители сознательно исключили из своей модели. Но в то же время «сознательно» пролетари-

зировали маломощную группу, определив безлошадных в резерв для пролетаризации. Зато предоставлен полный простор высшим, т. е. капиталистическим, группам деревни.

Такова кулацкая модель на практическом примере конкретной волости.

Кулацкие профессора имели на местах свою агентуру и по мере сил старались не отрывать свою теорию от своей практики.

Приведенный нами «опыт» агронома Силина показывает и доказывает, что «установка» и «методы» планирования вредителей, если бы они не были решительно отвергнуты революционной практикой социалистической стройки на основе генеральной линии партии, если бы они при содействии правых оппортунистов получили широкое применение в практике,—это означало бы форсирование капитализма в сельском хозяйстве СССР, означало бы рост базы для реставрации.

И даже теперь, когда в 1931 г. мы завершаем построение фундамента социалистической экономики, когда более 50% крестьянских хозяйств вовлекаются в колхозы, мы не должны ослаблять, а должны усиливать свою классовую бдительность, борясь и выкорчевывая в сельскохозяйственной практике кулацкую агентуру, еще сохранившуюся сплошь и рядом в среде агрономов старой школы. Практика агронома Силина в 1927 г. очень поучительна.

Приведем еще один факт. Как известно, летом 1925 г. правительство образовало специальный фонд для борьбы с засухой.

И нужно сказать, что вредителям удалось в известной мере извратить социальное направление этого мероприятия. Вот как оценивала итоги этого мероприятия комиссия по пересмотру работ НКЗ в засушливой области (от 9/X 1928 г.). В пункте 2 резолюции мы читаем: «Главной отличительной чертой этой специальной работы по борьбе с засухой являлось направление всех ассигнованных средств на определенное, сравнительно весьма ограниченное количество крестьяских хозяйств (3,9) в целях их коренной реорганизации. С отобранными хозяевами или объединениями этих хозяев земорганами заключались договора на проведение так называемой реорганизации. Вслед за этим большинство хозяев получало на эту цель долгосрочные кредиты в повышенном размере (средняя выдача на двор равнялась 350—550 руб.)».

Итак, «отличительные черты» работы: а) ограниченное количество отобранных хозяйств; в) сохранение частнособственнического индивидуального типа крестьянского хозяйства; с) выдача довольно солидных сумм в виде долгосрочного кредита на отдельный индивидуальный двор (350—550 руб.) и д) на этой основе «коренная реорганизация» этих хозяйств.

А вот как характеризуется в п. 3 резолюции содержание мероприятий.

«Сущность намечавшейся реорганизации сводилась к изменению технических приемов обработки пашни и посева, к введению

селекционных семенных материалов и рациональных севооборотов с усилением животноводческого направления при помощи приобретенных за счет кредитов и отчасти средств населения тяговой силы, машин, орудий, семян, в проведении землеустройства (расселения), организации водоустройства, проведения мелиорации и т. п. Подобным путем предполагалось создать засухоустойчивое хозяйство. В намеченных районах отбирались для реорганизации определенные гнезда; в этих гнездах выбирались типичные селения и в последних намечались отдельные хозяева или их группы».

Уже из этой характеристики мероприятий по борьбе с засухой видно, что они строились методом «минимумов и моделей» вредителя Макарова.

Вся «реорганизация» сводилась исключительно к техническому перевооружению на товарнокапиталистической основе за счет средств пролетарского государства. Как нидим, ни о какой социалистической переделке нет и речи. Техническая реконструкция используется не как орудие коллективизации, а как орудие превращения простых товарных хозяйств в капиталистические. В самом деле, если выбрать ряд районов, а в районах «определенные гнезда», в гнездах—«типичные селения», а в них—«отдельных хозяев» и путем большего вложения кредитных средств перестроить весь комплекс технических элементов индивидуального хозяйства, превратить их в столь мощные, что, оставаясь индивидуальными, они становятся уже засухоустойчивыми, то спрашивается, что это такое, как не столыпинская политика насаждения капитализма.

В пункте 4 проекта резолюции, подводящей к 1928 г. итоги трехлетней работы по борьбе с засухой, мы читаем:

«При отборе хозяйств НКЗ ставились определенные требования в смысле бедняцко-середняцкого состава реорганизуемых хозяйств. Однако в некоторых районах, как например в Сталинградской губ., а также в Сызранском уезде Ульяновской губ. и др. местах, констатирован повышенный отбор зажиточных слоев деревни; в Сталинградской губ. например среди отобранных для реорганизации крестьянских хозяйств было 40,1% трехлошадных. В результате того, что в первые 1½ года мероприятия по борьбе с засухой проводились в уже готовых поселках, констатировать общий повышенный уровень отбираемых для реорганизации хозяйств. Процент низших групп среди отобранных для реорганизации хозяйств значительно ниже, чем в массе хозяйства и обратно—процент высших групп среди всех хозяйств того или иного района. Имевшая же место в отдельных случаях попытка создания реорганизуемых поселков из одних бедняцких хозяйств почти без всяких средств производства приводит к отрицательным последствиям».

Резолюция отмечает, что НКЗ ставил требование реорганизовать бедняцко-середняцкие хозяйства. Однако одного

этого требования далеко недостаточно, ибо без одновременного кооперирования и коллективизации их развитие неизбежно получает капиталистическое направление. Но резолюция констатирует гораздо более серьезные вещи. Осуществляя свои «модели», вредители через свою агентуру на местах нарушали самым преступным образом политику коммунистической партии и советского правительства в отношении деревни. Оказывается, для реорганизации отбирались хозяйства из высших групп деревни. Удельный вес бедняцких реорганизуемых хозяйств был значительно ниже их удельного веса в том или ином районе. Эта явно вредительская практика особенно ярко выразилась в попытке разъединить бедняцкие и середняцкие хозяйства путем образования реорганизуемых поселков из одних бедняцких хозяйств. К тому же совершенно ясно, что «реорганизовать» бедняка без средств и без производственного перевода его в колхозники, не укрепляя, а разрушая союз середняка, через создание «бедняцких поселков»—это означает озлобить бедноту, разорвать союз с середняком и дискредитировать политику пролетариата в деревне.

Точно такая же практика имела место и в ряде других районов. Вот пункт 6 резолюции:

«Поскольку реорганизации подвергались индивидуальные хозяйства, к тому же повышенного типа, неизбежно было за счет государственных средств возникновение и рост хозяйств с наймом труда и арендной земли наряду с рациональным и желательным укрупнением хозяйств до известных пределов, исключающих эксплоататорский наем рабсилы, аренду земли и сдачу инвентаря. Так, при отборе хозяйств для реорганизации по Сибири было 10,8% трехлошадных, через два года эта группа зажиточного крестьянства удвоилась, стало 20,5%. По Сев. Кавказу среди реорганизуемых хозяйств сначало было 6,5% хозяйств с 4 и выше головами рабочего скота, через два года эта группа выросла на 130% (стало 15%)».

Так кулацкая агентура пыталась на практике извратить генеральную линию партии. Такова «теория и практика» вредителей в планировании сельского хозяйства в период 1923—1928 гг.

Мы развернули здесь лишь отдельный плановый участок и на этом участке лишь отдельные факты. Но и этого достаточно, чтобы видеть, насколько ожесточенная классовая борьба идет на фронте планирования социалистического строительства. Классовый враг, в данном случае кулачество, мобилизует все свои силы, всех своих агентов и приказчиков в лице старой экономической и агрономической науки, чтобы пробраться в аппарат социалистического строительства и вредить ему систематически, упорно и ожесточенно. И это им удавалось ряд лет, пока ОГПУ не вскрыло эти контрреволюционные вредительские банды.

Однако было бы величайшей ошибкой считать, что с ликвидацией вредительских организаций классовый враг уже ликвидирован. За вредителями стоят классы: мировая буржуазия, кулачество. От вредителей остались охвостья и агенты. Классовая борьба развертывается с еще большим напряжением и ожесточением.

Правый оппортунизм как условие кулацкого влияния в планировании сельского хозяйства

Перед нами прошла картина одного из участков работы вредителей в недрах Наркомзема, мы рассмотрели «деятельность» кулацких профессоров, нашедшую выражение не только в повседневной работе аппарата, но и в основных плановых документах. Невольно возникает вопрос: как это могло быть? Ведь все эти Кондратьевы, Макаровы, Челинцевы, Тейтели и другие были как будто только «спецами», работавшими под руководством и за ответственностью коммунистов, возглавлявших аппарат Наркомзема РСФСР. Как могло быть, что методология и целый ряд установок и мероприятий, задуманных вредителями с целью создания предпосылок, разрушающих диктатуру пролетариата, разрушающих кооперативный план Ленина, как это могло быть, что эти установки вносились в наши планы?

Одним из основных условий успешного влияния кулацких профессоров является правый оппортунизм как в теории, так и на практике.

Прежде всего остановимся на родстве правого оппортунизма и кулацких теорий.

Не будем повторять «концепции», вредителей, освещенной нами в начале этой работы. Мы помним, что они расценивали мировой капитализм как здоровый и способный к дальнейшему росту. Стоит сопоставить с этим «теорию» «организованного капитализма» правых оппортунистов, чтобы видеть, что утверждение последних, будто в рамках капиталистической системы возможно организованное хозяйствование, устранение конкуренции и т. д., есть не что иное, как отрицание кризиса капиталистической системы, а следовательно не что иное, как отрицание неизбежности и обязательности ее крушения в нашу эпоху. Тем самым оппортунистическая теория смыкается с капиталистической.

Возьмем дальше утверждение правых о необходимости строить социализм не путем индустриализации СССР, а путем форсированного развития сельского хозяйства, усиления с.-х. экспорта, и лишь на дальнейших стадиях переходя к индустриализации. Сопоставим этот тезис правых с тезисом кулацких теоретиков о сельском хозяйстве как основе нашей экономики, о подчинении промышленности интересам сельского хозяйства, о необходимости включения СССР в систему «мирового разделения труда» и т. д. Ясно, что объективно в условиях настоящего периода обе программы ведут к реставрации капитализма. Для кулацкой партии, исходящей из ее стратегического плана направить сельское хозяйство СССР по пути капитализма и подготовить условия реставрации, было весьма выгодно принять как тактический отрезок своей стратегии требования правых оппортунистов.

Возьмем установку на частнокапиталистический путь развития деревни, на рынок и рыночное равновесие и разрешение зерновой проблемы кулацким хлебом. Сравним эту установку с установкой

вредителей на капитализм, на капиталистического фермера, на развертывание рынка и его законов, и мы увидим, что правые являются выразителями программы кулацкого класса. Путь правых, намечаемый на данный отрезок времени, с его соотношением классовых сил, темпами и т. д., будучи реализованным, привел бы к срыву социалистического строительства, к росту сил капитализма внутри СССР, к осуществлению планов интервенции.

Наконец ставка правых на «самотек», на «врастание кулака в социализм», на кооперирование товарооборота как на основной путь деревни к социализму («колхозы—не столбовая дорога»), вся эта «теоретическая» система правого оппортунизма являлась и является полным отрицанием кооперативного плана Ленина и переходом на позиции кулачества.

И вполне понятно, что вредители (как это видно из всех их показаний) использовали теорию правого оппортунизма как орудие для осуществления своих замыслов.

Не менее умело использовали вредители и практику оппортунизма, частью основанную на теории правых, частью на бесхребетности, на размагниченности, на излишней доверчивости и отсутствии бдительности у ряда коммунистов. В этом отношении практика правого оппортунизма Наркомзема рассматриваемого нами периода вполне заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

Мы поставили вопрос: как могло быть вредительство в планировании сельского хозяйства?

План НКЗема, как мы знаем, охватывал «восстановительные годы» для сельского хозяйства СССР, а именно 1923—1928 гг.

Для того чтобы по-ленински построить перспективный план на данный отрезок, предполагается знание учения Ленина о переходной экономике СССР, о кооперативном плане и о тех задачах, которые Владимир Ильич ставил на разрешение перед коммунистической партией и пролетарской диктатурой на ближайшие примерно 10 лет. И совершенно ясно, что если коммунист, руководящей плановой работой, собьется в этих вопросах с ленинской дороги, то он неизбежно превратится в оппортуниста как в теории, так и на практике.

Сопоставим теперь «установки» некоторых коммунистов-плановиков, положенные ими в основу плановой работы и конкретно в основу построения перспективного плана развития сельского хозяйства на 1923—1928 гг., и сопоставим их с указаниями В. И. Ленина.

Не имея возможности изложить здесь многочисленные факты правооппортунистической практики целого ряда коммунистов, работников Наркомзема тех лет (как-то: тт. А. П. Смирнов, Мирошхин и др.), рассмотрим наиболее цельную «теорию» и «практику» планирования, выразителем которой является руководитель Земплана т. Теодорович. У него мы имеем ярко выраженными все важнейшие звенья правого оппортунизма. Приведем ряд фактов, сопоставив их с учением Ленина.

Отвоевав в жестокой гражданской войне возможность строить

социализм, пролетариат СССР, опираясь на бедноту и в союзе с середняком, приступил к созданию фундамента социалистического общества и построению социализма в СССР. Этот фундамент мы достраиваем в 1931 г.

В 1921 г. Владимир Ильич Ленин развертывает гениальный стратегический план социалистической индустриализации страны и социалистической переделки деревни.

Можно ли допустить, что В. И. считал необходимым для сельского хозяйства СССР сперва капиталистический путь сельского хозяйства и лишь затем—переход к социалистическому строительству? Достаточно привести несколько тезисов Ленина, чтобы видеть, что думать так об учении Ленина—значит не знать его или сознательно извращать.

Переводя страну на рельсы новой экономической политики Ленин учил, как построить социализм в условиях, когда в стране преобладает мелкотоварное производство. «Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелких хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство—мелкобуржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду. Это теоретически несомненно. Этого перехода мы коснулись в целом ряде законодательных актов и в практическом осуществлении и мы знаем, что это можно обеспечить, когда имеешь сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущества этого крупного хозяйства».

Ленин ясно указывает задачи пролетариата в наших условиях. Не ставка на капиталистический путь сельского хозяйства, а руководство переходом бедняцко-середняцких масс деревни к коллективному труду. Не аграризация и не «двухсторонний тип» страны, а «сильнейшая крупная промышленность».

Если пролетарская диктатура перешла к новой экономической политике, то это сделано для того, чтобы в условиях мирного хозяйственного строительства новыми экономическими и политическими методами построить социализм.

«Когда мы все внимание напрягаем на восстановление хозяйства—мы должны знать, что перед нами мелкий землевладелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производства, до его восстановления, а это восстановление невозможно на старой базе. Это дело многих лет, не меньше чем десятилетия, а при разоренности нашей вероятно и больше. До тех пор долгие годы мы с этим мелким производителем должны будем иметь дело как с таковым, и лозунг свободной торговли будет неизбежным».

Здесь Ленин тесно связывает процесс социалистической пере-

делки мелкого товаропроизводителя с победой крупного производства, с восстановлением промышленности на новой базе. «До тех пор» нам придется иметь дело с мелким товаропроизводителем.

«Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем». В то же время Ленин прямо указывает, что «свобода оборота и свобода торговли—это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия».

Однако это не значит, что мы вправе забыть при этом классовую борьбу.

«Мы смотрим на этот ряд явлений с точки зрения классовой борьбы и мы никогда не заблуждались насчет того, что отношения пролетариата к мелкой буржуазии—вопрос трудный, требующий для победы пролетарской власти сложных мер, или, вернее сказать, целую систему сложных переходных мер».

Относительно того, каков главный путь и метод борьбы со стихией, Ленин дает ясный ответ: «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно соорганизовало бы общественное крупное земледельческое хозяйство».

И здесь Ленин говорит о «неминуемом» пути отсталого, раздробленного крестьянского хозяйства. Этот путь—организация крупных общественных земледельческих хозяйств.

Можно ли утверждать, что Ленин намечал в условиях нэпа целый период капиталистического пути в сельском хозяйстве? Нет, этого утверждать нельзя, не извращая учения Ленина. Место, роль и значение элементов капитализма в сельском хозяйстве СССР определено Лениным совершенно ясно.

Перестраивая СССР на рельсы новой экономической политики, Владимир Ильич говорил:

«Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере как стихийный продукт мелкого производства и обмена».

Для укрепления союза с крестьянством, для создания условий его социалистической переделки необходимо дать возможность мелкому земледельцу восстановить, оживить свое хозяйство, в

то время как пролетариат будет возрождать, укреплять, развивать социалистическую индустрию, одновременно овладевая основными экономическими рычагами в отношении деревни. И в этом отношении в условиях начала первого периода новой экономической политики торговля—вот то звено исторической цепи, цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921/22 г., «за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно «крепко ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать» (разрядка моя—*М. К.*).

Ленин поставил гигантскую проблему — создать фундамент социалистической экономики. Торговля являлась в решении этой проблемы для первых лет нэпа тем «звеном», за которое нужно было ухватиться, чтобы подойти к постройке этого фундамента. Ни о каком капиталистическом этапе как стадии развития сельского хозяйства нет и речи».

«В первый раз в новейшей истории мы имели дело с таким общественным порядком, когда класс эксплоататорский удален, но когда мы имеем два различных класса—рабочий класс и крестьянство. При громадном преобладании крестьянства это преобладание не могло не отразиться на экономической политике и на всей политике вообще. Главным вопросом для нас остается—и в течение долгого ряда лет неминуемо останется—правильное установление отношений между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов». «Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят».

Вот сущность соглашения, союза с крестьянством по Ленину. Уничтожение классов, построение социализма— вот наша генеральная задача. Союз с крестьянством «является одной из мер», направленных к решению этой задачи.

«Что значит—руководить крестьянством? Это значит вести линию на уничтожение классов. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата» (разрядка моя—*М. К.*).

Вот ясные, меткие и категорические указания Ленина, показывающие генеральный путь построения социализма в такой стране,

как СССР, где в истекший период преобладала мелкая крестьянская экономика.

Создание мощной социалистической индустрии, упорная работа по созданию предпосылок социалистической переделки деревни, кооперирование, начиная с простейших и понятных для крестьянства мероприятий, непримиримая борьба с кулачеством— вот из чего обязательно нужно было исходить, когда строились в этот период перспективные планы сельского хозяйства, в рамках тех примерно десяти лет, в которых мы при благоприятных условиях, при правильной политике партии, по мысли Ленина, могли приступить к коренной переделке мелкособственнической стихии и осуществить коренные сдвиги в этом отношении.

Мы знаем, что партия, положив в основу своей генеральной линии это учение Ленина и с большевистской настойчивостью и непримиримостью осуществляя эту линию на практике, добилась успешного выполнения плана Ленина.

Владимир Ильич говорил, что наша задача—«сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем».

Наша партия осуществила эту идею Ильича. На основе ленинских отношений с крестьянством были созданы предпосылки того, что в 1929—1930 гг. произошел коренной перелом, «великий перелом» в отношении деревни, в отношении середняка к социализму. Мелкое крестьянское производство перестраивается в крупное социалистическое на основе сплошной коллективизации и последняя является той «антикулацкой лавиной», которая сметает кулачество. Кулачество ликвидируется как класс.

Этот план Ленина осуществляется в жесточайшей борьбе с классовым врагом и всяческим оппортунизмом, как кулацкой агентурой внутри партии.

Мы показали в предыдущих разделах статьи, какое ожесточенное наступление классовый враг вел на плановом фронте. И здесь, как и на всех фронтах, правый оппортунизм весьма чувствительно помогал ему, создавая условия для работы вредителей, прикрывая и помогая протаскивать в наши планы свои «теории», «установки», «методы» и т. д.

Если мы привели здесь ряд положений из учения Ленина, то сделали это не только и не столько потому, что полезно прочитать и вспомнить что говорил Ленин, а главным образом в конкретной связи с нашей темой.

Изложенное учение и директивы Ленина даны им в самом начале новой экономической политики. Коммунисты-плановики, составляя в 1923, 1924 и 1925 гг. перспективный план на 1923—1928 гг., должны были, обязаны были знать учение Ленина, обязаны были положить его в основу и из него исходить. Вот здесь-то мы и имеем ряд «прорывов».

В предыдущих главах мы развернули и показали взгляды клас-

сового врага—кулацких профессоров и выявили их вредительскую сущность. Посмотрим теперь, каковы были взгляды правых оппортунистов—плановиков. Вот «концепция» бывшего тогда руководителя Земплана т. Теодоровича, продуктом которого в огромной степени был весь рассмотренный нами план. Рассмотрим эту «концепцию» в ее основных звеньях.

Начнем с мирового хозяйства.

«Если брать сейчас мировое хозяйство в целом,—говорит т. Теодорович,—как в том секторе его, который остался капиталистическим, так и в том, который переживает переходную стадию развития, то мы видим, что основные причины кризиса как капиталистической его части, так и социалистической заключаются в разрыве мирового хозяйства»[1].

Прочитав этот «кризисный тезис», невольно спрашиваешь себя: да верно ли, что это говорил коммунист? Не Кондратьев ли это говорит? Оказывается, не только капиталистическая система, но и советская переживает кризис. Причем и по характеру и по причинам кризис обеих систем одинаков, ибо он рожден не чем иным, по Теодоровичу, как разрывом мирового хозяйства, созданным пролетарской революцией.

Сейчас же вспоминается Кондратьев, который говорил, что мировой капитализм здоров и развивается. Лишь мешает ему такое «препятствие», как пролетарская диктатура в СССР. То же самое по существу говорит и Теодорович, ибо, по его мнению, кризиса капитализма не было бы, если бы не «разрыв» мирового хозяйства. А мы очень хорошо знаем, кто произвел разрыв. Пролетариат СССР, руководимый коммунистической партией и поддерживаемый международным пролетариатом, произвел этот «разрыв».

Выходит, что в кризисе капитализма виноват пролетариат и Октябрьская революция в СССР.

Мы знаем, что этой клеветой усиленно занимается международный империализм и социал-фашизм.

Теодорович же сомкнулся с ними в этом пункте.

Теперь относительно кризиса социалистического сектора мирового хозяйства. Откуда взял Теодорович этот «кризис»? И ВКП(б), и Коминтерн, и весь международный пролетариат твердо убеждены и знают, что в то время как мировой империализм находится в безвыходных для капитализма противоречиях, которые будут сняты только пролетарской революцией в этих странах, в это время в СССР происходит бурный процесс сначала восстановления, а затем и реконструкции. Мы уже не говорим о нынешнем этапе развития социализма в СССР. Мы говорим о том периоде, когда т. Теодорович развивал в Земплане свою «теорию» кризиса капитализма и социализма, а именно—апрель 1927 г.

Таким образом т. Теодорович вместо борьбы с кулацкими профессорами в Земплане сам выступил с ревизией ленинизма и решений партии по вопросам империализма. Так же как и буржу-

[1] Речь *Теодоровича* на заседании Земплана в апреле 1927 г.

азные профессора, он исходит из того, что берет «мировое хозяйство в целом» и, совершенно не понимая особенностей переживаемого этапа капитализма, скатывается на классово-враждебные пролетариату позиции.

В дальнейших положениях т. Теодорович неизбежно еще более роднится с враждебными теориями.

На заседании перспективной комиссии Земплана 13/IV 1927 г. с докладом выступил проф. Кондратьев. В этом докладе Кондратьев характеризует систему мирового капитализма как находящуюся в стадии развития. Никакого кризиса капиталистической системы, по проф. Кондратьеву, нет. На этом фронте он рисует мрачными красками перспективы СССР. Единственным выходом он считает капиталистический путь развития деревни, ставку на капиталистические верхушки деревни. Кооперацию он вообще считает не способной сыграть какую-либо существенную роль. Промышленность должна быть подчинена интересам сельского хозяйства и т. д. Одним словом кулачество предлагает путь реставрации капитализма.

Посмотрим, как отвечает на это председатель Земплана т. Теодорович, какие «идеи» он развивает, сравним их с кулацкими идеями.

«Мы могли бы например допустить совершенно объективно (?), забывши свои несогласия с Коминтерном (?), три возможности: первая возможность, что мы накануне мировой революции; вторая возможность, что мировая революция не так близка, но капитализм гниет (жаргон резолюций Коминтерна вам хорошо известен); третье предположение, что капитализм не изжит, хотя и находится на пути исчерпания своих возможностей».

Итак, согласно Теодоровичу, можно совершенно «объективно» забыть свои несогласия с Коминтерном, или, вернее, «коммунист» может выступать против решений Коминтерна, оставаясь членом важнейшей секции его. И действительно. Будучи окружен кулацкими профессорами, Теодорович, как мы видим, был не согласен с Коминтерном и теперь старается «объективно» отвлечься для «углубленного анализа».

Получаются три равноправных варианта, причем ни в одном из них не сказано, что мировая революция уже началась. Диктатуру пролетариата в СССР т. Теодорович не считает началом мировой революции. Поэтому у него в лучшем случае получается, что мировая революция «близка». Но и это лишь один из равноправных вариантов. Эта равноправность далеко не случайная оговорка.

Тов. Теодорович «развивает» свою мысль: «если исходить из третьего пункта (т. е. что «капитализм не изжит»—*М. К.*) и принять во внимание, что мы всемерно заинтересованы в развитии мировых связей, то мы имеем огромный хозяйственный выигрыш». Следовательно, по Теодоровичу, мы всемерно заинтересованы в том, чтобы капитализм здравствовал. И это тем более повидимому так, что «если же взять второй пункт, т. е. что капитализм загнивает, то мы не имеем никаких прочных перспектив на наш

экспорт, никаких прочных перспектив на включение в связь с единым мировым хозяйством у нас нет. Выходит курьезное положение, что по политическим соображениям нам выгодно, что загнивает капитализм, хозяйственно же мы не решим при таком положении проблемы экспорта».

Вот он где—беззубый, гнилой оппортунизм во всей его неприкрытой пошлости! Полное неверие в силы пролетариата, полное отрицание возможности построения социализма в СССР. Отрыв политики пролетариата от экономики! Все сведено к экспорту, т. е., в понимании Теодоровича, к сельскому хозяйству. Отсюда кривлянье и паясничанье т. Теодоровича перед кулацкими профессорами по поводу «курьезного положения», что, мол, если капитализм гниет, то и нам этого не миновать.

Высшая точка кривлянья и поясничанья, бахвальства и опьянения своим «могуществом» нашла свое выражение, когда Теодорович добрался до первой возможности, т. е. «когда налицо первый путь и мы накануне, в обозреваемый (?) исторический момент, социалистического переворота: тогда я распускаю Земплан (вот мы как!—*М. К.*), рекомендую вас (т. е. Кондратьева, Макарова, Челинцева и всю прочую вредительскую сволочь—*М. К.*) в лондонский госплан и уже лондонский госплан даст распределение общественных сил и т. д.».

Как видим, «объективно» отвлекшийся от разногласий с Коминтерном Теодорович в отношении мирового империализма прочно съехал с позиций пролетарской партии и перешел на сторону кулацких профессоров.

Этот переход подтверждается и тем, что т. Теодорович допускает, что «есть другая возможность, и, выражаясь языком Н. Д. Кондратьеа, получаетвся подъем волны среднекапиталистического цикла».

Таким образом мы не нашли никаких существенных различий между «теориями» кулацких профессоров и «теорией» руководителя Земплана т. Теодоровича.

Это по линии мировых проблем. Но с этим связана постановка и решение задач, стоящих перед пролетариатом СССР. Если вредители толкали СССР на путь аграризации, на путь включения в систему международного разделения труда, то Теодорович ничем «не хуже» их.

«Вовлечение в мировое хозяйство,—говорит он,—неизбежно, как злая воля». «Здесь есть очевидно какая-то обусловленность и закономерность, поэтому мы видим, что действительно мировой закон влечения в двухсторонний тип своего развития такой страны, как Россия». Теодорович весь во власти стихийных капиталистических процессов. Он целиком во власти буржуазных схем развития.

«Я глубочайшим образом убежден, независимо от форм государственной власти мы застаем Россию в стадии завершения своего национального хозяйства, понимая этот термин в духе проф. Бюхера. Это—максимум разделения труда. Я по-иному (!) буду цитировать слова т. Ленина, я думаю, что

независимо от форм политической власти мы имеем сейчас процесс достраивания национального хозяйства».

Точки над «и» поставлены! оказывается, никакой пролетарской революции у нас не было и нет. Диктатура пролетариата, по Теоровичу,—это игрушка в руках мировой стихии!

Если проф. Кондратьев, как мы помним говорил, что «хотим мы или не хотим», но капитализм в СССР будет, то Теодорович повторяет то же самое, но другими словами. Ибо «независимо от форм государственной власти» «Россия (?) завершает свое национальное хозяйство» по схемам «в духе проф. Бюхера». Оказывается, что пролетариат СССР только воображает, что строит социализм, а на самом деле, если послушать Теодоровича, он вольно или невольно занимается лишь «процессом достраивания национального хозяйства», т. е. хозяйства капиталистического.

Еще на XI съезде партии Ленин так характеризовал сменовеховцев. «Что такое новая экономическая политика большевиков—эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы, которых вы знаете,—течение, привившееся в эмигрантской России, течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские деятели, некоторые министры бывшего колчаковского правительства,—люди, пришедшие к убеждению, что советская власть строит русское государство, и надо поэтому итти за ней... Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идет разными путями—рассуждают сменовеховцы».

Сравнение показывает совершенно ясно, что «концепция» Теодоровича целиком совпадает с теорией сменовеховцев. В лице Теодоровича мы разоблачаем правый оппортунизм как разновидность устряловщины. Большевики, мол, занимаются построением национальной России, включаются в систему международного разделения труда и таким образом превращаются, в строгом соответствии со схемами Бюхера, в частичку мирового капиталистического хозяйства, проходя предначертанные судьбой «стадии». Таковы установки руководителя Земплана.

Уже отсюда ясно, в каком направлении будут формулированы более частные проблемы развития и перспектив СССР. Вредители пытались протащить в основу наших с.-х. планов, да и вообще наших народнохозяйственных планов ту установку, что СССР должна быть страной сельского хозяйства с подчиненным значением индустрии, а Теодорович полностью разделяет эти взгляды.

На заседании Земплана в апреле 1927 г. в связи с обсуждением перспективного плана, составленного в Госплане СССР под руководством С. Г. Струмилина, плана, как известно, в высшей степени минималистского в отношении индустрии и не принятого ни Госпланом СССР, ни правительством, Теодорович развил следующие интересные взгляды. Еще, мол, Каутский учил, что «как только пролетариат возьмет власть в свои руки, он должен будет эту историческую несправедливость уничтожить, он должен будет

все (?!) технические возможности, все, что имеется в распоряжении индустрии, бросить в сельское хозяйство для того, чтобы поднять его производительность труда.

Теперь я спрашиваю себя, верна ли эта концепция, и отвечаю себе—она верна. Далее, я спрашиваю, а руководствуются ли у нас при намечении курса на индустриализацию этой идеей, и отвечаю—как будто нет».

Смысл выступления совершенно ясен. Даже струмилинские темпы развития промышленности казались непосильными Теодоровичу. Ему казалось, что эти темпы—во вред сельскому хозяйству, ибо сюда, по его теории, нужно бросить «все, что имеется в распоряжении индустрии». Итак—в основу сельское хозяйство. Последнему подчинить индустрию! А отсюда—экспорт как центральная идея. «Если мы должны центральной идеей иметь идею экспорта, как того направления нашей хозяйственной жизни, которое в конце концов скажется на возможности импорта, а с другой стороны на громадном росте дохода сельского хозяйства, то мы легко увяжемся с той основной идеи Каутского, о которой я говорил, т. е. мы ставим ставку на рост сельского хозяйства не только как базы для роста нашей индустрии, но ставим курс на рост производительных сил сельского хозяйства, как такового, для ликвидации той общей отсталости сельского хозяйства в народном хозяйстве, о которой говорил Каутский».

Мы видим полный разрыв с генеральной линией партии, провозгласившей на XIV съезде лозунг всемерной индустриализации страны и высвобождения от зависимости по линии индустрии передовых капиталистических стран.

Теодорович ставит ставку на экспорт, как на «направление нашей хозяйственной жизни», на «рост производительных сил сельского хозяйства как такового». Здесь мы вспоминаем вредительский «критерий» «производительных сил». Иначе не могло получиться у правого оппортуниста, который говорит, что «все построение у меня связывается и базируется на анализе связи с единым мировым хозяйством и нашего включения в него».

И так как Теодорович являлся председателем Земплана, то его формулировки показались вредителю Кондратьеву слишком откровенными и резкими и, будучи вынесены в таком виде за стены Земплана, могли бы повредить вредителям. Поэтому Кондратьев «осаживает» своего руководителя по Земплану и последователя по идеям: «Ту группу вопросов,—говорит он в заключительном слове,—которую вы выдвинули, я ее учитываю. Но так выпукло формулированную идею в план вводить невозможно по тем соображениям, что это—гонимая идея».

Между Теородовичем и Кондратьевым не оказалось по существу никакого различия. Правда, различие есть, но лишь в том, что вредитель Кондратьев свои реставраторские замыслы обставлял целой батареей «теорий», «методов» и т. д., а правый оппортунист

Теодорович «рубанул с плеча»: все сельскому хозяйству, снизить темпы индустриализации и т. д.

Мы видим полную смычку, контакт вредителя с правым оппортунизмом под идейным руководством вредителя. Но быть может т. Теодорович, ратуя за сельское хозяйство, имеет в виду социалистическую реконструкцию сельского хозяйства? Оказывается, ни в какой степени! Сравним выступления Кондратьева с выступлениями Теодоровича. Кондратьев считает, что «курс должен быть взять на форсирование сельского хозяйства, ибо это есть основной путь в проведении огромного количества материальных ценностей через мировой рынок... Нужно до конца понять это положение».

«По линии сельского хозяйства это есть отказ от преследований так называемого кулака. Если под кулаком нужно понимать всякого мужика, который может продавать, то не жалуйтесь, если он не продает, когда может. Ведь это же демагогия, когда говорят, что мы покровительствуем бедноте, а потом жалуются, что деревня ничего не продает. Беднота потому ничего не продает, что у нее нет ничего».

Здесь кулакий профессор, «ничто же сумняшеся», предъявляет от имени кулачества ультиматум пролетарской диктатуре: или откажитесь от преследований и ограничений кулака и разгородите ему дорогу, или он перестанет вам продавать и заморит вас голодом; и если вы будет и впредь «покровительствовать бедноте, то и в самом деле вас, мол, придется заморит голодом. А дальше идут уже прямо невыносимые пошлости и инсинуации насчет бедноты и восхваление кулачества.

«Я считаю,—продолжает Кондратьев,—что нужно признать, что богатеющий мужик вовсе не является таким, которого мы берем под надзор, а является творческой фигурой. Я знаю, что предубежденность против этой фигуры огромна. Но извините меня, тот класс населения, который не сводит концы с концами в своем бюджете, никакого накопления дать не может. Можно на него возлагать горы надежд. Он может быть годен для борьбы на баррикадах, я с этим согласен, может быть он годен еще на что-нибудь, но для накопления он не годится. Не ведите зигзагообразной политики в деревне, а ведите определенную политику, стройте дело на бедноте или от этого откажитесь и развяжите руки творческой фигуре деревни».

Мы видим, что «модель» будущего СССР в перспективном плане Кондратьева «сконструирована» довольно ярко и фундаментально. Кулак—«творческая фигура». Бедняку никаких хозяйственных перспектив. Кондратьев требует отказаться от политики «строить дело на бедняке» и намечает генеральную линию кулацкой партии. Эту кулацкую вылазку против генеральной линии партии, против пролетарской диктатуры, за кулачество, за капитализм, вредители устроили не где-либо, а на заседании Земплана НКЗ РСФСР в 1926 г. под председательством Теодоровича. И никакого отпора, никакого возражения эта кулацкая контрреволюция не получила. Да и не могла получить, если послушать заключение Теодоровича.

«Ваши рассуждения, что история обязала нас к цацканью с бедняком, правильны; мы все это будем делать, но это цацканье будет нам мешать. Это—накладные расходы. Но дело не в том, мы не сумеем здесь платить по векселям, если кто-то не будет создавать ценностей. Вот ценности может создавать эта персона, которую мы называем кулаком. Она и никто иной. Я считаю, что без этого вывода, вы никуда не денетесь при всем добром желании. Должен быть курс на крепкого зажиточного мужика при всей системе охраны труда, налоговой политике и известном регулировании этого процесса. Это не что иное, как ленинская (??) формулировка нэпа; взрастим производительные силы промышленности на росте сельского хозяйства, идущем на капиталистической основе. Вот формула живая и истинная».

Как видим, председатель Земплана, правый оппортунист Теодорович самым бесцеремонным образом извращает и ревизует кооперативный план Ленина и переходит на сторону классового врага.

Не классовая борьба с кулаком и не политика ограничения (в период до ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации), а «курс на крепкого зажиточного мужика», «создание в деревне атмосферы свободного накопления».

Беднота, по правому оппортунисту,—это не опора пролетарской диктатуры и не активный массив деревни в деле социалистической ее переделки, а «Аркашка из «леса», мешающий «достраивать национальное хозяйство» Теодоровича. Политика пролетариата в отношении бедноты, по Теодоровичу, не что иное, как политиканство, ибо выходит, что мы с ней заигрываем, хитрим, идя на «цацканье», на «накладные расходы» по бедноте. «Это цацканье будет нам мешать», ибо ценности может создать лишь «персона, которую мы называем кулаком». Теодорович требует бросить терминологию «кулак», усмирить бедноту, оградить кулака от «Аркашки». Он очень боится, что этого не будет сделано и тогда его «национальное хозяйство» не будет достроено, а схемы Бюхера будут искажены большевиками.

Владимир Ильич неустанно твердил и вбивал в головы всем коммунистам, всем трудящимся, что прежде всего мы должны создать мощную индустрию, одновременно поднимая бедняцко-середняцкое хозяйство деревни, кооперируя его, внедряя элементы социализма, создавая условия для перевода его на рельсы крупного социалистического производства, коллективизируя его, ведя непримиримую борьбу с элементами капитализма и т. д. В это время находится коммунист, который, пользуясь тем, что партия доверила ему ответственный пост Замнаркомзема и председателя Земплана, окружил себя кулацкими вождями, сомкнулся с ними и вместе с ними пошел в поход против ленинизма, против генеральной линии партии. Чем отличается от кулацких тезисов требование Теодоровича «взрастим производственные силы промышленности на росте сельского хозяйства,

идущем на капиталистической основе». И это Теодорович называет ленинской формулировкой нэпа! Стоит сопоставить этот перл с определением Сталина: «Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах—на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства».

По Теодоровичу выходит, что надо формировать превращение мелкотоварного сельского производства в крупное капиталистическое и на капиталистическом сельском хозяйстве строить промышленность. По генеральной линии партии выходит совсем иначе. Если нельзя базировать социалистическое строительство на двух разных основах, из коих одна—мелкотоварное производство, то тем более нельзя допустить, как одну из основ, капиталистическое производство в сельском хозяйстве. «Этот путь отвергается нами как путь, несовместимый с советским хозяйством» (Сталин).

Какой же путь наш при наличии сектора мелких товаропроизводителей? «Существует путь социалистический, состоящий в строительстве совхозов и колхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия». Таков путь партии, ее генеральная линия. Нельзя же оправдываться тем, что Теодорович не имел тогда под рукой определений т. Сталина. Положения, сформулированные здесь т. Сталиным, заложены в основах ленинизма. Но как мы видели, именно эти-то основы ленинизма и не принимает Теодорович, подвергая их кулацкой ревизии. Таково «теоретическое» лицо правого оппортуниста. Практически же это означает принятие целиком установок и предложений вредителей и защиту их от критики коммунистов. Выводы, которые делает Теодорович из контрреволюционных докладов, как нельзя больше удовлетворяют вредителей. Вот несколько примеров. Первый пример. Доклад Кондратьева в феврале 1926 г. о конъюнктуре, где он требует, как мы уже видели, отказа от бедноты и ставку на кулачество. Заключение Теодоровича: «в общем выводы, которые вы на непривычном для нас жаргоне изложили, правильны». Второй пример—доклады Макарова и Кондратьева в комиссии по перспективному плану 18 апреля 1927 г. вредители развивают теории о неизбежности капитализма в СССР, отрицают коллективизацию, требуют развязать рынок и т. д. Иллюстрируем эти выступления лишь одной «обычной» для Земплана выдержкой из речи Кондратьева на этом заседании, где он требует—«не мешать беднякам подниматься до середняков, до верхов, а если так, то открыть двери, а если открыть двери, то мириться и с теми группами, которые выросли. Но может быть другой подход, когда будет допускаться известное

поднимание, а потом опять их будут резать. Это называется ловить комаров».

Мы знаем, что это за «комары». Мы их не переставая «ловили», давили и продолжаем додавливать. И это, как известно, очень трудная работа. Но нас сейчас интересует заключение Теодоровича. Вот оно: «Я думаю, что общий язык может быть найден, если несколько уточнить (?) те формулировки, которые даны Н. Д. Кондратьевым и Н. П. Макаровым», если и существуют недоразумения, то все же на самом деле общий язык может быть найден. Прежде всего недоразумение (?) такое. Бывают такие моменты (?), когда у Н. Д. (Кондратьева) срываются с кончика его языка или пера, что еще хуже, потому что то, что срывается с его языка, я консервирую, а когда это делается с кончика пера, то всякие Кубанины и прочие товарищи (??) только этого и ждут».

Здесь Теодорович сам расписывается в своей позорной роли. Он прямо покрывает контрреволюцию! А как он «консервирует» их идеи, это мы видели из анализа его собственных взглядов и из той пятилетки на 1923—1928 гг., которую выработали вредители под руководством Теодоровича и которую он защищал в Госплане. Нечего и говорить, что от его нападок на товарищей, критикующих вредителей, нападок вроде «всякие Кубанины», «прочие товарищи» и т. д., несет кулацкой гнилью.

Таких «выводов» Теодоровича мы могли бы привести великое множество. Но и приведенных достаточно, чтобы видеть лицо правого оппортуниста в теории и на практике.

Мы остановились на фигуре Теодоровича так подробно потому, что он был руководителем Земплана, материалы которого мы рассматривали и «работу» кулацких сотрудников которого мы видели. Однако перспективный план Земплана на 1923—1928 гг. был рассмотрен и утвержден коллегией НКЗ РСФСР. Больше того, этот план был доложен от имени НКЗема проф. Кондратьевым в с.-х. секции Госплана СССР в 1924 г. и в президиуме Госплана в 1925 г., где был принят. Сельскохозяйственная секция Госплана в 1924 г., заслушав доклад Кондратьева, постановила: «признать общие предпосылки доклада проф. Кондратьева о перспективном плане сельского хозяйства на ближайшее пятилетие вполне правильным и, считая, что сложность вопросов, затронутых докладом, требует комиссионной проработки, передать доклад в комиссию для рассмотрения отдельных вопросов в связи с конкретными планами различных управлений». Это и понятно. Тогдашний руководитель с.-х. секции Госплана П. И. Попов находил нужным признать правильным общепринципиальный подход докладчика, но ввиду сложности вопросов предложил образовать комиссию для детального рассмотрения и конкретизации отдельных пунктов доклада. Вредителю «Кондратьеву оставалось лишь «выразить свое удовлетворение ходом прений».

Итак, основы плана были приняты. Было дано задание перейти к детальному рассмотрению по отраслям хозяйства.

Этим делом НКЗ РСФСР и с.-х. секция Госплана занимались

в течение года, и в 1925 г. тот же проф. Кондратьев вновь выступил, но уже не в секции, а в президиуме Госплана с «более обстоятельным» планом. Несмотря на то, что доклад этот встретил значительный отпор со стороны ряда коммунистов (Крицман и др.), несмотря на то, что последними была предложена резолюция план «вернуть в НКЗ для переработки»,—все же президиум Госплана эту резолюцию провалил и принял следующую, в первом пункте которой мы читаем:

«Отметить, что общие основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства СССР были рассмотрены с.-х. секцией Госплана в прошлом 1924 г. 8 июля и основные принципы построения перспективного плана признаны правильными».

Вместо жестокой критики и категорического отклонения чуждого нам перспективного плана сельского хозяйства, доложенного Кондратьевым, резолюция первым долгом и с удовлетворением напоминает, то еще год тому назад с.-х. секцией Госплана были заслушаны и одобрены «основные принципы построения».

Вторым пунктом резолюции президиум Госплана еще раз, уже в 1925 г., признает правильной «методологию» наркомземовской пятилетки. «Заслушав доклад НКЗ РСФСР об основных положениях перспективного плана развития сельского и лесного хозяйств, президиум Госплана СССР считает, что общий методологический подход, положенный в основу построения перспективного плана и заключающийся в анализе эволюции сельского хозяйства и его тенденции в прошлом, а также указывающим желательное направление сельского хозяйства в будущем, исходя из конкретных задач социалистического строительства,—является правильным».

Мы видели, что установки и методология наркомземовской пятилетки находились в вопиющим противоречии с генеральной линией партии. По существу своему они были построены, исходя из капиталистической перспективы сельского хозяйства, и являлись продуктом влияния кулацких профессоров на руководящих работников аппарата Наркомзема, работников, правый оппортунизм которых вполне совпал с кулацким маневром и стал важнейшим условием вредительства.

И вот, президиум Госплана признал **правильными все основные элементы** плана. «Генетика», «тенденции», «равновесие» «минимумы и модели» и т. д.—все эти насквозь чуждые и враждебные ленинизму методы признаны соответствующими экономике пролетарской диктатуры.

В пятилетнем плане НКЗ на 1923—1928 гг. свалены в одну кучу и дооктябрьская Россия и Социалистический союз советских республик, никаких принципиальных различий между ними не найдено, тенденции сельского хозяйства царской России продолжены авторами плана в сельское хозяйство в системе пролетарской диктатуры, и на этой основе построена перспектива развития, а президиум Госплана постановляет: «установленные планом НКЗ тенденции сельского хозяйства **в прошлом** признать **правильными и отвечающими действительности**. Равным образом признать отвечающими действительности данный в плане анализ поло-

жения и тенденции изменения сельского хозяйства во время войны и революции... Признать далее, что планом верно учтено влияние новой экономической политики».

Таким образом и президиум Госплана своим высоким авторитетом подкрепил правооппортунистический и прямо кулацкий перспективный план и его методологию. Это решение свидетельствует об огромном влиянии вредителей, имевшем место в плановых органах страны. Однако тут же мы должны отметить, что в правительство план внесен не был и там не утверждался.

Таков первый опыт построения перспективного плана сельского хозяйства. Он строился, исходя из признания товарнокапиталистической перспективы развития сельского хозяйства, т. е. перспективы, ничего общего не имевшей с генеральной линией нашей партии. Поэтому вся «методология» и вся система мероприятий этого плана совершенно не соответствовала социалистической практике, была отброшена в сторону развитием пролетарской революции.

На основе ленинской генеральной линии коммунистическая партия и под ее руководством пролетариат СССР с невиданным успехом претворял и претворяет в жизнь гениальный план Ильича, план социалистической индустриализации и коллективизации, план построения фундамента социалистической экономики, план завершения построения социализма в СССР.

В ожесточенной борьбе с классовым врагом, в непримиримой борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, особенно правым уклоном, как главной опасностью на нынешнем этапе, пролетариат СССР сломил всяческое их сопротивление внутри страны, успешно защищает при поддержке международного пролетариата свою социалистическую стройку от мирового империализма и вопреки вредительству в 1931 г. неслыханными темпами завершает построение фундамента социалистической экономики в СССР.

Г. Дементьев

ВРЕДИТЕЛЬСТВО И ОППОРТУНИЗМ В ПЛАНИРОВАНИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни; ВКП (б) видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства.

Из программы ВКП(б).

Планирование индустриализации сельского хозяйства—это вопрос изживания исторически сложившейся противоположности между городом и деревней.

«Идиотизм деревенской жизни», о котором говорили великие учителя коммунизма, заключавшийся в отрыве миллионов людей от культурных ценностей, людей забитых, обреченных на варварскую эксплоатацию, этот идиотизм уничтожается в Стране советов на наших глазах.

Ленин, борясь с буржуазными апологетами типа Булгакова, Герца, Струве, защищавшими «городскую культуру» от «утопических фантазий» уничтожения противоположности между городом и деревней, писал: «Неправда, что это (уничтожение противоположности—*Г. Д.*) равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища доступными всему народу, чтобы уничтожить отчужденность от культуры миллионов деревенского населения» (т. IX, стр. 84).

Технических препятствий, говорит Ленин (передача электричества на расстояние, улучшение техники транспорта и его удешевление), к тому, чтобы культурными ценностями могло воспользоваться все население, нет никаких.

И дело отнюдь не в «эстетических чувствах», добавляет он.

«В больших городах люди задыхаются, по выражению Энгельса, в своем собственном навозе и периодически все, кто могут, бегут из города в поисках за свежим воздухом и чистой водой» (т. IX, стр. 84).

В «Принципах коммунизма» Энгельс пишет о людях будущего, которые одинаково занимаются как в земледелии, так и в промышленности и пользуются преимуществами городской и сельской

жизни без того, чтобы терпеть убожество и недостатки каждого из этих двух образов жизни».

Внутри Советской страны тоже оказалось не мало врагов уничтожения противоположности между городом и деревней, которые лишь на словах заявляют, что они не возражают против уничтожения противоположности между городом и деревней (в перспективе, конечно!), но на деле ставят себе задачей всячески протаскивать идеи реставрации капитализма, увековечения его оплота—мелкого товаропроизводителя.

К этому сводилась вся тактика вредителей, каждого на своем участке работы—и в теории, и на практике.

К чему сводится сущность капиталистической индустриализации сельского хозяйства? Это, прежде всего, процесс повышения органического строения капитала в сельском хозяйстве. Происходит ли оно в форме машинизации, механизации, электрификации и т. д.—безразлично.

Вытеснение рабочих машиной, а следовательно, и рост органического строения капиталов в сельском хозяйстве происходит довольно быстро.

«Если,—говорит Маркс,—употребление машин в земледелии по большей части свободно от вредных физических последствий, которые оно приносит фабричному рабочему, зато оно действует здесь еще интенсивнее и, не встречая сопротивления, делает рабочих «избыточными» («Капитал», т. I, стр. 484).

Капиталистическая рационализация со всеми ее последствиями для рабочего класса в области промышленности сейчас усиленно прокламируется и внедряется также в сельское хозяйство. В особенности, широкие размеры капиталистическая рационализация сельского хозяйства получает в Германии, сдавленной тисками плана Юнга. Необходимость обеспечить себе конкурентоспособность на мировом рынке в условиях всеобщего кризиса капитализма и кризиса сельскохозяйственного также толкает на это. Индустриализация сельского хозяйства прокламируется в интересах «поднятия покупательной способности крестьянства», «организации сбыта», «стандартизации товаров», «увеличения товарности» и пр. Фактически же процесс индустриализации сельского хозяйства довершает разорение крестьянства, обогащая кулачество и крупных земельных магнатов.

На примере Германии т. Гернле, член ЦК германской компартии, в своей книге «Индустриализация сельского хозяйства» показывает, как удачно сочетаются все эти красивые лозунги в отношении деревни с интересами финансового капитала, как перед лицом грядущей опасности пролетарской революции происходит процесс «сращивания» финансовых магнатов с земельными (юнкерство), но ничуть не промышленности и сельского хозяйства в одно органически целое.

Прокламирование идеи «индустриализации сельского хозяйства» в капиталистических странах, и в особенности в Германии, представляет «одну из новейших форм замаскированной подготовки к войне. Сельскохозяйственные тракторы для мирного труда

и танки для войны представляют собою продукт производства тесно связанных между собою отраслей промышленности. И действительно, вся работа по нормализации и типизации сельскохозяйственных тракторов ведется в контакте с военным министерством. Общеизвестна тесная связь, существующая между азотной промышленностью и производством удушливых газов: в несколько часов можно перевести важнейшие предприятия, производящие удобрения, на выработку ядовитых газов»[1].

Сущность капиталистической индустриализации сельского хозяйства сводится к углублению противоположности между городом и деревней. Технический переворот в сельском хозяйстве используется капиталистическими элементами, в частности развитие сельскохозяйственной индустрии лишь углубляет процессы диференциации деревни, так как переработка сырья происходит оторванно от его добычи, подчас на основе весьма отсталой техники.

«Капиталистический способ производства,—говорит Маркс,—довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенческие формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового высшего синтеза—союза земледелия и промышленности на основе их антагонистически развитых форм» («Капитал», т. I, стр. 485).

Союз земледелия с промышленностью, разумеется, немыслим при существовании двух полюсов: промышленности с новейшими образцами автоматических станков и сельского хозяйства с примитивными орудиями добычи сырья и его переработки.

Социалистическая индустриализация сельского хозяйства означает коренное социалистическое переустройство советской деревни, объединение мелких крестьянских хозяйств в колхозы и развитие колхозов в предприятия последовательно социалистического типа.

Определение социалистической индустриализации сельского хозяйства должно включить в себя не только повышение технического строения производства, но и уничтожение противоположности между городом и деревней, потому что именно в форме индустриализации сельского хозяйства и осуществится тот «высший синтез» земледелия и промышленности, о котором писал Маркс.

Каким же образом пыталась разрешить эти вопросы наша практика построения перспективных планов развития сельского хозяйства?

Первые «опыты» и «планы» индустриализации сельского хозяйства.

Первый такой план—пятилетка, как известно, был составлен Наркомземом РСФСР на 1923—1928 гг. и выпущен в числе работ,

[1] *Эрвин Гериле*, Индустриализация сельского хозяйства, стр 16, Гиз 1930 г.

носящих название «Труды Земплана» и вышедших под общей редакцией И. А. Теодоровича.

«Перед тем как появиться в свет этому труду, в Наркомземе велись значительные работы. Исследовалось довоенное хозяйство, в особенности сельское, устанавливались показатели «на 100 десятин», «на одного человека», из которых было тщательно вытравлено всякое классовое содержание сущности явлений, затушевывалась диференциация деревни.

По вопросам индустриализации сельского хозяйства работали ряд комиссий: комиссия по электрификации, по механизации и специальная комиссия по индустриализации сельского хозяйства. Велась эта работа и в отдельных ведомствах, имеющих то или иное касательство к деревне; наконец, работали в этом направлении и по линии кооперации.

В январе 1922 г. комиссией по механизации сельского хозяйства при Госплане было созвано объединенное заседание «заинтересованных ведомств и лиц» по вопросам индустриализации сельского хозяйства.

Под каким углом зрения намечалась «индустриализация деревни»? Арцыбашев (председатель комиссии) в своей программной речи отмечал:

«Крупная промышленность, которая в дореволюционное время поглощала главное внимание целого ряда выдающихся сил, деятелей страны, которые отдавали капиталы, жертвовали всем, в настоящее время эта крупная промышленность, на некоторый период по крайней мере, обречена на застой по целому ряду причин, которых здесь касаться не место, но с которыми считаться приходится. И потому,—поясняет он далее,—волей-неволей должно быть обращено внимание на сельское хозяйство и его отрасли»[1].

Итак «индустриализация поневоле». Кроме того в деревне у крестьян в силу климатических условий имеется зимний досуг и их надо чем-то занять? Но чем? Работой на подсобных предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья.

Новая экономическая политика окрыляла надежды на капиталистическую реставрацию, и они считали необходимым поскорее «индустриализировать по капиталистическому типу деревню», так как... «кустарная работа разрознена и не дает возможности конкурировать с фабричными произведениями».

Ссылаясь на свой долголетний опыт в министерстве земледелия, председательствующий Арцыбашев констатировал: «У нас и раньше старались отстроить деревню, но все шло разрозненно, не так как в Новой Зеландии, где подходят во всем с точки зрения мудрости. Правда, поселки у них монотонны, но тем не менее их благосостояние, благоустройство, вопросы сбыта продукции—все это поставлено изумительно мудро, о чем мы можем мечтать».

Совещание наметило пути «индустриализации деревни» в духе

[1] Настоящая цитата, а также последующие, касающиеся Госплана, взяты из архивных материалов Госплана СССР за соответствующие годы.

выступавших ораторов, под лозунгами «поднятия покупательной способности деревни», ее «товарности», «быстрой приспособляемости к рынку» и необходимости «конкуренции с промышленностью», одним словом, в духе новозеландской «мудрости». Решено было широко прокламировать устройство крупорушек, мельниц, зерноочистительных станций, маслобоек и т. п., причем намечалось выделить в качестве образцовых отдельные районы, куда и бросить средства.

Нечего говорить о том, что первые «опыты» и «планы индустриализации деревни» не затрагивали вопросов о социалистическом переустройстве. Идеалом будущего являлись новозеландские поселки с увековечным крестьянским хозяйством.

В декабре 1923 г. в Госплане вновь обсуждались вопросы «индустриализации сельского хозяйства». На сей раз совещание происходило под председательством небезызвестного Батюшкова. Нащупывались «пути индустриализации», и особенно четко выступала идея равнения сельского хозяйства на мировой рынок. При этом высказывались следующие соображения: основной валютой для такой сырьевой страны, как Россия, зерно уже не будет. Зерновое хозяйство вообще менее выгодно. Нужны технические культуры. Оттого, что сократится посевная площадь под зерном, продовольственный фонд не пострадает, а мясной и всякий другой увеличится. «Конъюнктура мирового рынка такова,—пояснял Батюшков,—что мы выгодно можем сбывать разного рода мясные, молочные и другие продукты, но для этого необходимо индустриализовать сельское хозяйство». Сосредоточение промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья непосредственно в руках производителей и на месте производства его даст возможность использовать разного рода отбросы, поднимет благосостояние крестьянства и увеличит в несколько раз его покупную способность».

Выдвигалась широкая программа мероприятий с требованием кредитов для индустриализации сельского хозяйства, предоставление населению разного рода льгот, права «участия в прибылях предприятий» и т. д. В каждом районе предлагалось «выявить наиболее выгодные продукты сельского хозяйства перерабатывающей промышленности для экспортных целей». Форма предприятий предлагалась «самая различная». «Они могут быть кооперативные, концессионные, коллективные, государственные, трестированные, единоличные и пр.». Предпочтение отдавалось тем, «которые легче всего могут быть построены», т. е. частным предприятиям с широким привлечением иностранного капитала. В целях облегчения проникновения иностранного капитала должно быть организовано «общество индустриализации и механизации сельского хозяйства, куда иностранный капитал охотно пойдет».

И. Х. Озеров в специальном докладе «об организации акц. о-ва по финансированию индустриализации земледелия» еще резче подчеркнул сырьевое, сельскохозяйственное «лицо России», которое должно оставаться и впредь. «Из общего экспорта довоенной России в 1 400 млн. зол. руб. экспорт продуктов промышленности

составлял всего лишь 25—35 млн. руб.». «Наша промышленность может работать,—по заверению Озерова,—лишь на внутренний рынок, емкость которого зависит от покупательной способности деревенского населения».

Классовое содержание всех этих планов индустриализации ясно и очевидно: за смычку с мировым рынком, за поднятие товарности капиталистических элементов деревни на основе капиталистической индустриализации сельского хозяйства.

В специальной комиссии по «индустриализации сельского хозяйства», выделенной сельскохозяйственной секцией Госплана СССР для «координирования действий» с представителями Наркомзема и с участием других «заинтересованных ведомств» формировался некий синтез мнений, система теоретических взглядов.

На заседании от 11 августа 1924 г., через полтора месяца с момента возникновения названной комиссии, последняя формулировала свое политико-экономическое «credo», изложенное в тезисах по «индустриализаии сельского хозяйства» проф. В. П. Бушинским и инж. Ф. С. Материкиным. Тезисы рассматривают индустриализацию сельского хозяйства как «одну из новых форм развития сельского хозяйства» и «как неизбежный процесс в деле развития производительных сил деревни» и «один из наиболее серьезных факторов в деле рационализации всего сельского хозяйства».

В такой туманной форме все это может быть с успехом отнесено и к процессам, происходящим в капиталистическом сельском хозяйстве.

«План развития индустриального сельского хозяйства должен иметь в своей основе факторы экономического порядка и прежде всего конъюнктуру рынка. Перспективный план технического производственного развития индустриального сельского хозяйства должен строиться на основе возможности реального спроса и сбыта того или иного контингента как сырых, так и переработанных продуктов сельского и лесного хозяйства».

Этот тезис являлся руководящим во всех дальнейших перспективных и оперативных планах по индустриализации сельского хозяйства, в особенности по линии Наркомзема РСФСР. Индустриализация сельского хозяйства должна итти «следом за товарностью», строго учитывая «контингенты сырья», «реальный спрос и сбыт» и «конъюнктуру рынка», при условии если этот процесс пойдет «нормально», т. е. по пути капиталистического развития деревни.

Советская действительность опрокинула расчеты вредителей. Партия перешла от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

По показаниям вредителей рабочего снабжения, развитие пошло явно «анормально», поэтому были отброшены в сторону всякие «плановые соображения» и началось строительство предприятий не там, где они действительно нужны, и не тех размеров, которые отвечали бы контингентам сырья. Вредительство в планировании индустриализации сельского хозяйства нашло свое прямое

продолжение в постройке предприятий по переработке с.-х. сырья и в снабжении рабочих центров.

В ряде пунктов тезисы отмечают необходимость увязки индустриализации сельского хозяйства с «принципами районирования». Ставились вопросы об использовании отбросов от технической переработки для откорма скота, развитии «новых форм землепользования» и усилении кооперирования на базе индустриализации. Не обойдены также вопросы «обратимости крестьянских хозяйств», иначе—затухания диференциации «в результате индустриализации» сельского хозяйства и равномерного распределения сельскохозяйственного труда во времени, вплоть до применения НОТа в деревне.

Все эти «блага», проектируемые для деревни, гармонируют с основными установками на укрепление индивидуальных хозяйств и вполне подкрепляются выдвинутым вредителями тезисом: «в связи с развитием индустриального сельского хозяйства крестьянству необходимо дать основной рычаг для поднятия производительности его хозяйства,—необходимо дать машины для переработки с.-х. сырья в высшие товарные ценности, необходимо установить не только льготы и в этом направлении, но и необходимо установление премий индустриальным хозяйствам за повышение товарности вырабатываемой ими продукции».

Нет сомнения в том, что владельцами выданных премий «за повышение товарности» могли стать и становились «индустриальные хозяйства» повышенного типа и в первую очередь—кулацкие хозяйства.

В тезисах значительное внимание уделено вопросам «механизации сельского хозяйства». «Механизация сельского хозяйства, экономизируя труд, освобождает рабочие руки на селе, увеличивает безработицу, а индустриализация сельского хозяйства, наоборот, образуя новые производства и хозяйственные организации, поглощает большое количество рабочих рук, загружая их более полно почти весь круглый год, являясь тем самым серьезным средством борьбы с безработицей на селе».

Получается так: не будь «индустриализации сельского хозяйства»—механизация повергла бы трудящихся в беспросветную безработицу и нищету. В капиталистическом мире действительно так и бывает. Механизация, доступная лишь капиталистическим слоям в сельском хозяйстве, разоряет мелких товаропроизводителей, безжалостно выбрасывая на улицу массу мелких производителей. Иное у нас, когда массовое применение механизации сопровождается социалистической переделкой крестьянских хозяйств. Советская действительность зло посмеялась над теми, кто пытался попридержать механизацию «в интересах трудящихся», в интересах «избавления» их от безработицы, противопоставляя механизации индустриализацию сельского хозяйства. Так впрочем думали не только вредители, но и правые оппортунисты. С. Струмилин, председатель комиссии по выработке первой перспективной пятилетки Госплана в 1926 г., считал наметку сельскохозяйственной секции по снабжению машинами и

тракторами совершенно недопустимым перелетом при наличии прироста трудовых ресурсов деревни на 8 млн. человек. В плане был запроектирован прирост годовой продукции всего лишь на 4,5%, а увеличение количества сельскохозяйственных машин и орудий всего на 21%. Однако и эти весьма скромные приросты казались опасными «ввиду аграрного перенаселения и прироста сельского населения».

Это еще лишний раз подтверждает то положение, что к реконструкции сельского хозяйства в советских условиях нельзя подходить с капиталистическими мерками. Техническая реконструкция сельского хозяйства для нас является обратной стороной его социально-экономической реконструкции.

Система взглядов на индустриализацию сельского хозяйства, изложенная в приведенном документе, дававшем бесспорно «ориентацию к действию», сводится к пониманию индустриализации сельского хозяйства как переработки сельскохозяйственных продуктов, направленной на укрепление и усиление наиболее «товарных», т. е. кулацких хозяйств.

План «широкой» индустриализации в наркомземовской пятилетке № 1

Перейдем к Наркомзему, из недр которого появилась первая перспективная пятилетка развития сельского хозяйства.

Кондратьев и Огановский, основные авторы приведенного документа, стояли за «широкую», по их выражению, индустриализацию, в том числе и сельского хозяйства, выставляя эту ширму для определенных вредительских целей капиталистической реставрации. Эта ширма «широкой» индустриализации нужна была для обоснования необходимости «достаточного количества капиталонакоплений в сельском хозяйстве», а в переводе на более точный язык—капиталонакоплений в зажиточно-кулацких слоях деревни (чего они и сами не скрывали). Индустриализация сельского хозяйства должна была по замыслу составителей плана помочь разрешить вопросы поднятия ценности продукции сельского хозяйства и повышения его товарности путем превращения не рыночных или мало рыночных продуктов в рыночные продукты. Отсюда задачи «расширения сети перерабатывающих предприятий» и их «демократизации». Намечалось главным образом мелкое строительство заводов или—вернее—заводиков. Такой «тип» считался наиболее рентабельным на том основании, что он ближе всего подходит к населению и дает возможность использовать концентрированные корма в крестьянском хозяйстве. Всякое удаление заводов, перерабатывающих продукты сельского хозяйства, от крестьянского населения уменьшает по заверению «пятилетки» эти возможности и потому менее выгодно и не может обнаружить весь эффект для народного хозяйства. Исключение делалось лишь для мясных и мясо-рыбо-консервных предприятий—«только такие заводы предполагают более крупный тип организаций».

Все эти наметки строительства мелких по своему размеру пред-

приятий покоятся на предложении большей «выгодности» мелких предприятий по сравнению с крупными. И Земплан в своей пятилетке идет по этому же пути, заверстывая в план мелкие предприятия как наиболее «оптимальные» по своему размеру. Наиболее целесообразной формой приближения к «демократизации» считалась форма кооперированной промышленности.

При той роли, которая отводилась кооперации составителями плана, можно было не беспокоиться за последствия «демократизации». Участниками этих демократизированных предприятий и пенкоснимателями выгод от наличия таких предприятий могли быть лишь наиболее «товарные слои» деревни. На них и ставка делалась.

Ввоз с.-х. машин, орудий и оборудования для индустриальных с.-х. предприятий по переработке с.-х. сырья (разного рода крупорушек, маслобоек и т. п.) по замыслу плана не должен ограничиваться, потому что «принцип огульного промышленого протекционизма не выдерживает критики со всех точек зрения». Установка такова: ввози оборудование из-за границы вплоть до мелочей, поднимай «товарность» крестьянских хозяйств, увеличивай ценность с.-х. продукции на основе индустриализации сельского хозяйства (т. е. переработки) и за это получай готовый продукт для экспорта. К этому добавлялось еще требование «беспошлинного вывоза с.-х. товаров»..

Однако было бы ошибочным считать, что «пятилетка» намечала вывоз с.-х. товаров исключительно в переработанном виде. За основу принимаются довоенные пропорции в вывозе с.-х. сырья (95,9% от 1911—1915 гг.). Например, вместо производства пеньковых канатов у себя намечено к вывозу сырья, а недостающие снасти, сделанные из нашего же сырья (как это и практиковалось в довоенной России), ввозятся из-за границы, дабы ликвидировать прорывы на наших лесосплавных работах. То же практиковалось в отношении жмыхов. Вместо того, чтобы их использовать на корм молочному скоту и свиньям и этим увеличить продукцию масла, бекона, вредители сплавляли эти жмыхи за границу в «сыром виде», подрывая таким образом развитие животноводства.

К чему сводится конкретный план пятилетки» индустриализации сельского хозяйства? Несмотря на ратование за «широкую» индустриализацию, план этот выглядит крайне убого. Общее финансирование сельского и лесного хозяйства за 5 лет по всем источникам — госбюджету, местному бюджету, с.-х. кредиту, из средств населения и предприятий — было определено в 540,5 млн. руб. Фактически же за один 1928 29 г.—конечный год пятилетки—было вложено в основные фонды сельского хозяйства 1 923 млн. руб. [1].

Львиную долю средств намечалось направить по линии землеустройства, колонизации, переселения и мелиорации. Собственно

[1] «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI съездами», стр. 6, Эконом.-статист. сектор Госплана СССР, изд. 1930 г.

«индустриализацию» в понимании авторов плана мы находим в четырех разделах финансирования (животоводство, полеводство, садоводство, огородничество. виноградарство и виноделие). На это намечается затратить 96 396, тыс. руб., или 17,8% от общей суммы вложений. Но и эти 96 млн. руб. предназначались главным образом не на индустриализацию. Так в разделе животноводства, куда шло 78 784 тыс. руб., основные мероприятия намечались на организацию случных пунктов, на «покупку скота для населения» (300 тыс. голов), «на контрольные союзы», на организацию кормления скота «и 10 тыс. утепленных дворов». разумеется, у наиболее образцовых индивидуальных хозяйств. Это—по крупному рогатому скоту. По свиноводству и овцеводству те же племенные рассадники, рассадники-множители, случные пункты производителей, агрокультурные мероприятия, покупка «хороших пород скота для населения».

В области полеводства, куда намечалось вложить 11 190 тыс. руб., план основной упор делает на технические культуры. Лен и конопля—7 556 тыс. руб., картофель—1 720 тыс. руб. Остальные 1 914 тыс. руб. идут на табаководство, хмелеводство, сахарную свеклу, масличные, ароматические и лекарственные растения. Садоводство и огородничество, виноградарство и виноделие съедают 6 422 тыс. руб. И здесь также преобладают так называемые «культурнические мероприятия» на основе индивидуальных хозяйств.

Остальное должно было пойти на «идустриализацию». Была намечена постройка 23 свинобоен восстановление 37 цементных ям для хранения яиц. сооружение 15 холодильников, 1 альбуминосушильного завода. 5 откормочных заведений для птиц. 26 молочных лабораторий, 300 районных ледников и, наконец, 8 400 маслодельных заводов вместе с «разливными пунктами» и т. п. «Тип» заводов проектировался по преимуществу карликовый, на ручной и конной тяге и лишь отчасти механизированный.

В области полеводства «индустриализация» выглядит так: 85 заводов по первичной обработке льна, 32 льнообделочных пункта, 10 крахмало-паточных заводов по свекле, 10 крахмало-паточных заводов картофельных, кредит на выращивание табака и на восстановление сушильных сараев, «аналогичные (как и по табаку—*Г. Д.*) мероприятия в отношении лекарственных растений и хмеля», та же «аналогия» в отношении садоводства и огородничества, виноградарства и виноделия и плюс 4 экономических лаборатории для последнего. Мизерные по общему масштабу вложения, карликовое по размерам строительство так называемых сельскохозяйственных индустриальных предприятий! Районного разреза «индустриализации» пятилетка не дает.

Из всего содержания этого планового документа» вытекает с неизбежностью девиз: «следуй за товарностью!» строй предприятия так, чтобы барыши от «индустриализации» попадали в

карман в первую очередь хозяйствам с повышенной товарностью, ориентируйся на старые районы маслоделия с наиболее повышенным процентом зажиточно-кулацких элементов в первую очередь.

В плане нет и намека на постановку вопроса об изживании противоположности между городом и деревней на основе индустриализации сельского хозяйства, о чем Ленин писал еще в девяностых годах прошлого столетия. Наоборот, мы видим определенную линию построения плана индустриализации—чтобы он способствовал усилению капиталистических слоев деревни, закабалению бедноты и, следовательно, усугублению противоположности между городом и деревней.

Классовая борьба вокруг госплановской пятилетки индустриализации сельского хозяйства

Следующий тур ожесточенной классовой борьбы на плановом фронте разыгрался вокруг построения контрольных цифр на 1925/26 г. и «пятилетки» (1926/27—1930/31 гг.), выпущенных под редакцией Струмилина.

Из каких установок исходил план индустриализации сельского хозяйства в первой госплановской пятилетке 1926/27—1930/31 гг.? В апреле 1926 г. президиум сельскохозяйственной секции Госплана обсуждал тезисы т. Гордеева «по составлению перспективного плана индустриализации сельского хозяйства».

Раздел первый этих тезисов носит название «Прогресс сельского хозяйства и индустриализация». Речь идет о послевоенном прогрессе. Сущность его заключается в том, что на каждые 100 дес. посева в довоенной России в 1916 г. приходилось зерновых культур 90,2%, промышленно-технических—9,8%. В советской России это соотношение было таково: в 1923 г.—86,1% и 13,9%, а в 1925 г.—83,8% и 16,2%. Приведенным характеризуются прогресс и рост интенсивности сельского хозяйства.

Развитие интенсивных культур и животноводства ставит вопрос об утилизации. Часть продуктов указанных отраслей может идти в непосредственном виде в потребление, скажем, картофель требует перегонки через скот и затем уже в виде молока, мяса и продуктов, технической переработки может поступить на рынок. К тому же имеются продукты нетранспортабельные, которые без соответствующей предварительной обработки перевозиться на известные расстояния не могут. Все это приводит к тому, что индустриализация сельского хозяйства по мере роста интенсификации становится неизбежной. В противном случае, при отсутствии переработочных предприятий,—делает заключение т. Гордеев,—интенсификация сельского хозяйства может замедлиться вплоть до полной остановки. А такая угроза уже имеется. В разных районах, как разъясняется дальше, создались затруднения с реализацией интенсивных культур из-за отсутствия рынка и переработки. Отсюда задача: найти «оптимальные» соотношения между интенсификацией сельского хозяйства и его индустриализацией.

Философия «несмешивания» индустриализации сельского хозяйства с его механизацией «Радиусы индустриализации».

«Прежде всего мы должны отличать индустриализацию сельского хозяйства от индустриализации народного хозяйства в целом. Первая—лишь часть второй. Неправильно смешивать индустриализацию сельского хозяйства с его механизацией. Понятие индустриализации сельского хозяйства не может обнимать также различных несельскохозяйственых промыслов. Под индустриализацией мы понимаем переработку продуктов растениеводства и животноводства в полуфабрикаты или законченные фабрикаты. Следовательно, переработка продуктов сельского хозяйства и будет называться индустриализацией сельского хозяйства .

Вот и вся философия. Маркс и Ленин, на теорию которых автор тезисов ссылается дальше, ставили вопрос о «системе машин» в сельском хозяйстве, о «крупной земледельческой индустрии», об органическом слиянии промышленности и сельского хозяйства и уничтожении противоположности между городом и деревней, а т. Гордеев советует «прежде всего» отличать индустриализацию сельского хозяйства от индустриализации народного хозяйства в целом, «не смешивать» индустриализацию сельского хозяйства с его механизацией.

Тов. Гордеев пытается отмежеваться дальше от теорий выгодности мелких предприятий перед крупными. Сахарная промышленность, пивоваренная, спиртовая и т. д., поясняет он, сложились уже как определенные крупные отрасли промышленности с крупными предприятиями и дают максимальные выгоды по сравнению с мелкими.

Но вот такие «отдельные продукты», как картофель, молоко, кормовая свекла, зеленый корм и др., имеющие «ограниченную» транспортабельность», в силу необходимости должны перерабатываться на мелких заводиках, обслуживающих небольшой рынок. Причем точно расписывается, какой именно. Для молока—радиус обслуживания не более 3 верст, для картофелетерочных заводов—10 верст и т. д. Мелкие заводики, оказывается, для таких «исключительных продуктов» дают больший эффект для народного хозяйства.

Какой метод рекомендовался при составлении перспективного плана индустриализации сельского хозяйства? Тезисы отвечают на это так: прежде всего необходимо учесть эволюцию той или другой культуры за довоенное и послевоенное время: необходимо выдвинуть районы с реально растущей продукцией, выделить районы, представляющие необходимые условия для возможного развития культуры «с учетом рынка и сбыта».

Когда эта «эволюция» со всеми ее довоенными и послевоенными коэфициентами учтена, установлены районы с растущей продукцией и учтены рыночные условия», тогда должен иметь место следующий этап: учет валовой продукции отраслей, учет того, что должно итти в личное и хозяйственое потребление внутри

хозяйства, и особо учет «рыночной части». «На основании учета рыночной части и части продукции, подвергающейся переработке, можно получить неперерабатывающийся остаток, который послужит основанием для расширения сети перерабатывающих предприятий».

Чего проще: «следуй за товарностью», равняйся по ней—вот и вся сущность планирования!

План построения сети предприятий по перестройке «малотранспортабельных» продуктов должен был связаться «с кооперацией, мелкогосударственной промышленностью и частной промышленностью для подталкивания в сторону расширения сети индустриальных предприятий».

Слово «частная» при обсуждении тезисов было заменено другим более удобоваримым термином—«кустарная». Но это существо дела мало меняет, потому что именно в так называемой «кустарной промышленности» довоеной России, эволюцию которой так усиленно рекомендуется изучать в первом же пункте тезисов, процветала самая хищническая, безудержная эксплоатация деревни, в особенности бедноты, владельцами разных заводчиков по первичной обработке сельхозсырья. И ничего похожего, кстати, на индустриализацию сельского хозяйства тогда не было, не происходило: добыча сырья производилась попрежнему самыми отсталыми способами.

Автор тезисов, как видно, находился под гипнозом «окружающей среды», в которой культивировались идеи вроде таких: «В тех случаях, когда социалистическое переустройство общества безусловно не может разрешить задачу развития производительных сил, план может ориентироваться на иные пути развития, в частности, на товарно-капиталистический путь развития производительных сил» (из заключения Земплана, а потом и Наркомзема в целом о перспективном плане развития народного хозяйства на 1926/27—1930 31 гг., составленном Госпланом СССР).

И, наконец, последняя методологическая установка—«с чего начать?».

«Необходимо также изучить емкость как внутреннего, так и внешнего рынков для продуктов и начинать переработку с культур, наиболее ходких и дающих большой эффект при переработке (разрядка моя.—*Г. Д.*). Затем постепенно переходит к менее ходким и эффективным».

Партией ставилась и ставится определенная задача: при помощи целого ряда мероприятий и в особенности на основе строительства предприятий по переработке с.-х. продукции реконструировать сельское хозяйство, вызвать к жизни новые товарные отрасли в новых местах. Индустриализация сельского хозяйства в сочетании с электрификацией должна коренным образом изменить лицо районов, придать им определенную, ярко выраженную специализацию. Все это в тезисах т. Гордеева о методе

составления перспективного плана по индустриализации сельского хозяйства, утвержденных с некоторыми изменениями, отсутствует.

Ставка на «естественное», «закономерное» развитие

Наконец следует остановиться еще на заключительном разделе тезисов: «Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства». Как известно, весьма излюбленным методом правооппортунистической концепции являлось противопоставление кооперации коллективизации. С особой силой подчеркивалось положение, будто коллективизация, захватывающая и процесс производства, противоречит кооперативному плану Ленина. Оппортунисты хотели удержать взаимоотношения города и деревни в рамках товарооборота, и, следовательно, сохранить между ними исторически сложившуюся противоположность, что вполне соответствовало и желаниям вредителей. Характерно, что везде и всюду, когда речь шла о кооперативной с.-х. индустрии, вредители не возражали. Наоборот, они нередко ратовали за это, ссылаясь на кооперативную индустрию Дании как на образец и на довоенную Россию, где процент кооперирования деревни местами были выше, чем у нас в годы 1926—1928, и где также были кое-какие кооперативно-индустриальные предприятия. Но редко где вы встретите выступления, высказывания вредителя по вопросу об индустриализации колхозов. А если об этом говорилось, то как о далеком будущем, которое «сегодня» не страшно.

Тезисы т. Гордеева идут по тому же правооппортунистическому пути: «государственные и кооперативные предприятия по переработке в силу естественного развития взаимоотношений будут стимулировать кооперирование крестьянского хозяйства». И дальше: «если предприятие по переработке будет дополнено надлежащей кредитной политикой и политикой машиностроения, то оно может вызвать совершенно закономерно кооперированный комбинат, где будут обобществлены как производство сырья, так и его переработка».

Здесь нашла свое достаточно яркое выражение теория самотека и ставка на «естественное», «закономерное» развитие с организацией «кооперативных комбинатов» в неопределенном будущем.

Указанные тезисы сельскохозяйственной секцией Госплана СССР были приняты. По ним шла работа, составлялись проектировки перспективного плана.

Процесс «отпочковывания»

Несколько позднее—в июле 1926 г.—президиум с.-х. секции под председательством Громана при выработке контрольных цифр на 1926/27 г., т. е. одновременно с выработкой пятилетнего плана, дает следующую установку в вопросе индустриализации сельского хозяйства:

«Общий подход докладчика (Материкина- *Г. Д.*) к разреше-

нию вопроса об индустриализации сельского хозяйства, основывающийся на финансовых, технических и организационных возможностях осуществления этого дела и базирующийся на усилении связи сельского хозяйства СССР с мировым хозяйством, признать правильным».

В контрольных цифрах на 1926/27 г. индустриализация сельского хозяйства рассматривается в весьма отдаленной перспективе: «не выкристаллизовались еще явления, характеризующие процесс индустриализации всей страны»; «вполне отчетливо наличие, характер и формы этого процесса определятся лишь на протяжении десятилетий» (стр. 173).

То, что «отпочковывается» от «сельскохозяйственного предприятия», например, маслобойные заводы, бэконные фабрики, крахмало-паточные заводы и т. п., это уже (как говорится в тексте контрольных цифр) есть типично-промышленные производства и их «нельзя рассматривать как индустриализацию сельского хозяйства». И дальше: «здесь мы имеем дело с индустриализацией народного хозяйства в целом за счет сельского хозяйства». Отсюда и вывод: план «индустриализации сельского хозяйства»,— одно, а план «сельскохозяйственной индустрии»—другое.

Если в условиях капитализма процесс «отпочковывания» с.-х. индустрии означает не что иное, как дальнейший процесс отделения города от деревни, причем противоположность между городом и деревней не только не ослабляется, а наоборот, расширяется, углубляется, то в наших условиях, в условиях СССР, расширение отраслей с.-х. индустрии служит средством коренной социалистической переделки самого с.-х. производства, его индустриализации в целом. Не видеть этой коренной разницы между процессом индустриализации СССР и процессами капиталистической индустриализации—значит не понимать нашей переходной экономики.

Главной линией развития индустриализации сельского хозяйства по замыслу перспективного плана на 1926/27—1930/31 гг. является перенесение промышленных методов переработки, обработки, хранения с.-х. сырья и вообще продуктов сельского хозяйства в обобществляемое с.-х. производство (стр. 237). Индустриализация сельского хозяйства рассматривается как фактор преобразования мелкого, раздробленного, малодоходного крестьянского хозяйства в сторону увеличения его товарности и доходности. В плане делается упор на кооперативную с.-х. индустрию, которая является «организационно-хозяйственной формой» индустриализации сельского хозяйства.

Вложения в с.-х. индустриальные предприятия на пятилетие были определены в 224 млн. руб., что составляет 6,3% в общем плане мероприятий по сельскому хозяйству.

Продукция от этих предприятий проектировалась в 800 млн. руб.

Капитал индустриализированных кооперативных с.-х. предприятий в 1925/26 г., судя по «материалам», составлял 70 млн. руб. с выпуском продукции на 174 млн. руб. Увеличение значи-

тельное, если исходить из «отправной точки», но оно крайне мизерно с точки зрения грандиозных задач, которые стояли перед сельским хозяйством по реконструкции его сырьевой базы, перестройки деревни на новый социалистический лад. Как правило, если не считать элеваторов, все это—строительство мелких предприятий с небольшим «радиусом обслуживания», распыленных по добыче сырья, хотя и кооперативных в известной части по сбыту и переработке.

По «убывающей кривой» следом за товарностью

Порядок вложения строго «следует за товарностью» отраслей. Привлечь средства населения для целей индустриализации сельского хозяйства намечалось в крайне незначительном размере. Эти средства в какой-то мере скрываются в графе «средства предприятия», но последние недостаточны: всего 57 290 тыс. руб., или 25,6% от общей суммы вложений. Не говоря уже о том, что вложения крайне малы по размеру, их и самый тип предприятий тщательно подгонялся под мелкое индивидуальное хозяйство: налицо ориентация на старые районы с «выявившейся товарностью» и т. п. Все это ничуть не разрешало вопросов реконструкции сельского хозяйства. Перспективная пятилетка 1926 27—1930/31 гг., так же как и первая наркомземовская пятилетка, ни в какой мере не ориентирует нас на социалистический путь развития, не ставит задачи изживания противоречий между городом и деревней, задачи органического слияния их на основе социалистической индустриализации всей страны и, в частности, сельского хозяйства. Это еще более подтверждается тем обстоятельством, что «основным мероприятием,—как сказано во введении к разделу «сельское хозяйство»,—мы считаем землеустройство в сочетании с широким **расселением**, которое должно создать наиболее благоприятные условия для развития производительных сил в области сельского хозяйства, в настоящее время задерживаемое целым рядом отрицательных условий, связанных с современным состоянием землепользования и, в частности, с крупнообщинной формой крестьянского землепользования».

Это прямая лазейка для вредительства. Сперва слова о кооперировании, кооперативной индустрии, коллективизации, а потом—расселяйтесь. В этом спасение! Так и делалось долгие годы по линии Наркомзема. Убивались громадные средства на **фундаментальное** землеустройство с целью укрепления индивидуальных хозяйств, создания условий для наиболее быстрого роста зажиточно-кулацких элементов.

«Индустриализация сельского хозяйства», как уже было отмечено, занимает 6,3% в общем плане финансирования сельского хозяйства, а землеустройство—14%. Мелиорация—16,2%, где также значатся расходы «по организации территории—землеустройству и расселению, в порядке обводнения новых поселений». Переселение—7,5%, «электрификация», долженствовавшая соче-

тать свою мощь с индустриализацией,—2,5%. Затраты на машиноснабжение и тракторноснабжение идут по «потухающей кривой». Средний рост сбыта за пятилетие выразится в 14,5% и приблизится к среднему довоенному за 10 лет. Процент роста по годам будет: 30, 20, 10, 7, 5. Соответственно этому предполагаемый сбыт с.-х. машин и орудий поднимается со 100 млн. руб. в 1925/26 г. до 192 млн. руб. в 1930/31 г.».

Эта затухающая кривая темпов роста машиноснабжения в перспективной ориентировке 1929/27—1930/31 гг., состоящей сплошь из «потухающих кривых», вполне согласуется с мнением Струмилина, председателя комиссии по составлению пятилетки, считавшего необходимым попридержать механизацию сельского хозяйства, дабы спасти население советской деревни от язвы безработицы. Но и с индустриализацией сельского хозяйства», которая считалась благом, поглощающим «свободные руки», как видим, по плану не так уже далеко подвигалась вперед, даже по сравнению с другими, безусловно менее важными или вовсе вредными мероприятиями с точки зрения построения социализма.

Наркомземовские индустриализаторы № 2

Следующей пятилетке суждено было вновь появиться из недр Земплана под общей редакцией Теодоровича. Она обнимает период с 1928 по 1932 г. Работы велись одновременно и в Госплане, где по директивам партии, несмотря на пышные букеты вредительства, в жесткой борьбе выковывалась подлинная пятилетка, ставшая сейчас знаменем борьбы мирового пролетариата.

Вторая пятилетка Земплана носит на себе печать первой. Разница в том, что ставка на капиталистический путь развития нашей страны в ней больше завуалирована.

На опыте Северного Кавказа и других районов в ней рисуется такой идеал развития:

«Сельское хозяйство мельчает, отпочковывая наиболее активную часть населения в виде поселков, коллективов и пр.; это отпочковывание в конце концов ведет при благоприятных условиях к распаду общины на небольшие земельные объединения, создающиеся путем землеустройства. Лишь в таких сравнительно небольших поселках с рационально устроенной земельной площадью производится правильная организация полей с последующей улучшенной техникой обработки их». Это идеал новозеландской «мудрости», о котором мы упоминали ранее.

Нельзя сказать, чтобы в самом Земплане не было борьбы за генеральную линию партии. По вопросу «отпочковывания наиболее активной части населения от общины» были весьма горячие споры. В одном из докладов агроном Маркевич на основании опыта работы машино-тракторной станции говорил о том, что «самое вредное для крестьянства—это расселение. Крупное механизированное с.-х. производство освобождает его от гибельного процесса (расселения—*Г. Д.*) в крупных селах». А что мы имеем в директивных установках перспективного плана на 1928—1932 гг.?

Идея расселения, в результате которой бесспорно росли капиталистические элементы и затруднялся процесс коллективизации, получила свое яркое выражение в финансовом оформлении плана. Из общей суммы вложений в сельское и лесное хозяйство в 3 194 млн. руб. на расселение предназначалось 257 млн., или 8%. На переселение 250 млн.—7,8%, которое также ставило себе целью насаждение «отпочковывающихся» крестьянских хозяйств в форме хуторов и мелких поселков.

Все вложение на «индустриализацию сельского хозяйства» вместе с электрификацией не достигают размеров ассигнований на переселение. Они составляют лишь 250 млн. руб. на пятилетие или 7,8% от общей суммы.

Каковые целевые установки индустриализации сельского хозяйства? Там, где существует перенаселение, пятилетка считает техническую реконструкцию сельского хозяйства почти невозможной. «Раз перенаселение задерживает процессы накопления, то неизбежно оно тормозит и вложение средств в хозяйство, а следовательно, препятствует его технической реконструкции, препятствует индустриализации и машинизации сельского хозяйства и росту его товарности, ослабляет почву для развития сельскохозяйственной кооперации и коллективизации сельскохозяйственного производства».

Вместо перевода крестьянских хозяйств на социалистические рельсы и объединения их в колхозы, Земплан выдвигает переселение как единственный и подлинный исцелитель от аграрного перенаселения и прочих бед «идиотизма деревенской жизни».

После отмеченных «замечаний» пятилетка расточает уже хвалу по адресу индустриализации сельского хозяйства, толкуя этот термин и в «широком» и «узком» смысле слова.

«Индустриализация сельского хозяйства представляет из себя частный случай общего процесса индустриализации страны. Исторически сельское хозяйство представляет первоначальный и старейший вид производства. Индустрия возникает в процессе диференциации и выделения тех или иных производственных функций из сельского хозяйства. В этом широком смысле слова весь процесс индустриализации можно рассматривать как процесс индустриализации сельского хозяйства. Однако, когда в настоящее время говорят об индустриализации сельского хозяйства в собственном смысле слова, то имеют в виду более узкий и специфический случай развития промышленности. Под индустриализацией сельского хозяйства в узком смысле слова понимают развитие тех отраслей промышленности, которые заняты первичной переработкой сельскохозяйственных товаров, вышедших непосредственно из сельского хозяйства» («Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства», стр. 35). Неверно, что всякая индустриализация есть вместе с тем и индустриализация сельского хозяйства. Капиталистический способ производства, капиталистическая индустриализация углубляют противоречие между промышленностью и сельским хозяйством. Развитие идет в антагонистических формах. «Высший синтез» союза этих двух отрас-

лей народного хозяйства на основе созданных материальных предпосылок может произойти лишь в результате устранения самого капиталистического способа производства. Но и при диктатуре пролетариата корни для реставрации остаются в капиталистических слоях деревни и в мелком товарном хозяйстве, «химически выделяющем» капитализм, поэтому «синтез» промышленности и сельского хозяйства не происходит самотеком. Он завоевывается в ожесточенной борьбе через ряд посредствующих звеньев на основе коллективизации.

Вторая часть цитаты, пытающаяся ограничить понятие индустриализации сельского хозяйства «узким смыслом слова», т. е. развитием тех отраслей промышленности, которые заняты переработкой с.-х. товаров, является теоретически неверной и практически вредной, поскольку собственно сельское хозяйство—добыча сырья—оставляется попрежнему в рамках мелкого раздробленного крестьянского хозяйства, лишенного машинизации.

Характерно полное совпадение установки Земплана и с положениями растрелянного проф. Каратыгина, вредителя рабочего снабжения [1].

За индустриализацией сельского хозяйства Земпланом признается важная роль в реконструкции с.-х. производства. Но о какой реконструкции идет речь—о капиталистической или социалистической?

«Увеличивается товарность крестьянских хозяйств, используются жмыхи в хозяйстве, развиваются производительные силы и на основе этого увеличивается «покупательная способность деревни», без чего не сможет развиваться и промышленность». Отсюда вывод «о взаимной солидарной связи развития производительных сил индустрии и сельского хозяйства».

Вместо курса на органическое слияние города и деревни даются рецепты о «необходимости» «нормальных взаимоотношений», «солидарности (!) интересов индустрии и сельского хозяйства», для чего требуется подгонять темпы индустрии к сельскому хозяйству и «нормальное» соотношение цен на с.-х. товары и промышленные. Все это, разумеется, для «бескризисного развития нашей страны», для «дальнейшего расширенного воспроизводства» и пр.

Подход к конкретному плану «индустриализации» по техническим культурам таков: берется довоенное производство, внутреннее крестьянское потребление, промышленное потребление и экспорт. И затем все подгоняется к существовавшим довоенным пропорциям. Построение плана в районном разрезе заключается в том, что в каждом районе выбираются наиболее важные вопросы, «минимумы», без разрешения которых невозможно приступить к реорганизации хозяйства. В ЦЧО например, с.-х. индустрия приветствуется, а вот в Заволжье или в районах Сибири «в центре системы мероприятий должны стоять уже другие основные вопросы, в частности вопросы воссоздания основного капитала хозяйства и реорганизации территории».

[1] См. его работу «Проблемы индустриализации сельского хозяйства в СССР» стр. 30—35.

«Обычный», «малый», «углубленный» комплексы индустриализации

В самом районе «по благоустройству крестьянских хозяйств рекомендуется итти «комплексным методом». Взять строго ограниченную группу этих хозяйств, но зато уж благоустроить их как следует. На каждое хозяйство в результате этого по расчетам пятилетки потребуется 300—500 рублей.

Итти нужно вперед комбинацией «трех комплексов». Первый «обычная массовая работа земорганов» по обслуживанию сельского хозяйства. Второй—«комплекс малого объема» или простой: землеустройство, водоустройство, расселение, кредит, снабжение средствами производства и семенами. И, наконец, третий—«углубленный или сложный комплекс». Он развертывается на основе предыдущего комплекса и состоит главным образом в создании сельскохозяйственной индустрии и углубленной работе по животноводству. Что же получится? «В результате работы по методу углубленного комплекса должна вырасти землеустроенная, достаточно водоустроенная деревня с рациональной системой полеводства, улучшенной системой животноводства, с кооперативным оформлением различных процессов сельскохозяйственного производства, переработки и сбыта».

Такой «реконструкцией» по плану должно было быть охвачено 4—5 млн. крестьянских хозяйств. Остальные подождут до следующих пятилеток!

Таковы пути построения царства крестьянской ограниченности. Основа всего плана такова: итти с карликовыми «индустриальными предприятиями» в деревню «следом за товарностью» для укрепления индивидуальных крестьянских хозяйств и облегчения капиталистического пути развития деревни. Характерно, что намечаемое финансирование колхозов идет под общей рубрикой «беднота и колхозы».

Рассмотренный нами документ, претендовавший на «руководство к действию», оказался явно негодным и вредным для страны строящегося социализма. Встал вопрос о выработке новой пятилетки по сельскому хозяйству и по его индустриализации. Руководство Земплана и Наркомзема было обновлено. Однако многие из зубров вредителей остались еще сидеть на своих местах в качестве «ученых»-консультантов; они-то и сумели частично протащить и в теорию и в практику планирования свои идеи.

Метод «замкнутых» «широких» и рыночных комплексов в пятилетке Земплана № 3

На заседании от 8 июня 1928 г. Земплан слушал первую наметку нового плана индустриализации сельского хозяйства. В постановлении Земплана по заслушанному докладу и прениям значится: «дать плану центральную идею индустриализации, рассматривая ее как фактор реконструкции сельского хозяйства по пути обобществления его. Дать оценку каждой отрасли сельского хозяйства

и желательного роста ее и, исходя из этого, построить план индустриализации. Проработать вопрос о владельцах индустриальных установок, учтя экономическую рентабельность их и отдавая предпочтение при всех **равных** условиях колхозам».

В этом постановлении Земплана очевиден определенный сдвиг в планировании индустриализации сельского хозяйства. В центр плана ставится проблема обобществления сельского хозяйства. Но наряду с этим сказывается известная недооценка колхозов, коль скоро им отдается «предпочтение» лишь «при всех равных условиях».

Центральная идея индустриализации сельского хозяйства, которую было поручено сформулировать докладчику, нашла свое отражение в новом пятилетнем плане развития сельского хозяйства на 1928/29—1932/33 г. В этом документе мы находим весьма ценное признание деятельности Наркомзема:

«Нужно признать, что в практике земельной работы организация с.-х. индустрии весьма мало использовалась для гнездования агропроизводственной работы и **еще менее для коллективизации** (разрядка моя.—*Г. Д.*) сельского хозяйства. Непосредственное стоительство индустриальных предприятий осуществлялось с.-х. кооперацией и госторговыми организациями и рассматривалось ими почти исключительно как метод организации заготовок. Развитие с.-х. индустрии шло **следом за товарностью**, не было использовано как мощный рычаг для организации отдельных товарных отраслей и рационализации сельского хозяйства там, где существующие уже изживали себя, создавая затяжной кризис с.-х. производства»[1]

Перед индустриализацией сельского хозяйства в плане правильно ставится задача — не способствовать диференциации деревни на основе разного рода индустриальных установок, выгоды которых в довоенной России использовывало кулачество, что всяческими путями внедрялось вредителями в советскую практику, а противодействовать этим процессам, повышая товарность бедняцких слоев деревни. Но, разумеется, такая задача нас удовлетворить не может, даже если мы будем осуществлять эту задачу, как говорится там же, «усиливая элементы обобществления с.-х. производства». Тут все же нет четкой постановки вопроса об индустриализации сельского хозяйства **на основе колхозов**.

Само определение индустриализации сельского хозяйства расплывчато и неясно. Имеется длинейший перечень «условий», при которых с.-х. производство становится индустриальным. Тут и специализация «в соответствии с рыночными условиями», и максимальная механизация «в пределах экономической рентабельности», и соответственный подбор растений и животных, и осуществление возможной непрерывности производственных процессов в течение года, и выработка крупных масс однородных продуктов и пр. Основное — **социальные моменты уничтожения про-**

[1] Из предисловия к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29—1932/33 гг., ч. III.

тивоположности между городом и деревней — отсутствует. О «системе машин» ни слова. Понятие индустриализации сельского хозяйства поэтому получается чисто агро-техническое, близкое к обычной вредительской формуле — развития производительных сил вообще.

«Поскольку в условиях нэпа рыночные отношения являются определяющими темп развития сельского хозяйства, основным звеном в цепи воздействий, ведущей технической идеей реконструкции сельского хозяйства должна стать организация переработки с.-х. продукции — заводские установки» (стр. 7).

Прежде всего здесь дано совершенно неверное, в правооппортунистическом духе понимания нэпа, поскольку по мнению составителей плана, рыночные отношения при нэпе являются как будто определяющими. Во-вторых, ведущим звеном технической реконструкции сельского хозяйства вовсе не является переработка с.-х. продукции. Внедрение трактора в сельское хозяйство, организация МТС, иными словами — переворот в энергетической базе является основным в техническом перевороте, в организации сельского хозяйства на новых общественных и технических рельсах.

Перед планом индустриализации сельского хозяйства ставится задача выработать систему «заводского комплекса», где «гармонически» сочетается развитие всех элементов индустриального производства. Без подготовки необходимых предпосылок для «комплекса» (территория, сырьевая база и пр.) строительство заводов не дает должной эффективности и может оказаться убыточным.

Вся работа по индустриализации сельского хозяйства по Земплану 1928 г. подразделяется на три основных типа: 1) тип замкнутого заводского комплекса, 2) тип широкого заводского комплекса и 3) тип рыночного комплекса. Все эти «типы» отличаются друг от друга «степенью напряженности темпов индустриализации, т. е. повышения технического строения производства, путем увеличения используемых на единице с.-х. территории средств производства».

Замкнутый комплекс рисуется как наиболее технически совершенный. Он должен быть создан там, где характер сырьевых культур допускает возможность специализации хозяйства и дает возможность снабжаться заводу «с территории малого радиуса».

К таким культурам относятся: свекла, лен-конопля, «технический картофель», хмель и лекарственные растения, молочное скотоводство и др. Суть этого комплекса сводится к следующему: к льнообделочному заводу, скажем, придается тракторный отряд, при помощи которого включается в оборот хозяйства вся призаводская территория, ранее нераспаханная, и таким образом сокращается радиус сырьевого района завода примерно с 25 *км* до 10, чем облегчаются условия транспортирования сырья. Затем идет процесс «закультивирования» новых земель и осуществление следующих элементов комплекса: семеноводство, зерноочистка и протравливание семян, организация проката необходимого конного инвентаря для бедняцких хозяйств, производственная контрактация льна и других культур, организация молочного животновод-

ства, организация технических мероприятий по переработке молока, механизация маслобойного производства и т. п.

«Вся эта система мероприятий сохраняет основы трудового крестьянского хозяйства, направляя освобождающиеся в процессе механизации и индустриализации трудовые ресурсы в интенсивные отрасли, обеспечивающие максимальную производителность труда на началах его обобществления».

«Осуществление этой системы мероприятий имеет целью организацию последовательно-социалистического типа крупных высокоинтенсивных индустриальных коллективов, специализированных на производстве льна и продуктов скотоводства, причем, в зависимости от местных условий и уровня техники производства и транспорта, может иметь место организация одного крупного с.-х. предприятия или же комплекса колхозов».

Итак, весь «замкнутый комплекс» мероприятий, по мнению Земплана, вполне уживается («сохраняет») с индивидуальным крестьянским хозяйством («основами трудового крестьянского хозяйства»). Высоко механизированный завод по переработке строится на сырьевой базе, распыленной среди многих сотен мелких раздробленных крестьянских хозяйств. Но зато в будущем—прямой и непосредственный скачок «из царства необходимости в царство свободы», от мелкого раздробленного крестьянского производства непосредственно к организации предприятий последовательно-социалистического типа. Никаких переходных ступеней, никакого процесса переделки крестьянина-середняка и бедняка в колхозника, уже потом крестьянина-колхозника в работника социалистического общества в плане не предусмотрено. А между тем без переделки крестьян через колхозы строительство с.-х. предприятий последовательно-социалистического типа превращается в «левую фразу», в планы непосредственной «совхозизации», ничего общего не имеющие с кооперативным планом Ленина.

Среди длинного перечня вопросов, рекомендуемых для изучения и связанных с осуществлением «замкнутого заводского комплекса», имеется также целый ряд неверных положений, заимствованных из арсенала буржуазной экономики: пресловутый принцип оптимальности» предприятий, установление пределов «рентабельной механизации производственных процессов», исходя из конъюнктурных условий ближайших лет и т. д.

Здесь «теоретическая» путаница перерастает в прямое вредительство в планировании. Механизировать сельское хозяйство постольку, поскольку это позволяет конъюнктура, поскольку это «рентабельно» и соответствует «оптимуму» — это совершенно неприкрытое орудие из буржуазного арсенала должно служить необходимым условием планирования индустриализации сельского хозяйства. Никакой разницы между сельским хозяйством в СССР и сельским хозяйством капиталистического Запада Земплан не видит.

Индустриализация сельского хозяйства по методу «широкого» заводского комплекса» должна охватывать более широкую террито-

рию. Особенно этот способ рекомендуется в области свиноводства. Бэконная фабрика может охватить район радиусом на 100 *км* с 90 — 100 тыс. хозяйств при экстенсивном свиноводстве. По мере интенсификации район этот может сократиться до 60 *км* и меньше. Сущность «широкого заводского комплекса» сводится к тому, что фабрика оказывает свое воздействие на окружающее селение, способствуя ему в улучшении методов ведения хозяйства, в улучшении пород разного рода агрикультурными мероприятиями и пр.

«Теоретически мыслима организация в непосредственной близости к бэконной фабрике системы свиноводческих коллективов, производящих бэконное сырье... однако индустриализация свиноводческого хозяйства до уровня фабричного производства не может быть непосредственной задачей ближайших лет. В перспективный отрезок времени такая напряженность темпов индустриализации была бы нерентабельна»[1].

Итак, строительство колхозов должно быть подчинено, по мнению Земплана, высшему критерию — рентабельности. Исходя из молчаливой предпосылки о преимуществах индивидуального крестьянского хозяйства по сравнению с коллективным, Земплан спешит объявить план коллективизации лишь «теоретически мыслимым», но практически «нерентабельным».

Это идет из того же вредительского лагеря буржуазных профессоров-«консультантов».

Наконец последний метод индустриализации на основе рыночного комплекса мероприятий сводится к «правильной политике цен, кооперированию сбыто-снабженческих операций и тому подобных мер, обусловливающих бесперебойную работу этих установок, связанных с с.-х. территорией в той же степени, как и с подземными ж.-д. путями». Сюда относятся холодильное дело, элеваторное, мельничное и т.п.

Программа индустриализации

Перспективный план индустриализации сельского хозяйства строится на основе первых двух методов, а третий включается в общий план строительства торговли.

Разберем конкретную программу индустриализации сельского хозяйства, построенную на основе отмеченных установок.

Всего за пятилетие вкладывается в с.-х. индустрию 406 380 тыс. руб., что составляет 6,3% от общего плана мероприятий по сельскому хозяйству. Цифра все же более чем скромная. Особенно если ее сравнить с другими «статьями» финансирования. «Расселение», перешедшее в план от проектировок предыдущих пятилеток, получает 6,2%, переселение—7,0%. Между тем по целому ряду отраслей при намечении темпов индустриализации пятилетка сознательно отказывается от столь ценного, так расхваленного ею же «замкнутого комплекса», ссылаясь на недостаток материаль-

[1] См. стр. 11—12 Материалов по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйств, ч. III.

ных возможностей. Сохранение прежних позиций в общем подходе к развитию сельского хозяйства сказывается здесь весьма сильно.

Привлеченные средства населения, идущие на дело индустриализации сельского хозяйства составляют всего 11,8% в общей сумме вложений. Здесь сказывается недооценка роли бедняцко-середняцких масс деревни в проведении мероприятий по реконструкции сельского хозяйства. Темпы индустриализации и размер вложений в отдельные отрасли определяются на основе наличия в данной местности соответствующих благоприятных условий— сырья, товарности и др.

На первое место в индустриализации животноводства ставится молочное скотоводство, за ним свиноводство и мясное скотоводство. Причем в районах механизированных маслозаводов проводится «замкнутый комплекс». Последние три отрасли индустриализуются по «широкому комплексу».

Львиная доля затрат идет на молочное дело, потому что эта отрасль «несравнимая ни с какой другой отраслью; эффективность затрат на молочное дело является одной из причин, побуждающих Наркомзем выдвинуть эту отрасль как по масштабу работ, так и по размеру затрат на первое место». Действительно такую «пропорциональную закономерность затрат» в зависимости от их эффективности мы имеем налицо. Приведем для наглядности итоги этих затрат по основным объектам индустриализации на основании материалов плана в их последовательности (см. стр. 38 материалов перспективного плана, ч. III).

Отрасли	Размер капиталовложений на 5-летие (в тыс. руб)	На 1 руб. затрат повышение дохода или коэфициент эффективности (в руб и коп.)
Молочное дело	110 850	2—86
Птицеводство	53 200	2—80
Льноводство	50 000	2—28
Свинохладобойни	26 400	2—15
Садоводство и огородничество	23 700	1—95
Картофелеводство	26 600	1—80
Маслобойное дело	14 000	1—40
Мясохладобойни	17 500	0—73

Впереди всех молочное дело. Общая продукция маслозаводов со 127,5 млн. руб. в 1927 г. должна увеличиться к концу пятилетки до 400 млн. руб., в натуральном выражении 266 тыс. *т* масла.

Весьма важно распределение маслосырозаводов по районам с точки зрения, насколько индустриализация сельского хозяйства в пятилетнем плане делает сдвиги в сторону вовлечения новых районов маслоделия и способствует специализации районов (см. табл. на стр. 218).

Сдвиг есть. Обращено известное внимание на новые районы, но разумеется ни наша потребность в маслопродуктах, ни необходимая специализация районов намеченной программой не разрешается. Особенно это четко сказывается в отношении так называемой «потребляющей полосы». Тут увеличение крайне незначительное.

Районы	Общая мощность маслозаводов в процентах к итогу в 1927 г.	Общая сумма затрат в пятилетке		Общая проектируемая мощность заводов в 1932 г.	
		тыс. руб.	процент.	тыс. центнер масла	процент.
Северо-восточный . . .	8,2	4 140	3,7	102,5	3,8
Ленинградская обл. . .	4,2	8 925	8,1	177,2	6,5
Западный	2,7	4 105	3,7	91,0	3,4
ИПО	10,0	11 400	10,3	351,8	13,2
Вятский	2,2	4 750	4,3	95,1	3,6
Урал	10,8	12 500	11,3	280,4	10,5
ЦЧО	0,2	11 220	10,1	235,6	8,8
Средневолжский . .	0,1	9 650	8,7	197,7	7,4
Нижневолжский .	1,0	4 350	3,9	90,2	3,4
Сев. Кавказ	1,3	9 800	8,8	188,6	7,1
Сибирь	59,1	27 610	24,9	814,5	30,6
ДВК	0,2	2 300	2,2	45,9	1,7
Всего по РСФСР . .	100,0	110,800	100,0	2 665,5	100,0

На это особенно необходимо обратить внимание сейчас. XVI партсъезд дал определенную директиву: «на основе развития совхозов и колхозов в ближайшие же годы развернуть сельское хозяйство потребляющей полосы, превратив ее в важнейший молочно-огородно-свиноводческий и льняные районы» (из резолюции XVI партсъезда).

Каковы общие выводы? По сравнению с предыдущими пятилетками последняя пятилетка Наркомзема делает некоторый шаг вперед. Есть тенденции преодолеть существующую практику—в индустриализации сельского хозяйства итти «следом за товарностью». Однако пути индустриализвации, перестройки деревни на социалистический лад четко не намечены. Если в плане имеются известные элементы технической реконструкции, то ее обратная сторона — социально-экономическая реконструкция — чрезвычайно запутана «замкнутыми» и «широкими комплексами». Основной порок и этой пятилетки в том, что проблема коллективизации подменена надуманными «комплексами», затушевывающими к тому же пути перерастания низших форм колхозов в более высокие.

Удельный вес индустриализации сельского хозяйства в пятилетке Госплана

Перейдем от Наркомзема к Госплану.

Работы над выработкой пятилетнего плана индустриализации сельского хозяйства в обоих ведомствах велись одновременно. И бесспорно, основные идеи методов планирования индустриализации сельского хозяйства нашли свое отражение и в последней пятилетке Госплана.

В общем плане финансирования сельского хозяйства (по оптимальному варианту) мы находим графу под рубрикой «индустриализация сельского хозяйства», на что предназначено 786 млн. руб. (причем на РСФСР падает 530 млн. руб.). По плану Наркомзема намечено было 406 360 тыс. руб. В ряду мероприятий по сельскому хозяйству «индустриализация» идет на четвертом месте. Впереди все с.-х. машины и тракторы—2 566 млн. руб., животноводство—943 млн., минеральные удобрения и известкование — 794 и затем — индустриализация. И уже следом за ней расселение — 493 млн. руб. До сих пор мы имели во всех пятилетках «равноправие» расселения и индустриализации или значительный перевес первого. Здесь перевес за «индустриализацией». Однако и в пятилетке Госплана налицо недооценка важнейшего рычага перестройки деревни на социалистический лад при помощи индустриальных предприятий (с.-х. индустрии). Крупные суммы для финансирования расселения—мероприятие мало рентабельное, а с точки зрения социалистического строительства подчас вредное, снижающее темпы индустриализации сельского хозяйства.

Эффективность капиталовложений Госпланом намечена несколько большая, чем Наркомземом. По животноводству у Наркомзема запроектировано 2,56, у Госплана — 2,92. По растениеводству — 2,11 и 2,81. Общая—2,36 и 2,88. Соответственно больше и размер выпускаемой продукции от с.-х. индустрии.

В основном же проектировки Госплана совпадают с наркомземовскими. Распределение средств по отдельным отраслям с.-х. индустрии и по районам в обоих планах мало чем разнятся.

Основными чертами плана индустриализации сельского хозяйства являются «охват новых отраслей и проникновение индустрии в новые районы». План делает упор на «укрупнение индустриальных с.-х. предприятий и охват при их посредстве больших с.-х. территорий». Причем «высшей формой индустриализации сельского хозяйства являются электропромышленные с.-х. комбинаты, и естественно, что они должны быть центром внимания в пятилетнем плане реконструкции с.-х. производства».

Во всех разобранных нами перспективных планах, а также и контрольных цифрах удельный вес индустриализации в системе мероприятий по сельскому хозяйству весьма небольшой. Он составляет всего 6—7%, а в некоторых случаях и того меньше. Разумеется, это не есть индустриализация с.-х. производства, поднимающая его на уровень «крупной земледельческой индустрии» в духе Маркса — Ленина с «системой машины» наподобие промышленной индустрии. Это есть лишь часть целого и притом небольшая строго очерченная рамками с.-х. индустрии», занятой переработкой с.-х. сырья. Затушевать подлинный смысл социалистической индустриализации сельского хозяйства, ограничить его этими «узкими рамками» переработки—было одной из немаловажных задач вредительства. Весь процесс индустриализации сельского хозяйства они пытались представить как постепенное, систематическое «выделение» из с.-х. производства отдельных его ветвей, занятых сферой переработки. Причем между «отрывающимися»

отраслями и сельским хозяйством должны были устанавливаться известные отношения на основе рыночных связей.

Еще не так давно планированием индустриализации сельского хозяйства занималось до 40 отдельных организаций и учреждений, между собою мало связанных или почти не связанных, в результате чего получалась действительно неразбериха, сдабриваемая к тому же «достойным» в свое время руководством в этой части (вредитель Вишневский) со стороны Госплана Союза. Неудивительно поэтому, что «в одной точке» в 1929 г. строили механизированные заводы по переработке льна и Льнопенько-сырье и Льноцентр — разные организации. А отстроенные 12 птично-яичных холодильных комбинатов (по докладу Госплана на конференции по индустриализации сельского хозяйства февраль 1929 г.) стояли без работы «из-за отсутствия оборудования», или полученные средства «на индустриализацию», скажем плодоовощной промышленности, расходовались ею «по усмотрению» на другие надобности. Случалось и так, что когда, скажем, знаменитый Плодовинсоюз узнавал, что ему отпускается 1,5 млн. руб. на индустриализацию, то в составе всего правления во главе с председателем приходил в Госплан просить 300—400 тыс. руб. для того, чтобы закупить свежий виноград, положить его в Дербенский холодильник и затем продать в Швецию весьма «резонно» аргументируя: «это будет выгодней и надежней». Поистине образец понимания задач индустриализации сельского хозяйства!

Система работы по индустриализации сельского хозяйства внутри Госплана Союза до самого последнего времени отражала организационную неразбериху этого дела за его пределами. Одну часть с.-х. индустрии планировала с.-х. секция, другую — секция обмена и распределения, третью—промышленная секция, четвертую—кооперативная, пятую—отдельные районные секции и т. д.

В 1929 г. попытались это дело «объединить». Для согласования планов внутри Госплана из представителей секций было создано «межсекционное бюро по индустриализации сельского хозяйства». В самих же секциях работа по составлению планов индустриализации продолжалась «прежним порядком». Во главе бюро встал вредитель Вишневский. Понятно, к чему это могло привести.

Конкретное вредительство в индустриализации сельского хозяйства шло также по линии задержки в изготовлении у себя импортного оборудования, вроде сепараторов для механизированных молочных заводов, и изготовлении того, чего не нужно. Сюда же относится и преднамеренное отсутствие увязки планов строительства с.-х. индустрии на основе единой энергетической базы в данном конкретном районе.

План 1931 года и необходимые выводы

Можно смело сказать, что единого, строго продуманного плана социалистического строительства сельскохозяйственных индустриальных предприятий, который бы являлся мощным рычагом в

специализации районов Союза и в 1931 г. нет. Составление плана протекало в условиях, хотя и раскрытого вредительства, но когда еще планирование, в особенности в данном вопросе, не перестроилось на новый лад. Параллелизм в работе ведомств, а также и секции Госплана по вопросам индустриализации сельского хозяйства продолжает оставаться. Увязки планов нет. Районный разрез плана отсутствует. Ответить на вопрос, где, сколько и как должно быть построено, на основе плана на 1931 г. невозможно.

Общая линия плана в основном на мелкое и отчасти среднее строительство. «Нетранспортабельность» отдельных видов продуктов, в особенности молочных, все еще давит на составителей плана индустриальных с.-х. предприятий.

«У наших специалистов есть ограниченность. Они ограничиваются опытом Дании и не видят размеров нашей страны, размеров крупных хозяйств. Говорят, что маслоделие не терпит заводов с производительностью свыше 100 *т* в год масла. Мы добиваемся крупного маслоделия на базе колхозного и совхозного сырья. В настоящее время мы получаем возможность создания действительной индустрии маслоделия, какой у нас никогда не было и не могло быть без колхозов и совхозов. Надо начать строительство крупных заводов маслоделия на новой совхозно-колхозной сырьевой базе». (Из выступления Микояна в конце марта 1931 г. на совещании управляющих конторами Союзмолока).

В 1931 г. должно быть не менее 50% коллективизированных крестьянских хозяйств, что известно было и к моменту выработки контрольных цифр. База для строительства всех видов с.-х. индустрии расширяется, между тем план 1931 г. проектирует снижение вложений в молочную промышленность по сравнению с прошлым годом, мотивируя это «происшедшими изменениями в молочном хозяйстве, вызвавшими значительные перемещения и неустойчивость сырьевой базы». Строительство спроектировано по преимуществу мелкое.

План уделяет значительное внимание яично-птичной и плодоовощной промышленности, что, разумеется, совершенно правильно. Но как здесь, так и в других разделах, коль скоро доходит очередь до колхозов (в отличие от совхозов), вновь проектируются для них предприятия мелких размеров. Все на основе той же «малотранспортабельности», и вдобавок якобы «строительство в колхозах еще не нашло более или менее установившихся организационных форм, и нахождение их должно быть поставлено в порядок дня ближайшего будущего».

В практике сегодняшнего дня мы имеем недооценку роли и значения вновь строящихся индустриальных сельскохозяйственных предприятий со стороны отдельных организаций как мощных рычагов в перестройке деревни на социалистический лад. Опубликованное в «Правде» от 8 апреля 1931 г. решение Комиссии исполнения при СНК СССР говорит о том, что правление Главленкома «допустило грубую ошибку при осуществлении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве новых 489 заводов по первичной переработке льна и конопли, значительно облегчающих

труд и поднимающих производительность труда колхозников и единоличников и тем самым способствующих расширению посевных площадей.

Вместо того чтобы согласно этому постановлению широко использовать для проведения контрактации льна и конопли строительство нескольких сот новых заводов, Главленком в типовом договоре по контрактации и в своей инструкции фактически обошел вопрос о возложенном на него обязательстве во-время закончить строительство новых заводов, в чем выразилось непонимание Главленкомом огромного значения строительства этих заводов для всего развертывающегося теперь льноводческого и коноплеводческого хозяйства».

Сейчас на очереди выработка новой пятилетки. Тов. Куйбышев в своем выступлении на конференции по планированию научно-исследовательской работы дал ответ на вопрос: чем должен быть этот новый второй пятилетний план? «Он должен быть планом окончательной победы социалистических элементов в деревне, разрешения в основном проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней и серьезного сдвига в разрешении проблемы уничтожения разницы между физическим и умственным трудом».

Разумеется, без соответствующей технической основы «разрешение в основном проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней» немыслимо. Отсюда вопросы социалистической индустриализации сельского хозяйства, на основе индустриализации всей страны, приобретают бесспорно решающее значение и место в новом пятилетнем плане, по крайней мере в отношении сельского хозяйства.

Несомненно, что Госплан сейчас обратит должное внимание на это дело. Но необходимо решительно порвать с наследием прошлого, разоблачив до конца вредительство, отрешившись от предрассудков «малой» и т. п. «транспортабельности», и на основе марксистско-ленинской теории и изучения практики совхозно-колхозного строительства разработать сложнейшие комплексные проблемы индустриализации сельского хозяйства с достаточным научным обоснованием плана во всех его частях.

Не случайно совпадение взглядов троцкизма и правооппортунизма на пути индустриализации сельского хозяйства и идеологией вредительства. Троцкий в своей книжке «К социализму или к капитализму» ограничивает индустриализацию сельского хозяйства сферой переработки. И это вполне совпадает с его основными взглядами на деревню, подтвержденными им же в самое последнее время: «социалистическую перестройку крестьянского хозяйства (вещает мистер Троцкий) мы мыслим не иначе, как в перспективе десятилетий»[1].

Тов. Бухарин в своей книге «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок» индустриализацию сельского хозяйства также сводит к сфере переработки. И это вполне вяжется с установкой

на «развязывание» капиталистических слоев деревни и совпадает с установками Кондратьева.

На наших глазах начинает сейчас проводиться подлинная социалистическая индустриализация сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации и бурного роста совхозного строительства, которые по своим размерам во много раз превосходят имеющиеся сейчас лучшие «образцы» самых крупных капиталистических хозяйств, к тому же разбросанных на сотни километров в силу имеющихся преград частной собственности на землю.

Использование техники в наших совхозах, как, скажем, трактора, благодаря иным социальным условиям дает уже сейчас в 4,6 раза большую эффективность, чем на полях капиталистических фермеров. Под колхозы подводится новая база «самой передовой в мире земледельческой техники» во главе с машино-тракторными станциями. Под руководством пролетариата происходит процесс соединения добычи сырья и его переработки на совершенно новых началах—техническо-социальных (ТС, агро-индустриальные или, вернее, индустриально-аграрные комбинаты и т. д.). Тем самым подготовляется база для перехода низших форм артельного труда в высшие—предприятия последовательно социалистического типа.

Новая техника и новая организация труда является новой производительной силой. На основе этого нового «высшего синтеза» будет раз навсегда уничтожена исторически сложившаяся противоположность между городом и деревней.

---

[1] Цитировано по докладу т. *Яковлева,* стр. 23.

В. Баранов

ОППОРТУНИЗМ И ВРЕДИТЕЛЬСТВО В ПЛАНИРОВАНИИ СОВХОЗОВ

Ленинская коммунистическая партия, проводя свою работу в борьбе на два фронта—как с контрреволюционным троцкизмом, так и с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе, с примиренчеством к уклонам и беспринципными право-«левацкими» группировками Сырцова—Ломинадзе,—обеспечила гигантские успехи в построении социалистического общества в нашей стране. Мы вступили в полосу развернутого социалистического наступления по всему фронту, мы уже к XVI партийному съезду решили окончательно и бесповоротно «кто кого» в промышленности; мы в 1931 г., третьем году пятилетки, достраиваем фундамент социалистического хозяйства и в основном решаем «кто кого» в сельском хозяйстве. Социализм победил в городе, социализм при руководящей роли городского пролетариата на основе большевистских темпов индустриализации окончательно побеждает и в деревне. К социалистической промышленности в городе, являющейся «единственной материальной основой социализма» (Ленин), присоединяется социалистическое сельское хозяйство в виде совхозов и колхозов. Непрерывно растет число районов сплошной коллективизации. В ожесточеннейшей классовой борьбе ликвидируется кулачество как класс на базе сплошной коллективизации. Рухнули надежды идеологов буржуазии на реставрацию капитализма руками мелких сельских собственников. Миллионы вчерашних мелких раздробленных собственников, объединенные в колхозы, помогают пролетариату построить социализм в нашей стране. Наши успехи в области совхозов и колхозов снова и снова подтверждают одно из основных принципиальных положений марксизма о преимуществах и победе крупного социалистического хозяйства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Вопреки мелкобуржуазным теориям на Западе, вопреки русским народникам и неонародникам, считавшим что в сельском хозяйстве крупное хозяйство равнозначуще с мелким и даже вытесняется мелким хозяйством, мы имеем исторического значения демонстрацию преимуществ, превосходства крупного хозяйства перед мелким. Это теперь прекрасно понял сам мелкий крестьянин.

Советским хозяйствам в деревне принадлежит роль ведущей силы («станового хребта»), организатора переделки мелкого раздробленного крестьянства и объединения его в крупное социалистическое; советские хозяйства являются агрикультурными и культурными рассадниками, образцом полного и лучшего использования земли, повышения урожайности колхозных крестьянских полей, увеличения продукции колхозного и крестьянского скота. При этом развитие наших советских хозяйств направлено не на пожирание мелких крестьянских хозяйств, не на их вытеснение, а на помощь им, на переключение их развития по кооперативному пути (колхозы). Об этом прямо говорится в решении XVI партконференции.

«Крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам как враждебная им сила, а смыкается с ними, как источник помощи им, как пример преимущества крупного хозяйства, как организатор содействия им в деле постепенного объединения их в крупное хозяйство»[1].

Роль и значение совхозов в коллективизации особенно подчеркивается только что закончившимся VI съездом советов Съезд отмечает, что на основе растущей социалистической индустрии только одновременное развитие совхозов и колхозов обеспечивает завершение в основном коллективизации к концу настоящего 5-летия. Одновременно «съезд отмечает огромное различие между совхозами и колхозами на данной стадии развития».

Совхозы являются последовательно социалистического типа предприятиями, как любой государственный завод, как любая государственная фабрика.

Колхозы—доброовольные коллективные объединения крестьян, обобществляющих средства производства на земле, принадлежащей государству.

«Поэтому всякого рода попытки отожествлять совхозы и колхозы, создавать скороспелые совхозно-колхозные комбинаты, а тем более подчинять колхозы совхозам съезд рассматривает, как грубейшее нарушение в политике советской власти» (из резолюции съезда, «Правда», 18/III 1931 г.).

Совхозы не подчиняют себе колхозы, а совхозы оказывают всевозможную помощь колхозам, помогают укреплению колхозов, способствуют перерастанию низших форм колхозов в высшие.

«В лице совхозов,—говорится в решении VI съезда советов,—создается невиданный в мире тип сельскохозяйственного производства. Союз ССР является подлинным знаменосцем и носителем новых путей развития сельского хозяйства не только в том отношении, что взамен капиталистического создается крупное социалистическое сельское хозяйство как высшая форма производства, но и в том отношении, что совхозы наиболее целесообразная форма организации труда в сельском хозяйстве».

Такова роль совхозов в переделке крестьянского хозяйства по

[1] Стенографический отчет, стр. 301.

пути к социализму. Она получила ясное и четкое выражение как в ленинском кооперативном плане, так и во всех последующих решениях партийных и советских органов.

Троцкисты и правые о совхозах

В вопросе строительства совхозов и их воздействия на окружающее крестьянство не обошлось без правого оппортунизма и троцкизма. Троцкистская и сапрановская оппозиция отрицали роль колхозов как основной формы переделки миллионов мелких крестьян. Они считали неизбежным пролетаризацию нашей деревни. Правые отрицали роль совхозов и колхозов в переделке мелкого хозяйства. Их ставка на развитие индивидуального крестьянского хозяйства, на кооперирование лишь одного обращения, на возможность через обращение «мирно-спокойного, свободно-веселого врастания старого свинства в социалистическое общество» (Энгельс).

Ставку на противопоставление развития совхозов индивдуальному хозяйству, ставку на пролетаризацию крестьянства мы находим в троцкистской и сапроновской платформах. Противопоставление совхозов колхозному строительству мы находим и у Ларина.

«Будущее принадлежит,—говорит он в одной из своих работ,—очевидно не этой форме (коммуне—*В. Б.*), а крупным государственным земледельческим хозяйствам, ведущимся наемным трудом, как все государственные фабрики и заводы. Только они, а не коммуны, явятся носителями социализма в деревне и создадут мир в сельском обывательском болоте» [1].

Носителями социализма в деревне Ларин считает только совхозы. Колхозы, по его мнению,—это обычное объединение частных хозяйчиков, от которых социализмом и не пахнет. Между тем всем прекрасно известно, что совхозам принадлежит в отличие от колхозов лишь ведущая роль в переделке крестьянского хозяйства. Основной же формой переделки являются колхозы, предприятия социалистического типа в деревне. То, что Ларин говорил о колхозах в 1918 г. и последующих годах, он снова повторил на съезде аграрников-марксистов в декабре 1929 г., т. е. тогда, когда мы имели целый ряд районов сплошной коллективизации; когда мы перешли на этой основе к ликвидации кулачества как класса; когда мы имели решающий, имеющий историческое значение поворот крестьянства в сторону коллективизации.. Ясно, что точка зрения Ларина, совпадающая с позицией троцкистской и сапроновской платформой ничего общего не имеет с политикой партии в деревне, она вкорене противоречит основным принципам марксизма-ленинизма.

«Получив в свои руки государственную власть,—пишет Энгельс,—мы и думать не можем о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян». «Наша задача по отношению к

[1] Цитирую по *Канюкову*, Коллективное земледелие, стр. 28.

мелким крестьянам,—продолжает он,—состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели».

Партия приняла указание Энгельса к руководству, проводя его во всей своей работе по отношению к деревне. Партия доказала крестьянству путем примера, живого показа преимущества крупного хозяйства. Партия помогает ему превратить свою частную собственность в товарищескую, в коллективную собственность крупного предприятия.

«Задача здесь сводится,—говорит Ленин,—не к экспроприации, а к тому, чтобы учиться у крестьян переходу к лучшему строю и не сметь командовать».

Троцкисты и сапроновская оппозиция подошли к крестьянину именно как командиры. Их ставка на пролетаризацию миллионов крестьян. Они не верили в возможность вовлечения в русло социалистического строительства через кооперацию основной массы крестьянства, а следовательно, как отмечает XV партсъезд, не верили в возможность построения социалистического общества в нашей стране.

Не обошли вопросов совхозного строительства и взаимоотношений между совхозами и колхозами и правые.

Ставка правых на развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Они против строительства совхозов, они против форсированного развития колхозов. Деньги, отпущенные на развитие совхозов, они считают зря выброшенными деньгами. «Возиться с совхозами, по их мнению, излишняя и никому ненужная затея». Причем, если в области коллективизации правые сначала отрицали всякие успехи, а на ноябрьском пленуме (1929 г.) ЦК они выдвинули колхозное движение как ведущее начало в сельском хозяйстве, то к совхозам у них все время было отрицательное отношение.

Тов. Бухарин и другие правые оппортунисты вели упорную борьбу с развитием совхозов и колхозов в деревне. «Совхозы и колхозы,—говорили они,—дадут нужное количество хлеба через пять—десять лет, а нам нужно выкручиваться с хлебом теперь же».

На ноябрьском пленуме ЦК (1928 г.) т. Сталин подробнейшим образом разобрал точку зрения правых по этому вопросу. На возгласы правых «не вести расширения совхозов в ударном и сверхударном порядке» т. Сталин отвечает:

«Товарищ Фрумкин не может не знать, что мы только начинаем всерьез серьезную работу по расширению старых совхозов и созданию новых». «Тов. Фрумкин не может не знать,—продолжает т. Сталин,—что мы даем на это дело гораздо меньше средств, чем следовало бы дать, если бы у нас имелись для этого какие-либо резервы». Тов. Сталин разоблачает маневр правых, пытавшихся криком об ударных и сверхударных темпах развития совхозов смазать вопрос. Слова в ударном и сверхударном порядке приводятся для того, чтобы навести ужас на людей и прикрыть свое явное нежелание развертывать совхозное строительство. «Тов.

Фрумкин по сути дела высказывается здесь против усиления социалистического сектора в деревне по линии совхозов» (Сталин).

Мы разобрали позиции «левых» и правых оппортунистов. Как те, так и другие ревизуют ленинский кооперативный план, противопоставляя ему свои планы. Партия подвергла жесточайшей критикс эти планы. Из различия в планах правых и «левых» вытекает и различное их отношение к совхозам. Одни ориентируются на капиталистический путь нашей деревни при диктатуре пролетариата, поэтому они против колхозов. Все их надежды на советские хозяйства («хлебные фабрики»), через которые, по их мнению, весь многомиллионный крестьянский массив включится в социалистическое строительство. Троцкисты не поняли настоящей действительной роли советских хозяйств в переходный период. Непонята роль совхозов и правыми. Кооперативный план Ленина они поняли не как план, захватывающий и переделывающий самые основы крестьянского производства, а как план, кооперирующий обращение и лишь через обращение приводящий все слои крестьянства к социализму. Поэтому и совхозное строительство не нашло места в бухаринском «кооперативном плане».

И правые оппортунисты и «левые» отрицают кооперативный план Ленина, отрицают ведущую роль, роль станового хребта совхозов в этом кооперативном плане, отрицают, как установил т. Сталин на XVI партийном съезде, возможность построения социализма в нашей стране. Это роднит и объединяет правых оппортунистов и контрреволюционных троцкистов.

Правооппортунистические и троцкистские извращения ленинского кооперативного плана и партийных решений, развивающих и дополняющих этот план, расчищали путь для прямого вредительства в планировании сельского хозяйства.

Этапы совхозного строительства

Проследим это на документах.

За весь период социалистического строительства в развитии совхозов можно проследить четыре периода (конечно, весьма условно).

Первый период—с 28/X 1917 г., т. е. с момента опубликования решениий II съезда советов о земле и до издания правительственных положений о социалистическом землеустройстве.

Второй период с февраля 1919 г., т. е. с момента принятия положения «о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» и до нэпа.

Третий период с начала новой экономической политики 1926/27 г., т. е. примерно до конца восстановительного периода.

Четвертый период с момента перехода к реконструктивному периоду и до наших дней.

По решению II съезда советов частная собственность на землю была отменена. Помещичьи, купеческие, церковные, монастырские имения и земли перешли в распоряжение уездных и волостных

земельных органов. В течение первого периода издается [illegible] решений советского правительства о создании крупных зерновых и животноводческих хозяйств в помещичьих усадьбах. Но организация совхозов шла медленно. Большинство земель подверглось «черному переделу» между крестьянами.

Постановление ВЦИК «о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию от 14/II 1919 г. ставит вопрос определеннее и вносит некоторую организованность в создание совхозов.

«Для окончательного уничтожения всякой эксплоатации человека человеком,—говорится в этом решении,—для организации сельского хозяйства на основах социализма с применением всех завоеваний науки и техники, воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом—необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели. Поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящее и отживающее».

Здесь мы имеем определенный набросок ленинского кооперативного плана, который в последующих статьях им был еще более развит и дополнен. Партия прямо ставила перед крестьянством вопрос о том, что построение социализма в нашей стране связано с обязательным обобществлением мелких крестьянских хозяйств. Поэтому на единоличное хозяйство следует смотреть как на временное отживающее явление. На смену ему должны притти крупные советские хозяйства и производственные кооперативы (колхозы). Это единственный путь для уничтожения противоположности между городом и деревней, это единственный путь превращения мелкокрестьянского хозяйства в социалистическое.

К этому времени относится издание декрета о приписных совхозах. Этим достигаются две цели: 1) помочь голодающему городу добывать продовольствие; 2) оказать воздействие революционного городского пролетариата на сельское хозяйство.

На совхозы было возложено устройство показательных участков, мастерских, опытных станций, прокатных пунктов, племенных рассадников, курсов, выставок и т. д., вообще организация всего того, что способствовало бы повышению благосостояния крестьянского хозяйства, его кооперированию и коллективизации как высшей стадии кооперирования. Перед совхозами с самого начала была поставлена задача не отгораживаться от окружающего крестьянства китайской стеной, не противопоставлять себя крестьянству, а мерами помощи, советами, научной показательной организацией хозяйства, высоким урожаем, повышенным удоем демонстрировать перед крестьянством преимущества крупного, тех-

нически вооруженного хозяйства над мелким распыленным и способствовать его организации в крупные коллективные хозяйства.

Массовое насаждение приписных «фабрик зерна» (а совхозы в то время выступали исключительно как фабрики зерна) несомненно оказало громадную услугу в снабжении пролетариата продовольствием. Каждое предприятие, каждое учреждение добивалось создания своей «фабрики зерна» в деревне. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большинство возникших совхозов в первые годы советской власти были приписными предприятиями. Весьма популярной стала идея о том, что только такие приписные совхозы дадут городскому промышленному населению в изобилии сельскохозяйственные продукты. Каждое предприятие старалось побольше захватить этих «даров», побольше создать приписных к своему предприятию совхозов. Причем эта погоня за приписными совхозами была не только в годы военного коммунизма, но и в первые годы новой экономической политики.

Приведенная ниже таблица из материалов Госплана характеризует распределение совхозов РСФСР (без автономных республик) между земельными органами и другими держателями с 1918/19 г. по 1924/25 г.

Начиная с 1918/19 г. до 1921/22 г., мы имеем непрерывный рост как общего количества совхозов, так и занимаемой ими земельной площади, и лишь с 1922/23 г. наблюдается снижение и того и другого. Особенно бурный рост до самого последнего года (когда наблюдается снижение по всем совхозам) мы имеем по приписным совхозам, значительно превышающий прирост совхозов, принадлежащий земорганам.

Нужно сказать, что образцовая постановка работы совхозов в годы военного коммунизма была довольно сложным делом. Голод в городе требовал максимальной выкачки продовольствия из совхозов. А между тем перешедшие к совхозам помещичьи хозяйства требовали больших вложений в средства производства. Как обычное явление, в эти годы мы имеем перегруженность совхозов неквалифицированной рабочей силой, низкую заработную плату, низкую производительность труда и высокую себестоимость совхозовской продукции. Все это осложняло работу совхозов и затрудняло выполнение возложенных на них партией и правительством задач.

С переходом к новой экономической политике партия и советская власть своей ставки на совхозы не сняли. Директива правительства, выраженная в резолюции Всероссийского земельного съезда (2—8 декабря 1921 г.), направлена на то, чтобы не разрушать, а «сохранять и укреплять крупные государственные и обобществленные хозяйства как источник снабжения крестьянского хозяйства улучшенными производственными материалами (семена, племенной скот и пр.) и как образцы ведения крупного обобществленного хозяйства в технически совершенной форме». Но новая экономическая политика потребовала перестройки всей работы совхозов. Так работать, как работали совхозы при военном коммунизме, нельзя было.

В чьем ведении находятся совхозы	Показатели	1918/19 г.	1919/20 г.	1920/21 г.	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Совхозы, находящиеся в непосредственном ведении Наркомзема и местных земорганов	Количество	2 043	3 076	2 910	2 790	1 813	2 292	1 955
	То же в % к 1918/19 г. .	100	150,6	142,4	136,6	88,7	112,2	95,7
	Площадь в *га*	865 714	1 638 567	1 739 761	1 792 824	830 493	1 104 285	1 125 620
	То же в % к 1918/19 г. .	100	189,3	201,0	207,1	95,9	127,6	130,0
Совхозы приписные	Количество	1 058	912	2 455	2 528	3,414	2 907	2 439
	То же в % к 1918/19 г. .	100	82,6	232,0	238,9	322,7	274,8	230,5
	Площадь в *га*	1 052 500	992,500	1 310 516	1 313 439	1 560 790	1 274 851	1 178 002
	То же в % к 1918/19 г. .	100	94,3	124,5	124,8	148,3	121,1	111,9
Итого	Количество	3 101	3 988	5 365	5 318	5 227	5 199	4 394
	То же в % к 1918/19 г. .	100	128,6	173,0	171,5	168,5	167,7	141,7
	Площадь в *га*	1 918 214	2 631 067	3 050 277	3 106 263	2 391 282	2 379 136	2 303 622
	То же в % к 1918/19 г. .	100	137,2	159,0	161,9	124,7	124,9	120,1

Нужны новые формы работы, нужно коренное изменение методов управления хозяйством. Кроме того совхозы снимаются с государственного бюджета и переводятся на хозяйственный расчет.

С окончанием гражданской войны начинается бурный процесс восстановления крестьянского хозяйства. Вопрос с продовольствием в городе не имеет уже той остроты, которая наблюдалась при военном коммунизме. Иметь свой совхоз в деревне для предприятий и учреждений становится нецелесообразным. Обнаружилась явная тенденция к ликвидации приписных совхозов. Если в 1919 и даже в 1923 г. каждое предприятие и учреждение стремилось побольше захватить совхозов, то теперь на перебой старались отделаться от них.

Часть совхозов была ликвидирована, земля распределена между крестьянами. Другая часть совхозов мало-помалу стала переходить к земельным органам, т. е. к своим настоящим владельцам.

Не все благополучно обстояло и с трестированными совхозами. Большое количество владельцев, частый переход из рук в руки не мог способствовать укреплению совхозов.

По материалам Земплана РСФСР (без автономных республик) на 1 января 1928 г. земля совхозов распределялась между держателями следующим образом:

Организация	Площадь (в тыс. *га*)	Процент
Госсельтресты	835	31,3
Сахаротрест	324	12,1
Овцевод	750	21,3
Винтрест	11	0,4
Наркомзем	221	8,3
Земорганы	157	5,9
Наркомздрав	45	1,7
Наркомпрос	77	2,9
Военвед	66	2,5
Пр. госуд. учреждения	115	4,3
Концессии	54	2,0
С.-х кооперация	107	4,0
Колхозы (аренда)	23	0,9
Кресткомы	9	0,3
Частные лица	41	1,5
Не эксплоатировались	16	0,6
Всего	2 671	100,0

Совхозы были распылены между десятками крупных и сотнями мелких держателей; руководство сверху было незначительное; у большинства совхозов не было организованных и финансовых планов. Совхозы госсельтрестов по размерам территории разбивались на такие группы: до 250 *га*—29,2%; от 250 до 500 *га*—35,8%; от 501 до 1 000 *га*—19,2%; свыше 1 000 *га*—15,8%. Только 15,8% всех совхозов обладали территорией свыше 1 000 *га*, остальные совхозы—это небольшие предприятия, недалеко ушедшие от крупного кулацкого хозяйства. В 1924, 1925, 1926 гг. шел

непрерывный процесс укрупнения совхозов, перестройки их работы, постепенного освобождения от дефицитности, превращения в крупные рентабельные хозяйства.

Прошло всего каких-либо три-четыре года, как наши советские хозяйства в деревне достигли таких размеров, которых не знает ни одна из капиталистических стран, включая и САСШ.

Средний размер совхозов Зернотреста в 1929 г. равняется 40 тыс. *га*, в 1930 г.—55 тыс. *га*, а в 1931 г. средний размер совхоза составит 80 тыс. *га*. А такие массивы, как «Гигант», Черпановский совхоз, имеют площадь свыше 200 тыс. *га* каждый.

1927 г. является для совхозов в известной мере переломным.

В конце 1926 г. было принято о совхозах специальное решение ЦК партии, а 16 марта 1927 г. ЦИК и СНК СССР издано постановление, возлагающее на совхозы огромные задачи.

«Социалистическое строительство в сельском хозяйстве,—говорится в этом решении,—выдвигает наряду с проведением мероприятий по перестройке крестьянского хозяйства в качестве одной из важнейших задач необходимость дальнейшего укрепления и развития совхозов как последовательно социалистических предприятий в сельском хозяйстве. В соответствии с этим дальнейшее строительство совхозов должно итти по линии действительного превращения их в крупные сельскохозяйственные индустриализованные предприятия, ведущие свое хозяйство на основе хозяйственного расчета и рентабельности».

Значительные достижения к этому времени в области индустриализации страны давали возможность партии больше внимания уделять насаждению социалистического сектора в сельском хозяйстве. Партия дала по рукам тем, кто ориентировался в реконструктивный период исключительно на индивидуальное крестьянское хозяйство, низводя роль совхозов и колхозов до второстепенного. *На совхозы следует смотреть, как на важнейший, исключительный фактор в деле разрешения хлебных, мясных и других* затруднений, в деле переделки крестьянского хозяйства на социалистической основе. Решения партии и правительства требуют уделения максимума внимания со стороны центральных и местных партийных, советских и общественных организаций этим последовательно социалистического типа предприятиям в деревне. *С распыленностью раздробленностью, убыточностью совхозов должно быть покончено. На основе хозяйственного расчета и хозяйственной рентабельности совхозы должны стать крупными индустриализованными, прибыльными хозяйствами* с высокой производительностью труда и низкой себестоимостью совхозовской продукции.

«Укрепляя и развивая свою техническую и производственную базу и повышая свою производительность, совхозы тем самым должны усиливать свое агрикультурное влияние на перестройку сельского хозяйства как путем производства семенного, посадочного и племенного материала, так и путем внедрения более высоких технических приемов обработки земли и содействия трак-

торами и сложными сельскохозяйственными машинами окружающему крестьянскому хозяйству. Усиление роли совхозов в обслуживании отдельных отраслей промышленности, в производстве сырья и в повышении их товарности необходимо проводить путем полного и рационального использования технических предприятий и совхозов, дальнейшего увеличения их удельного веса в развитии сельскохозяйственной промышленности» (из решения ЦИК и СНК СССР).

Партия и советская власть поставили перед совхозами целый ряд конкретных задач.

1. Все хозяйство совхозов должно быть построено на прочной технической базе.

2. Повышая техническую вооруженность труда, совхозы должны значительно поднять производительность труда.

3. Гигантски должна возрасти значимость совхозов как поставщиков сырья для промышленности, как фабрик зерна и мяса.

4. Через образцовую постановку работы, через обрабатывающую промышленность, путем оказывания помощи крестьянству, усилить воздействие совхозов на окружающее крестьянство в его переделке на социалистической основе.

Вот план работы совхозов. Этот план был значительно дополнен пленумом ЦК и специальными постановлениями ЦК.

Наконец XV партийный съезд, охарактеризованный т. Сталиным как съезд коллективизации, в своих директивах по составлению пятилетнего перспективного плана снова напоминает, что обязанностью партийных и советских организаций является всемерное укрепление совхозов, «превратив их на деле в образцовые крупные хозяйства социалистического типа».

Таков пройденный путь совхозов на различных этапах социалистического строительства. Это—путь превращения их из мелких, распыленных, раздробленных предприятий, разбросанных среди безбрежного моря крестьянских хозяйств, в крупные социалистические предприятия, выполняющие роль станового хребта в перестройстве деревни.

Какое же отражение получили ленинский кооперативный план и директивные решения партийных и советских органов в перспективном плане Госплана и Наркомзема? Проследим, как органы, являющиеся штабом социалистического планирования в нашей стране, заботились о насаждении социалистических форм хозяйства в деревне.

Покажем это на четырех документах: 1) пятилетний (1923/24—1928/29 гг.) перспективный план развития сельского хозяйства под редакцией т. Теодоровича; 2) пятилетний (1926/27—1930/31 гг.) перспективный план под редакцией т. Струмилина; 3) пятилетний (1928/29—1932/33 гг.) перспективный план Наркомзема, под редакцией т. Муралова; 4) пятилетний перспективный план развития народного хозяйства Госплана СССР 1928/29—1932/33 гг.

Вредительский документ № 1

Разработка и составление первой пятилетки Наркомзема принадлежит Кондратьеву и Огановскому. В той полустранице, которая посвящена во всем плане совхозам достаточно ясно отражено, что ставка Кондратьева—Огановского была не на развитие совхозов и их укрепление, а на ликвидацию совхозов или во всяком случае на постепенное сокращение удельного веса этих «хлебных фабрик» среди раздробленного крестьянского хозяйства.

Все совхозы в пятилетней перспективе Кондратьева делятся на три группы: 1) совхозы вполне обеспеченные инвентарем и постройками; 2) совхозы, инвентарем и постройками не обеспеченные, но каким-либо образом могущие себя обеспечить; 3) совхозы со слабым обеспечением инвентарем и не могущие себя обеспечить.

«Две первые группы совхозов,—читаем мы в перспективном плане на пять лет,—имеется в виду эксплоатировать в дальнейшем как совхозы, третью группу совхозов наоборот имеется в виду ликвидировать, их инвентарь использовать для усиления совхозов, принадлежащих земорганам.
мельный запасный фонд, с последующим использованием его для прирезки земли крестьянам или сдачи в аренду» (стр. 63). Вот вам перспектива совхозов на пять лет! Вот директива и план действия местным земельным органам! В посвященной совхозам полстраничке совсем не найти путей дальнейшего развития совхозов, не найти указаний на их роль как поставщиков товарного зерна, мяса и сырья для промышленности, на их значение для окружающего крестьянства, для колхозов. Здесь вся забота направлена на то, как совхозы ликвидировать и кому передать землю ликвидированных совхозов.

К остающимся советским хозяйствам характерен чисто торгашеский подход. Пригоден к эксплоатации—существуй, не пригоден—ликвидируем. И это конечно не является случайностью, наоборот это тесно связано со всей установкой кондратьевцев на развитие нашего сельского хозяйства. Их основная установка, высшее начало—развитие производительных сил сельского хозяйства по капиталистическому пути. Ставка кондратьевцев не на совхозы и колхозы, а на рыночное, капиталистическое развитие индивидуального крестьянского хозяйства, на всемерное развитие кулацких хозяйств.

Мало того, что социалистический сектор в деревне игнорировался, отодвигался на задний план, «забывался»... Для достижения своей цели, т. е. для быстрейшего насаждения кулацких хозяйств, кондратьевцы рассчитывали использовать оставляемые ими советские хозяйства.

«Советские хозяйства,—говорится в кондратьевской пятилетке,—в главной своей массе строят свою работу в направлении агрикультурного воздействия на подъем крестьянских хозяйств путем создания агрикультурных ценностей (племскот, сортовые семена и т. д.), поступающих затем в крестьянские хозяйства» (стр. 65) [1].

[1] Перспективы развития сельского хозяйства СССР, стр. 63.

Здесь все «обосновано», все рассчитано. Первейшей задачей контрреволюционных вредителей было побольше подвести совхозов под третью группу, т. е. добиваться ликвидации наибольшего количества совхозов. Придирок было бесконечное количество. Вредители щедро распределяли совхозовские земли между индивидуальными крестьянскими хозяйствами.

Но все же, несмотря на ту разрушительную работу, которую вредители вели в совхозах, часть совхозов была настолько показательна, что ее нельзя было подвести под рубрику ликвидировавшихся. Вредители пытались оставшиеся совхозы использовать в целях насаждения кулацких хозяйств.

Известную роль в смысле воодушевления в этой работе вредителей сыграла развиваемая в свое время целым рядом коммунистов (во главе с т. Галевиусом) так называемая теория «социальной рентабельности совхозов». Теория эта является плодом временной убыточности наших совхозов. Вместо того, чтобы покопаться, поискать корни этой убыточности, сразу берется под подозрение преимущество такого крупного предприятия в сельском хозяйстве, как совхозы.

По замыслу авторов этой теории производственные задачи будут выполняться индивидуальным крестьянским хозяйством, совхозам же принадлежит специальная задача: быть исключительно агрикультурными рассадниками. Таким образом, по этой теории, если даже советские хозяйства экономически не выгодны, они все равно «социально рентабельны».

«Совхозы сами по себе,—пишет т. Галевиус,—могут быть даже экономически дефицитными, но в общей цепи народного хозяйства как активное звено строительства и часть единого целого государственного хозяйства они полезны» [1]. Совхозы, по Галевиусу, могут приносить убыток, могут экономически быть побитыми индивидуальным крестьянским хозяйством, и все же государство от этого все равно выигрывает.

Никому в голову не придет оспаривать громадное значение, которое играют совхозы в переделке крестьянского хозяйства на социалистический лад. Но явной нелепостью является представление, что совхоз, плохо организованный, мелкий, убыточный, может служить ведущей силой, организатором и культурным рассадником для окружающего населения. Если совхоз демонстрирует не то, как нужно вести хозяйство, а то, как не нужно вести хозяйство, т. е. если он плохо будет вооружен техникой, невыгоден экономически, он не будет иметь социальной полезности. Не пойдет крестьянство за таким совхозом, а попросту будет добиваться раздела его земли между собою. Только мощное, крупное, вооруженное современной техникой, выгодное экономически предприятие последовательно социалистического типа может повести за собой крестьянство через объединение в коллективы.

[1] *Галевиус*, Совхозы в системе социалистического строительства, изд. «Новая деревня», стр. 120.

Только такие совхозы, говоря языком Галевиуса, могут быть социально полезными, социально рентабельными.

Независимо от субъективных намерений т. Галевиуса объективно эта теория вела не к укреплению совхозов, не к усилению этих последовательно социалистических предприятий в деревне, а к их ослаблению. Теория «социальной рентабельности», усиленно пропагандируемая плановыми и оперативными работниками Госсельтреста, расхолаживала руководящий аппарат совхозов, не мобилизовывала его на быстрейшую и решительную перестройку всей работы совхозов на основах хозяйственного расчета и хозяйственной рентабельности, и создавала возможность целому ряду совхозов свою бездеятельность, бесхозяйственность и убыточность оправдывать «социальной полезностью» их с общегосударственной точки зрения.

Контрреволюционные вредители немедленно ухватились за эту «директиву» и пытались использовать ее, с одной стороны, для ликвидации «социально-полезных», а хозяйственно не оправдывающих себя совхозов, с другой, для использования помощи совхозов на развитие деревни по капиталистическому пути, для насаждения кулацких хозяйств.

Совхозам нужны кадры руководящих и технических работников. Совхозы распылены, раздроблены, разбросаны среди тысячей владельцев. Им нужны до зарезу оборотные средства, нужны средства производства, нужна постоянная квалифицированная рабочая сила. И совхозы имели все основания на помощь со стороны государства, на поддержку их со стороны Наркомзема. Однако в пятилетней перспективе «забыли» про совхозы, «забыли» про нужды совхозов, они просто обойдены молчанием. Единственно о чем вспомнили вредители—это о ликвидации совхозов.

Кулацкие агенты Наркомзема делали свое дело совершенно сознательно, а правые оппортунисты (Теодорович и др.), пользуясь своим руководящим положением, расчищали дорогу их контрреволюционному творчеству.

Ставка вредителей на всемерное развитие кулацких хозяйств. И эту кулацкую установку целиком разделяли правые оппортунисты.

«Зигзаги» Теодоровича

Тов. Теодорович, например, целиком поддерживал кондратьевцев, с такой лишь оговоркой: «что для нас рост этих хозяйств (кулацких—*В. Б.*) есть не цель, а средство, только средство и только потому, что они могут быть использованы как средство, мы их благословляем»[2]. Можно привести сколько угодно фактов, подтверждающих эту политику «благословения» кулацких хозяйств со стороны т. Теодоровича. Причем в своих статьях он пытался подвести под это «благословение» теоретическую базу,

[1] Из речи т *Теодоровича* в комиссии перспективных планов от 18 апреля 1927 г.

и опереться на авторитет Ленина. Исходным пунктом т. Теодоровича являлась предпосылка, что производительные силы (под производительными силами т. Теодорович понимал только технику нашей страны) не созрели до построения социалистического общества, что в Октябрьской революции мы имели изменение только производственных отношений, производительные же силы нам достались старыми. Здесь прежде всего игнорируется диалектическое сочетание производительных сил и производственных отношений. Допускается изменение производственных отношений при неизменных производительных силах. Это конечно неверно. Момент изменения производственных отношений (Октябрьская революция) есть момент решительного, коренного изменения производительных сил. Рабочая сила как один из важнейших элементов производительных сил не одинакова до и после пролетарской революции.

Поэтому нэп т. Теодорович расценивал как завершение в сельском хозяйстве того, «чего не доделало капиталистическое развитие дореволюционной России»[1]. По т. Теодоровичу новая экономическая политика—«это строго продуманный план создания социалистической могучей индустрии на росте производительных сил сельского хозяйства, который идет на капиталистической основе»[2]. У т. Теодоровича развитие нашего народного хозяйства мыслится вроде «ящиков», о которых говорил т. Сталин на съезде аграрников-марксистов. Город (один «ящик») движется к социализму на базе могучей социалистической индустрии. Деревня (другой «ящик») развивает свои производительные силы на капиталистической основе. В далекой перспективе как первый, так и второй «ящик» приходят к социализму. Или то же самое, что и у Троцкого: деревенский фланг побежден, но в целом социализм побеждает. Социалистический город,—говорит т. Теодорович,—сумеет капиталистическую деревню «направить в русло социалистического строительства»[3].

«Борьба,—говорит т. Теодорович,—будет трудная, полная «зигзагов», «уступок», «маневров». И дальше. «Ведь недаром же учил Ленин: «если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун»[4].

Чего только не наговорено здесь! Прежде всего надо отметить, что указания на то, что социалистический город направит капиталистическую деревню на путь социалистического строительства, является не чем иным, как бухаринской теорией самотека. Проводя аналогию между развитием капиталистического хозяйства и развитием советского хозяйства, авторы теории самотека считают, что наша деревня стихийно, «самотеком» пойдет за социалистическим городом, так же как она стихийно идет за городом при капитализме. При капитализме развивалась капиталистическая индустрия и де-

[1] «Пути сельского хозяйства», 1925 г., № 5, стр. 25.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Там же, стр. 26.
[4] Там же, стр. 26.

ревня шла стихийно за капиталистическим городом. У нас развивается социалистическая индустрия, значит деревня «самотеком» пойдет за социалистическим городом.

Эта теория окончательно разгромлена т. Сталиным. Для того, чтобы мелкокрестьянскую деревню переделать на социалистический лад, чтобы деревня пошла за социалистическим городом, нужно строить в деревне крупные социалистические предприятия в виде совхозов и колхозов, нужно создавать социалистическую базу в деревне. Теория самотека не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Явной клеветой на партию является толкование генеральной линии партии в отношении деревни как постоянные «зигзаги», «уступки», «маневры». При отеческом покровительстве т. Теодоровича в «зигзагах» обвиняет партию кулацкий профессор Кондратьев. «Не ведите зигзагообразной политики в деревне,—говорит он,—а ведите определенную политику, стройте дело на бедняке или от этого откажитесь и развяжите руки творческой фигуре деревни». О какой собственно зигзагообразной политике в деревне идет речь? Партия всегда на всех этапах социалистического строительства проводила строго классовую политику в деревне, опираясь на бедноту и в союзе с середняком вела страну к социализму. Партия вела и ведет строго классовую политику по отношению к кулаку. С XI партийного съезда, проводя непрестанно жесткую политику ограничения и вытеснения кулацких элементов, партия с XVI партсъезда перешла к ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, при этом опираясь на новом этапе социалистического строительства не только на колхозника—прежнего батрака и бедняка,—но и на середняка, вступившего в колхоз, превратившегося в действительную и прочную опору советской власти в деревне.

Только такие правые оппортунисты, как т. Теодорович, могли толковать политику партии как сплошное «приспособление», как сплошное «ползание на брюхе в грязи» перед капиталистическими элементами. Иначе, пугал т. Теодорович, ты не «революционер, а болтун». Это—прямая ложь, клевета на Ленина. Свои «маневры» перед кулацкой агентурой, свои «уступки» и «зигзаги» по отношению к капиталистическим элементам переходного хозяйства, свое ползание на «брюхе в грязи» перед кулацкими профессорами—это низкое пресмыкание правые оппортунисты не имеют права выдавать за марксизм, за ленинизм, за политику партии.

Правооппортунистические установки руководителей Наркомзема в социалистической реконструкции сельского хозяйства **распоясали вредителей, открыли дорогу их контрреволюционным делам.**

Высшим критерием, высшим правилом для Кондратьева, по его заявлению, является развитие производительных сил. Этим принципом, принципом быстрейшего роста производительных сил, по его утверждениям, он руководствовался при перспективном планировании «тенденций сельского хозяйства».

Основной ставкой развития производительных сил СССР, го-

ворит Кондратьев, должна быть ставка на создание двустороннего индустриально-аграрного типа народного хозяйства. Но беря ставку на развитие производительных сил, Кондратьев считал, что только капиталистическая основа создает небывалый простор для этого. Кооперирование деревни, насаждение совхозов и колхозов Кондратьев считал утопической идеей, попыткой государственной надстройки определить судьбы производительных сил. «Что вы не хотите по этому пути (капиталистическому—*В. Б.*) итти, я охотно верю, но пойдете ли вы или не пойдете—это вопрос другой и решается не вами, а за вас решается теми факторами, которые не зависят, не находятся в полном распоряжении человеческой воли» (Кондратьев).

Рост производительных сил, по Кондратьеву, независимо от воли государства направлен по пути капитализма, и никакие воздействия со стороны «государственной надстройки» изменить его не могут. Причем, как ни странно, Кондратьев ссылается на Маркса. Кстати сказать, ссылка на классиков марксизма частенько применялась вредителями совершенно сознательно, чтобы сбить с толку недалеких коммунистов.

Вредительский документ № 2

Немногим отличается от «кондратьевской» пятилетки так называемая «струмилинская» пятилетка, намечающая развитие совхозов на 1926/27—1930/31 гг. Если авторами пятилетки Наркомзема были Кондратьев и Огановский, то автором перспективного развития сельского хозяйства вообще и совхозов в частности в «струмилинской» пятилетке был коллега Кондратьева по вредительству Вишневский и тот же Огановский. Приведем намечаемые капитальные вложения (в млн. руб.) на пятилетие.

Источники	1926/27 г.	Итого за 5 лет 1926/27—1930/31 гг.
Бюджет	4,0	35
Кредит	4,0	35
Средства совхозов	1,5	11
Всего	9,5	81

Теперь мы хорошо знаем, что за это время капитальные вложения были больше на сотни процентов. Здесь вложения определяют темпы развития совхозов. Если в 1926 27 г. было вложено 9,5 млн. руб., то за пятилетие 1926/27—1930/31 гг. предполагалось вложить 81 млн. руб., или по 16,2 млн. руб. в год. Ясно, что, сводя к минимуму вложения в советские хозяйства, составители пятилетки ставили ставку не на развитие совхозов, а на сокращение их удельного веса, в крайнем случае на их стационарное состояние.

Вредительские контрреволюционные темпы развития, намечаемые пятилеткой, особенно бросаются в глаза, если показать действительные капитальные вложения совхозов на планируемый пе-

риод. По контрольным цифрам Госплана СССР вложения в совхозы составляли: в 1927 г.—32 420 тыс. руб.; в 1928 г.—72 800 тыс. руб.; в 1929 г.—190 млн .руб.; в 1930 г.—1 млрд. руб.; в 1931 г.—1 763 млн. руб. Таким образом, за планируемое пятилетие вложено не 81 млн. руб., как намечалось струмилинской пятилеткой, а свыше 3 млрд. руб., т. е. в 40 раз больше.

Для струмилинской пятилетки характерен чисто «куриный» подход к планированию сельского хозяйства. Основной проблемой для сельского хозяйства в пятилетней перспективе Вишневским—Огановским (при поддержке «ученых специалистов» из Земплана, Наркомзема) выдвигалась куриная проблема. В этом видна ставка Кондратьевых, Макаровых, Вишневских, Огановских на капиталистический путь развития сельского хозяйства, на стимулирование наиболее рыночных отраслей.

Птицеводство более рыночно, чем животноводство, животноводство более рыночно чем зерновое хозяйство. Поэтому на первый план выдвигается птицеводство, на второй—животноводство и на последнее—зерновое хозяйство, как наименее рыночное.

В пятилетке рассчитано, сколько будет кур, какой будет прирост, сколько поступит на внутренний и мировой рынок, сколько нужно построить птичников, какого размера. В общем этот «куриный батька» так увлекся «кукурекузацией», что совершенно забыл про совхозы и колхозы. Обобществленный, социалистический сектор не получил никакого отражения в пятилетке, он не имеет здесь никаких перспектив. Зерновая проблема, главнейшая из главнейших, являющаяся ключом для разрешения всех остальных проблем, отодвинута на задний план как раз в тот период, когда над нами уже нависли хлебные затруднения [1].

Мы разобрали два пятилетних перспективных плана: один, составленный в Наркомземе и вышедший как официальный документ Наркомзема, другой, составленный работниками Госплана СССР. Теперь все прекрасно знают, что оба эти документа являются вредительскими документами. Оба они составлялись теперь уже окончательно разоблаченными вредителями по программе и указаниям вредительских организаций. Мы уже указывали, что оба эти документа составлялись под руководством коммунистов (Теодоровича—в Наркомземе, Струмилина—в Госплане). Здесь мы имеем прямое выражение правыми оппортунистами вредительских, контрреволюционных, реставраторских чаяний и надежд капиталистических элементов в деревне. Социалистический сектор в сельском хозяйстве задерживался, ликвидировался. Капиталистические элементы деревни — кулачество — поддерживались, «благословлялись».

* * *

Пятилетний план Наркомзема под редакцией т. Муралова собственно является первой попыткой всестороннего освещения вопросов совхозовского строительства. Здесь впервые вопрос по-

---

[1] Пятилетний план, под ред. Струмилина, стр. 28.

ставлен во всей его широте. Здесь взят решительный курс на развитие и укрепление социалистического сектора в сельском хозяйстве.

При построении пятилетнего перспективного плана Наркомзема на 1928/29—1932/33 гг., опубликованного под редакцией т. Муралова, и госплановского пятилетнего плана чувствуется значительное усиление коммунистического влияния на всю работу по планированию. Остановимся на этой пятилетке Наркомзема. Пятилетка отмечает целый ряд недостатков в жизни совхозов: слабую обеспеченность основными и оборотными средствами, низкий уровень техники полеводства, животноводства, слабую специализацию совхозов, большие общие расходы, высокую себестоимость, недостаток руководящего персонала, квалифицированных рабочих, слабое руководство трестами и их многочисленность и др. Если основными средствами (здания, отчасти машины и тяга) совхозы были кое-как обеспечены, то с оборотными средствами положение было плачевным.

По балансу трестированных совхозов на 1 января 1928 г. оборотные средства их были таковы: собственные средства—4,3%, резервы—3—4%, займы и кредиты—45,2% векселя к платежу—11,1%, кредиторы—34,2%, безвозвратные ссуды—1,6%. 95,7% всех оборотных средств совхозов составляют заемные средства и только 4,3%—свои средства. Ясно, что в таких условиях совхозы испытывали постоянные перебои в оборотных средствах, что значительно затрудняло работу. Одним из основных факторов низкой производительности труда в совхозах, а отсюда и высокой себестоимости продукции являлся сравнительно низкий еще удельный вес постоянных рабочих. Число постоянных рабочих слишком медленно росло за счет сокращения временных рабочих и служащих. Если в 1925 г. на каждые 100 рабочих постоянных рабочих было 36,6, временных рабочих 50,4, служащих 11, то в 1926 г. имеем 36 постоянных рабочих (некоторое сокращение), 5 временных рабочих и 9 служащих, в 1927 г. постоянных рабочих 37,2, временных 53,3, служащих 9,5. А крупное рационально индустриализованное хозяйство совхозов нельзя себе представить при той текучести сезонной рабочей силы, которая до этого в совхозах наблюдалась. Совхозы должны быть обеспечены своей постоянной рабочей силой. И только это гарантирует им высокую квалификацию и специализацию работников.

Постепенная замена временных сезонных рабочих постоянными обусловливается все большим использованием совхозных земель и сокращением сдачи их в аренду.

По совхозам госсельтрестов издольщина и аренда составили:

	В 1925 г.	В 1926 г.	В 1927 г.
	В процентах		
Издольщина (к посевной площади) . .	29,9	13,4	5,1
Пашня в аренде (ко всей площади) . .	9,4	6,7	—

Совхозы от сдачи земли в аренду, от обработки земли средствами колхозов и крестьянства переходят к обработке всей своей

земли собственными силами и, кроме того, оказывают помощь колхозам и окружающему крестьянству. От аренды и издольщины совхозы переходят к технической реорганизации крестьянского хозяйства, к его коллективизации.

По пятилетке Наркомзема намечается увеличение за пятилетие общей площади совхозов в 6 раз, посевной площади в 7 раз. Намечается подведение под совхозы прочной технической базы, значительное насыщение тракторами и сложными сельскохозяйственными машинами. Взят решительный курс на повышение производительности, на снижение общих расходов, на снижение себестоимости совхозной продукции; совхозы пополняются постоянными рабочими и обеспечиваются достаточным кадром хороших руководителей.

Отмечается слабая перестройка работы совхозов в реконструктивный период. Вполне правильно поставлена задача перед совхозами «быть образцовыми в хозяйственном отношении и доходными сельскохозяйственными предприятиями». Правильно ставится вопрос о специализации совхозов. «Совхозы должны быть организованы как крупные специализированные хозяйства, рационально сочетающие побочные, подчиненные отрасли с основными отраслями, на которые ориентируется хозяйство в условиях каждого с.-х. района».

Специализация или универсализм

Вопрос специализации совхоза заслуживает того, чтобы на нем здесь остановиться более подробно.

Для марксистов является бесспорным, что сельское хозяйство подчинено тем же законам, что и промышленность, что и в сельском хозяйстве, как и в промышленности, должна обязательно проводиться специализации районов, специализация отдельных крупных предприятий.

Специализацию сельского хозяйства мы наблюдаем и в капиталистическом обществе. Подробно останавливается на этом вопросе Ленин (в IX томе), иллюстрируя его богатейшим материалом Соединенных штатов.

«Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию и эта специализация все растет» (Ленин).

Земледелие не сразу становится торговым. Торговля шаг за шагом проникает в отдельные районы, в отдельные хозяйства. Проникновение торговли неизбежно вызывает специализацию районов, специализацию хозяйств.

«Рынок,—говорит Ленин,—подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, причем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной стороне»[1].

В капиталистическом хозяйстве выделение этих ведущих, денежных отраслей производится рынком, через цены. В каждом

[1] *Ленин*, т. IX, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, стр. 670—671.

районе через рынок в таких отраслях сельского хозяйства, как полеводство, животноводство, выделяется одна какая-либо главная, ведущая, денежная отрасль, все остальные отрасли к ней приспособляются. Подсобные отрасли не уничтожаются, а подчиняются главной, денежной отрасли. Таков путь развития сельского хозяйства во всех капиталистических странах. Только в отдельных странах эта специализация проведена больше, в других меньше.

Каков должен быть тип нашего крупного хозяйства (совхозов, колхозов)? Должно быть оно универсальным или специальным? Несомненно, наше крупное хозяйство, построенное на высокой технической базе, должно быть еще более специализировано, чем крупные хозяйства при капитализме, но на другой основе. На пути специализации капиталистического хозяйства лежит частная собственность, абсолютная земельная рента. У нас нет частной собственности на землю, у нас нет абсолютной земельной ренты, у нас уничтожены всякие преграды для специализации крупного хозяйства. Есть еще большее отличие. Наше хозяйство специализируется не по капризу рынка и цен, а по плану пролетарского государства. Для марксистов это как будто азбучная истина, а между тем у нас даже среди коммунистов находятся сторонники теории универсального, комбинированного (в данном случае речь идет не об агрокомбинатах) крупного сельскохозяйственного предприятия. По Галевиусу, например, при всех условиях «законы техники, природы, почвы и вопросы социалистической экономики предуказывают целесообразность организации комбинированного хозяйства на основе растениеводства, животноводства и технических производств». По Галевиусу, техника и природа, почва, социальная экономика (своеобразный «комбинат» условий)—все на стороне универсального хозяйства. Это, конечно, неверно. Климат, почва, техника благоприятствуют как раз не универсализации, а специализации отдельных районов и отдельных крупных хозяйств. По почвенным и климатическим условиям не во всех районах можно разводить одинаковые культуры, а только специальные культуры. В специальном хозяйстве можно скорее ввести лучшие машины, наиболее эффективно их использовать. В специальном хозяйстве ниже себестоимость продукции, выше производительность труда. А, как учил Ленин: «Производительность труда в последнем счете—самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» (т. XVI, стр. 254). Свою теорию Галевиус подкрепляет практикой дореволюционных помещичьих хозяйств, ведущих свое хозяйство путем универсализации целого ряда отраслей. Образчиком универсального хозяйства является также мелкое крестьянское хозяйство, заводящее «всего понемногу». Ни опыт дореволюционного помещичьего хозяйства, ни опыт крестьянского хозяйства не может быть нами положен в основу при организации наших крупных хозяйств. Даже в царских помещичьих хозяйствах рынок, цены вынуждали специализировать, но там это тормозилось частной собственностью. Наш путь—путь значительно большей специализации хозяйства, чем

при капитализме. Делать ставку на универсализацию—это значит копировать мелкое крестьянское хозяйство при организации крупного предприятия. Это шаг не вперед, а назад по пути к чаяновщине.

Галевиус исходит на первый взгляд из самых благих намерений. Универсальное хозяйство, по его мнению, сокращает сезонные пики занятости труда, компенсирует убыточность одной отрасли другою, а в общем делает хозяйство доходным. Повидимому, с его точки зрения, универсальное хозяйство и более социально рентабельно (термин Галевиуса). Неверно ни то, ни другое. Не универсальное, а специализированное хозяйство более доходно, более образцово поставлено и влияет на крестьянское хозяйство значительно сильнее. Это подтверждает в своей работе т. Яковлев.

«Следует подчеркнуть,—говорит он,—что заметные улучшения по кооперированию хозяйства имеются лишь у тех совхозов и объединений, которые специализировались в определенной отрасли: а) на основе снабжения специальными агрикультурными ценностями, при непосредственном агротехническом обслуживании населения (госсемкультуры, конзаводы, племхозы); б) при индустриализации совхозов и массовой скупке крестьянского сырья (свекла, картофель, шерсть, молоко) и в) специально производственно обслуживают крестьянское хозяйство (Госмелтрест). У всех остальных совхозов, имеющих общий агрикультурный производственный характер без определенно выявленной специализации, особых результатов по кооперации населения нет» (разрядка наша—*В Б*)[1].

Вот прекрасная характеристика с экономической стороны и с точки зрения «социальной рентабельности» наших советских хозяйств (совхозы). Совхозы универсальные, большей частью убыточны [2], плохо организованы—образцами, демонстрирующими преимущества крупного, технически вооруженного хозяйства, не являются. Только совхозы, строящие свое хозяйство на основе определенной специализации, лучше организованы, более рентабельны, более показательны для окружающего крестьянства. Такие совхозы послужили образчиком для крестьянского хозяйства, облегчили кооперирование, а потом и коллективизацию основных крестьянских масс.

Будущее принадлежит не универсальным совхозам, а совхозам с глубокой специализацией. Конечно, эти предприятия далеко не обязательно должны строить свое хозяйство на монокультуре. Партия и советская власть встали уже на путь специализации отдельных районов и отдельных отраслей сельского хозяйства. Созданы Зернотрест, «Кенаф», «Скотовод», «Свиновод», «Овцевод» и целый ряд других специальных объединений.

Специализация сельского хозяйства приблизит его к промыш-

[1] *Яковлев*, Материалы к XV партсъезду, стр. 329.

[2] *Галевиус*, «Совхозы в системе социалистического строительства, изд «Новая деревня», стр. 47.

ленности, превратив в целый ряд специальных отраслей народного хозяйства.

По плану пролетарского государства проводится специализация отдельных районов и специализация отдельных крупных предприятий внутри районов. В каждом предприятии устанавливается главная, ведущая отрасль, исходя из нужд общегосударственного целого, и все хозяйство приспосабливается к этой главной отрасли. Такой принцип должен быть положен при строительстве советских и коллективных хозяйств. Неверно, что только универсальное хозяйство уничтожает сезонные пики в занятости труда. Специальное хозяйство с выделением главной, ведущей отрасли при подведении под него технической базы не меньше, а больше универсально обеспечивает равномерное использование труда в течение года.

Так ставится вопрос о специальном и универсальном типе совхоза. Неверные исходные положения Галевиуса и других работников, оказывавших влияние на работу совхозов, долгое время тормозили специализацию совхозов госсельтрестов.

Намечаемая пятилеткой специализация совхозов является большим шагом вперед.

Совхозы в пятилетке Наркомзема рассматриваются и как государственные поставщики товарного зерна, мяса, риса, хлопка, сырья, и как рычаги по переустройству крестьянского хозяйства. Конкретно ставится вопрос о концентрации совхозов в руках небольшого количества организаций, специально ими занимающихся. Вслед за строительством зерновых совхозов-гигантов на повестку дня поставлена задача строить крупные совхозы-гиганты мясные, рисовые, хлопковые, птицеводные, льняные, кенафные, молочные, овощные и пр.

Намечается значительный рост удельного веса совхозов по валовой и товарной продукции, повышение урожайности совхозных полей, увеличение удойности молочного совхозного скота.

Остановимся на пятилетнем перспективном плане Госплана. XVI партийным съездом признано, что пятилетка Госплана по сельскому хозяйству далеко не учла происходящих темпов социалистической переделки деревни, и дана директива «коренным образом пересмотреть план развития сельского хозяйства».

Основным недостатком пятилетки Госплана, так же как и пятилетки Наркомзема, следует считать слишком низкие темпы развития социалистического сектора в деревне (совхозов и колхозов), и в этом, несомненно, сказывалось влияние Макаровых, Челинцевых, Кондратьевых и «кондратьевщины» в Наркомземе, Вишневских, Огановских и «огановщины» в Госплане. Вишневскому и Огановскому в госплановской пятилетке принадлежит далеко не последняя роль. Как и раньше, при составлении этой пятилетки, общая методологическая часть и выработка основных показателей возлагались на Огановского. И вот один из образчиков этой ме-

тодологии! Наметкам основных показателей развития и реконструкции сельского хозяйства в пятилетнем плане предшествует констатация, что—«конъюнктура последних полутора лет говорит о некоторых снижательных тенденциях в сельском хозяйстве» («Пятилетка», т. II, ч. 1, стр. 270). И поэтому, несмотря на оговорку авторов пятилетки, что «снижательные» тенденции их не пугают, эта «снижательная» ориентировка несомненно сказалась на планировании социалистической реконструкции сельского хозяйства. Весьма интересна методология планирования сельского хозяйства, автором которой являлся Огановский. Огановским устанавливались общие показатели по посевным площадям, по валовой и товарной продукции, по урожаю, по стаду для всего сельского хозяйства в целом, исходя из «снижательных тенденций» сельского хозяйства, а потом эти общие показатели разбивались по отдельным социальным секторам,—значит, не от отдельных секторов (совхозы, колхозы, индивидуальные крестьянские хозяйства) к общим показателям сельского хозяйства, а от общих показателей всего сельского хозяйства к разверстке по отдельным социальным секторам (совхозы, колхозы, крестьянские хозяйства).

Если установленные Огановским общие показатели—посевная площадь, урожайность, выход валовой и товарной продукции стада—не совпадали с социальным разрезом плана по секторам, то, так как индивидуальный крестьянский сектор считался их основным сектором, а совхозы и колхозы неосновными, разница механически срезалась за счет снижения социалистического сектора.

Вот эта своеобразная вредительская «дедукция» безусловно сказалась на темпах социалистической реконструкции сельского хозяйства, в частности на развитии совхозов.

Определенно недооценивалась роль социалистического сектора в разрешении зерновой проблемы. Предполагалось, что разрешение зернового вопроса будет итти постепенно, медленно и оно затянется на целое пятилетие. Таким образом, пятилетка Госплана намечала, что целое пятилетие придется заниматься исключительно разрешением зернового вопроса, а развитие животноводческих совхозов и колхозов отодвигалось на второе пятилетие.

«Если брать не только зерновую, а всю продукцию сельского хозяйства,—говорится в пятилетнем плане,—то доля обобществленного сектора (совхозы и колхозы) будет значительно меньше и в 1932/33 г. составит валовой продукции 13%, а товарной 23%. В урожае последнего года пятилетки (1933 г.), который засчитывается уже в продукцию 1933/34 г., удельный вес обобществленного сектора поднимается до 17% в валовой продукции и 25% в товарной» (стр. 284). Мы знаем теперь—и это особенно ясно и четко показано т. Сталиным на XVI партийном съезде,—что нам удалось за два года разрешить в основном зерновую проблему и на этой основе уже в третий год планируемой пятилетки приступить к разрешению животноводческой проблемы и проблемы технических культур. Уже в 1931 г. страна получила от социа-

листического сектора больше половины всей товарной продукции зерна. И это дало полное основание заявить т. Сталину на XVI партийном съезде, «что судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы».

Стоит сравнить намеченные темпы развития совхозов по пятилетке и действительную реализацию планов, чтобы лишний раз показать, что рука вредителей к плану приложена. Приведем несколько показателей. По плану намечалось, что общая земельная площадь совхозов будет расти следующим темпом (в млн. *га*): в 1928 г.—4,7; в 1929 г.—6,8; в 1933 г.—13,9. Фактический рост земельной площади совхозов (по контрольным цифрам Госплана в млн. *га*): в 1928 г.—4.7; в 1929 г.—12,4; в 1930 г.—51,9; в 1931 г.—71,0. Несомненно, что к 1933 г. площадь далеко превысит 100 млн. *га*. По посевным площадям пятилеткой намечалось (в млн. *га*): в 1928 г.—1,1; в 1929 г.—1,5; в 1933 г.—4,7. Фактический прирост (по контрольным цифрам): в 1928 г.—1,1; в 1929 г.—1,8; в 1930 г.—3,7; в 1931 г.—9,5.

По капитальным вложениям пятилетним планом намечалось за все пятилетие вложить 840 млн. руб. Фактически же произведено капитальных затрат в совхозах: в 1928 г. 72,8 млн. руб.; в 1929 г.—190 млн. руб.; в 1930 г.—1 000 млн. руб.; в 1931 г.—1 763 млн. руб. К концу 1931 г. в совхозы будет вложено не 840 млн. руб., как предполагалось по пятилетке, а свыше 3 млрд. рублей.

Для того, чтобы задержать, затормозить развитие совхозов, вредителями приводились самые разнообразные доводы.

Первый и основной довод—нет земли. Как ни странно, в Советском союзе, в котором из общих земельных запасов используется совсем небольшая часть, вредители затруднялись найти землю под совхозы. Причем в связи с недостатком земли под совхозы они пророчили всевозможнейшие политические осложнения в деревне для советской власти. Для образования больших массивов под совхозы,—говорили они,—нужно переселять крестьян с их земель, а это чревато опасностями. Для переселения крестьян на новые земли нужно оплатить им стоимость их имущества и земли, а это сделает отводимую под совхозы землю слишком дорогой. Выходит, что на крестьянской земле совхозы строить невыгодно и нельзя (дорого, неизбежны политические осложнения), а свободных массивов, пригодных для строительства совхозов, у государства нет. Нужно растянуть строительство совхозов, не торопиться. Взятые темпы непосильны. В стране нет достаточного кадра агрономических сил, чтобы обслужить совхозы,—им придется остаться без всякого агрономического обслуживания.

Повторяем снова, борьба против высоких темпов развертывания социалистического сектора сельского хозяйства велась вредителями упорно и настойчиво. И она частично получила отражение в тех низких темпах развития совхозов, которые запроектированы в пятилетних перспективных планах Наркомзема и Госплана.

Что Макаровы, Челинцевы, Вишневские, Огановские до последнего времени всячески тормозили развитие совхозов—это не

подлежит никакому сомнению. Показательными в этом отношении являются их выступления и на совещании специалистов о форсированном развитии совхозов.

В 1928 г. мы имеем решение Политбюро ЦК, которое гласило: «Принять предложение об организации в продолжении 3—4 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где не могут быть задеты новыми совхозами крестьянские «наделы», в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 миллионов пудов».

Решение Политбюро было утверждено пленумом ЦК и получило выражение в директивах правительства о создании нескольких десятков крупных совхозов, с таким расчетом, чтобы к концу пятилетия получить от них 100 млн. пудов товарного хлеба. Форсированные темпы развития совхозов были взяты в штыки правыми оппортунистами и контрреволюционными вредителями.

Вредители «насилуют природу»

Прямо возражать против создания колхозов кондратьевцы не решаются, поэтому, принципиально как бы не возражая против создания совхозов, они весь свой авторитет специалистов направляют на темпы строительства.

«Все дело,—говорит Рудин,—в расчетах, темпе строительства, суммах вложений, в ожидаемом урожае. Я полагаю, что лучше несколько растянуть организационный период, лучше не торопиться».

«Ученый кулак» прямо бьет в цель, он не занимается излишней болтовней. Для правительства, для партии нужен немедленно хлеб и этот хлеб ему может дать социалистический сектор в деревне.

Все силы партия напрягает на быстрое развитие совхозов, на скорейшее получение от них товарного зерна. Здесь медлить нельзя. Темпы решают все. Поэтому партия открыла огонь против тех, кто срывал эти темпы, задерживал их.

Рудин считает взятые партией и правительством темпы непосильными. Он рекомендует не торопиться. И пока что следует предоставить ему, Рудину и К°, насаждать хутора, отруба и на базе индивидуального хозяйства развивать кулацкие хозяйства.

Еще прямее и яснее ставит вопрос другой вредитель Макаров.

«Что я критикую в этом проекте?»—спрашивает он. И отвечает. «Я критикую здесь темп, с которым предполагается развернуть это дело». Причем Макаров тут же поясняет, почему он критикует взятые партией и правительством темпы развертывания совхозов.

«У нас есть много других секторов и нам нужно взять рациональную пропорцию между вложением в это мероприятие и вложением в кооперативный крестьянский сектор. Мне представляется, что вложение 350 млн. руб. за четыре года (как мы показали, фактически за 4 года мы вложили туда больше 350 млн. руб.— *Б. В.*) в новые зернофабрики будет несколько преувеличенным.

Оно снизит, преуменьшит вложения в основные секторы народного хозяйства».

Здесь Макаров поставил вопрос на чистоту. Быстрое развертывание потребует большего вложения средств, чем до сих пор отпускалось, а это может отразиться на основном секторе, на индивидуальном (понимай кулацком). Совхозы, по Макаровым, не основной сектор в нашем сельском хозяйстве. В форсированном развитии совхозов он увидел решительное наступление социалистического сектора сельского хозяйства на капиталистические элементы деревни, идеологом которых он являлся. Поэтому Макаров и Челинцев пытаются, используя свой авторитет специалистов, задержать, затормозить строительство совхозов. «Куда торопиться?»—кричат они. Зачем строить в четыре года, ведь можно намеченное количество совхозов развернуть в 6 и 7 лет. Совхозы не основной сектор, и над ними не каплет.

Если Макаров, Челинцев еще дипломатничают, то один из наглейших столпов кулацкой контрреволюции Дояренко сбрасывает с себя маску. Ему, видите, само слово «совхоз» режет ухо. Странное какое-то слово, непривычное в профессорском обиходе.

«Мне это слово (совхозы—*В. Б.*),—говорит он,—не очень нравится, мне кажется, что—это фабрики зерна, ничего общего с совхозами не имеющие». Внешнее впечатление: как будто дело в словах. Не будем называть совхозы совхозами, будем называть их хлебными фабриками. Не нравилось же Троцкому и Теодоровичу называть кулака кулаком, один предпочитал называть его «фермером капиталистического типа», другой просто зажиточным крестьянином. Дело, конечно, не в словах. Дояренко мыслил себе государственные «хлебные фабрики» как изолированные, одинокие, замкнутые в себе среди безбрежного моря мелких и мельчайших крестьянских индивидуальных хозяйств. «Хлебные фабрики» сами по себе, крестьянские хозяйства и колхозы сами по себе. Но все же строительство «хлебных фабрик» он хотел бы оттянуть, задержать. Дояренко тоже считает, что намеченное строительство совхозов за четыре года ни за что не осуществить.

«Я думаю,—говорит он,—что если бы предложили кому угодно организовать хотя бы небольшое хозяйство—совхоз не в 20 десятин, а в 500—1 000 десятин, так чтобы оно давало полную продукцию, то возможно ли это действительно в четыре года? Я говорю нет. Хозяйство в 100 десятин, маленькое хозяйство, организовать в четыре года так, чтобы давало полную продукцию, нельзя потому, хотя бы, что вы севооборота не ведете в четыре года. Поэтому, очевидно, в четыре года такого большого предприятия или ту часть, которая будет начата в этом году, организовать нельзя. Это нам не позволит природа (подчеркнуто нами—*В. Б.*), и поэтому нельзя предполагать, чтобы 100 миллионов пудов зерна через четыре года были выброшены на рынок».

Здесь опять вопрос о темпах. Все вредители бьют в одну точку. В 20 десятин хозяйство за четыре года построить еще кое-как можно, но хозяйство в 500—1 000 десятин—ни за что. Нельзя в четыре года создавать советское хозяйство даже в 100

десятин, чтобы оно давало товарную продукцию. В четыре года нельзя ввести в работу даже часть предприятия.

Приходится удивляться, с каким упорством этот вредитель боролся против мероприятий партии и советской власти по развертыванию совхозов. Для убедительности он готов в качестве свидетеля привлечь саму природу. Только просчитался «ученый кулак». Созданные вновь совхозы дали советскому правительству 100 млн. пудов товарного зерна, только не в четыре года (против чего они так боролись), а... в два года, и природа это «позволила».

Зернотрест (организация, возглавляющая зерновые совхозы), созданный по решению партии и правительства в 1928 г., в действительности за два года добился таких результатов, которые вредителям и не снились. В 1930 г. (втором году форсированного развертывания совхозов) Зернотрест создал уже 143 совхоза, которые имели 1 750 тыс. *га* посева. Он в 1930 г. дал вместе с зерновой частью хозяйства других совхозов почти 72 млн. пудов зерна. В 1931 г. совхозы Зернотреста вместе с зерновой частью хозяйства других совхозов дадут около 360 млн. пуд. товарного зерна.

Совхозы—становой хребет в перестройке деревни

Вопреки вредителям, вопреки правым оппортунистам, играющим на руку кулацкой контрреволюции, наша партия добилась бурного, опрокидывающего всякие пророчества правых оппортунистов роста социалистического сектора в сельском хозяйстве в виде совхозов и колхозов. Твердая, непоколебимая, четко-классовая линия нашей партии не позволила вредителям претворить свои планы в жизнь. Через целый ряд рычагов пролетариат города, насаждая в деревне совхозы и колхозы, повернул широчайшие бедняцко-середняцкие массы крестьянства на путь социализма. В социалистической переделке мелких и мельчайших крестьянских хозяйств исключительная, важнейшая роль принадлежит советским хозяйствам, последовательно социалистического типа предприятиям в деревне. Достижения и перспективы совхозного строительства, воздействие совхозов на колхозы и крестьянство прекрасно охарактеризованы т. Сталиным на XVI партийном съезде.

«Впереди,—говорит он,—пойдут совхозы, как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними потянутся многочисленные колхозы, как опорные пункты нового движения в деревне. Соединенная работа этих двух систем создает условия для полной коллективизации всех областей СССР» [1].

Такова по т. Сталину роль совхозов в этом великом деле. И несомненно—совхозы имеют все основания для того, чтобы выполнять роль ведущего начала, роль организаторов и культурных рассадников в колхозном движении.

Совхозы значительно более вооружены технически по сравнению с колхозами и индивидуальным крестьянским хозяйством.

Нижеприводимая таблица свидетельствует о росте механиза-

[1] *Сталин* и *Каганович*, Отчет на XVI партсъезде, стр. 63—64.

ции трестированных совхозов СССР (по контрольным цифрам 1929/30 г.) [1].

	Всего тяговых единиц в тыс. л. с.	В том числе		Процент механ. сил в балансе тяговой силы	Процент пашни, обрабат. тракторами
		в рабочем скоте	в тракторах		
1926/37 г. . .	101,9	81,5	30,3	19,9	29,2
1927 28 » . .	117,0	89,8	27,2	23,2	33,2
192 /29 » . .	173,7	97 7	76,0	43,3	60,6
1929/30 » . .	384,0	99,0	285,0	74,2	81,0

В общем росте обеспечения совхозов тяговой силой «конская тяга» остается почти стабильной, а тракторная тяга за четыре года возрастает в 14 раз. Процент тракторной тяги растет из года в год. В 1923 24 г. только 7,3% работ совхозов обслуживалось тракторной тягой, а 92,7% лошадьми, волами, верблюдами; в 1924 25 г. процент обслуживания тракторной тягой поднимается до 20,0 в 1925/26 г.—до 30,, в 1926/27 г.—29,2, в 1927/28 г.—33,2, в 1928 29 г.—60,6, в 1930 г.—до 81, а в 1931 г. еще выше.

Все сложные операции совхозов переведены на обслуживание тракторной тягой, конская тяга все больше и больше вытесняется.

Подведение под совхозы технической базы, улучшение организации территории советских хозяйств, отказ от сдачи земли в аренду и исполу и обработка ее силами совхозов, обеспечение кадрами агротехников и постоянных рабочих, специализация совхозов—все это уже дало целый ряд качественных показателей работы совхозов, значительно их выделяющих над колхозами и индивидуальными крестьянскими хозяйствами.

Совхозы несравненно значительно более вооружены технически по сравнению не только с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, но по сравнению с колхозами. Хозяйство совхоза лучше организовано. В совхозах выше производительность труда, ниже себестоимость продукции. Они дают значительно больший выход товарной продукции. В совхозах выше урожайность полей, выше удойность скота. Это дает все основания совхозам служить образчиком крупного хозяйства и для колхозов и для индивидуального крестьянского хозяйства. Если мы примем урожай в индивидуальном крестьянском хозяйстве за 100, то урожай в совхозах по зерновым хлебам в 1929 г. равен 125,6; в 1930 г.—121,1; в 1931 г.—128,2; по сахарной свекле: в 1927 г.—121,7, в 1928 г.—132,1 в 1930 г.—122,8, в 1931 г.—143,2. То же самое мы наблюдаем по всем остальным культурам.

Такова же картина и по животноводческому хозяйству совхозов. Из года в год растет племенной скот совхозного стада, из года в год растет удойность совхозных коров. Если мы удой в

[1] Контрольные цифры на 1929/30 год, стр. 121.

индивидуальных крестьянских хозяйствах примем за 100, то удой в совхозах, без коров «Скотовода», достигает в 1928 г.—210,1, в 1929 г.—215,1, в 1930 г.—267,7.

Вот краткая иллюстрация показателей работы совхозов как станового хребта колхозного движения. Из года в год роль совхозов как государственных фабрик зерна, мяса, риса, хлопка, свеклы, кенафа, льна, молока, птицы и т. д. гигантски возрастает, и тем самым возрастает их роль в переделке крестьянского хозяйства. Никаким Кондратьевым и иным с ним вредителям не задержать роста социалистического сектора в сельском хозяйстве. Страна наша гигантскими шагами идет по пути к социализму, сметая на своем пути и контрреволюционных вредителей и правых оппортунистов.

«В союзе с рабочими городов, в союзе с социалистическим пролетариатом всего мира, русское трудящееся крестьянство может быть уверено теперь, что оно поборет все невзгоды, все натиски империалистов и осуществит дело, без которого освобождение трудящихся быть не может—дело общественной обработки земли, дело постепенного, но неуклонного перехода от мелких единоличных хозяйств к общественной обработке земли» (Ленин, т. XV, стр. 556, речь на Всероссийском съезде земельных обществ, комитетов бедноты и коммун).

Е. Соллертинская

БУРЖУАЗНЫЕ ВЛИЯНИЯ В ПЛАНИРОВАНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА

1

Вопросы планирования труда—боевые вопросы сегодняшнего дня. Социалистическая реконструкция в своем развитии достигла той ступени, когда одним из стержней плана становится непосредственно самый труд и его плановое распределение. Крупнейшие сдвиги в социальных массивах, ломка вековых традиций и укладов в сельском хозяйстве, новые социалистические формы труда не только в промышленности, но и в земледелии—все эти процессы находят свое выражение в изменении методов планирования, в приближении плана к плану социалистического общества. В центре развития плана стоит проблема планирования труда, его непосредственно-общественного учета и распределения. Методы планирования труда отражают в себе изменения советской экономики и процессы обобществления сельского труда.

Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса на ее основе по-новому ставят проблему сельского труда. До сплошной коллективизации естественно не могло быть и речи о плановой переброске рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Приток рабочих из деревни был нерегулярным: в годы неурожая он повышался, в урожайные годы темп его был замедленным. Процесс выделения избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве был связан с внутренней структурой мелкого товарного хозяйства и теми общественными процессами, которые испытывало крестьянство,—процессами классового расслоения на одном полюсе и процессами обобществления на другом. Размеры избыточного сельского населения могли вовсе не соответствовать потребности промышленности в пополнении кадров пролетариата. И промышленность может испытывать недостаток в рабочей силе в иные периоды. Как правило, избыточное сельское население превышает потребности промышленности и в этом случае в сельском хозяйстве в условиях мелкого раздробленного крестьянского хозяйства образуется скрытое перенаселение, а в городах безработица. Совершенно по-новому совершается перераспределение труда между промышленностью и сельским хозяйством при сплошной коллективизации. Колхоз—хозяйство социалистического типа—организует труд согласно определенному плану. Колхоз расширяет поле производительного приложения труда, но одновременно повышая производительность сельского

труда, высвобождает труд колхозника для применения его в промышленности. Между колхозсоюзами и отделами труда заключаются договоры об отходничестве колхозников в индустрию. Эта новая форма непосредственного перераспределения труда имеет принципиально иную сущность, чем предыдущие формы перераспределения. Она означает непосредственное плановое перераспределение труда на основе общественного учета и общественной организации труда в сельском хозяйстве.

Новые формы перераспределения означают новые методы планирования сельского труда. Отходничество в колхозах носит подчас самотечный и бесплановый характер. Между тем правильная организация труда в колхозах требует проведения точного учета необходимого количества рабочей силы. Стихийное отходничество может сорвать выполнение производственного плана из-за недостаточного обеспечения колхоза рабочей силой, наоборот, иные колхозы чрезмерно обременены рабочей силой, что сказывается на понижении производительности и доходности колхоза. Выполнение плана и по промышленности и по сельскому хозяйству предполагает предварительную плановую расстановку рабочей силы и ее плановое перераспределение. Перед плановыми органами вплотную стоит задача составления контрольных цифр отходничества колхозников по всему Союзу и его распределения по области и районам.

Капиталистическая промышленность не могла развиваться без наличия резервной рабочей армии. Некоторые «теоретики» пытаются перенести эту закономерность и в условия СССР, намечая «нормальную» безработицу для обеспечения бесперебойного снабжения рабочей силой промышленности в размере около 400 тыс. человек по Союзу. Эта абсолютно неверная «теория» не может понять новых методов и форм распределения труда, связанных с социалистическим переустройством сельского хозяйства, которые открывают возможности роста социалистической индустрии при полном отсутствии безработицы в нашей стране. Эти новые методы требуют построения планов на основе непосредственного учета трудовых затрат не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, намечения соотношения темпов развития индустрии и сельского хозяйства, на основе планового перевода рабочей силы из земледелия в промышленность, создания такой формы сочетания сельского и индустриального труда в процессе индустриализации сельского хозяйства, которая уничтожит неравномерную нагрузку сельского труда по сезонам. Все эти новые вопросы вытекают из процесса обобществления труда в сельском хозяйстве и осуществимы только на основе сплошной коллективизации.

Плановое перераспределение труда необходимо не только между индустрией и сельским хозяйством в целом, но и внутри сельского хозяйства между отраслями и районами. Помимо количества здесь выдвигается и проблема качества с.-х. труда. Разделение труда в колхозах расчленило сельский труд на различные специальности, требующие разной обученности работника. Раз-

ница между количеством разрядов в тарифной сетке механизированных и немеханизированных колхозов указывает на увеличение специализации работника с ростом механизации производства. Все эти новые проблемы с.-х. труда вытекают прежде всего из изменения его общественной характеристики: 1) изолированному труду раздробленных товаропроизводителей противостоит обобществленный труд в колхозах и совхозах, 2) труду непосредственно-частному противостоит непосредственно-общественный труд, 3) труду в анархической форме товарного хозяйства противостоит труд, организованный по социалистическому типу.

Все эти определения колхозного труда не надо понимать как законченные и завершенные. И в колхозе и в совхозе труд обобществлен, однако между тем и другим имеются существенные различия. Труд колхозника тоже неоднороден, поскольку формы колхозов различны, и ТСОЗы, с одной стороны, и коммуны — с другой, представляют различную степень обобществления. Но все эти общественные «несовершенства» не противоречат принципиальному различию методов планирования труда в колхозах и совхозах и труда в единоличных крестьянских хозяйствах. Методам косвенного, опосредственного планирования труда через систему цен, через товарную продукцию противостоят новые методы на основе непосредственно-общественного учета труда и трудовых затрат.

2

Опыт планирования труда в сельском хозяйстве дает два различных методологических подхода: 1) в перспективных ориентировках Госплана и в пятилетнем плане народного хозяйства и 2) в материалах по перспективному плану НКЗ РСФСР (Земплана). И Госплан и Земплан в этих документах рассматривают вопросы сельского труда в основном, как проблему аграрного перенаселения. Такое содержание планирования труда естественно соответствует слабой степени обобществления, когда сельское хозяйство в подавляющей массе представлено миллионами крестьянских хозяйств. Низкая производительность, несложная организация труда, ограниченная рамками крестьянского двора, частное хозяйство — все это достаточно суживало объем планирования.

Госплан подходит к сельскому труду с точки зрения перераспределения труда между промышленностью и сельским хозяйством. Развитие социалистической индустрии имеет своим результатом отвлечение сельского населения из земледелия в промышленность. Проектирование роста численности промышленных рабочих упирается в вопрос о резервах пролетариата, о новых промышленных «новобранцах», которые должны притти из деревни. «Прежде всего здесь стоит вопрос о пределах возможного количественного и качественного роста кадров самого пролетариата — этой краеугольной базы нашего обобществленного хозяйства»[1].

[1] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч 2 — «Проблемы труда», стр 8.

Нужно как-то учесть распыленный труд в единоличных крестьянских хозяйствах, степень его использования—настоящую и будущую—и его распределение между отраслями к концу пятилетки. «Запасы труда» сельского населения, с одной стороны, затраты труда—расход рабочей силы—с другой, образуют две составные части баланса использования рабочей силы в сельском хозяйстве [1].

Сальдо баланса делится на две части: убыль в города и неиспользованный остаток в деревне—аграрное перенаселение. За исходный пункт берется размер посевных площадей, и на основании исчисленной средней затраты труда на 1 *га* посева путем перемножения получается величина рабочего времени, израсходованного в полеводстве. Аналогично, посредством нормативных средних, вычисляются затраты труда в животноводстве, по домашнему хозяйству и т. д. Нормы расхода труда разнообразны, каждая из них обладает своими достоинствами и недостатками, и исчисление баланса является предметом сложного статистического искусства.

Для нас интересен экономический смысл баланса сельского труда и его экономическая методология. В плане сельского хозяйства запроектированы размеры с.-х. продукции в натуральном и ценностном выражении. В балансе сельского труда этим размерам продукции соответствуют затраты рабочего времени. Распределение продукции на ее составные части—отрасли—находит свое выражение в балансе сельского труда, как распределение труда между отраслями. По размеру продукции мы судим, какая масса труда затрачена на ее производство; за результатами раскрывается самый процесс производства—процесс труда. Логический путь—от продукции через посевные площади к труду как своему содержанию—это естественный путь анализа товарного хозяйства мелких товаропроизводителей. Но составители баланса не ограничиваются выяснением размера затраченного труда, а пытаются количественно выразить аграрное перенаселение, показать разницу между возможным и действительным трудом.

Приход рабочей силы—это потенциальный труд. Для того, чтобы труд из возможного превратился в действительный, нужны определенные о б щ е с т в е н н ы е условия. В приходе баланса числится с.-х. население в миллионах душ; эти «души» обладают различным возрастом и полом и следовательно различной рабочей силой. Этот момент учтен Госпланом при переводе рабочей силы в единые «мужские единицы». Если подойти к «душам», как живым рабочим машинам, рабочая сила ребенка представится в виде какой-то дроби по отношению к рабочей силе взрослого мужчины. Найти такие переводные коэфициенты и перевести в мужские единицы все с.-х. население—это уже дело техники, если в основу положен псевдонаучный энергетический физиологический принцип.

[1] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2—«Проблемы труда», стр. 8.

[2] Там же, стр. 9, табл. 1 — Баланс использования рабсилы в сельском хозяйстве СССР.

С точки зрения физиологии просторы для подобных исчислений достаточно широки: история детского труда содержит чудовищные случаи эксплоатации 3—4-летних детей на капиталистической фабрике, от них немногим отстает эксплоатация собственных детей ремесленниками и кустарями; наконец чрезмерный труд в крестьянских хозяйствах дает достаточные примеры усиленного применения труда детей и стариков. Запасы рабочей силы—величина переменная, которая зависит от общественной структуры, а потому далеко не может явиться простым результатом элементарных счетных операций. Сын бедняка вынужден с детских лет наниматься в пастухи, кулак же посылал своих детей учиться в гимназии, университеты и т. д. Что же составит «запасы труда» в хозяйстве полупролетарском и мелкокапиталистическом? При одном и том же составе семьи эти «запасы» будут различны, причем полупролетарская семья образует больший «запас труда», чем кулацкая.

Каждой структуре общества свойственно свое «нормальное» использование рабочей силы. В советской промышленности запрещен труд подростков моложе 14 лет, рабочий день подростков от 14—18 лет ниже рабочего дня взрослого рабочего; в капиталистической промышленности нередка эксплоатация 10—12-летних детей при значительной продолжительности рабочего дня. Одна и та же пролетарская семья в условиях капитализма выделит один запас труда, в условиях советского хозяйства—иной, меньший, чем при капитализме.

В балансе использования рабочей силы запасы труда даны суммарно для всего сельского хозяйства в целом. В приходе рабочей силы все общественные отношения перемешаны и заменены статистической величиной с.-х. населения. Но население вообще есть абстракция, за ней скрываются классы и классовые отношения. Труд детей и стариков включен в баланс по фактическому использованию, причем одна и та же его величина фиксируется и для начального и для конечного года пятилетки, как по отправному, так и оптимальному варианту. Но удельный вес труда детей и стариков в общем «запасе» уменьшается, по всей вероятности, в связи с предполагаемой планом машинизацией земледельческого труда, потому что о коллективизации (и вообще ни о каких общественных процессах) в разделе труда ни в пятилетке Госплана, ни во всех предварительных ориентировках не упоминается вовсе. Абстрагирование от общественных отношений проведено последовательно во всем балансе с начала до конца. Между тем машинизация труда сама по себе, вне связи с социалистическим переустройством сельского хозяйства, не может гарантировать детей от эксплоатации. Машина, как бы она ни была совершенна с технической стороны, не обладает таким могуществом. Разве при капитализме та же машина не создает наилучших условий для эксплоатации детского труда? [1].

[1] Князь Шаховской рисует влияние машин на применение детского труда не в особенно радужных красках для дореволюционного помещичьего хозяйства: «Прежде, когда не было машин на рынке, и в экономии ценился только полный

Если взять с.-х. население в рабочем возрасте, мы будем иметь потенциальную массу рабочей силы, потенциальную способность к труду. Но «способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу еще вовсе не совпадает с фактическим перевариванием пищи» [1]. Потенциальный труд и действительный труд—это отношения разные: для того чтобы обладать способностью к труду вообще, нужно быть не более, как человеком без особых ненормальностей; не всякий способный к труду имеет однако возможность и охоту трудиться; для того чтобы включить его в реальные запасы труда, нужно определить его положение в общественном производстве, иными словами, его классовую физиономию. Деревенский батрак не имеет собственных средств производства, его рабочая сила избыточна для него, но она вовсе может быть не избыточна для другого—для кулака. Для батрака «способность к труду есть ничто, раз она не продана» [2]. Кулак нанимает батрака и тем самым превращает его рабочую силу из избыточной в занятую, освобождая свою собственную рабочую силу для торговли и других непроизводственных занятий. При капитализме рабочая сила буржуазии сплошь «избыточна», однако кадры безработных формируются не из ее рядов.

Рассмотрим использование рабочей силы в различных классовых группах деревни.

Неиспользованное рабочее время в % к «запасу» [3]

Районы	Пролетарии и полупролетарии	Мелкие товаропроизводители	Мелкие капит. х-ва
Западная область	40,8	38,1	33,2
Московская »	46,5	41,7	38,9
Ивановская »	34,2	37,9	33,7
Уральская »	41,0	45,1	45,6
Средне-волжская область	52,1	49,8	45,9
ЦЧО	47,7	48,2	40,8
Нижне-волжский край	61,1	46,3	45,8
Северный Кавказ	41,1	41,3	31,9
Сибирский край	39,2	39,2	35,4
УССР	43,2	40,7	34,1
БССР	41,3	44,0	44,1

рабочий, женщин брали в самом незначительном количестве—в качестве кухарок, а мальчики при тавлялись только подпасками к стадам овец, телятниками и свинарями. Теперь процент полурабочих, девочек и детей от 13-летнего возраста почти везде (в Новороссии) равняется 50% общего числа рабочих, повышаясь местами до 75% и даже больше. В Каховке и на других рынках найма видишь массу подростков и детей, которую разбирают нарасхват. Машины открыли широкое поле деятельности труду слабосильных, но дешевых рабочих подростков» (разрядка моя—*Е. С.*). Цит. по *Шестакову*, Наемный труд в сельском хозяйстве России, 1924.

[1] «Для того чтобы мог состояться этот последний процесс, недостаточно, как известно, иметь хороший желудок», добавляет *Маркс*. См. «Капитал», т. I, стр. 115.

[2] *Сисмонди*, цитирую по «Капиталу», т. I, стр. 115.

[3] По материалам крестьянских бюджетов 1926/27 г.

«Безработица» по этим данным оказывается разная: она может быть бедняцкой, середняцкой, кулацкой. Она имеет различный экономический смысл, потому что положение производителя в общественном производстве различно в каждом классе. В группе она означает освобождение от средств производства, в III группе—освобождение от труда. Госплановские составители баланса использования рабочей силы предпочитают пользоваться средними величинами, средней «безработицей», складывая бедняков с кулаками и производя над ними действия по всем четырем правилам арифметики. Подобные хирургические операции над классовыми отношениями приводят к «игре в цифирьки», далекой не такой невинной, поскольку эта цифирь включается в пятилетний план народного хозяйства. «Не ясно ли, что мы получим особый тип развития, если будем складывать хозяйства батраков и поденщиков с хозяйствами крестьян, нанимающих рабочих, и делить сумму на число слагаемых» [1]. К слагаемым классам нужно еще прибавить совхозы и колхозы, потому что труд колхозников и рабочих в совхозах тоже входит в среднюю использования рабочей силы. Что означает «среднее использование»? Каждому способу производства соответствует особый способ использования рабочей силы, свои размеры труда, своя организация труда; в сельском хозяйстве этих способов производства насчитывается по меньшей мере три: простое товарное, капиталистическое и социалистическое хозяйство. Составители баланса труда не нашли ничего лучшего, как просуммировать все эти способы производства... и вычислить из них среднюю.

Из «внеклассового» метода (имеющего тем не менее свою классовую мелкобуржуазную сущность) вытекают нелепые выводы о влиянии производительности труда на изживание аграрного перенаселения: «если исходить даже из весьма скромной цифры прироста производительности за 5 лет в 5%, то этот прирост может сразу повысить избыточное население деревни на 3 миллиона душ рабочего возраста» [2]. Сельское хозяйство зашло в тупик и обречено на деградацию, развитие производительных сил гибельно, потому что оно еще более повысит избыточное население, которому некуда деться и не на что существовать. Глубокий пессимизм автора госплановской перспективной ориентировки заставляет его отказаться от машинизации сельского хозяйства на целое пятилетие: «Аграрное перенаселение деревни... несмотря на отход в города до 3 миллионов душ, за 5 лет в лучшем случае лишь не возрастет против нынешних его размеров». «Вот почему на ближайшую пятилетку при крайней ограниченности тех средств, которые могут быть обращены на финансирование сельского хозяйства, они должны быть сконцентрированы на мероприятиях по интенсификации и повышению урожайности

[1] *Ленин,* Развитие капитализма в России, т. III, стр. 128.

[2] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 14.

сельского хозяйства, в то время как на следующее пятилетие гораздо более важной окажется проблема машинизации сельскохозяйственного труда»[1]. В пятилетний план народного хозяйства Госпланом включен баланс использования рабочей силы, исчисленный по тому же методу, что и во всех предыдущих перспективных ориентировках. Весь «прогресс» в методологии исчисления баланса от одной перспективной ориентировки к другой заключается лишь в замене миллиардов трудодней (перспективная ориентировка 1925/26—1929/30 гг.) миллионами рабочих лет (перспективная ориентировка 1926/27—1930/31 гг.) и миллионами душ (пятилетний план), вместо «запаса труда» (в перспективной ориентировке) значится «приход рабочей силы» (пятилетний план). Различие в мерах и наименованиях мало меняет сущность баланса; все то же сельскохозяйственное население, абстрактная статистическая величина, выраженная в условных «мужских единицах», безразличная ко всем общественным процессам и социальным переворотам, попрежнему доминирует в балансе. Бурное течение общественных процессов в сельском хозяйстве не потревожило составителей баланса труда; из осколков народнических теорий воздвигается китайская стена, которая помогает укрыться от классовой борьбы в деревне. Но китайские стены непрочны перед лицом современной техники, а народнические теории давно разоблачены в своей классовой сущности.

Какие же выводы следуют из баланса использования рабочей силы, включенного в пятилетний план? «Если учесть, что за счет машинизации мы сократим потребность в рабочей силе..., то можно бы заключить, что без машинизации мы смогли бы полностью изжить все аграрное перенаселение целиком». Этот вывод автор «Проблем труда»[2] считает неверным, потому что «аграрное перенаселение деревни—явление в высокой степени сезонное» и машинизация труда, снижая летние пики чрезмерной нагрузки, не может повлиять на увеличение избытков рабочей силы. Аграрное перенаселение находит, наконец, свое объяснение в народнической теории освобождения зимнего времени[3]. Тот факт, что в земледелии работы распределяются неравномерно в течение года, указывает лишь на определенный уровень производительных сил в сельском хозяйстве. Поэтому аграрное перенаселение связывается здесь с техникой, а не с общественными отношениями. Народники в своей теории «освобождения зимнего времени» указывали на «растрату производительных сил», а что иное, как не внеклассовую растрату производительной силы труда, собирается доказать нам баланс использования рабочей силы.

Наконец «совершенно неправильно ставить вопрос об освобождении зимнего времени земледельца независимо от общего вопроса о капиталистическом перенаселении». Этот аргумент Ленина против

[1] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 16.

[2] «Пятилетний план», т. II, ч. 2—«Проблемы труда», стр. 10.

[3] См. критику этой теории у *Ленина*, т. III.

народников целиком применим и по отношению к составителю баланса сельского труда. «Зимняя безработица нашего крестьянства зависит не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма». Освобождение зимнего времени, по Ленину, имеет общественный смысл, зависит от общественных отношений. Абстрагирование от классов в госплановском балансе выхолостило всякое содержание из сельского труда и заменило экономический анализ бесцельным жонглированием цифрами.

Конечной задачей составления баланса использования рабочей силы является выяснение резервов ее для промышленности. Эти резервы пролетариата выражены в балансе количеством душ неизвестного социального происхождения. Поскольку излишнее сельское население выводится Госпланом на основании коэфициента использования рабочей силы, мы можем уточнить выводы внесением классовых «поправок». В резервах рабочей силы для советской промышленности, рекомендуемых балансом сельского труда, широко представлены все классы деревни: здесь фигурирует и кулак в значительной дозе. Но эти цифры не так уж страшны, потому что они ни в какой мере не отображают действительных отношений. По тем же бюджетным данным 1926/27 г. продажа рабочей силы вне сельского хозяйства рисуется в следующем виде:

Продажа рабочей силы вне сельского хозяйства в % ко всему использованному времени.

Районы	Пролетарии и полупролетарии	Мелкие товаропроизводители	Мелкие капит. х-ва
Западная область	10,5	6,0	1,8
Московская »	20,5	12,1	1,9
Ивановская »	24,1	13,2	3,1
Уральская »	17,4	4,1	1,7
Средне-волжская область	11,7	1,3	1,1
ЦЧО	12,1	4,5	1,8
Нижне-волжский край	8,0	2,9	1,3
Северный Кавказ	12,3	3,0	1,4
Сибирский край	11,7	2,2	1,4
УССР	12,5	2,8	1,7
БССР	9,9	5,0	1,8

Сопоставление двух табличек (использования рабочей силы и ее продажи вне сельского хозяйства) дает основание сделать вывод об аграрном перенаселении и о реальных резервах промышленного пролетариата. Капиталистическая верхушка деревни не может считаться аграрно-перенаселенной. Аграрное перенаселение образует пролетаризованная часть крестьянства—беднота, связанная еще с землей, но лишенная остальных средств производства. Убыль в городе неразрывна с социально-экономическими процессами, происходящими в деревне, которые не могут найти своего отражения в коэфициенте использования рабочей силы. Нельзя исходить из физиологической способности к труду и на этом строить перспективные планы. Пренебрежение общественными

процессами вырывает почву из-под ног всякого экономического анализа. Сопоставим с нашими выводами следующие положения из раздела «Труд»[1]: «изучение материалов отдельных районов о размере аграрного перенаселения в сопоставлении с размерами отхода в города показывает, что решающую роль в деле стимулирования отхода играет наличие в районе промышленных центров тяготения. По сравнению с этим главным фактором влияние диференциации деревни стушевывается» (разрядка наша.—*Е. С.*). Смысл этой цитаты заключается прежде всего в очень простой истине: для того чтобы уходить в города, нужно, чтобы эти города имелись в наличии. Истина ясна и элементарна, но особенной глубиной не отличается. По сравнению с этим «фактором» общественные процессы, по образному выражению автора, «стушевались». Этот замечательный вывод доказывается сопоставлением в различных районах распределения крестьянских хозяйств по стоимости средств производства со средним отходом на 1 000 душ [2], причем автор этого раздела не задумывается над тем, как можно выяснить влияние расслоения деревни на отход, когда этот отход выражен в средней величине для всего крестьянства в целом. Оригинальный метод исследования: раньше абстрагироваться от классов и дать средние величины, а потом эту абстрактную среднюю выдвинуть в качестве доказательства, что классы тут не при чем.

Ко всему этому нечего добавлять, что ни о колхозном труде, ни об отходничестве колхозников не говорится ни слова, несмотря на то, что коллективизация сельского хозяйства и по пятилетке имеет довольно значительные размеры.

Последним аргументом, как и конечным критерием истины, является практика нашей действительности. По оптимальному варианту пятилетки Госплана безработица в городах в 1932/33 г. должна достичь цифры в 511 тысяч человек, а аграрное перенаселение в деревне 2 370 тысяч. Несмотря на эти пессимистические прогнозы, уже в нынешнем году безработица полностью ликвидирована, а промышленность явно ощущает недостаток в рабочей силе. Практика диктует коренной пересмотр госплановской методологии планирования труда в сельском хозяйстве. Вместо мифических цифр «внеклассовой» безработицы нужны реальные данные о резервах промышленных кадров. Социалистической индустрии далеко не безразлично, из каких социальных слоев вербуются резервы пролетариата. В постановлении ЦК ВКП(б)[3] говорится о колхозниках, бедняках и батраках, а не о сельском населении вообще и сельском труде вообще. По контрольным цифрам Наркомтруда колхозники, бедняки и батраки в 1931 г. должны дать 1 миллион рабочих для промышленности

[1] «Пятилетний план», т II, ч. 2, стр. 161—162.

[2] Например в ПО отход населения равен 58,7 на 1 000 душ всего населения, а на Сев. Кавказе—7,9 на ту же 1 000. В то же время Сев. Кавказ дает картину большего расслоения, чем ЦПО.

[3] См. постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. «о мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью»

и около 3 миллионов для сезонных работ. Что может на это ответить баланс сельского труда с его исчислениями абстрактной способности к труду и его мифическими средними? Бессекторная, бесклассовая модель баланса труда насквозь проникнута земскими народническими традициями культа средних величин и не может дать ничего, кроме извращенного понимания советского хозяйства.

Сельское хозяйство неоднородно по своей общественной структуре: различные хозяйственные уклады образуют сложные переплетения в своих соотношениях между собою и во взаимоотношениях с промышленностью. Каждый из этих укладов, обладая своими внутренними особенностями и тенденциями, не живет изолированной и обособленной жизнью, но находится в непрерывном взаимодействии с другими укладами. Речь идет не о простом взаимодействии, но о сложных процессах взаимного проникновения противоположностей, развития противоположностей в противоречия, из которых рождаются доминирующие тенденции социалистического развития. Советское хозяйство едино, но за этим единством нельзя забывать о противоположностях и классовых анатагонизмах внутри этого единства. Если из этого единства выбросить промышленность, сельское хозяйство изолированно от индустрии не образует никакого общественного единства. Какой же экономический смысл имеет единый баланс сельскохозяйственного труда? Идея единого баланса труда для всего сельского хозяйства в целом при разнородности и противоречивости общественных отношений означает не что иное, как простое отвлечение от общественных процессов. Что общего между совхозом, предприятием последовательно социалистического типа, и кулацким хозяйством, мелким капиталистическим предприятием,—такое общее, которое позволило бы складывать эти хозяйства вместе? Только то, что и одно и другое предприятие производят хлеб. Итак, общее заключается в потребительной стоимости, безразличной к общественному характеру производства, в которой исчезли все следы отношений производителей друг к другу.

Труд рабочего в совхозе и труд батрака, нанявшегося к кулаку, отличаются не только своим общественным содержанием, но и своими конкретными техническими свойствами: рабочий совхоза вместо лошади вооружается трактором, вместо хищнической растраты труда расходуются металл и нефть. Технологические процессы в социалистическом сельском хозяйстве сближаются с технологичекими процессами в индустрии. Чем больше стираются различия между трудом в крупном совхозе и трудом заводского рабочего, тем больше растет противоположность между механизированном трудом в сельскохозяйственных социалистических фабриках и трудом крестьянским, частным и раздробленным.

Отвлечься от всех общественных и технических различий и дать суммарное выражение сельскохозяйственного труда вообще значит заранее отказаться от всякого анализа общественных процессов или—что еще хуже—дать им извращенное выражение путем замены отношений классов и борьбы их мнимым единством,

из двух тенденций—социалистического и капиталистического пути развития—вычислить какой-то **с р е д н и й** путь, такой же мнимый, как и средняя, вычисленная из буржуазии плюс пролетариат, деленные пополам.

Отсюда конечно не следует, что в пределах однородной общественной группы, когда предметом анализа служит определенный способ производства, нельзя применить балансового метода для изучения степени использования рабочей силы. В колхозах учет этого использования при составлении производственного плана может быть с успехом проведен в форме баланса для выяснения размеров необходимой колхозу рабочей силы и для намечения плана отходничества колхозников в промышленность. Составление таких балансов колхозного труда не только для отдельных колхозов, но и для целых районов, областей и республик—дело нужное и важное в связи с задачами планового перевода рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и возможного перераспределения труда между областями и районами.

3

Земплан в своих материалах по перспективному плану иначе подходит к разрешению проблем аграрного перенаселения. Земплан выступает в роли критика методологии баланса труда, где сопоставление потребности в рабочей силе с ее наличными запасами, по мнению Земплана,—это одностороннее статистическое понимание проблемы. «Представим себе сельское хозяйство, которое достаточно вооружено техническими орудиями и средствами производства и дает **д о с т а т о ч н о   в ы с о к и й   д о х о д   н а с е л е н и ю**, например северо-американское. Считать это хозяйство перенаселенным экономически конечно поэтому невозможно. Между тем, если подсчитать, какое количество рабочей силы оно требует и какое количество ее фактически имеется, то мы увидим, что в нем есть избыточные запасы труда. Иначе говоря, с критикуемой односторонне-статистической точки зрения оно должно быть признано перенаселенным»[1]. Расшифруем эти рассуждения Земплана: американская ферма—капиталистическое предприятие, пользующееся наемным трудом; эксплоатация наемных рабочих на этой ферме может быть иногда не достигает наивысшего предела, возможного с точки зрения физиологии; если к этим «избыткам» прибавить «труд» предпринимателя-фермера, то налицо конечно окажутся неиспользованные «запасы» труда; но в этом еще нет никакой беды, если ферма дает высокий «доход населению». Заменим «доход» и «население» более реальными и конкретными понятиями—вместо дохода у нас окажется заработная плата, прибыль и рента, вместо населения—наемный рабочий, капиталист-предприниматель и землевладелец; но заработная плата рабочего для фермера—это один из видов издержек производства, остается рента и прибыль—конечный экономический критерий. Фермер покупает рабочую силу батрака и получает

[1] Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства, «Труды Земплана» под общей редакцией И. А. Теодоровича, вып. XIV, изд. 1928 г., стр. 14—15. (Разрядка наша—*Е. С.*)

право использовать ее потребительную стоимость—способность к труду до конца; чем больше будет рабочий день, тем больше абсолютная прибавочная стоимость. Но пусть в силу сопротивления рабочих буржуа вынужден поступиться рабочим днем, отказавшись от его дальнейшего увеличения. Пусть будут «избытки» труда. Ну, а рабочая сила самого фермера? Здесь наш буржуа готов возмутиться таким «односторонне-статистическим» подходом к вопросу. Помилуйте, рабочая сила—это товар, она покупается на рынке, причем тут его собственная способность к труду? Нельзя отказать нашему буржуа в определенной доле здравого смысла: с точки зрения капиталистического способа производства только та способность к труду образует реальные запасы труда, которая продается на рынке. Поскольку капиталистическая ферма является более высоким экономическим типом по сравнению с мелким крестьянским хозяйством, постольку и идеология капитала является более передовой по сравнению с народническими иллюзиями—идеологией мелкой буржуазии.

Для Земплана проблема аграрного перенаселения сводится к проблеме дохода. «С экономической точки зрения сущность аграрного перенаселения страны состоит в том, что при данном уровне развития народного хозяйства и при данной системе сельского хозяйства земледельческое население страны, во-первых, имеет устойчиво-низкий реальный доход и следовательно низкий уровень жизни; во-вторых, имея запасы потенциальной свободной рабочей силы, не может найти для нее хозяйственно-целесообразного приложения и тем повысить уровень своего дохода и благосостояния» [1]. Степень аграрного перенаселения, разъясняется дальше, может быть различна: наиболее резкое выражение она имеет, если уровень дохода не обеспечивает прожиточного минимума, более слабое выражение—когда доход значительно выше простого удовлетворения потребностей, но ниже дохода городского населения. Нас не должны смущать туманные понятия населения и дохода: за ними скрываются классы в городе и деревне. Сельская буржуазия чувствует себя обиженной, если норма прибыли сельского предпринимателя ниже, чем норма прибыли в промышленности. С точки зрения капиталистического способа производства низкая доходность в сельском хозяйстве означает, что капитал перенакоплен, что рабочих занято слишком много—рабочие излишни, избыточны для капиталиста, если они не приносят ему дохода; естественно, при этом условии капиталы будут притекать в индустрию, а сельское хозяйство будет испытывать депрессию. В проблему аграрного перенаселения, даже в условиях капитализма, рассуждения Земплана вряд ли вносят какую-либо ясность. Но выпячивание на первый план сельского хозяйства против социалистической промышленности для обеспечения развития сельского хозяйства по капиталистическому пути имеет бесспорно кулацкий смысл.

[1] Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства, стр. 13.

Различие в методологии в трудах Земплана и Госплана приводит к различному отношению к развитию производительности труда. Авторы госплановского баланса труда видят в производительности труда фактор увеличения аграрного перенаселения, наоборот Земплан относится чрезвычайно благосклонно к развитию производительных сил и считает его способом изживания аграрного перенаселения. Мелкий буржуа боится машины, машина делает его хозяйство излишним, его труд избыточным для себя, для своего мелкого самостоятельного хозяйства. Кулак покрепче видит в машине способ превратиться в фермера, а потому се всячески приветствует при условии... если, само собой разумеется, повысится его доход.

Если классовые отношения были легко обойдены в госплановском балансе труда, для этого надо было только абстрагироваться от всех способов производства и всех общественных отношений,— то Земплану это удается не так-то просто. Понятие дохода содержит очень мало техники и больше всего экономики. Доходы могут различаться между собою количественно, но различаются они и качественно: как бы ни была высока заработная плата и как бы низка ни была прибыль, между этими двумя видами дохода сохраняются качественные различия. Земплан однако предпочитает оперировать туманным понятием дохода вообще, игнорируя деление его на составные части, которые связывают понятие дохода с определенными классами современного общества. Для Земплана доход батрака отличается от дохода мелкого капиталиста—кулака только количественно. Из этого вытекает уже с самого начала неверная постановка вопроса. Земплан от дохода переходит к классам и классовому содержанию аграрного перенаселения, но вместо того, чтобы поставить вопрос—какой класс является носителем аграрного перенаселения, Земплан ставит вопрос иначе: в каких социально-экономических группах сказывается аграрное перенаселение более резко, а в каких менее резко? Как будто бы все в порядке: и общественные отношения есть, и социально-экономические группы налицо; на самом деле постановка вопроса Земпланом с самого начала отрицает классовое содержание аграрного перенаселения. Если все классы деревни перенаселены, хотя количественно и не одинаково, то какое отношение имеет аграрное перенаселение к расслоению деревни?—Ровно никакого. Для доказательства этого положения Земплан приводит цифры условно-чистого дохода на душу населения по посевным группам.

Группы	Весь условно-чистый доход от сельского хозяйства, промыслов и пр.
Без посева	57,44
С посевом до 2,18 *га*	74,12
» от 2,18 до 4,37 *га*	66,62
» » 4,37 » 6,55 »	65,20
» » 6,55 » 8,74 »	66,67
» » 8,74 » 17,48 »	74,31
» свыше 17,48 »	86,25

Эти данные не могут служить доказательством, потому что: 1) посевные группы не заменяют классов и не могут показать расслоения деревни, 2) доход нужно брать не на душу, а на хозяйство,—только в этом случае будет обнаружена картина эффекта хозяйственной деятельности, 3) данные взяты Земпланом по неурожайному 1924 г., когда доход, естественно, должен быть ниже обычного. Помимо неверной постановки вопроса методы статистики Земплана таковы, что они представляют в искаженном виде действительные отношения в крестьянстве, рисуют в черном свете его благосостояние и дают совершенно неправильное представление о положении капиталистических групп деревни. О каком классовом нажиме (налоговом и пр.) на кулачество может итти речь, когда весь доход на душу в самой зажиточной группе составляет 86 руб. в год? [1].

Если согласиться на те же посевные группировки, но вместо неурожайного бюджетного 1924/25 г. взять данные за 1925/26 бюджетный год, картина резко изменится.

Группы по посеву	Весь доход от сельского хозяйства, промыслов и пр. На 1 душу	На 1 хоз-во
Без посева и с посевом до 0,1 *га*	126,8	560,46
» » » » от 0,11 до 2,18 *га*	108,1	472,40
» » » » » 2,19 » 4,57 »	98,8	513,76
» » » » » 4,38 » 6,55 »	101,3	616,92
» » » » » 6,56 » 8,74 »	104,6	725,92
» » » » » 8,75 » 17,48 »	121,9	932,54
» » » » свыше 17,49 »	190,6	1 660,13

В соответствии со своими статистическими материалами Земплан приходит к выводу: «хотя аграрное перенаселение деревни острее всего выражено в положении низших групп его, тем не менее, и *другие группы деревни в массе своей*, хотя и в меньшей степени, *находятся в условиях перенаселенности*» [2]. Аграрное перенаселение, оторванное от общественных отношений, не может найти себе другого объяснения, кроме естественных условий производительности сельского хозяйства. Характерно, что в районных показателях аграрного перенаселения в материалах Земплана фигурирует *плотность населения* (на 100 душ удобной земли и леса). Расшифровать логику Земплана нетрудно: увеличение населения, понимаемое им с точки зрения чисто биологических процессов, приводит к уплотнению населения на данной площади земли, а в силу *закона падающей производительности затрат*—к пониженному уровню дохода. Население в своем росте обгоняет увеличение средств потребления—не напоминает ли это попа Мальтуса с его пресло-

[1] Интересно, что в той же работе Земплана в разделе накопления приводятся данные крестьянских бюджетов за 1925/26 г., следовательно Земплан в то же время мог пользоваться данными и более поздними и предпочел неурожайный год исключительно по известным ему соображениям.

[2] Материалы по перспективному плану.., стр 21.

вутой теорией перенаселения? Но Земплан принимает мальтузианскую теорию с «поправкой»: перенаселение не абсолютно, а относительно, оно зависит от данного уровня техники. Если уровень производительных сил повышается, «с.-х. территория страны становится более емкой, и аграрное перенаселение уменьшается, если не ликвидируется полностью»[1]. Вспомним, что подобная поправочка имеется и в «законе» падающей производительности; там тоже убывающая производительность относительна и зависит от данного уровня техники, а потому относительность перенаселения не только не противоречит пресловутому «закону», а наоборот всецело на него опирается. Итак, по Земплану аграрное перенаселение зависит от емкости с.-х. территории, последняя, в свою очередь, подчинена «закону» падающей производительности. Поскольку Земплан кладет в основу плана разрещение проблемы перенаселения, пресловутый «закон» превращается в краеугольный камень фундамента перспективного плана сельского хозяйства в целом.

Аграрное перенаселение связано с пролетаризированием широких крестьянских масс в условиях капитализма. Аграрное перенаселение может быть понято, как указывал Ленин[2], в связи с общим вопросом о капиталистическом перенаселении, причем его специфичность вытекает не только из развития капитализма, но частично и из недостаточного его развития. В советском хозяйстве аграрное перенаселение пока не изжито, на это указывает наличие бедноты, еще не объединившейся в колхозы. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, заключающаяся прежде всего в изменении общественных отношений, является единственным способом изживания аграрного перенаселения.

Рассмотрим мероприятия по изживанию аграрного перенаселения, намеченные Земпланом. Положив в основу буржуазную теорию падения производительности затрат в сельском хозяйстве, Земплан в своих мероприятиях стремится увеличить «емкость с.-х. территории». «Внеклассовой» теории аграрного перенаселения соответствуют «внеклассовые» выводы, типично буржуазные по своей классовой сущности. Увеличение емкости с.-х. территории может быть достигнуто двумя способами: 1) интенсификацией сельского хозяйства, повышающей трудоемкость единицы площади, и 2) экстенсивным расширением—путь переселения и колонизации. Второй способ направлен к тому, чтобы разрядить плотность сельскохозяйственного населения и путем искусственного обезлюдения временно отсрочить неизбежное вновь сгущение населения. Слишком много народу и слишком мало земли—такова пессимистическая философия Земплана. Единоличник-бедняк в условиях советского землепользования ощущает недостаток не

[1] Материалы по переспективному плану развития сельского хозяйства стр. 15. (Разрядка моя — *Е. С.*)

[2] См. уже приведенную выше цитату из «Развития капитализма в России» Ленина: «Зимняя безработица нашего крестьянства зависит не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма».

в земле, а в средствах производства, вынужден их нанимать у зажиточных хозяйств или сдавать землю в аренду. Земплан думает улучшить его положение, переселив его подальше в Сибирь на большие земельные просторы.

За интенсификацией и переселением следует коллективизация как один из возможных путей изживания аграрного перенаселения. Надо отметить, что логически она никак не увязывается с теоретическими предпосылками Земплана, но Земплан вряд ли придает ей значение в с е р ь е з, намечая к концу пятилетки удельный вес обобществленного сектора (совхозов и колхозов вместе) в размере 5—6% в о б щ е й п р о д у к ц и и с е л ь с к о г о х о з я й с т в а.

Наконец путь изживания аграрного перенаселения лежит в индустриализации СССР. Эта совершенно правильная мысль толкуется Земпланом довольно своеобразно. Земплану нужна особенная индустриализация, ничего общего не имеющая с индустриализацией, проводимой нашей партией. «Чем более страна перенасыщена живой рабочей силой и чем менее она насыщена капиталом (орудиями и средствами производства), тем настойчивей она должна стремиться (в о т л и ч и е о т б о г а т ы х и н е п е р е н а с е л е н н ы х с т р а н) обеспечить возможности приложения труда для наибольшего количества своего активного населения».

Капиталистическая Англия, Соединенные штаты называются здесь «богатыми странами» (земплановская идиллия!); СССР—страна бедная, приспособленная с точки зрения вредителей лучше всего к положению к о л о н и и. Земплан выходит за пределы плана сельского хозяйства и рекомендует отрасли трудоемкие—их развивать следует, противопоставляя им отрасли капиталоемкие, которые развивать не следует.

Отрасли промышленности	Капитал на 1 раб. (в долл.)
Сапожная	1 333
Хлопчатобумажная, ткацкая	2 288
Сыроваренная	3 713
Металлообрабатывающая	5 054
Химическая	7 011

Эти данные приводятся Земпланом тут же для разъяснения своих мыслей. Химическая и металлообрабатывающая промышленности—отрасли менее трудоемкие по сравнению с сапожной, сыроваренной, поэтому предпочтение нужно отдать последним. Чем ниже органическое строение капитала имеет та или иная отрасль промышленности, тем она является более подходящей для СССР. На этом можно закончить обзор земплановской методологии.

4

И госплановские и земплановские методы планирования сельского труда засорены буржуазными и мелко-буржуазными теорийками. «Чистка» планирования должна быть проведена с большой решительностью в связи с прямым вредительством в плани-

ровании, открытым органами ОГПУ. Теоретические споры по проблемам планирования имеют не просто академический характер. На основе плана, составленного по определенному методу, строится практика реконструкции народного хозяйства. Эта азбука планирования понятна не только нам, но и враждебному нам классу и его представителям «от науки». Наркомзем строил план индустриализации СССР, вполне подходящий для превращения СССР в колонию империалистических государств, и материалы по этому плану публиковались в 1928 г. Если не ограничиться печатными материалами по планированию сельского труда, а заняться и протоколами заседаний комиссий и секций Земплана и Госплана, мы найдем еще более откровенные планы капиталистической реконструкции сельского хозяйства. Приведем интересные с этой точки зрения протоколы заседания экономико-статистической секции Госплана, состоявшегося в 1924 г., где обсуждался вопрос об избыточном труде в сельском хозяйстве[1]. Докладчик проф. Лубны-Герцык (от Государственного колонизационного института) дает три различных определения избыточного труда: «под избыточным трудом можно понимать излишек труда по сравнению с потребностью в нем народного хозяйства при наличной его организации, далее, при рациональной его организации и, наконец, количество труда, представляемое избыточным населением, превышающим естественные (!) ресурсы страны».

Когда-то Маркс прозвал Мальтуса «плагиатором от природы»; нашим доморощенным профессорам от буржуазной науки не остается ничего больше, как объявить мальтусовский плагиат последним словом своей собственной науки. Лубны-Герцык исходит из второго определения, где говорится о рациональной организации труда как критерии избыточного населения: «Среднее типичное крестьянское хозяйство не может служить образцом для установления норм трудоемкости сельского хозяйства ввиду его крайне малой продуктивности». «Основываясь по ряду соображений на частновладельческом бланке, я пришел к выводу, что при условии техники частновладельческого хозяйства и улучшенной зерновой системе, характерной для него в последнее время в Центрально-земледельческом районе, на одно среднее крестьянское хозяйство для использования его трудовых сил потребуется 30,2 *га* и при интенсивном свекловичном хозяйстве 10,5 *га*. Исходя из округленной величины в 32 *га* в среднем на крестьянское хозяйство и сопоставляя с удобной для сельского хозяйства площадью, я вычислил, что по этой форме на территории 36 губерний Европейской России можно было бы образовать 3 300 000 сильных крестьянских трудовых хозяйств; между тем по той же переписи 1917 г. на этой площади было насчитано 12 150 245 сельскохозяйственных предприятий всех типов. Далее, считая на круг 3 трудоспособных лица в рабочем возрасте на каждое из 3 300 000, мы приходим к заключению, что

[1] Протоколы заседания эк.-стат. секции Госплана от 24/VIII—24 г. и приложенные к нему тезисы и стенограмма доклада.

при улучшенной зерновой системе в них можно было бы производительно использовать 9 900 000 населения в рабочем возрасте. Между тем, переписью 1917 г. на той же территории в зарегистрированных в ней хозяйствах насчитано 34 987 411 трудоспособного рабочего населения, т. е. в 3,5 раза больше, и свыше 24 000 000 избыточного при проведении рациональной организации сельского хозяйства»[1].

Нет нужды пояснять, что рациональная организация сельского хозяйства, намеченная проф. Лубны-Герцыком, заключается в энергичной расчистке земли русской для целей и нужд капитала. Только clearing of estates (чистка имений, а в действительности чистка их от людей) в Англии в XVII—XVIII вв. может сравниться по широте размаха с проектами маститого профессора. Жуткая статистика Лубны-Герцыка, требующая изгнания 24 миллионов трудоспособных) разумеется, если прибавить семьи, цифра повысится в несколько раз) в угоду 3 миллионам сильных крестьянских хозяйств далеко оставляет за собой даже экспроприацию сельского населения английскими лордами. «Земля, раньше усеянная мелкими крестьянами, была населена в соответствии с количеством получаемого с нее продукта (совершенно та же логика, что и у Лубны-Герцыка,—*Е. С.*); при новой системе улучшенной культуры и увеличенной ренты стараются добыть возможно больше продукта с возможно меньшими издержками и ради этой цели удаляют все руки, ставшие бесполезными...». Так описывает Buehanan, английский буржуа, земледельческий переворот в Англии, и совершенно в том же духе, рабски копируя английские отношения, строит свои проекты «рациональной организации» проф. Лубны-Герцык в Госплане.

Кратко следует упомянуть о резолюции, принятой экономико-статистической секцией Госплана по докладу буржуазного профессора: «Считая в общем и целом (!) намеченный докладчиком метод учета избыточного труда в сельском хозяйстве достаточно разработанным, признать, что поставленная в этом направлении (?) работа при данном сроке (!) не может дать удовлетворительных результатов»... и т. д. Резолюция в комментариях не нуждается.

Все вопросы планирования труда, рассмотренные нами, сосредоточены в основном вокруг аграрного перенаселения. Буржуазные теории различного толка трактуют проблему избыточного труда, между тем аграрное перенаселение есть проблема избыточной рабочей силы в ее специфическом общественном содержании. Развитие капитализма в сельском хозяйстве означает вымывание среднего крестьянства и расщепление его на два полюса, на два антагонистических класса—пролетариат и буржуазию. Пролетаризированное крестьянство лишается средств производства и образует резерв рабочей силы, из которого капиталистическая идустрия черпает своих добавочных рабочих. Законы

[1] Ср. с рассуждениями *Литошенко*: «Развитие потребностей и ставка на сильное хозяйство—таковы основные черты политики, рассчитанной на увеличение производительности сельского труда».

резервной рабочей армии предполагают образование в деревне скрытой формы перенаселения, которая и носит обычно название аграрного перенаселения. В России формы аграрного перенаселения были осложнены переплетением феодально-крепостнических отношений и наличием докапиталистических укладов.

В планировании сельскохозяйственного труда аграрное перенаселение должно быть взято конкретно с учетом особой формы классового расслоения в советской деревне и процессов социалистической реконструкции сельского хозяйства. Вопросы аграрного перенаселения неразрывны с социальными сдвигами в деревне: соотношение секторов и соотношение классов—таковы основные вопросы, определяющие судьбы аграрного перенаселения. Путь бедноты в условиях советского хозяйства приобретает свои особенные черты: 1) бедняк может оторваться от земли и непосредственно влиться в ряды промышленного пролетариата, 2) для бедняка не исключена возможность подъема своего хозяйства и перевода его в середняцкое, 3) беднота объединяется в колхоз и организует свой труд на социалистической основе. Рост социалистической индустрии обеспечивает непрерывный абсолютный прирост пролетариата, но притяжение в индустрию, как бы оно ни было велико, не может разрешить аграрного перенаселения, если сельское хозяйство остается мелким, раздробленным, ежечасно, ежеминутно рождающим капитализм. Подъем беднотой своего индивидуального хозяйства встречает поддержку со стороны советского государства и кооперации, оказывающих различные льготы бедноте по линии налоговой, кредитов и т. д. Здесь находят свое выражение особенности классового расслоения советской деревни, отсутствие вымывания среднего крестьянства при общей подвижке крестьянства вверх. Но и этот путь не может разрешить проблемы аграрного перенаселения, потому что разрешение проблемы предполагает уничтожение корней капитализма в сельском хозяйстве, а эти корни будут выкорчеваны окончательно лишь с социалистической переделкой мелких индивидуальных хозяйств и объединением их в колхозы. Остается единственный путь—путь сплошной коллективизации сельского хозяйства. Конкретный анализ этих процессов в перспективном разрезе—такова задача охвата аграрного перенаселения плановым регулированием.

Не случайно, что чуждая идеология враждебного класса проникает в наши планы и пытается свернуть хозяйственное развитие на капиталистический путь. Борьба за план есть одна из форм классовой борьбы. Отказ от марксистской трактовки вопросов труда в планировании сельскохозяйственного труда сочетался с право-оппортунистической практикой органов НКТ. В госплановском балансе использования рабочей силы—мифические цифры миллионов безработных в сельском хозяйстве, в органах НКТ до недавнего времени—столь же фантастические данные о тысячах безработных в городах. На очереди новые проблемы планирования труда—плановое распределение рабочей силы и плановый ее перевод из сельского хозяйства в промышленность.

Только при полном разоружении от всех народнических и неонароднических воззрений в планировании труда плановые органы сумеют справиться с новыми задачами.

Вопреки буржуазным идеологам и их защитникам в лице правых и «левых» всех видов и разновидностей партия неуклонно проводит курс на решительную социалистическую перестройку советского хозяйства. Сплошная коллективизация и на ее основе ликвидации кулачества как класса опрокинули все расчеты на капиталистическую реставрацию СССР. Вместе с ними осуждены все попытки реставраторства буржуазно-народнической идеологии. Мелкие раздробленные крестьянские хозяйства и полупролетаризированная беднота объединяются в колхозы—крупные социалистические предприятия. Труд организуется по плану не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Избытки рабочей силы, которые конечно имеются в колхозах, планово переводятся в индустрию, но эти избытки рабочей силы не однозначны аграрному перенаселению. Между полупролетарием-бедняком, отправляющимся на заработки в город, и колхозником-отходником, идущим на завод по предварительной плановой заявке, разница велика. Труд перестраивается по-новому, и это новое заключается в социалистическом обобществлении сельскохозяйственного труда.

СОДЕРЖАНИЕ